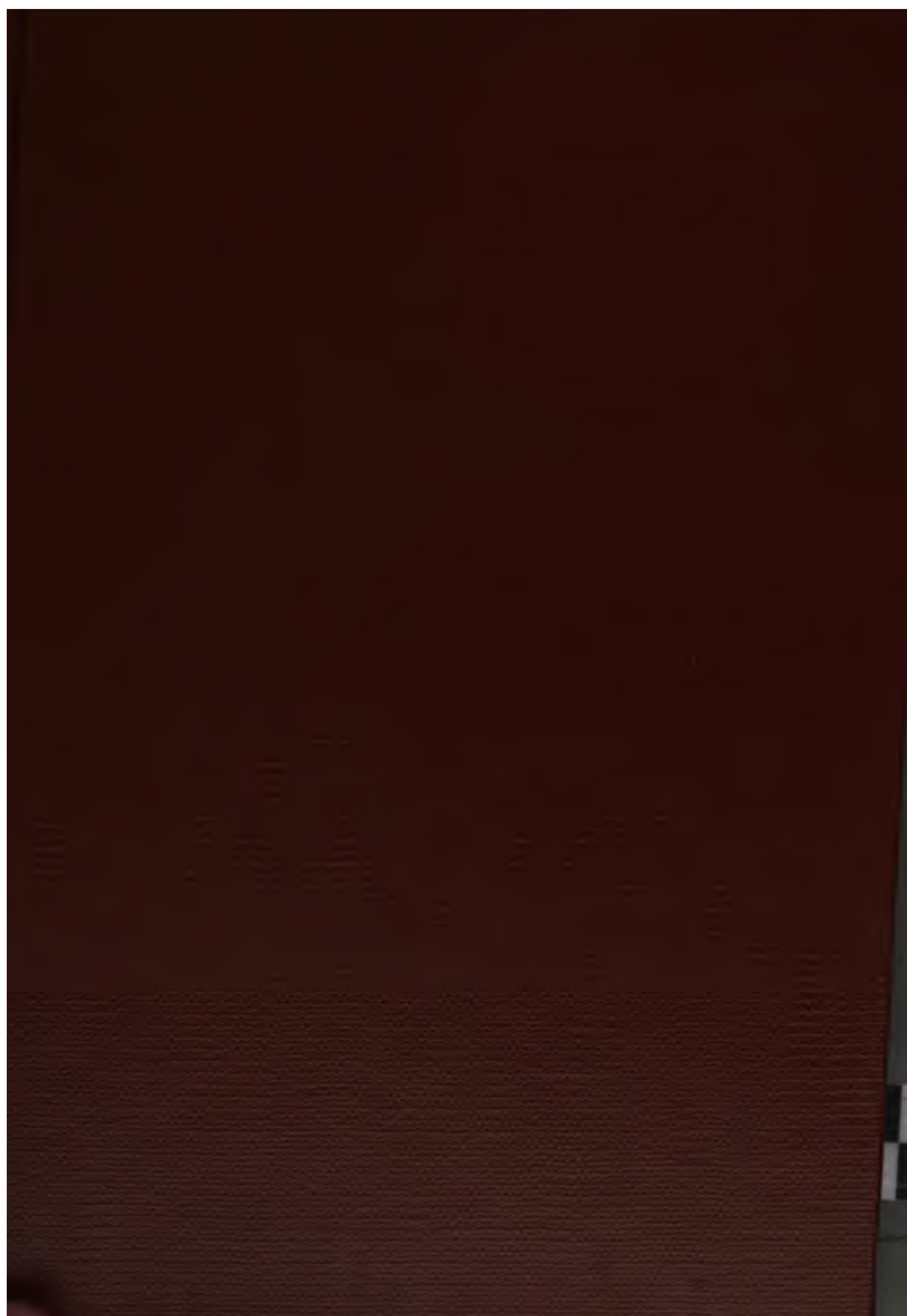

Рисунки 4
[illegible]

ФОТО-ГРАВЮРА ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И КО. МОСКВА

ВИДЪ ДРЕВНЯГО КАМЕННАГО ГОРОДА ВЪ СЕРПУХОВѢ ОТЪ НАРЫ НА СОХРАНИВШУЮСЯ ПОЛУБАШНЮ И МѢСТНОСТЬ ДРЕВНЯГО „СЕЛЬЦА“

ИСТОРІЯ СЕРПУХОВА.

Simson, P. F.

ИСТОРІЯ СЕРПУХОВА

ВЪ СВЯЗИ

СЪ СЕРПУХОВСКИМЪ КНЯЖЕСТВОМЪ

И ВООБЩЕ

СЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЮ ИСТОРІЕЮ.

СОЧИНЕНІЕ

П. СИМСОНА.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ,

СЪ ДВУМЯ ПЛАНАМИ, ЧЕТЫРЬМЯ ФОТО-ЛИТОГРАФІЯМИ И ПРИЛОЖЕНІЯМИ
ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛАХЪ.

МОСКВА.
Типографія Т. Рисъ, близъ Яузской части, домъ Медынцевой
1880.

ЦАРЮ-ОСВОБОДИТЕЛЮ,

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ,

ВЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТНЮЮ ГОДОВЩИНУ

НЕЗАБВЕННАГО ЦАРСТВОВАНІЯ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ сочиненія и объ источникахъ, коими я пользовался.

Какъ показываетъ самое заглавіе сочиненія: «Исторія Серпухова въ связи съ Серпуховскимъ княжествомъ и вообще съ Отечественною исторіею», оно представляетъ, по возможности, не обособленную мѣстную исторію, съ ея мелочными интересами, но въ связи съ общерусскою исторіею. По этому оно можетъ имѣть интересъ вообще для всякаго русскаго, кого только интересуютъ историческія сочиненія о нашей родной старинѣ.

Особенно подобнымъ характеромъ отличается первая часть, такъ какъ въ ней излагается преимущественно исторія политическая, именно: прослѣжена судьба древняго Серпуховскаго удѣльнаго княжества, затѣмъ выяснена степень участія Серпухова въ Отечественной исторіи и его значеніе до эпохи Петра В. когда на мѣсто старой Руси на сцену является новая Россія, съ новыми порядками, новыми условіями жизни и, наконецъ, съ новою, болѣе обширною, политическою программою.

Вторая часть: «Внутренняя исторія Серпухова» конечно должна представлять преимущественно мѣстный интересъ. Древній городъ, съ постепенно вошедшими въ него селеніями, съ его храмами, укрѣпленіями, урочищами и улицами, — все это безъ сомнѣнія мѣстная старина. Къ ней же надо отнести измѣненія

въ составѣ народонаселенія и все относящееся до его занятій; тутъ даже приведено не мало мелочныхъ свѣдѣній. Но изучая все это, нельзя не придти къ слѣдующему выводу: знакомясь съ тѣмъ, какъ жили серпуховичи, какъ возрасталъ ихъ городъ, мы знакомимся вмѣстѣ съ тѣмъ вообще съ древнимъ допетровскимъ великорусскимъ городомъ. Полагаю, дальнѣйшее слѣдствіе отсюда вытекаетъ тоже безъ натяжки: и вторая часть должна заключать извѣстную долю общаго интереса[1].

Позволяю себѣ поставить на видъ между прочими слѣдующіе вопросы, на которыхъ я болѣе, или менѣе, останавливался въ разныхъ мѣстахъ сочиненія:

а) въ первой части.

1. Время основанія Серпухова, при чемъ я пришелъ къ заключенію, что городъ существовалъ уже въ 1328 г.

2. Противъ кого онъ былъ сооруженъ? — Кажется, болѣе противъ рязанцевъ, владѣвшихъ на московской сторонѣ Оки многими мѣстами, чѣмъ противъ литовцевъ.

3. Колонизація береговъ Оки въ предѣлахъ Московскаго и Серпуховскаго княжествъ.

4. Значеніе Серпуховскихъ удѣльныхъ князей. Доказано, что Серпуховскіе князья были въ сущности Московскими князьями, только, конечно, младшими, сравнительно съ старшею линіею потомства Калиты, владѣвшею великимъ княженіемъ. Поэтому, вопреки мѣстнымъ преданіямъ, они жили не въ Серпуховѣ, а въ Москвѣ, гдѣ они владѣли третьимъ жребіемъ. Москва, съ ея станами и подгородними селами, была самою дорогою ихъ отчи-

[1] Исключеніе составляетъ начало IV главы, гдѣ на стр. 220—282 говорится о посадскихъ земляхъ въ „Окологородномъ стану“. Взыскательный читатель можетъ пропустить это мѣсто и приступить прямо къ чтенію съ стр. 282 объ отношеніяхъ посада къ сосѣднимъ монастырямъ: общая нить разсказа чрезъ это не нарушится.

нею, и только послѣ нея Серпуховъ считался первымъ мѣстомъ удѣла; но никакъ не былъ таковымъ Боровскъ, почему ни Андрей Іоанновичъ, ни сынъ его Владиміръ Андреевичъ не должны называться Боровскими князьями, какъ иногда неправильно они назывались въ старину и отчасти называются и въ настоящее время.

5. Противъ литовцевъ Серпухову, въ противность мѣстнымъ преданіямъ, не приходилось на самомъ дѣлѣ служить оплотомъ, такъ какъ они не доходили до него въ пріокскихъ мѣстахъ.

6. Зато Серпуховъ явился одною изъ важнѣйшихъ позицій на «Берегу»[1] и служилъ сторожевымъ пунктомъ сперва противъ татаръ Золотой орды, потомъ противъ крымцевъ, особенно съ половины XVI в., когда послѣдніе стали выходить къ Берегу не у Коломны, какъ бывало прежде, а черезъ Тулу выше къ Каширскимъ мѣстамъ, гдѣ у Сенькина перевоза было самое удобное мѣсто для переправы. Тогда Серпуховъ сдѣлался центральнымъ пунктомъ сторожевыхъ отрядовъ; почему уже въ 1556 г. онъ былъ сильно укрѣпленъ, именно: въ немъ былъ сооруженъ Каменный городъ.

7. Однако Каменный городъ ни разу не подвергался нападеніямъ со стороны крымцевъ, когда они прорывались за Оку. Они благоразумно обходили его и устремлялись прямо къ Москвѣ.

8. Въ XVII столѣтіи падаетъ значеніе Серпухова на Берегу, такъ какъ войска стали сторожить крымцевъ за Окою «въ Полѣ», у Тулы и въ другихъ мѣстахъ. Да и сами крымцы въ этомъ столѣтіи ни разу не дѣлали попытокъ обрушиться на Москву въ такихъ огромныхъ силахъ, какъ это они производили въ XVI в. вторая половина котораго особенно изобиловала ихъ набѣгами.

---

[1] на берегахъ Оки, какъ ихъ тогда называли.

б) во второй части.

1. Прослѣжено постепенное увеличеніе древняго Серпухова посредствомъ включенія въ посадъ сосѣднихъ слободъ и деревень, населеніе которыхъ стало отличаться торгово-промышленнымъ характеромъ.

2. Не задолго до построенія Каменнаго города, когда на Серпуховъ было обращено вниманіе, онъ является по Сотной князя Фуникова, писанной въ 1552 г. довольно бойкимъ торгово-промышленнымъ пунктомъ. Городъ, т. е. собственно посадъ, богатѣлъ именно вслѣдствіе важнаго своего положенія на Берегу.

3. Вторая половина XVI в. была эпохою наибольшаго процвѣтанія города. Смутное время привело его въ раззореніе, отъ котораго ему трудно было совсѣмъ поправиться, тѣмъ болѣе, что одновременно съ этимъ завершилась его историческая роль.

4. Населеніе города-посада со второй половины XVI в. приняло въ значительной степени военный характеръ, что впрочемъ не мѣшало ему по прежнему заниматься торговлею и промыслами, и къ концу XVII ст. не смотря на включеніе въ посадъ большаго и богатаго Мироносицкаго села (древняго Сельца), было не только не многочисленнѣе сравнительно съ 1552 г. но напротивъ даже меньше.

5. На основаніи Сотной Фуникова и другихъ актовъ представлена картина древняго Серпухова съ его урочищами. Замѣчательно, что въ памяти мѣстнаго населенія почти вовсе не сохранилось преданій о многочисленныхъ урочищахъ древняго города.

6. Разобраны отношенія посада къ сосѣднимъ подгороднимъ монастырямъ Высоцкому и Владычнему. Вслѣдствіе столкновенія взаимныхъ интересовъ, отношенія эти не всегда отличались дружелюбнымъ характеромъ, при чемъ посадъ большею [illegible] ляется терпѣвшею стороною.

Въ концѣ сочиненія помѣщены Приложенія въ двухъ отдѣлахъ.

Первый отдѣлъ представляетъ нѣкоторыя данныя для исторіи фамилій коренныхъ серпуховскихъ жителей. До сихъ поръ въ нашей исторической литературѣ не обращалось вниманія на фамиліи, ведущія свое начало отъ прежнихъ посадскихъ людей, между тѣмъ какъ дворянскіе роды болѣе, или менѣе, имѣютъ уже свою исторію. Впрочемъ это вполнѣ естественно: дворянство всегда было преимущественно служилымъ сословіемъ въ государствѣ, не только въ сферѣ военной службы, но и гражданской. Правда служили и посадскіе люди „всякіе государевы службы", но онѣ ложились на нихъ только однимъ тяжкимъ бременемъ, не доставляя никакого почетнаго положенія. Службы эти вращались единственно только вокругъ разныхъ сборовъ въ царскую казну, почему не рѣдко убытчили лицъ, которымъ доводилось ихъ отправлять. Безпристрастная исторія, воздавая должное дворянскимъ родамъ, не можетъ и не должна въ то же время оставлять безъ вниманія тѣ посадскіе роды, которые не одинъ вѣкъ служили „всякіе государевы службы", хотя бы эти службы и были, такъ сказать, черными, сравнительно со службою дворянства, занимавшаго всѣ правительственныя должности. Исходнымъ пунктомъ для опредѣленія сравнительной давности фамилій серпуховскихъ жителей взята Сотная 1552 г. Повидимому, замѣчаемыя въ средѣ дворянскихъ родовъ вымираніе и захудалость фамилій проявлялись еще съ большею силою среди посадскаго люда: по крайней мѣрѣ это вполнѣ справедливо относительно Серпухова, такъ какъ изъ многочисленныхъ фамилій временъ Іоанна Грознаго сохранилось въ настоящее время менѣе десятка. Болѣе посчастливилось фамиліямъ, включеннымъ въ посадъ въ XVII в.: онѣ не только уцѣлѣли до сихъ поръ, но многія изъ нихъ даже живутъ на тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ прадѣды двѣсти лѣтъ тому назадъ.

Во второмъ отдѣлѣ приложенiй напечатаны въ первый разъ нѣкоторые акты, бывшiе до сихъ поръ совершенно неизвѣстными, за исключенiемъ жалованныхъ грамотъ Троицкому протопопу съ братiею, переписанныхъ съ подлинниковъ еще при покойномъ протоiереѣ собора А. И. Левитскомъ, подъ его непосредственнымъ надзоромъ [1]. Грамоты эти были извѣстны ограниченному числу лицъ.

Изъ актовъ приложенiй безспорно самый замѣчательный — „Сотная Серпуховская с книгъ писма князя Василя Семеновича Фуникова с товарищы“ 1552 г. Подлинникъ, хранящiйся въ архивѣ Серпуховской Городской Управы, писанъ столбцомъ на довольно широкой бумагѣ, полууставнымъ почеркомъ, переходящимъ въ скоропись. Начало рукописи немного попорчено, да и вся она обветшала отъ времени, такъ что отъ не совсѣмъ осторожнаго обращенiя легко могла незамѣтно разрываться на мелкiе куски. Это обстоятельство вѣроятно отбивало всякую охоту познакомиться съ нею. Слыла она подъ именемъ „Описи лавокъ“, такъ какъ въ концѣ ея дѣйствительно перечисляются лавки въ Серпуховѣ. На этотъ цѣнный по своей старинѣ актъ не обращали никакого вниманiя и, перевязанный простою веревкою, онъ лежалъ какъ малозначащiй архивный документъ, вмѣстѣ съ другими рукописными свитками, повидимому обреченный на съѣденiе мышами, уже причинившими ему кое-какiя поврежденiя. Когда эта „Опись лавокъ“ попалась мнѣ въ руки, и я узналъ въ ней Сотную 1552 г. я постарался по возможности не только тщательно списать ее, но и сохранить рукопись, что мнѣ легко удалось исполнить: по счастiю на оборотѣ свитка нигдѣ не было

---

[1] Съ этой переписки онѣ и напечатаны.—Протоiерей А. И. Левитскiй; одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, былъ большой любитель старины, до преклонныхъ лѣтъ не разставался съ серiознымъ чтенiемъ и пользовался въ городѣ особеннымъ влiянiемъ и всеобщимъ уваженiемъ. — Собору 15 iюня 1880 г. 500-лѣтiе со времени его первоначальнаго основанiя.

сдѣлано никакихъ надписаній, почему стоило только наклеить рукопись на коленкоръ на скалкѣ, — и она уже была спасена отъ разрушенія. Напечатана она съ точнымъ сохраненіемъ правописанія, за исключеніемъ только замѣны въ собственныхъ именахъ І буквою И, употребленія одного ф вмѣсто ѳ и выноски нѣкоторыхъ слоговъ изъ-подъ титла (впрочемъ словъ съ титлами въ Сотной очень не много).

Источниками для сочиненія служили, помимо печатныхъ актовъ и общеизвѣстныхъ историческихъ трудовъ, многіе рукописные документы преимущественно архива Серпуховской Городской Управы[1], затѣмъ ризницъ Троицкаго собора и Владычняго монастыря[2]; наконецъ я пользовался нѣкоторыми рукописями Архива Министерства Юстиціи. Въ примѣчаніяхъ нигдѣ не упущены мною указанія на источники.

Я имѣлъ въ виду разнообразныхъ читателей, почему старался придать изложенію общедоступный популярный характеръ, не нарушая въ то же время требованій исторической науки.

---

[1] Такъ тамъ мною были найдены, помимо Сотной 1552 года:

а) Списокъ съ Земляныхъ книгъ 1620 г. о Серпуховской посадской землѣ.

б) Списокъ съ Серпуховскихъ книгъ новоприписнымъ тяглецамъ 1649—1652 гг.

в) Списокъ съ Серпуховскихъ строельныхъ книгъ стройщика Алексѣя Игнатьева 1649 г.

г) Выпись съ Серпуховскихъ переписныхъ книгъ переписи Григорья Сунбулова и подъячаго Андрея Юрьева 1678 г.

д) Выпись съ списковъ съ Писцовыхъ и межевыхъ Серпуховскихъ книгъ письма и мѣры и межеванья Петра Замыцкаго и подъячаго Михаила Аѳанасьева, 1685 и 1686 гг.

е) Значительное количество свитковъ съ разными документами XVII в.

Замѣчательно, что ни одинъ изъ вышеозначенныхъ документовъ по земельному владѣнію не находится въ Архивѣ Министерства Юстиціи, ни въ подлинникѣ, ни въ копіи.

[2] Въ Серпуховскихъ городскихъ церквахъ, равно какъ въ Высоцкомъ монастырѣ, не сохранилось никакихъ старинныхъ памятниковъ, пригодныхъ для я одного синодика.

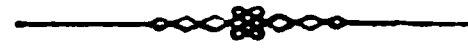
Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить глубочайшую благодарность всему Серпуховскому Городскому Обществу за щедрую субсидію, выданную мнѣ на изданіе сочиненія. Сверхъ сего не могу не поблагодарить особо многоуважаемаго градскаго голову И. Н. Чернова за то участіе, которое имъ было оказано къ моему труду, и за обязательное предоставленіе въ мое распоряженіе архива Городской Управы; также благодарю всѣхъ лицъ, доставившихъ мнѣ какія бы то ни было полезныя свѣдѣнія.

П. Симсонъ.

Серпуховъ.
Январь 1880 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

СЕРПУХОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

и

УЧАСТІЕ СЕРПУХОВА ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ.

ГЛАВА I.

Древнѣйшая исторія мѣстности, окружающей Серпуховъ, и первыя о немъ свѣдѣнія.

Малонаселенна и пустынна была страна между Протвою, Лопасною и Окою въ то время, когда возникало Русское Государство. Впрочемъ подобный характеръ она удерживала долгое время. На Днѣпрѣ, въ Великомъ-Новгородѣ и другихъ мѣстахъ Русь давно уже дала знать о себѣ сосѣдямъ, воевала, мирилась и распространяла свое могущество. То была эпоха богатырской удали, когда легко добывалась и терялась слава среди подчасъ безплодныхъ подвиговъ. Долго суждено было Руси выдерживать всякія невзгоды, пока наконецъ среди тѣхъ же невзгодъ не положены были начала прочной государственной власти въ центрѣ страны въ Москвѣ — этомъ не только сердцѣ, но — да позволено будетъ такъ выразиться — и головѣ Россіи: ибо не мало требовалось ума, подчасъ просто холоднаго разсудка, чтобы собрать въ одно цѣлое разрозненныя русскія земли и дать возможность возникнуть русскому царству или другими словами создать народное единство. Работа кропотливая, не то что подвиги первыхъ русскихъ князей-витязей.

Такъ берега Оки, ближайшіе къ Москвѣ, долго были какъ бы нетронутымъ угломъ матушки Россіи. Однакожъ они рано или поздно должны были привлечь на себя вниманіе уже по одному тому, что лежали въ центрѣ ея; пренебречь тоже такою рѣкою, какъ Ока, нельзя было ни въ какомъ случаѣ: по ней удобно можно было доплыть до странъ приволжскихъ, гдѣ на среднемъ и нижнемъ теченіи Волги жили торговые народы, а товары возили изъ Азіи — и все диковинные для нашихъ предковъ

Но не совсѣмъ безлюдны были берега Оки. Въ эпоху образованія первыхъ началъ Русскаго государства въ IX вѣкѣ, отъ Протвы до Москвы рѣки по Окѣ, по обоимъ ея берегамъ, равно какъ и далѣе внизъ по ея теченію, жили угрюмые Финны, оставившіе по себѣ навсегда память въ названіяхъ рѣкъ и рѣчекъ, каковы Нара, на которой впослѣдствіи былъ основанъ Серпуховъ, Рѣчьма, Каширка, текущія параллельно съ первою рѣкою въ Оку, да и сама Москва тоже финское, не русское слово [1]. На югозападъ отъ Нары между Протвою и Угрою жилъ другой народъ Литовскаго происхожденія, еще болѣе дикій и чуждавшійся сосѣдей Голядь или Голяды, потомъ вытѣсненный славянами. За то потомъ другіе Литовцы долго оспаривали берега Оки у русскихъ князей, прочно усѣвшихся въ приокскихъ странахъ. Обыкновенно считали Финновъ первыми поселенцами въ этихъ мѣстахъ; однакожъ болѣе обстоятельныя изслѣдованія новѣйшихъ ученыхъ показываютъ, что въ многочисленныхъ курганахъ временъ доисторическихъ Московской губерніи схоронены поколѣнія другаго народа не финскаго происхожденія [2], конечно жившаго ранѣе Финновъ. Уже въ IX в. къ этимъ мѣстамъ съ юга по Окѣ шла колонизація изъ земли славянскаго племени Вятичей, одного изъ самыхъ грубыхъ и дикихъ, по словамъ лѣтописца Нестора. Какъ шла эта колонизація, мы незнаемъ за недостаткомъ лѣтописныхъ извѣстій. Одно несомнѣнно — это распространеніе съ юга по Окѣ славянскаго заселенія изъ Черниговской области, въ которую вошло славянское племя Вятичей [3], такъ что подъ 1176 г. городъ Лопасна называется въ лѣтописи волостью князя Олега Черниговскаго [4], впослѣдствіи она была уже погранична съ волостями Суздальскаго княжества [5], откуда выселенія къ Окѣ происходили безъ сомнѣнія какъ колонизація изъ Великаго Новгорода и старинныхъ городовъ Ростова и Суздаля [6]. Въ связи съ двумя противоположными дви-

[1] Значитъ „мутная вода“.

[2] Мнѣніе академика К. М. Бера, раздѣляемое А. Богдановымъ. См. его Матеріалы для антропологіи курганнаго періода въ Москов. губ. М. 1867, стр. 173—176

[3] Рус. Истор. К. Бестужева-Рюмина. I, 149, 156.

[4] Лѣт. по Ипатьев. списку. Изд. Арх. Ком. стр. 406. „Олегъ възвратися во свою волость Лопасну“.

[5] Соловьева, т. I. изд. 3. М. 1874, стр. 52.

[6] [illegible] Е. [illegible] Изд. 2. стр. 9.

женіями къ берегамъ Оки: съ юга изъ Черниговскаго княжества и съ сѣвера изъ Суздальскаго, стоитъ если не борьба за обладаніе ими между вѣтвями линіи Ольговичей и Мономаховичей (князьями Рязанскими и Московскими), то по крайней мѣрѣ соперничество въ дѣлѣ колонизаціи этихъ мѣстъ, при чемъ дѣло кончилось побѣдою Московскихъ князей, отвоевавшихъ себѣ городъ Коломну въ началѣ XIV в. и соорудившихъ въ концѣ того же столѣтія крѣпость Серпуховъ на второмъ важномъ пунктѣ по Окѣ, откуда удобно было сторожить „за старыми рязанскими мѣстами" на Московской сторонѣ рѣки.

Климатъ въ прежнія времена въ описываемыхъ мѣстахъ, какъ и всюду въ Европѣ и особенно на Руси, былъ гораздо суровѣе, чѣмъ теперь. Дремучіе лѣса росли себѣ въ волю, вдоволь питая болота, рѣки и ручьи; земледѣліемъ до колонизаціи не занимались, за то въ полномъ ходу должно было быть звѣроловство. Дикіе звѣри: лоси, медвѣди, бобры, выдры были весьма обыкновенны. До сихъ поръ въ Серпуховскомъ уѣздѣ существуютъ названія въ родѣ: Бобровка, Лисинки, Выдра, Барсуковка и др.[1]. Рѣки и рѣчки были гораздо многоводнѣе, и бобровый промыселъ до XVI в. былъ довольно значителенъ. Подлѣ Серпухова, какъ и въ другихъ мѣстахъ, водились бобры, какъ видно изъ названія „Боброва лужа" у бора Высоцкаго монастыря, упоминаемаго въ „земляныхъ" (межевыхъ) серпуховскихъ книгахъ 1620 г.[2]; въ самомъ городѣ особою слободою жили оброчные бобровники, промышлявшіе звѣря[3]. Обиліе лѣсовъ и луговъ способствовало также развитію пчеловодства. Не даромъ еще при Грозномъ Серпуховъ платилъ въ царскую казну дань однимъ медомъ[4]. Въ періодъ времени до XIV в. когда впервые появляется въ исторіи имя Серпухова, не было особенно замѣчательныхъ событій въ мѣстахъ близкихъ съ будущимъ городомъ. Правда по нимъ не разъ двигались рати удѣльныхъ князей по направленію изъ-за Оки къ „залѣзскимъ" городамъ (Москвѣ и др.) и обратно, или съ запада изъ Смоленскаго княжества на востокъ; но для страны княжескія междоусобія не

[1] Спис. насел. мѣстъ Моск. губ.
[2] Рукоп. хранится въ архивѣ Серпух. Город. Управы.
[3] Сотная князя Фуникова 1552. Рук. хран. тамъ-же.
[4] Сотная Фуникова.

могли имѣть особаго значенія. Въ 1238 г. по ней прошли, возвращаясь изъ похода на Сѣверовосточную Русь, страшные Татары, и настала эпоха ига. Воинственные Литовцы по временамъ предпринимали хищническіе набѣги до южныхъ предѣловъ нынѣшняго Серпуховскаго уѣзда. Такъ въ 1248 году на берегахъ Протвы палъ въ битвѣ съ Литвою братъ Александра Невскаго Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ, князь Московскій [1]. Колонизація края, занятаго прежде, какъ мы видѣли, финскими племенами, шла между тѣмъ своимъ чередомъ; на особенно важныхъ пунктахъ строились города, таковы были: Москва (1147 г.), въ землѣ Суздальской, Коломна въ землѣ Рязанской, уже въ 1177 году значительный городъ [2], Лопасна, Черниговская волость, упоминаемая въ лѣтописи, какъ мы видѣли, подъ 1176 г. [3]. Звенигородъ, современный Москвѣ, Свирѣльскъ, упоминаемый въ 1297 г. [4], Верея, Боровскъ и Оболенскъ въ землѣ Голяди на Протвѣ и др. Изъ этихъ городовъ конечно самымъ важнымъ была Москва — зародышъ будущаго величія Россіи. Сперва Суздальскіе князья бывали въ ней только наѣздомъ: такъ незначителенъ былъ еще новый городокъ; впрочемъ они отличали его отъ другихъ, благодаря красивому его мѣстоположенію. Только младшій сынъ Александра Невскаго Даніилъ поселился въ немъ на постоянное жительство (умеръ въ 1303), и, начиная съ него, идетъ рядъ настоящихъ Московскихъ князей — первыхъ собирателей Русской земли. Вообще сѣверные (Суздальскіе) князья, какъ жившіе въ странахъ довольно суровыхъ, гдѣ безъ труда ничего не сдѣлаешь, были отличными хозяевами и ловкими дѣльцами. Ничего они не предпринимали, не осмотрѣвшись прежде хорошенько; они совершенно вѣрно полагали, что торопиться не къ чему, желанное не уйдетъ изъ рукъ, слѣдуетъ только не упускать удобной минуты. Да отпустится же имъ, во имя блестяще исполненнаго ими великаго дѣла собиранія Русской земли, то, что подчасъ ужъ слишкомъ они не брезгали всевозможными средствами для достиженія своей цѣли.

---

[1] П. С. Р. Л. XV, 395.

[2] Лѣт. по Лавр. списку, изд. Арх. Ком. 1872 г. стр. 363 и слѣд.

[3] Лѣт. по Ипатьев. списку стр. 406.

[4] По Арцыбашеву (Повѣств. о Россіи т. I, 2101) село въ 90 верстахъ отъ Москвы къ Серпухову. Въ спискѣ насел. м. Москов. губ. его нѣтъ).

Московское княжество быстро дало почувствовать свою силу соседнимъ княжествамъ, такъ старшій сынъ Даніила Юрій не задумался, нарушая обычаи старины, тягаться въ ордѣ съ своимъ дядею Михаиломъ Ярославичемъ, могущественнымъ Тверскимъ княземъ, за великое княженіе Владимірское, т. е. за старшинство во всей Сѣверовосточной Руси, куда все болѣе и болѣе приливала жизнь съ юга [1]. Послѣдній съ своимъ нѣкогда славнымъ Кіевскимъ столомъ обратился въ опасную Украину, вслѣдствіе нападенія восточныхъ кочевниковъ; къ тому же сѣверные князья выказали къ нему пренебреженіе: они стали трудиться надъ созданіемъ государства на болѣе покойномъ и безопасномъ сѣверѣ [2]. Какъ извѣстно, Юрій Даниловичъ добился таки своего послѣ мученической кончины въ ордѣ князя Михаила Ярославича. Важенъ первый шагъ: послѣдующіе Московскіе князья незахотятъ отстать отъ своего родича, получившаго первенство, не ударятъ лицомъ въ грязь: они и смѣтливы и въ мѣру предпріимчивы и богаты деньгами вслѣдствіе умѣнія вести свои домашнія дѣла. Князь Юрій раздвинулъ предѣлы своего небольшаго княжества до Оки, отнявши у Рязанцевъ городъ Коломну (въ 1308 г.), важный по своему положенію, при впаденіи Москвы въ Оку. Безъ сомнѣнія онъ не ограничился одною Коломною, а занялъ нѣсколько другихъ пунктовъ вверхъ по Окѣ, что было удобно по крайней малонаселенности въ то время тѣхъ мѣстъ и выгодно для наблюденія за непріязненною Рязанью, у которой было много владѣній за Окою на Московской сторонѣ. Полагаемъ, къ этому времени относится первое занятіе мѣстности, на которой возникъ Серпуховъ, упоминаемый уже въ 1328 г. Важное значеніе этого пункта въ послѣдующей исторіи оправдываетъ подобное предположеніе. Въ связи съ этимъ движеніемъ вверхъ по Окѣ мы встрѣчаемъ въ

---

[1] Какъ значителенъ былъ приливъ съ юга, можно судить по тому напр., что въ 1332 г. ко двору Московскаго князя прибылъ изъ Кіева знатный бояринъ Родіонъ Несторовичъ съ сыномъ и со своимъ дворомъ, состоявшимъ изъ 1700 человѣкъ Кар. IV, прим. 324.

[2] Внимательное изученіе нашей исторіи показываетъ съ очевидною наглядностью, что въ Кіевскомъ Приднѣпровьѣ ни за что не могло бы создаться Русское государство: его уничтожили бы и Литовцы и кочевники (особенно Крымскіе татары, если бы оно продержалось до нихъ).

числѣ владѣній Калиты уже въ 1328 г. Перемышль на Окѣ, южнѣе Калуги.

Послѣ смерти Юрія Московскія земли нераздѣльно наслѣдовалъ единственный оставшійся въ живыхъ изъ его братьевъ Іоаннъ Даниловичъ, прозванный Калитою, что значитъ „мѣшокъ для денегъ“ — безъ сомнѣнія намекъ на его значительныя средства, собранныя бережливостью и отчасти отъ дозволенія, даннаго ханомъ, самому Іоанну собирать татарскую дань и отвозить ее въ Орду, что было далеко не безвыгодно для Московскаго князя. Въ 1328 году, послѣ непродолжительнаго спора съ Тверскимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ, Калита получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе Владимірское. Тогда замѣчаетъ лѣтописецъ: „бысть [1] тишина велика во всей Русской землѣ на 40 лѣтъ, и престаша Татарове воевати Русскую землю“ [2] — такъ сказалась среди народа оцѣнка княженія, принесшаго съ собою миръ и облегченіе отъ лихой татарщины.

Съ именемъ Калиты связано первое упоминаніе въ исторіи о Серпуховѣ.

Отправляясь въ 1328 году въ Золотую Орду и не зная, приведетъ-ли Богъ еще вернуться оттуда живымъ (примѣровъ гибели тамъ русскихъ князей было не мало), Калита написалъ первую свою духовную, „душевную грамоту“, въ которой, оставивши Москву въ общемъ владѣніи, раздѣлилъ свои земли, по обычаю тогдашнихъ князей, между тремя своими сыновьями и женою. Двое старшихъ сыновей Симеонъ и Іоаннъ получили болѣе видные города и селенія, какъ-то: Симеонъ — Можайскъ, Коломну со всѣми ея волостями, Іоаннъ — Звенигородъ, Рузу, тотъ и другой сверхъ сего множество селъ. Младшаго сына Андрея Калита такъ благословилъ: „А се далъ есмь сыну своему Андрѣю: Лопастну, Сѣверьску, Нарунижьское, Серпоховъ, Нивну, Темну, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Растовецъ, Тухачевъ; а се села: село Талежьское, село Серпоховьское, село Колбасиньское, село Нарьское, село Перемышльское, село Битяговьское, село Труфоновьское, село Ясиновьское, село Коломниньское, село Ногатиньское“ [3].

---

[1] Т. е. было.

[2] Никон. лѣт. III. 141 стр.

[3] Собраніе Госуд. Грам. и Договоровъ I. № 21.

тель; постепенно въ нее приходили изъ разныхъ мѣстъ набожные люди, искавшіе спасенія. Одинъ изъ нихъ Никонъ, отправившись на богомолье въ Троицу, такъ полюбился Сергію, что тотъ благословилъ его послѣ себя въ тамошніе настоятели [1]. Съ теченіемъ времени Владиміръ Андреевичъ соорудилъ въ монастырѣ каменные соборъ и теплую церковь съ трапезою, что по тому времени было рѣдкостью. Конечно въ это же время долженъ былъ князь соорудить и для себя приличныя палаты. Но нигдѣ не удалось намъ отыскать какихъ либо указаній на этотъ счетъ. Можно только съ вѣроятностью предположить, что они были въ срубленномъ городѣ, подобно тому какъ терема Московскихъ князей находились въ кремлѣ.

Вскорѣ послѣ основанія Высоцкаго монастыря Владиміръ Андреевичъ опять долженъ былъ надѣвать доспѣхи и вести свою рать на службу своему брату. Тверской князь Михаилъ Александровичъ сложилъ къ нему крестное цѣлованіе и шелъ войною. Литва, гдѣ онъ побывалъ передъ этимъ, обѣщала ему помощь; крамольникъ Иванъ Вельяминовъ, сынъ послѣдняго Московскаго тысяцкаго, перваго вельможи, вмѣстѣ съ богатымъ купцомъ Некоматомъ Сурожаниномъ бѣжалъ изъ Москвы въ Тверь „со многою лжею и лстивыми словесы на христіанскую пагубу“, по выраженію лѣтописца [2], затѣмъ съ порученіемъ отъ Михаила Александровича отправился въ Орду, откуда Некоматъ вывезъ Тверскому князю ярлыкъ на великое княженіе Владимірское. Борьба должна была быть рѣшительною, но, конечно, ужъ послѣднею и кончиться чьею-либо окончательною побѣдою. Подъ знамена Дмитрія Іоанновича быстро собирались и собственные его полки и полки удѣльныхъ, ему „подручныхъ“ князей. Такъ по сосѣдству съ удѣломъ Владиміра Андреевича пошли на подмогу князья Семенъ Константиновичъ Оболенскій и братъ его Иванъ Константиновичъ, князь Таруській [3]. На этотъ разъ Тверской князь навсегда проигралъ свое дѣло: ни Литва, ни татары не оказали ему по-

---

[1] Тамъ-же стр. 7. Этотъ Никонъ между прочимъ былъ духовнымъ отцомъ Владиміра Андреевича, какъ видно изъ его духовной.

[2] П. С. Р. Л. VIII, 22.

[3] Тамъ-же стр., 22.

„село Серпоховьское“ [1]. Нѣтъ сомнѣнія, что помимо села „Серпоховьскаго“ было тогда какое-то другое селеніе, носившее названіе „Серпохова“. Такъ какъ оно не названо селомъ, естественно считать его укрѣпленіемъ, городомъ, которые тогда ставились въ занимаемыхъ мѣстностяхъ и считались важнѣе селъ, почему Серпоховъ стоитъ раньше съ другими городами, потомъ уже идутъ села. Однако еще въ недавнее время, въ виду празднованія въ Серпуховѣ 500 лѣтія города въ 1874 году, была небольшая полемика между двумя видными историками на счетъ времени основанія города [2]. Поводомъ къ разногласію служитъ слѣдующее лѣтописное извѣстіе подъ 1374 г. въ княженіе Дмитрія Іоанновича Донскаго: „Князь Володимеръ Андрѣевичь заложи градъ Серпоховъ въ своей отчинѣ, и повелѣ въ единомъ дубу срубити, его; жииущимъ же ту человѣкомъ и приходящимъ отъинуды ту жити хотящимъ, подасть многу волю и лготу; намѣстничество же приказа въ градѣ томъ Якову Юріевичю Новосилцю, околничему своему“ [3]. Великій исторіографъ Карамзинъ первый допустилъ неточность въ вопросѣ о построеніи Серпухова. Такъ, оканчивая описаніе княженія Іоанна Калиты, онъ говоритъ про его завѣщаніе: „Сія древнѣйшая изъ подлинныхъ духовныхъ грамотъ княжескихъ, намъ извѣстныхъ, свидѣтельствуетъ, какіе города принадлежали тогда къ Московской области“ и затѣмъ, при перечисленіи, помѣщаетъ Серпуховъ въ числѣ городовъ на ряду съ Москвою, Коломною и др. [4]. Въ концѣ же главы о Дмитріи Іоанновичѣ Донскомъ читаемъ у него: „Въ княженіе Донскаго были основаны города Курмышъ и Серпуховъ.... вторый (въ 1374 году) князомъ Владиміромъ Андреевичемъ, который.... оградилъ его дубовыми стѣнами“ [5]. На слѣдующей страницѣ, говоря объ основаніи Высоцкаго монастыря въ 1374 году, онъ называетъ Серпуховъ новымъ городомъ [6]. На самомъ же дѣлѣ въ 1374 году, Серпуховъ былъ только укрѣпленъ дубовыми стѣнами, все равно

[1] Сказано тождественно въ обоихъ завѣщаніяхъ.

[2] Въ Моск. Вѣдом. того года.

[3] П. С. Р. Л. VIII. (Продол. лѣт. по Воскресенскому списку, рукоп. XVI вѣка) стр. 21.

[4] Исторія Госуд. Рос. IV, 249 (по Смирд. изд. 1852 г.).

[5] Кар. V, 110.

[6] Тамъ же стр. 111.

какъ подобнымъ же образомъ была укрѣплена нѣсколько ранѣе самая Москва, именно въ 1339 г., при чемъ въ лѣтописяхъ говорится такъ, что съ перваго взгляда тоже могло бы показаться, что дѣло идетъ объ основанiи города, если бы мы не знали изъ другихъ мѣстъ лѣтописи, что Москва существовала уже въ 1147 году, именно, читаемъ: „Того же лѣта (1399) заложенъ градъ Москва дубовъ, при князѣ Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ“. Далѣе: „тоя же зимы (1339 г.).... заложенъ бысть градъ Москва, да и срубленъ бысть тое же зимы“ [1]. О существованiи города Серпухова раньше 1374 г. указываетъ также рукопись: „О зачатiи Владычня монастыря“, что подлѣ Серпухова. Въ рукописи сказано, что монастырь былъ основанъ въ 1360 г. „въ предѣлѣ града Серпухова“ [2].

Наши предки любили строить города и села на мѣстахъ, представлявшихъ извѣстныя удобства. Нравились имъ мѣста не на виду, а нѣсколько закрытыя, впрочемъ тѣмъ не менѣе удобныя для наблюденiй за окрестностью. Нынѣшнiй городъ Серпуховъ занимаетъ мѣсто древняго селенiя, со включенiемъ нѣсколькихъ сосѣднихъ поселковъ, и затѣмъ распространяется по направленiю къ вокзалу. Большая часть города, какъ и въ древности, такъ и теперь лежитъ по лѣвую сторону рѣки Нары, текущей въ довольно глубокой долинѣ. Верстахъ въ двухъ отъ города [3] она вливается въ Оку, но долго какъ бы не можетъ найти сѐбѣ пути и много кружитъ въ лугахъ. Съ лѣвой стороны въ Нару впадаетъ рѣчка-ручей Серпейка, серпообразно обтекающая курганъ [4], на которомъ находился каменный городъ; выше по Нарѣ другой ручей нѣкогда впадалъ тоже въ нее отчасти параллельно Серпейкѣ; теперь онъ представляетъ глубокiй, сухой оврагъ. Въ древности слылъ онъ подъ именемъ Мѣшалки. Изъ того обстоятельства, что

---

[1] П. С. Р. Л. VII. 205.

[2] Исторiя опис. Серпух. Влад. Монастыря М. 1866 г. стр. 115.

[3] Въ Больш. черт. Москов. госуд. сказано, что „Серпуховъ стоитъ отъ Оки рѣки съ версту“ и что „Нара рѣка пала въ Оку ниже Серпухова съ версту“ (стр. 7) но если взять и четырехъ-аршинную сажень, какъ часто мѣрили въ старину, все будетъ больше.

[4] Подъ такимъ наименованiемъ крѣпостная гора, на которой въ настоящее время находится соборъ, встрѣчается въ рукописныхъ актахъ XVII в. Спис. стр. кн. Ал. Игнатьева л. 42 въ арх. Серп. Гор. Упр.

въ упомянутой уже сотной Фуникова 1552 г. городомъ (тогда онъ продолжалъ еще быть деревяннымъ, а не каменнымъ), названо именно мѣсто, гдѣ курганъ, при чемъ онъ былъ уже отрѣзанъ выемкою отъ Ильинской горы, пространство же отъ кургана до Мѣшалки обозначено посадомъ, несомнѣнно слѣдуетъ, что древній городъ былъ именно на курганѣ и, вѣроятно, въ 1374 г. послѣдній отдѣлили выемкою отъ Ильинской горы и сдѣлали вокругъ него крутую осыпь, отчего онъ обратился въ сильную крѣпость.

Положеніе древняго города на высокомъ курганномъ мысу Ильинской горы было чрезвычайно удобно и выгодно для сторожевыхъ цѣлей. У подошвы холма, обращеннаго на западъ течетъ глубокая Нара. Прекрасный ручей съ чистою водою бѣжалъ въ глубокомъ, довольно широкомъ оврагѣ у подошвы холма по восточной и отчасти южной сторонѣ: это — Серпейка, загрязненная къ сожалѣнію въ настоящее время. Курганъ господствовалъ на далекое пространство по теченію Нары. Внизъ по ней по лѣвому берегу широкая равнина, влажная отъ многочисленныхъ родниковъ и прудовъ, тянется до другаго высокаго холма, красиво ее обрамляющаго: то Высокое, гдѣ въ 1374 г. былъ основанъ извѣстный Высоцкій монастырь, названный по мѣсту. Видъ съ того холма еще обширнѣе, но тамъ нѣтъ такого ручья, какъ Серпейка, и то мѣсто болѣе открыто. Мѣсто кургана можно сравнить съ древнимъ Московскимъ Кремлемъ, тоже лежащимъ на высокомъ холмѣ на берегу Москвы рѣки; въ древности его тоже омывала съ другой стороны рѣчка Неглинная. И тамъ для крѣпости не были избраны Воробьевы горы — болѣе высокій и видный пунктъ по теченію рѣки Москвы по близости города. Село Серпуховское повидимому лежало на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ сперва посадъ, потомъ деревянный городъ — острогъ, т. е. на возвышенной площадкѣ Ильинской горы до Мѣшалки. Эта мѣстность — подлѣ крѣпости, куда можно спастись, въ случаѣ опасности, тутъ же и Нара и ручей Серпейка, бѣгущій у восточнаго ската холма. Въ древнія времена деревни и села лежали очень часто подлѣ самыхъ городовъ. Незначительность населенности послѣднихъ и вообще всей земли, представляла удобства для земледѣльческой жизни, какъ самихъ пріютившихся у городовъ селъ и

ревень, такъ и части посадскихъ людей, кто не занимался какимъ-либо промысломъ. Если промыслы начинали сильно развиваться, дѣлаясь источникомъ доходовъ, то села и деревни приписывали къ городамъ, получавшимъ такимъ образомъ естественное увеличеніе. Такъ по торгамъ и промысламъ впослѣдствіи въ 1649 г. было приписано къ Серпухову село Мироносицкое, называвшееся прежде „Сельцомъ", дворы котораго почти сходились съ посадскими. Замѣчательно, что послѣ 1328 г. нигдѣ ни разу не упоминается о селѣ Серпуховскомъ. Мы полагаемъ — оттого, что оно обратилось въ посадъ, т. е. въ торговопромышленную часть города. Обратимся еще разъ къ приведенному уже мѣсту лѣтописи подъ 1374 г. Въ немъ говорится про Серпуховъ: Князь Владиміръ Андреевичъ „живущимъ... ту человѣкомъ и приходящимъ отъинуды, ту жити хотящимъ, подасть многу волю и лготу". Здѣсь вопервыхъ сказано о томъ, что въ 1374 г. въ Серпуховѣ были жители помимо воиновъ, что и должно было быть, и во вторыхъ о льготахъ, какъ для жившихъ, такъ и для новыхъ поселенцевъ, которые были нужны князю для приданія бóльшаго значенія — главному городу своего удѣла. Серпуховское село легко такимъ образомъ могло путемъ развитія промысловъ обратиться въ посадъ и утратить особое именованіе. Гдѣ могло быть древнее село Нарское, тоже впослѣдствіи не встрѣчающееся? Изъ того обстоятельства, что часть города Серпухова, лежащая за Нарою, была значительно заселена уже въ 1552 [1], такъ что существующія въ настоящее время четыре тамошнія церкви были уже и тогда, не позволительно-ли предполагать, что означенное село лежало за Нарою, вдоль по теченію рѣки противъ Серпуховскаго села и именно тамъ, гдѣ впослѣдствіи былъ Богоявленскій конецъ, т. е. мѣстность у церкви Богоявленія, владѣющей и теперь большою земельною собственностью. Названіе свое Серпуховъ, конечно, получилъ отъ рѣчки Серпейки. Нѣкоторые думаютъ, что оно происходитъ отъ наименованія одного красильнаго растенія Серпухи [2], прежде въ большомъ количествѣ росшаго по берегамъ Серпейки. Но древнѣй-

---

[1] Сотн. Фуник.

[2] Serratula tinctoria — серпъ, серпуха котръ (по Далю) язычникъ, пыльная трава. Другой видъ serratula coronata до сихъ поръ попадается въ окрестностяхъ Серпухова.

шее названіе города было никакъ не Серпуховъ, а Серпоховъ [1]. Рѣчка Серпейка, какъ уже было замѣчено, у кургана течетъ въ видѣ серпа, отъ котораго, безъ сомнѣнія, она и получила названіе. Другая рѣчка Серпейка находится въ Калужской губерніи, на ней лежитъ тоже старинный, но не столь древній, какъ Серпуховъ, заштатный городъ Серпейскъ, упоминаемый въ лѣтописяхъ съ начала XV в. Въ Тамбовской губерніи одинъ изъ притоковъ рѣки Цны называется Серпомъ, на немъ селеніе Серповое [2]. Только ради куріоза можно упомянуть объ объясненіи нѣкоторыхъ слова Серпуховъ отъ торговли сѣрымъ пухомъ [3].

ГЛАВА II.

Серпуховскіе князья Андрей Іоанновичъ и Владиміръ Андреевичъ.

Первымъ Серпуховскимъ княземъ, какъ мы видѣли, былъ млад шій сынъ Калиты, князь Андрей Іоанновичъ. Удѣлъ его состоялъ изъ 23 селеній, т. е. городовъ и селъ, помимо тянувшихъ къ нимъ деревень. Городами, т. е. огороженными валомъ или тыномъ поселками, были: „Лопастна, Сѣверьска, Нарунижьское, Серпоховъ, Нивна, Темна, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Растовецъ, Тухачевъ“, селами: „Талежьское, Серпоховьское, Колбасиньское, Нарьское, Перемышльское, Битяговьское, Труфоновьское, Ясиновьское, Коломниньское, Ногатиньское, Варварьское и Мѣловьское“ послѣднія два у Юрьева Польскаго (Владимірской губерніи) [4]. Бо́льшая часть этихъ селеній, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ селъ и Перемышля съ Перемышльскимъ селомъ, находились въ Серпуховскомъ и Подольскомъ уѣздахъ нынѣшней Московской губерніи и немногія въ Московскомъ. Отдаленнымъ и уединен-

---

[1] Такъ онъ названъ въ обоихъ духовныхъ Калиты и во многихъ другихъ актахъ. Серпуховомъ городъ сталъ называться преимущественно со второй половины XVI в.

[2] Геогр. словарь Рос. Им. П. Семенова IV 579.

[3] Говорится въ ст. Краткая записка объ уѣзд. гор. Серпуховѣ, напечатанной въ одномъ изъ нумеровъ Моск. губерн. Вѣдомостей 40-хъ годовъ.

[4] Духов. Іоанна Калиты. Собраніе Госуд. Грам. и Догов. I № 21 и 2

счастіе: такъ всѣ думали въ то время. Дѣйствительно вскорѣ случилась большая бѣда: новое татарское нашествіе и притомъ въ расплохъ. Воцарившійся въ Золотой ордѣ на мѣсто погибшаго Мамая его побѣдитель Тохтамышъ не довольствовался подарками, посланными ему Русскими князьями: онъ хотѣлъ привести ихъ въ прежнюю покорность, какъ было въ первое время ига, и поддержать страхъ татарскаго могущества, поэтому, скрывши всѣ приготовленія къ походу, внезапно повелъ орды на Русь лѣтомъ 1382 г. Олегъ Ивановичъ Рязанскій и тутъ думалъ покорностью спасти свое княжество отъ раззоренія. Лѣтописецъ говоритъ: онъ обвелъ татарскаго царя „около своея отчины" и указалъ ему броды на Окѣ[1]. Конечно ужасная вѣсть о нашествіи не замедлила распространиться всюду; но собрать ратниковъ не было времени: предъ татарами все бѣжало. Повидимому подъ Серпуховомъ переправился Тохтамышъ чрезъ Оку: мѣстъ тутъ не мало удобныхъ, есть и броды и берега довольно пологи. Владиміръ Андреевичъ съ своимъ семействомъ оставилъ Москву. Мать и жену съ сыномъ онъ отправилъ въ Торжокъ, самъ же сталъ собирать рать въ Волокѣ (нынѣ Волоколамскъ, Моск. губ.). Дремучіе лѣса по сосѣдству доставили убѣжище Серпуховичамъ, но вѣрно не мало погибло тѣхъ кто неуспѣлъ спастись. Самъ городъ былъ сожженъ татарами, причемъ должны были сгорѣть и всѣ храмы, въ томъ числѣ и соборъ, недавно построенный. Подгородніе монастыри и Владычній и Высоцкій, надо полагать, остались цѣлы, хотя вѣрно дѣло не обошлось безъ грабежа. На сохраненіе Высоцкаго монастыря указываетъ то обстоятельство, что осенью того же года въ немъ останавливался на пути въ Кіевъ митрополитъ Московскій Кипріанъ, причемъ игуменъ Аѳанасій вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ тоже въ Кіевъ[2].

Заревомъ пожаровъ сопровождался дальнѣйшій набѣгъ Тохтамыша на Москву, тоже покинутую Дмитріемъ и его семействомъ. Извѣстна гибельная участь столицы, взятой татарами обманомъ. 26 августа къ вечеру отъ богатаго по тогдашнему времени города остались только одни жалкіе остатки. Все было выжжено и

---

[1] П. С. Р. Л. VI, 99, VIII, 44 и др.

[2] Преп. Аѳанасій Высоцкій, С. Смирнова стр. 9. Замѣтимъ также вѣротерпимость татаръ, вообще щадившихъ духовныхъ лицъ.

раженію договоровъ того времени, было враждебно дробленію земель на удѣлы, которые если продолжали существовать, то единственно вслѣдствіе стародавняго обычая. Хорошо если „Господинъ“ не держитъ „нелюбья“ на „молодшую братью“, въ противномъ случаѣ онъ дастъ почувствовать свое господство. Симеонъ жилъ въ мирѣ съ братьями, благодаря ихъ податливости; послѣдніе за то дѣйствовали съ своими ратями за одно противъ его враговъ, такъ они помогли ему утвердить свое вліяніе въ Новгородѣ-Великомъ и собрать тамъ „черный боръ“; ходили также съ нимъ и противъ Смолнянъ. Впрочемъ значительныхъ войнъ не приходилось вести Симеону, и народъ какъ въ его княжествѣ, такъ и въ удѣлахъ младшихъ братьевъ пользовался спокойствіемъ. Не то было вокругъ: всюду въ сосѣднихъ княжествахъ шли усобицы, вслѣдствіе старинныхъ счетовъ. Порою татарскіе отряды дѣлали разбойническіе набѣги, такъ въ 1347 г. они разграбили городъ Алексинъ, куплю митрополита Московскаго Петра. Но особенно сильныя потрясенія испытывали русскія области, пограничныя съ Московскимъ княжествомъ на западѣ: ихъ сильно тѣснило недавно образовавшееся, но уже могучее Литовское государство. Здѣсь не мѣсто распространяться о послѣднемъ. Замѣтимъ только, что дикій, до крайности бѣдный литовскій народъ, жившій по Нѣману, сначала принужденъ былъ отстаивать свою самостоятельность отъ пришельцевъ Нѣмцевъ, утвердившихся по берегамъ Балтійскаго моря, потомъ среди борьбы, благодаря объединенію, онъ на столько сдѣлался сильнымъ, что сталъ опасенъ для сосѣдей. Предпріимчивые, воинственные его князья начали сильно тѣснить сосѣднія русскія области. Такъ во времена Симеона вся Юго-западная Русь была уже въ ихъ власти, вмѣстѣ съ древнимъ стольнымъ городомъ Кіевомъ. Литовскимъ княземъ былъ тогда Ольгердъ (1345—1377 г.) Похожій на Московскихъ князей осторожностью и обдуманностью въ дѣйствіяхъ, до крайности коварный и хитрый, онъ былъ опаснымъ врагомъ Симеона. Положеніе Московскаго княжества было въ то время однимъ изъ самыхъ тревожныхъ и многотрудныхъ. Съ одной стороны то и дѣло приходится отбиваться отъ неугомонныхъ литовцевъ, страшныхъ и могуществомъ и удачею, которую они до сихъ поръ имѣли во время завоеванія Югозападной Руси; съ другой—грозитъ

на Новгородцевъ сталъ держать Димитрій за то, что ужъ слишкомъ молодечествовали по Волгѣ ихъ ушкуйники, брали съ бою такіе города какъ Кострому и Нижній, бились на славу съ „бусурманами", но также грабили до чиста гостей русскихъ, т. е. купцовъ; сверхъ сего не поладили Новгородцы съ великокняжескими боярами, пріѣзжавшими въ 1385 г. сбирать черный боръ съ ихъ волостей. Серпуховичи съ боровскою ратью примкнули къ многочисленному ополченію, которое велъ самъ Дмитрій. Но до кровопролитія дѣло не дошло: Новгородъ умолилъ великаго князя сложить нелюбье и откупился 8000 рублей.

1387 и 1388 гг. прошли для обоихъ братьевъ и ихъ княжествъ безъ особыхъ приключеній. Эти годы съ слѣдующимъ для Дмитрія Іоанновича были послѣдними въ его столь многотрудной жизни. Спокойно онъ могъ „утереть потъ съ своего лица", какъ говоритъ старинная лѣтопись про одного изъ подобныхъ ему князей тружениковъ. Одно конечно должно было смущать и тревожить князя: это ненавистный ордынскій выходъ, сдѣлавшійся снова слишкомъ тяжкимъ. Теперь только на единаго Бога онъ возлагалъ надежду избавленія: „Оже пы Богъ избавитъ, ослободитъ отъ орды" [1]. Умудрился горемъ и бѣдою куликовскій герой и въ ближайшемъ будущемъ не чаялъ удачи отъ оружія, если бы оно поднялось противъ поработителей, развѣ, „Богъ перемѣнитъ Орду" [2].

Безъ сомнѣнія съ особеннымъ интересомъ должны были слѣдить князья братья за событіями въ сосѣднемъ съ ихъ удѣлами Смоленскомъ княжествѣ. Въ 1386 году тамошній князь Святославъ Ивановичъ съ двумя сыновьями и племянникомъ задумалъ воспользоваться неурядицами въ сильномъ Литовскомъ государствѣ и воротить отъ Литвы волости, прежде принадлежавшіе къ Смоленску. Попытка его была однако неудачна. Самъ Святославъ Ивановичъ погибъ послѣ проигранной Ольгердовичамъ битвы. Литовцы изъ своихъ рукъ, замѣчаетъ лѣтописецъ [3], посадили одного изъ сыновей Святослава на княженіе въ Смоленскѣ, другаго же увели къ себѣ въ Литву. Не безъ смущенія также приняли всѣ въ 1387 г.

---

[1] Соб. Госуд. гр. и дог. I, № 33, договоръ 1388 г. съ Влад. Андр.
[2] Соб. Госуд. гр. и дог. I, № 34. Духов. Дмитр. Іоан.
[3] П. С. Р. Л. VIII, 52 и др.

Кроткій, милостивый Іоаннъ II, послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ братьевъ-сыновей Калиты, наслѣдовалъ Московское княжество при обстоятельствахъ, все болѣе и болѣе ухудшавшихся. Суздальскій князь Константинъ Васильевичъ, человѣкъ рѣшительнаго характера, ищетъ въ Ордѣ великое княженіе Владимірское, не обращая вниманія ни на отчину, ни на дѣдину; его поддерживаютъ Новгородцы. Надо будетъ съ нимъ тягаться. Рязанцы, очевидно, настроены враждебно, а съ запада все идутъ дурныя вѣсти, гроза приближается все ближе и ближе. Ольгердъ добивается своего: онъ сильно тѣснитъ Тверское, Смоленское и Черниговo-Сѣверское княжества. Нѣтъ въ семьѣ у молодаго князя никого, откуда могла бы придти помощь. Но о ней, какъ-бы предвидя будущее, позаботился умиравшій отецъ, лишь-бы только сынъ слѣдовалъ его совѣту. Въ духовной онъ прямо указалъ Іоанну на митрополита Алексѣя и старыхъ бояръ. Дѣйствительно совмѣстными силами они помогли Іоанну во всѣхъ затрудненіяхъ. Онъ получилъ изъ Орды ярлыкъ на великое княженіе. Ольгердъ же, къ счастію, былъ задержанъ въ движеніи на востокъ борьбою съ тевтонскимъ орденомъ. Съ Рязанцами тоже удалось управиться Іоанну. Какъ видно изъ его духовныхъ грамотъ [1], ему достались отъ нихъ многія ихъ мѣста по лѣвую сторону Оки.

Послѣ кратковременнаго княженія Іоаннъ умеръ въ 1359 г. 33-хъ лѣтъ отъ роду. Послѣ него осталось двое малолѣтнихъ сыновей Дмитрій и Іоаннъ. Чрезъ шесть лѣтъ старшій изъ сыновей Дмитрій, послѣ смерти младшаго брата, соединилъ въ своихъ рукахъ два старшіе Московскіе удѣла, вмѣстѣ съ прикупами своего дѣда Калиты (Галичемъ, Бѣлымъ озеромъ и Угличемъ). Но не легко ему было получить великое княженіе. Однако Московскіе бояре, не желая снизойти на низшую ступень, въ случаѣ неполученія ихъ княземъ великаго княженія, взяли послѣднее съ бою, такъ какъ въ Ордѣ, куда отправился малютка Дмитрій нельзя было добиться толку вслѣдствіе замѣшательствъ. Они посадили на коней всѣхъ трехъ малолѣтнихъ князей Дмитрія, Іоанна и Владиміра Андреевича Серпуховскаго и принудили Суздальскаго князя Дмитрія Константиновича отказаться отъ старшинства. Ве-

[1] Соб. Госуд. гр. и дог. I. № 25 и 26.

ликій столъ Владимірскій былъ добытъ для Дмитрія Іоанновича (въ 1362 г.). Что касается до удѣла Владиміра Андреевича „братанича“ великаго князя Іоанна Іоанновича то по духовному завѣщанію послѣдняго онъ нѣсколько увеличился, именно: Іоаннъ отказалъ ему изъ Рязанскихъ мѣстъ (на лѣвой сторонѣ Оки) „въ Лопастны мѣста, новый городокъ на усть Поротли“ (Протвы) [1]. Кромѣ того, по смерти вдовы Іоанна Калиты, княгини Ульяны, Владиміръ Андреевичъ долженъ былъ получить четвертую часть ея волостей [2].

Въ скоромъ времени (въ 1364 г.) черная смерть опять посѣтила Московское и сосѣднія княжества и унесла въ могилу множество народу и многихъ князей, въ томъ числѣ роднаго брата Дмитрія Іоанновича Іоанна. Въ Московскомъ княжествѣ въ живыхъ остались опять только двое князей: великій князь Дмитрій и Серпуховской Владиміръ Андреевичъ. Судьба того и другаго равно замѣчательна. Оба они добыли себѣ равную славу на Куликовомъ полѣ и прозваніе Донскаго, Владиміра Андреевича сверхъ сего еще величаютъ храбрымъ. Имена ихъ всюду стоятъ рядомъ, вездѣ дѣла и дума сообща, хотя Серпуховской князь держалъ, по договору, подъ Дмитріемъ „княженье Великое честно и грозно“ [3]. Владиміръ Андреевичъ вѣрно служилъ Дмитрію и еще вѣрнѣе своему отечеству. Конечно, тѣсная дружба связывала братьевъ, проведшихъ вмѣстѣ дѣтство и отрочество подъ благотворнымъ вліяніемъ Московскаго святителя Алексѣя. Но дружбѣ этой легко было порваться вслѣдствіе политическихъ соображеній. Дмитрій былъ довольно взыскателенъ и требователенъ относительно своего „молодшаго брата“, котораго тотчасъ, по добытіи великаго стола, онъ въ значительной степени подчинилъ себѣ докончальною грамотою [4]. По ней Владиміръ Андреевичъ долженъ былъ Дмитрія „имѣти въ отца мѣсто“. По видимому взаимная оборона противъ враговъ, общее „докончаніе“ [5] должны были быть выгодны для того и другаго, но выраженіе договора „держати подо мною княженье мое Великое честно и грозно“ говоритъ для кого было все

[1] Собран. Госуд. гр. и дог. I, № 25. 26.

[2] Тамъ же.

[3] Соб. Гос. гр. и дог. I. № 27. стр. 44.

[4] Вышеприведенная грамота № 27, 1362 г.

[5] Заключеніе договора или мира.

это особенно выгодно. Для Владиміра Андреевича по отношенію къ Дмитрію указывается пассивная роль, служба „безъ ослушанья по згадцѣ“ (по договору), тогда великій князь будетъ „кормити по службѣ“. Съ боярами Владиміра Андреевича Дмитрій церемонится еще менѣе. Онъ выговариваетъ себѣ право въ военное время на службѣ за ослушаніе казнить ихъ смертію. По договорной грамотѣ 1371 г. [1] Владиміръ Андреевичъ долженъ былъ обязаться за себя и своихъ дѣтей не искать никогда великаго княженія; въ случаѣ же смерти Дмитрія считать его старшаго сына, своего племянника, старшимъ братомъ, вопреки прежнимъ обычаямъ. Владиміръ Андреевичъ долженъ мириться съ своимъ положеніемъ или вступить въ распрю. Онъ избралъ первое и тѣмъ, конечно, пріобрѣлъ болѣе славы, чѣмъ если бы затѣялъ непосильную борьбу съ все болѣе и болѣе устанавливавшимся въ Москвѣ государственнымъ началомъ, враждебнымъ духу удѣловъ. За то Владиміру Андреевичу предоставлялся отъ брата полный просторъ для благотворной дѣятельности въ смыслѣ его помощника и друга. Тутъ-то и добылъ онъ себѣ много ничѣмъ незапятнанной чести. Главнѣйшіе интересы этой эпохи, если смотрѣть съ точки зрѣнія Московскихъ князей, были сосредоточены на отношеніяхъ къ сосѣднимъ русскимъ княжествамъ, затѣмъ къ Великому Новгороду, который не желательно было упустить изъ зависимости отъ Москвы, и къ иноплеменнымъ народамъ — Литвѣ и Татарамъ. Какъ ни переплетались всѣ эти интересы, Владиміра Андреевича мы видимъ всюду, гдѣ только грозитъ опасность. Рѣдко онъ у себя въ удѣлѣ, все болѣе въ Москвѣ [2], либо исполняетъ порученія своего брата за рубежемъ княжества. У обоихъ князей, равно молодыхъ, предпріимчивыхъ, чуть не каждый день видящихся другъ съ другомъ, если только кто-ни-

---

[1] Соб. Госуд. грам. и дог. I, № 29.

[2] Какъ на доказательство того, что резиденціею Владиміра Андреевича была Москва, можно привести слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи: „Того же лѣта (1389) князю Великому Василію бысть розмиріе съ княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ, и поиде князь Володимеръ съ сыномъ своимъ, княземъ Иваномъ и съ бояры старѣйшими въ свой градъ Серпоховъ“ (П. С. Р. Л. VIII. 60) Ясно, что Владиміръ Андреевичъ не просто уѣхалъ въ Серпуховъ, а покинулъ свое постоянное мѣстопребываніе. Въ 1380 г. изъ Москвы, а не изъ Серпухова повелъ онъ свою рать противъ Татаръ.

будь не въ отлучкѣ, одна дума: какъ бы удобнѣе устроиться на случай войны. Кругомъ враги, того и гляди будетъ столкновеніе, брань, начать ее они и сами не прочь, если предвидится выгода или влечетъ сердце ради высшихъ побужденій. Такъ, на всякій случай, на общей думѣ они замыслили и сильно укрѣпили въ 1366 и 67 гг. Московскій кремль, поставили „городъ Москву каменъ“ [1]. Укрѣпленіе не замедлило въ скоромъ времени отслужить свою службу: въ 1368 году пришлось отсиживаться въ немъ обоимъ братьямъ отъ грознаго Ольгерда, котораго они особенно должны были имѣть въ виду. Онъ породнился съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, женившись на его сестрѣ Юліаніи. Тверскаго же князя Дмитрій хотѣлъ подчинить своей власти, обратить въ младшаго князя, чтобы и онъ служилъ ему „безъ хитрости“, помогалъ всѣмъ противъ враговъ и тѣмъ усиливалъ его могущество. Тверской князь, конечно, искалъ помощи у зятя и нашелъ ее, ибо у послѣдняго было сильное желаніе покорить московскаго князя и присоединить его земли. Впрочемъ Дмитрій Іоанновичъ довольно смѣлъ, самъ дѣлаетъ вызовъ: въ 1368 г. онъ посылаетъ Владиміра Андреевича отобрать у Литовцевъ Ржеву, что тотъ и исполняетъ съ успѣхомъ. Однако на этотъ разъ волости братьевъ дорого поплатились за временный успѣхъ. Жестоко обиженный въ Москвѣ Тверской князь „поущалъ“, по выраженію лѣтописи, своего зятя итти ратью къ Москвѣ. Уже Ольгердъ былъ на рубежѣ Московскихъ владѣній, когда Дмитрій узналъ только объ опасности. Онъ спѣшно послалъ „въ заставу“ сторожевой полкъ изъ Москвичей, Коломенцевъ и Дмитровцевъ, подъ начальствомъ своего воеводы Дмитрія Минина и воеводы Владиміра Андреевича Акинѳа Ѳедоровича Шубы. Они не могли сдержать напиравшаго врага. Часть Ольгердовой рати прошла не далеко отъ Серпуховскихъ предѣловъ, взяла между прочимъ Оболенскъ, близъ устья Протвы, и умертвила тамошняго князя Константина Юрьевича, одного изъ удѣльныхъ князей прежняго Черниговскаго княжества. Московскіе воеводы сложили свои головы въ неравной битвѣ на берегахъ рѣки Тросны [2], и

[1] П. С. Р. Л. VIII. 14.
[2] Въ Рузск. уѣздѣ Московск. губ.

Верея, Боровскъ", сама „Лопастна", уѣздъ Мьстиславль, Жадѣне[1] городище, Жадемль, Дубокъ[2], Бродничь"[3], „Талица, Выползовъ[4], Такасовъ"[5]. Когда они были захвачены Рязанцами у Черниговскихъ князей неизвѣстно, однакожъ съ вѣроятностью можно предположить, что захватъ этотъ произошелъ вскорѣ послѣ Татарскаго погрома при Батыѣ, когда Черниговское княжество было сильно ослаблено[6]. Послѣ неудачной войны (въ 1371 г.) по видимому Рязанцами была потеряна большая часть ихъ мѣстъ за Окою (т. е. на лѣвомъ берегу), такъ что за ними остались только: „Почень, Лопастна, уѣздъ Мстиславль, Жадѣне-городище, Жадемль, Дубокъ, Бродничь съ мѣсты". По крайней мѣрѣ эти мѣста значатся за Рязанью въ договорной грамотѣ Великаго князя Рязанскаго Олега Ивановича съ Дмитріемъ Іоанновичемъ[7]. Всѣ они лежали, по всему вѣроятію, около селенія и рѣки Лопасни. Конечно объ опредѣленныхъ границахъ въ тѣ времена не могло быть рѣчи Послѣднія нерѣдко опредѣлялись образными, но тѣмъ не менѣе слишкомъ общими терминами, въ родѣ: „угодьи, куды изъ села и деревень и соха и коса и топоръ ходили"[8]. Удѣлъ Владиміра Андреевича, который безъ сомнѣнія принималъ дѣятельное участіе въ Рязанской войнѣ, увеличился при этомъ Лужею и Боровскомъ. Особенно былъ важенъ послѣдній городъ, такъ какъ онъ былъ значительно укрѣпленъ. Прямо въ лѣтописяхъ нѣтъ указаній на присоединеніе къ Серпуховскому удѣлу двухъ вышеупомянутыхъ городовъ, за то въ послѣдней договорной грамотѣ Дмитрія Іоан-

---

насий и теперь есть еще село Почники на В. отъ села Лопасны, въ 10 верстахъ. Спис. нас. м. Моск. губ. стр. 217.

[1] и [2] Тамъ же въ Моск. уѣздѣ въ писц. книгахъ XVII ст. Жадинова пустошь (стр. 107) и Дубокъ тоже пустошь (стр. 106). Въ спискахъ Моск. губ. нѣтъ такихъ селеній.

[3] и [4] Тамъ-же, тоже въ Московск. уѣздѣ въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ упоминается Бродово сельцо (стр. 95) и деревня и двѣ пустоши, носящія названіе Выползово, одно въ 1 верстѣ, другое въ 15 в. отъ Подольска.

[5] Въ писц. кн. Моск. уѣзда XVII в. значится 10 селеній съ наименованіемъ Тарасова (стр. 131), тамъ же въ писц. книгахъ Серпух. уѣзда 1627—29 гг. упоминаются тоже три селенія съ именемъ Тарасово (стр. 292). Въ списк. насел. мѣстъ Моск. губ. тоже есть Тарасово, а не Такасово, у Подольска № 4554 стр. 176. Не слѣдуетъ-ли въ догов. грам. Олега Ивановича читать Тарасовъ вмѣсто Такасовъ?

[6] Исторія Россіи. С. Соловьева. IV, 156 (изд. 4-ое).

[7] Собр. Госуд. Грам. и догов. I. № 32.

[8] П. Иванова, стр. 1.

новича съ Владиміромъ Андреевичемъ [1] сказано: „Ты (Влад. Андр.) мнѣ (Великому князю) челомъ добилъ отцомъ моимъ Алексѣемъ митрополитомъ всея Руси, и язъ тобе пожаловалъ, далъ ти есмъ Лужу и Боровскъ". Митрополитъ Алексѣй былъ на митрополіи съ 1354—1378 г., значитъ пожалованіе произошло не позднѣе 1378 г. или что всего вѣроятнѣе по заключеніи мира съ Рязанцами. Серпуховской удѣлъ, нельзя сказать, чтобы занималъ безопасное упроченное положеніе. Онъ съ одной стороны слишкомъ былъ открытъ для Литовцевъ, которые если не подвергали его до сихъ поръ чувствительнымъ раззореніямъ, то только по тому, что устремляли все свое вниманіе на Москву, въ послѣдній же разъ были удержаны Московскою ратью у Любутска; съ другой стороны можно было опасаться воинственныхъ Рязанцевъ: того и гляди они пойдутъ добывать свои старыя мѣста. Надо было позаботиться объ укрѣпленіи удѣла: выборъ Владиміра Андреевича остановился на Серпоховѣ (такъ тогда называлось это селеніе).

Съ 1328 г., когда въ первый разъ мы встрѣтили имя Серпоховъ, въ окрестности города произошла нѣкоторая перемѣна. Въ верстѣ отъ него съ югозападной стороны на живописномъ правомъ берегу Нары, среди дремучаго бора возникла обитель. Это было въ 1360 году. Святитель Алексѣй, по указанію свыше, послалъ своего любимаго келейника Варлаама въ предѣлы „града Серпухова", какъ повѣствуетъ лѣтопись [2], избрать мѣсто для обители, посвященной имени Богоматери. Затѣмъ и самъ онъ прибылъ въ Серпуховъ и благословилъ основаніе монастыря. Въ 1362 году уже была кончена каменная церковь трудами перваго строителя Варлаама [3]. Такъ возникъ извѣстный Владычній монастырь, въ честь Введенія Богородицы во храмъ. Правда дремучій боръ скрывалъ его отъ города, но сооруженіе его не могло не произвести большаго впечатлѣнія на всю окрестность. Уже самый пріѣздъ святителя Алексѣя самъ по себѣ былъ знаменателенъ. Святаго мужа всюду сопровождала молва объ его подвигахъ. Конечно, всякій, кто жилъ поближе, спѣшилъ помолиться въ новой обители. Быть можетъ воз-

---

[1] Соб. Госуд. гр. и дог. I. № 33.

[2] О зачатіи Владычня монастыря, напеч. въ Истор. опис. этого мон. стр. 115.

[3] Ист. опис. Серпух. Влад. мон. стр. 2.

никновеніе ея привлекло особое вниманіе Владиміра Андреевича на Серпуховъ. Какъ бы то ни было онъ рѣшилъ упрѣпить и болѣе застроить это мѣсто своего удѣла. Въ 1374 г., какъ мы видѣли, онъ повелѣлъ „въ единомъ дубу срубити" городъ, „живущимъ же ту человѣкомъ и приходящимъ отъинуды, ту жити хотящимъ, подасть многу волю и льоту". Намѣстникомъ въ городѣ онъ сдѣлалъ одного изъ своихъ приближенныхъ лицъ окольничаго Якова Юрьевича Новосильца. По обычаю русскихъ князей набожный Владиміръ Андреевичъ пожелалъ соорудить подлѣ Серпухова особую свою обитель, помимо Владычняго монастыря. Въ его отчинѣ Радонежѣ, доставшемся ему отъ бабки Ульяны [1], въ это время уже былъ выстроенъ скромный монастырь во имя св. Троицы святымъ мужемъ Сергіемъ, подобно святителю Алексѣю, много потрудившимся и на свое спасеніе и на благо Россіи. Такія величавыя въ своей простотѣ лица, какъ св. Алексѣй, Сергій и многочисленные ученики послѣдняго были драгоцѣннымъ достояніемъ той эпохи, когда только въ вѣрѣ и подвигахъ благочестія находилъ русскій человѣкъ подкрѣпленіе въ своихъ силахъ, сливалъ и отождествлялъ свою народность съ православіемъ въ борьбѣ, ежеминутно ему грозившей либо съ иновѣрными Литовцами, либо съ еще худшею народностью — Татарами. Владиміръ Андреевичъ пригласилъ къ себѣ въ Серпуховъ св. Сергія съ его ученикомъ Аѳанасіемъ „подвижникомъ и трудникомъ" [2], котораго хотѣлось ему оставить въ новой обители. Пѣшкомъ пришли въ Серпуховъ троицкій игуменъ и его „подвижникъ и трудникъ" и, конечно, были съ радостью встрѣчены и княземъ и всѣмъ народомъ. Вскорѣ было избрано для обители мѣсто на высокомъ холмѣ, обрамляющемъ полукругомъ съ одной стороны рѣку Нару, по лѣвому ея берегу, недалеко отъ Владычняго монастыря, лежащаго за Нарою ближе къ Окѣ. Холмъ этотъ, какъ мы видѣли, извѣстенъ былъ подъ названіемъ Высокое, отсюда и монастырь сталъ называться Высоцкимъ. Посвященъ онъ былъ тоже Богоматери, именно Ея зачатію. Со слезами простился Аѳанасій съ дорогимъ своимъ учителемъ и остался устроивать оби-

[1] Жены его дѣда Калиты.

[2] Препод. Аѳанасій Высоцкій. С. Смирнова. М. 1874. стр. 5.

тель; постепенно въ нее приходили изъ разныхъ мѣстъ набожные люди, искавшіе спасенія. Одинъ изъ нихъ Никонъ, отправившись на богомолье въ Троицу, такъ полюбился Сергію, что тотъ благословилъ его послѣ себя въ тамошніе настоятели [1]. Съ теченіемъ времени Владиміръ Андреевичъ соорудилъ въ монастырѣ каменные соборъ и теплую церковь съ трапезою, что по тому времени было рѣдкостью. Конечно въ это же время долженъ былъ князь соорудить и для себя приличныя палаты. Но нигдѣ не удалось намъ отыскать какихъ либо указаній на этотъ счетъ. Можно только съ вѣроятностью предположить, что они были въ срубленномъ городѣ, подобно тому какъ терема Московскихъ князей находились въ кремлѣ.

Вскорѣ послѣ основанія Высоцкаго монастыря Владиміръ Андреевичъ опять долженъ былъ надѣвать доспѣхи и вести свою рать на службу своему брату. Тверской князь Михаилъ Александровичъ сложилъ къ нему крестное цѣлованіе и шелъ войною. Литва, гдѣ онъ побывалъ передъ этимъ, обѣщала ему помощь; крамольникъ Иванъ Вельяминовъ, сынъ послѣдняго Московскаго тысяцкаго, перваго вельможи, вмѣстѣ съ богатымъ купцомъ Некоматомъ Сурожаниномъ бѣжалъ изъ Москвы въ Тверь „со многою лжею и лстивыми словесы на христіанскую пагубу", по выраженію лѣтописца [2], затѣмъ съ порученіемъ отъ Михаила Александровича отправился въ Орду, откуда Некоматъ вывезъ Тверскому князю ярлыкъ на великое княженіе Владимірское. Борьба должна была быть рѣшительною, но, конечно, ужъ послѣднею и кончиться чьею-либо окончательною побѣдою. Подъ знамена Дмитрія Іоанновича быстро собирались и собственные его полки и полки удѣльныхъ, ему „подручныхъ" князей. Такъ по сосѣдству съ удѣломъ Владиміра Андреевича пошли на подмогу князья Семенъ Константиновичъ Оболенскій и братъ его Иванъ Константиновичъ, князь Таруссій [3]. На этотъ разъ Тверской князь навсегда проигралъ свое дѣло: ни Литва, ни татары не оказали ему по-

---

[1] Тамъ-же стр. 7. Этотъ Никонъ между прочимъ былъ духовнымъ отцомъ Владиміра Андреевича, какъ видно изъ его духовной.

[2] П. С. Р. Л. VIII, 22.

[3] Тамъ-же стр., 22.

мощи. Осажденный въ Твери, онъ отказался искать великое княженіе, которое Дмитрій Іоанновичъ называетъ въ договорахъ уже своею „отчиною“ [1].

Въ слѣдующемъ 1376 году Владиміръ Андреевичъ, по порученію брата, вторично ходилъ добывать отъ Литовцевъ Ржеву. Но походъ былъ не совсѣмъ удаченъ и онъ вернулся ни съ чѣмъ. Два года спустя въ Серпуховѣ, а затѣмъ въ Москвѣ совершился послѣдній эпизодъ изъ исторіи многолѣтней борьбы съ Тверью: въ первомъ городѣ узнали и схватили измѣнника Вельяминова, онъ пробирался изъ Орды въ Тверь, быть можетъ и въ самую столицу, въ которой, по выраженію лѣтописи: „много нѣчто нестроенія бысть“ [2]; въ Москвѣ Вельяминовъ сложилъ свою буйную головушку. Въ слѣдующемъ 1379 г. однимъ грознымъ врагомъ стало меньше у братьевъ: скончался въ Литвѣ опасный Ольгердъ, такъ много повоевавшій русскихъ земель. Между сыновьями его произошли смуты, борьба за старшій столъ, отсюда ослабленіе Литовскаго могущества, весьма кстати, въ виду неминуемой борьбы Дмитрія Іоанновича съ Татарами. Много воды утекло съ 1328 г. когда Іоаннъ Калита добылъ себѣ великокняжескій столъ. Тогда Московскій князь былъ еще слишкомъ незначителенъ, Золотая же Орда необыкновенно могущественна. Преемники Калиты собирали и обороняли собранную Русь отъ Литовцевъ. Незамѣтно создавалось сильное государство. Система подручничества мелкихъ удѣльныхъ князей Московскому, обязательство по договорамъ и крупныхъ князей помогать оружіемъ противъ общихъ враговъ — незамѣтно создавали значительную силу. Успѣшная борьба съ Литвою, задержанною въ своемъ стремленіи поглотить всѣ русскія княжества, придала еще болѣе увѣренности Московскимъ князьямъ. Богатый Новгородъ былъ имъ послушенъ. О погромѣ татарскомъ стали забывать; только книжные люди, вчитываясь въ лѣтописи, могли хранить о мрачной эпохѣ татарщины болѣе отрезвляющія воспоминанія. Русскому люду стало по немногу легче и легче житься, дань Татарамъ, выходъ, уже не такъ тяжка, да и вносится она въ казну великокняжескую. Въ Ордѣ между

---

[1] Собр. Госуд. гр. и дог. I, № 28.
[2] С. Соловьевъ. III, изд. 4, стр. 354.

тѣмъ далеко не ладно; поѣдутъ иногда князья — и толку не добьются. Дмитрій Іоанновичъ не слишкомъ съ нею церемонится. Правда платитъ выходъ, но не всякаго ярлыка слушается. Въ думѣ у него уже то время, когда онъ откажетъ и въ выходѣ [1]. Онъ не уклоняется при случаѣ отразить силу силою. Народъ какъ бы подражаетъ князю, держитъ себя очень смѣло относительно Татаръ, то тамъ, то сямъ изгоняютъ ихъ пословъ и цѣлые отряды. Очевидно онъ поддержитъ князей, если они предпримутъ дѣло освобожденія отъ Татаръ. Въ 1377 г. въ Нижегородскомъ княжествѣ уже началась борьба съ однимъ изъ татарскихъ царевичей Арапшей, искавшимъ удачи въ русскихъ предѣлахъ. Дмитрій Іоанновичъ послалъ на помощь часть своей рати. Первыя дѣйствія были неудачны, но скоро русскіе оправились и въ конецъ повоевали Мордовскую землю, такъ какъ она была за одно съ Татарами. Въ томъ же году тотъ же царевичъ Арапша сдѣлалъ нечаянный набѣгъ на Рязань и сжегъ ее. Олегъ Ивановичъ Рязанскій едва избѣгнулъ плѣна. Вслѣдъ за тѣмъ Татары вторично подошли къ Нижнему и сожгли его. Въ 1378 г. значительные татарскіе отряды были посланы Мамаемъ противъ самого Дмитрія Іоанновича. Послѣдній собралъ большое войско, смѣло перешелъ за Оку и въ Рязанскомъ княжествѣ поразилъ на голову непріятеля. Хотя нужно было ожидать скораго появленія Татаръ въ еще большемъ числѣ, Дмитрій на столько былъ увѣренъ въ своихъ силахъ, что отдѣлилъ часть ихъ на западъ, именно зимою 1379 г. онъ послалъ большое войско, подъ начальствомъ Владиміра Андреевича и другихъ воеводъ воевать Литовскую землю, гдѣ, какъ мы видѣли, происходили смуты. Походъ былъ удаченъ: города Трубчевскъ и Стародубъ были взяты, и великокняжескіе полки вернулись съ богатою добычею. Одинъ изъ Ольгердовичей, Андрей Полоцкій, незадолго до этого перешелъ въ службу Дмитрія Іоанновича и участвовалъ въ походѣ въ качествѣ его вождя. Другой Ольгердовичъ Дмитрій, князь Трубчевскій, послѣдовалъ примѣру брата, прибылъ въ Москву со всѣмъ семействомъ и боярами и былъ обласканъ и богато одаренъ Московскимъ княземъ.

---

[1] Соб. Госуд. гр. и дог. I, № 28. Догов. грам. съ Мих. Алекс. Тверскимъ.

Ольгердовичи оказались добрыми витязями и съ честью служили подъ знаменами Димитрія.

Скоро настало время, памятное лѣто 1380 г. когда особенно понадобились подобные витязи. На Руси уже не тайна, что Мамай собираетъ всю Орду, чтобы загладить недавнее пораженіе и смирить непокорныхъ. И вотъ изъ Москвы несется по всей Русской землѣ призывный кличъ: и старъ и младъ должны браться за оружіе. Большая опасность подвигается и съ запада: Литовскій князь Ягелло обѣщалъ соединиться съ Татарами. Того и гляди придутъ его полки и однимъ ударомъ сокрушатъ русскихъ князей, а тутъ еще Рязанцы держатъ себя двусмысленно: они боятся Татаръ и своимъ ни въ какомъ случаѣ не помогутъ.

Между тѣмъ въ Серпуховѣ въ новомъ городѣ торопятся окончить работу: то дорубливаютъ соборъ во имя Живоначальныя Троицы. Владиміру Андреевичу надо спѣшить въ Москву тамъ готовить полки. 15 іюня Серпуховъ полонъ народу: святятъ достроенный храмъ. Не великолѣпно торжество, какъ въ наше время, за то горяча молитва. Что-то будетъ? Серпуховъ на дорогѣ къ Москвѣ. И теплѣе при этой мысли молитвы, добрые же витязи горятъ желаніемъ итти противъ невѣрныхъ. Вотъ и родной князь уже на Москвѣ. То-то тамъ сборовъ; все туда идутъ рати, идутъ и Серпуховичи съ Торущанами и другими. Нѣтъ не застанутъ въ расплохъ Татары. На Руси небывалые сборы, всѣ подручные Димитрію Іоанновичу князья съ своими отрядами спѣшатъ на помощь. Уже скоро выступятъ въ походъ. Князья братья молятся Богу въ соборахъ, кланяются праху прародителей, вмѣстѣ ѣдутъ къ Троицѣ и уже получили благословеніе отъ святаго старца Сергія, и онъ предрекъ имъ побѣду [1]. Въ Москвѣ столько войска, что, во избѣжаніе тѣсноты, отряды должны выступить разными дорогами. Трогательно прощаніе. Димитрій Іоанновичъ идетъ къ Коломнѣ, главному сборному пункту. Владиміръ Андреевичъ направляется къ Серпухову чрезъ Боровскъ. На устьяхъ рѣки Лопасни, на границахъ Рязанскаго княжества, сходятся оба брата и направляются за Оку [2]. Въ ночь съ 7 на 8 сентября вой-

[1] [illegible]

[2] [illegible]

ско переходитъ чрезъ Донъ и вступаетъ въ степи. Съ разными чувствами переходятъ ратники черезъ рѣку: иные смущаются духомъ, другіе смѣло рвутся впередъ. Не думаемъ, чтобы Владиміръ Андреевичъ съ своими Серпуховичами былъ въ числѣ первыхъ. Видалъ онъ не мало браней, теперь же предстоитъ брань самая честная. Если и суждено положить животъ, велика будетъ награда тамъ на небѣ.... А каковъ князь, таковы и воины — такъ ужъ изстари завелось на Руси. 8 сентября съ высокаго холма Дмитрій съ братомъ и другими князьями любуются стройными русскими полками, поставленными въ боевой порядокъ первымъ его воеводою Дмитріемъ Михаиловичемъ Волынскимъ Боброкомъ, Но тутъ не вся видна рать. Лѣвое крыло, подъ начальствомъ Владиміра Андреевича, скрыто въ засадѣ за густымъ лѣсомъ. Въ двѣнадцатомъ часу дня съ другаго холма начинаютъ спускаться Татары на обширное Куликово поле. То-то будетъ здѣсь пиръ, многіе добудутъ себѣ славы, но еще больше полягутъ костьми за землю Русскую. Быстро разгарается лютая сѣча на десятиверстномъ пространствѣ. У Татаръ больше конницы и они берутъ верхъ. Это замѣтно: уже много, много полегло пѣшей русской рати. У Владиміра Андреевича такъ и горитъ кровь, давно уже рвется онъ ударить изъ засады, но опытный въ браняхъ воевода Дмитрій все сдерживаетъ его: въ нихъ послѣдняя надежда и спасеніе, а часъ ихъ еще не насталъ. Наконецъ дождался юный князь: теперь его чередъ. Какъ громъ ударяетъ онъ на оторопѣвшаго врага. Судьба битвы рѣшена. Татары съ Мамаемъ обращены въ безпорядочное бѣгство. Владиміръ Андреевичъ на костяхъ. Кругомъ него сбирается оставшаяся въ живыхъ рать. Дмитрій Іоанновичъ спасенъ чудомъ въ страшной сѣчѣ, и вѣсть о побѣдѣ выводитъ его изъ забытья отъ изнеможенія, въ какомъ находятъ его на полѣ битвы. Несказанна общая радость. Но не мала и туга по погибшимъ въ бою. Отъ полутораста тысячнаго войска едва осталась треть. Многихъ недосчитывается и Владиміръ Андреевичъ въ своихъ полкахъ. Нѣтъ у него теперь главнаго воеводы Тимоѳея Васильевича съ тридцатью доблестными Серпуховскими боярами [1]. Сколько было ожиданій, несбывшихся разбитыхъ

[1] Карамзинъ. Прим. 81 къ V тому.

надеждъ, когда Серпуховичи, съ своимъ княземъ во главѣ, съ богатою добычею вступали въ родной городъ, возвращаясь изъ Задонщины. Не у одной матери или жены надрывалось сердце, когда напрасно и напрасно жадными взорами озирали онѣ ратниковъ и искали и не находили между ними дорогаго для нихъ существа, въ то время какъ другіе плакали отъ радости при встрѣчѣ. Зато тѣмъ пламеннѣе были молитвы въ простыхъ тогдашнихъ храмахъ, въ недавно выстроенномъ соборѣ, возсылавшіяся за спасеніе вернувшихся, и долго еще слышались всюду умилительныя пѣснопѣнія по убіеннымъ на полѣ брани. Богъ помогъ одолѣть супостатовъ, ну а что будетъ, какъ снова сдѣлаютъ они нашествіе: гдѣ взять воиновъ? Оскудѣла ими Русская земля.... Такія рѣчи безъ сомнѣнія слышались въ бесѣдахъ, когда вспоминали про недавній походъ. Да и какъ было его забыть! Столько тогда было пережито!...

Весною слѣдующаго 1381 г. Владиміръ Андреевичъ былъ обрадованъ рожденіемъ первенца сына Іоанна [1]. Крестили его митрополитъ Московскій Кипріянъ и пр. Сергій. Они вмѣстѣ прибыли по сему случаю въ Серпуховъ, гдѣ находился въ то время князь, и пробыли здѣсь у него извѣстное время [2]. Въ томъ же году примирился съ Дмитріемъ Рязанскій князь Олегъ Ивановичъ и заключилъ договоръ съ обоими братьями. Относительно Дмитрія онъ призналъ себя младшимъ княземъ и сталъ въ такое же положеніе, какъ и Тверской князь, относительно Владиміра Андреевича — равнымъ, братомъ. По договору положено предать забвенію недружелюбіе, выказанное Рязанскимъ княземъ къ русскому ополченію, шедшему въ 1380 г. за Донъ, Димитрій же и братъ его обязывались отпустить пойманныхъ Рязанцевъ; сверхъ сего Олегъ Ивановичъ не долженъ былъ дѣлать стѣсненія торговлѣ наложеніемъ на путяхъ новыхъ пошлинъ и мытовъ [3].

Въ 1382 году, сообщаютъ лѣтописи, появилась на небѣ „звѣзда нѣкая аки хвостата и аки копейнымъ образомъ“. Конечно — ужъ не къ добру. Лѣтописцы прямо говорятъ, что она предвѣщала не-

[1] П. С. Р. Л. VIII. 42.
[2] Никон. лѣт. IV. 129.
[3] Собр. Госуд. гр. и дог. I, № 32.

счастіе: такъ всѣ думали въ то время. Дѣйствительно вскорѣ случилась большая бѣда: новое татарское нашествіе и притомъ въ расплохъ. Воцарившійся въ Золотой ордѣ на мѣсто погибшаго Мамая его побѣдитель Тохтамышъ не довольствовался подарками, посланными ему Русскими князьями: онъ хотѣлъ привести ихъ въ прежнюю покорность, какъ было въ первое время ига, и поддержать страхъ татарскаго могущества, поэтому, скрывши всѣ приготовленія къ походу, внезапно повелъ орды на Русь лѣтомъ 1382 г. Олегъ Ивановичъ Рязанскій и тутъ думалъ покорностью спасти свое княжество отъ раззоренія. Лѣтописецъ говоритъ: онъ обвелъ татарскаго царя „около своея отчины" и указалъ ему броды на Окѣ [1]. Конечно ужасная вѣсть о нашествіи не замедлила распространиться всюду; но собрать ратниковъ не было времени: предъ татарами все бѣжало. Повидимому подъ Серпуховомъ переправился Тохтамышъ чрезъ Оку: мѣстъ тутъ не мало удобныхъ, есть и броды и берега довольно пологи. Владиміръ Андреевичъ съ своимъ семействомъ оставилъ Москву. Мать и жену съ сыномъ онъ отправилъ въ Торжокъ, самъ же сталъ собирать рать въ Волокѣ (нынѣ Волоколамскъ, Моск. губ.). Дремучіе лѣса по сосѣдству доставили убѣжище Серпуховичамъ, но вѣрно не мало погибло тѣхъ, кто неуспѣлъ спастись. Самъ городъ былъ сожженъ татарами, причемъ должны были сгорѣть и всѣ храмы, въ томъ числѣ и соборъ, недавно построенный. Подгородніе монастыри и Владычній и Высоцкій, надо полагать, остались цѣлы, хотя вѣрно дѣло не обошлось безъ грабежа. На сохраненіе Высоцкаго монастыря указываетъ то обстоятельство, что осенью того же года въ немъ останавливался на пути въ Кіевъ митрополитъ Московскій Кипріанъ, причемъ игуменъ Аѳанасій вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ тоже въ Кіевъ [2].

Заревомъ пожаровъ сопровождался дальнѣйшій набѣгъ Тохтамыша на Москву, тоже покинутую Дмитріемъ и его семействомъ. Извѣстна гибельная участь столицы, взятой татарами обманомъ. 26 августа къ вечеру отъ богатаго по тогдашнему времени города остались только одни жалкіе остатки. Все было выжжено и

———

[1] ... VIII, 44 и др.

[2] ... Смирнова стр. 9. Замѣтимъ также вѣротерпимость ...къ лицъ.

избито. И другіе города Московскаго княжества были разорены въ конецъ. Только на западѣ подъ Волокомъ мужественный Владиміръ Андреевичъ успѣлъ собрать значительный отрядъ войска и сдержалъ татаръ, нанеся части ихъ чувствительное пораженіе [1]. На татаръ это обстоятельство произвело столь сильное впечатлѣніе, что, по пословицѣ „у страха глаза велики", они быстро стали отступать по неопустошенной еще Коломенской дорогѣ, взяли Коломну и раззорили Рязанское княжество, не смотря на покорность его князя.

Много было невеселой работы у обоихъ братьевъ — у Дмитрія Іоанновича и у Владиміра Андреевича. Нужно было отстраивать свои дворы въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ, спаленные татарами, помогать и народу оправиться отъ бѣды. Предъ татарами, хоть и горько это было, особенно послѣ стольких потерь, пришлось смириться. И ужъ допекли же они бѣдную Русь. Лѣтописецъ говоритъ о веснѣ 1384 г. „бысть дань тяжела по всему княженію, всякому безъ отдатка, съ всякіе деревни по полтинѣ: тогда же и златомъ давше въ орду" [2]. Но Дмитрій Іоанновичъ не унывалъ. Едва ушелъ изъ-подъ Москвы Тохтамышъ, какъ онъ уже послалъ свою рать наказать Олега Рязанскаго за доброхотство татарамъ. Княжество его пуще татаръ было разорено этою ратью. Но суровый Олегъ скоро отмстилъ Московскому князю. Въ 1385 г. онъ взялъ и разграбилъ Коломну и вернулся съ большою богатою добычею, немало увелъ и полону. Встревоженный Дмитрій послалъ на Рязанцевъ Владиміра Андреевича съ большимъ войскомъ. На этотъ разъ счастіе было на сторонѣ Олега Ивановича, причемъ не мало погибло бояръ московскихъ и вѣроятно и Серпуховичей.

Послѣ этого не одно посольство было послано о мирѣ къ Рязанскому князю. Онъ упорствовалъ въ продолженіи войны, но предъ рѣчами о мирѣ и любви преподобнаго Сергія, послѣдняго посла, суровый вояка не устоялъ и заключилъ наконецъ вѣчный миръ.

Въ слѣдующемъ 1386 году Серпуховская рать съ своимъ княземъ ходила въ дальній походъ на Новгородъ Великій [3]. Нел

---

[1] Въ одной лѣтописи сказано, что Владиміръ Андреевичъ побѣдилъ. Карам. Прим. 98 къ V т.

[2] П. С. Р. Л. VIII, 49.

[3] Соф. врем. I, 379.

на Новгородцевъ сталъ держать Димитрій за то, что ужъ слишкомъ молодечествовали по Волгѣ ихъ ушкуйники, брали съ бою такіе города какъ Кострому и Нижній, бились на славу съ „бусурманами", но также грабили до чиста гостей русскихъ, т. е. купцовъ; сверхъ сего не поладили Новгородцы съ великокняжескими боярами, пріѣзжавшими въ 1385 г. сбирать черный боръ съ ихъ волостей. Серпуховичи съ боровскою ратью примкнули къ многочисленному ополченію, которое велъ самъ Дмитрій. Но до кровопролитія дѣло не дошло: Новгородъ умолилъ великаго князя сложить нелюбье и откупился 8000 рублей.

1387 и 1388 гг. прошли для обоихъ братьевъ и ихъ княжествъ безъ особыхъ приключеній. Эти годы съ слѣдующимъ для Дмитрія Іоанновича были послѣдними въ его столь многотрудной жизни. Спокойно онъ могъ „утереть потъ съ своего лица", какъ говоритъ старинная лѣтопись про одного изъ подобныхъ ему князей тружениковъ. Одно конечно должно было смущать и тревожить князя: это ненавистный ордынскій выходъ, сдѣлавшійся снова слишкомъ тяжкимъ. Теперь только на единаго Бога онъ возлагалъ надежду избавленія: „Оже пы Богъ избавитъ, ослободитъ отъ орды" [1]. Умудрился горемъ и бѣдою куликовскій герой и въ ближайшемъ будущемъ не чаялъ удачи отъ оружія, если бы оно поднялось противъ поработителей, развѣ, „Богъ перемѣнитъ Орду" [2].

Безъ сомнѣнія съ особеннымъ интересомъ должны были слѣдить князья братья за событіями въ сосѣднемъ съ ихъ удѣлами Смоленскомъ княжествѣ. Въ 1386 году тамошній князь Святославъ Ивановичъ съ двумя сыновьями и племянникомъ задумалъ воспользоваться неурядицами въ сильномъ Литовскомъ государствѣ и воротить отъ Литвы волости, прежде принадлежавшіе къ Смоленску. Попытка его была однако неудачна. Самъ Святославъ Ивановичъ погибъ послѣ проигранной Ольгердовичамъ битвы. Литовцы изъ своихъ рукъ, замѣчаетъ лѣтописецъ [3], посадили одного изъ сыновей Святослава на княженіе въ Смоленскѣ, другаго же увели къ себѣ въ Литву. Не безъ смущенія также приняли всѣ въ 1387 г.

---

[1] Соб. Госуд. гр. и дог. I, № 33, договоръ 1388 г. съ Влад. Андр.
[illegible] Димтр. Іоан.

въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ извѣстіе о страшномъ морѣ въ Смоленскѣ, отъ котораго осталось въ живыхъ въ городѣ только десять человѣкъ.

Послѣдній годъ жизни Дмитрія Іоанновича былъ нѣсколько омраченъ его распрею съ Владиміромъ Андреевичемъ. Лѣтописи только глухо передаютъ объ этомъ прискорбномъ обстоятельствѣ. Вотъ что мы въ нихъ читаемъ [1]: „Розмиріе бысть великому князю Дмитрію Іоанновичу съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, и поимани быша бояре старѣйшіе княже Володимеровы, и разведены вси разно по городамъ, и сидѣша вси въ нятіи у приставовъ" [2]. Въ отместку Владиміръ Андреевичъ захватилъ нѣсколько великокняжескихъ деревень, тянувшихся къ Лыткиньскому селу [3]. Распря была непродолжительна: съ января по 25 марта 1389 г., когда на Благовѣщеніе примирились братья, взяли „миръ и прощеніе и любовь" [4]. Примиреніе было скрѣплено новымъ договоромъ между братьями, болѣе полнымъ, чѣмъ прежніе [5]. Въ немъ между прочимъ Владиміръ Андреевичъ обязывался „имѣти" великаго князя, „отцомъ", а „сына его, князя Василія братомъ старѣйшимъ".

19 Мая 1389 г. не стало Дмитрія послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни. Старшій сынъ его Василій получилъ великое княженіе, какъ наслѣдіе своего отца, какъ его „отчину". Для Владиміра Андреевича настало новое положеніе. Онъ долженъ подчиниться юному восемнадцатилѣтнему племяннику, который занялъ главный великокняжескій столъ не по обычаю родовыхъ счетовъ, не по старинѣ, еще тогда глубоко уважавшейся. Если съ Дмитріемъ Іоанновичемъ Владиміра Андреевича связывало почти что сверстничество по годамъ, дружба съ дѣтства, то подобныхъ связей не могло быть съ племянникомъ, который былъ ровно вдвое моложе дяди. Едва только кончилась церемонія поса-

---

[1] П. С. Р. Л. VIII, 52 и др.

[2] Опять доказательство, что Влад. Андр. со старѣйшими боярами жилъ въ Москвѣ, иначе не такъ легко бы было ихъ поймать.

[3] Дух. завѣщ. Дм. Іоан. Собран. Госуд. грам. и дог. I, № 34, стр. 60. „А котерыѣ деревни отоималъ князь Владимеръ отъ Лыткиньскаго села". Въ настоящее время существуетъ село Лыткино по тракту изъ Вереи въ Можайскъ въ 8 верстахъ отъ послѣдняго, на р. Мжутѣ, притокѣ Протвы. (Спис. нас. мѣстъ Москов. губ.).

[4] П. С. Р. Л. VIII, 52.

[5] Собр. Госуд. гр. и дог. I, № 33.

женія ханскимъ посломъ Василія Дмитріевича на великокняжескій столъ 15 августа 1384 г., какъ у него произошла размолвка съ дядею. Лѣтописи не говорятъ о причинѣ ея; можно только самимъ догадываться, что молодой великій князь какимъ-либо безтактнымъ поступкомъ оскорбилъ дядю. Карамзинъ виною размолвки считаетъ бояръ Василія, желавшихъ отстранить отъ участія въ правленіи Владиміра Андреевича (V, 127), что весьма вѣроятно. Припомнимъ, какъ при Дмитріи Іоанновичѣ Владиміръ Андреевичъ постоянно былъ его помощникомъ и совѣтникомъ. Однако распря скоро прекратилась безъ междоусобія, что прямо свидѣтельствуетъ, что у Владиміра Андреевича не было никакихъ враждебныхъ замысловъ. Но начало ссоры повидимому не предвѣщало ничего хорошаго. Готовилась война. Въ лѣтописи читаемъ: „князю великому Василію бысть размиріе съ княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ, и поиде князь Володимеръ съ сыномъ своимъ княземъ Иваномъ и съ бояры старѣйшими въ свой градъ Серпоховъ, и оттуду въ Торжекъ“ [1]. Вѣроятно въ Серпуховѣ Владиміръ Андреевичъ сдѣлалъ нѣкоторыя приготовленія на всякій случай, но счелъ для себя въ военныхъ цѣляхъ болѣе удобнымъ двинуться въ Новгородскіе предѣлы, именно въ Торжокъ. Непріязненныя дѣйствія были повидимому незначительны Великій князь схватилъ подъ стражу или отдалъ на поруки нѣкоторыхъ изъ бояръ своего дяди, завладѣлъ Серпуховомъ [1] и посадилъ въ немъ и другихъ волостяхъ Владиміра Андреевича своихъ волостелей. Крови кажется не было пролито. Князья тою же зимою помирились, надо полагать по почину племянника, какъ видно сознавшаго свой промахъ противъ дяди, котораго всѣ такъ уважали и любили: не даромъ онъ не задержалъ его въ Москвѣ съ его дворомъ. Можетъ быть Василій также слишкомъ былъ увѣренъ въ превосходствѣ своего могущества надъ Владиміромъ Андреевичемъ, удѣлъ котораго по сравненію съ тѣмъ, что принадлежало великому князю и его братьямъ, ему подручнымъ, былъ довольно незначителенъ. Примиреніе было скрѣплено особою

---

[1] П. С. Р. Л. VIII, 60.

[2] Въ договорѣ 1389 г. по примиреніи значится: „А хто ся чимъ.... стовалъ въ Серпуховѣ, опричь сьѣстнаго, и волостехъ, а то ны (т. е. великому князю) по отдати“ (Собр. Госуд. грам. и дог. I, № 35).

договорною грамотою 1389 г. Она написана относительно Владиміра Андреевича въ болѣе мягкихъ выраженіяхъ, сравнительно съ грамотами Дмитрія Іоанновича. Такъ Василій Дмитріевичъ не присвоиваетъ себѣ наименованія отца относительно дяди, требуетъ отъ послѣдняго „держати" его, „князя великаго, честно", но нѣтъ при этомъ обиднаго слова „грозно". Василій противъ прежнихъ договоровъ выговорилъ себѣ, право посылать дядю въ походъ („всѣсти ему безъ ослушанія" [1]), даже если самъ онъ не всядетъ на коня. Незнаемъ вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ потребовалась въ договорѣ слѣдующая статья, показывающая сильную недовѣрчивость во взаимныхъ отношеніяхъ [2]. „Оже ми, брате, самому (т. е. великому князю сѣсти въ городѣ (въ Москвѣ, въ осадѣ), а тобе ми послати изъ города, и тобе оставити своя княгини, и свои дѣти, и свои бояре; а будетъ ми тобе оставити въ городѣ..... ѣхати ми изъ города, и мнѣ, брате, оставити своя мати, и свою братью молодшюю, и свои бояре". Василій, какъ видно изъ договора, при примиреніи прибавилъ изъ своихъ волостей дядѣ „вудѣлъ Волокъ [3] съ волостьми", да „Ржеву съ волостьми". Прибавка была довольно значительна, какъ видно ужъ изъ того, что съ Волока съ его волостями Владиміръ Андреевичъ долженъ былъ давать великому князю въ татарскій выходъ 170 рублей, между тѣмъ какъ со всей прежней его отчины сходило только 320 рублей. Сверхъ сего Василій обязался свести ему принадлежавшую слободу противъ Боровска въ удѣлѣ Владиміра Андреевича, но отъ самой земли онъ не отказался; по ней, сказано въ договорѣ: „животинѣ ходити опче". Вѣроятно эта слобода давала прежде поводъ къ несогласіямъ. Вообще договоръ былъ очень выгоденъ для Владиміра Андреевича.

Между тѣмъ молодой великій князь вскорѣ вывезъ изъ Орды, за богатые дары, которые онъ поднесъ Тохтамышу, ярлыки на Нижній Новгородъ, Городецъ, Мещеру и Торусу, подобно Нижнему, до сихъ поръ имѣвшую своихъ особыхъ князей. Этими

---

[1] Собран. Госуд. грам. и дог. I, № 35.

[2] С. Соловьевъ IV, 9.

[3] Нынѣшній Волоколамскъ Моск. губ. Волости Волока были: „Издѣтемле и Войничи". Въ настоящее время существуетъ деревня Война въ Рузскомъ уѣздѣ Моск. губ. (Спис. нас. мѣстъ Моск. губ., № 5170).

Все привязывало Серпуховскихъ князей къ Москвѣ: и сознаніе величія этого города, для нихъ роднаго, отсюда выраженіе „старѣйшей путь въ Москвѣ“ для старшаго изъ нихъ, и прахъ прародителей, почивавшихъ въ общей усыпальницѣ князей вмѣстѣ съ великими князьями Московскими, и близость къ столь уважаемой главѣ русской церкви, наконецъ къ великокняжеской семьѣ, при чемъ, при случаѣ, можно было пріобрѣсти большое вліяніе на дѣла, какъ это удалось Владиміру Андреевичу, связавшему свое имя неразлучно съ именемъ Дмитрія Донскаго. Съ знаменитѣйшими изъ Московскихъ бояръ Серпуховскіе князья охотно вступали въ родство посредствомъ браковъ, такъ одинъ изъ сыновей Владиміра Андреевича Андрей былъ женатъ на дочери знатнаго боярина Ивана Дмитріевича, другой — Ярославъ на внукѣ не менѣе знаменитаго боярина Ѳедора Андреевича Кошки [1].

Такимъ образомъ Серпуховскіе князья были въ сущности тоже Московскими князьями, только младшими. Серпуховскими они назывались по главной ихъ отчинѣ, хотя не самой старой, Серпухову, или собственно „Серпохову“, какъ онъ называется во всѣхъ княжескихъ актахъ XIV и XV вѣковъ. Изъ ихъ удѣльныхъ вотчинъ этотъ городъ стоитъ на первомъ мѣстѣ послѣ Москвы, такъ имъ прежде всего Владиміръ Андреевичъ благословилъ своего старшаго сына Ивана. Управлялся Серпуховъ, какъ и другіе города, княжескими волостелями и намѣстниками. Въ 1374 году въ него, какъ мы видѣли, былъ назначенъ намѣстникомъ въ санѣ окольничаго [2] Яковъ Юрьевичъ Новосилецъ [3]. О дальнѣйшихъ назначеніяхъ намъ неизвѣстно изъ лѣтописей. Въ короткое время дважды сожженный татарами городъ первое время не могъ особенно богатѣть и щеголять храмами и другими постройками; нѣсколько бо́льшее значеніе придавали ему двѣ подгороднія обители, связанныя съ именами святыхъ мужей святителя Алексѣя и преподобнаго Сергія.

---

[1] С. Соловьевъ IV, 186.

[2] Окольничіе хотя и были членами княжеской думы, но занимали второстепе́нное мѣсто сравнительно съ большими боярами, или послѣ—просто боярами. С. Соловьевъ IV, 198.

[3] По Родословной кн. Долгорукова (ч. VI, 163) отецъ Новосильца Юрій Шалый прибылъ изъ Швеціи въ Литву, а изъ Литвы въ Россію, въ половинѣ XIV в.

Между тѣмъ на западѣ на самомъ рубежѣ однимъ русскимъ княжествомъ стало меньше: хитрый Витовтъ захватилъ Смоленскъ съ его землею. Василій Дмитріевичъ, женатый на дочери Витовта Софьѣ, повидимому равнодушно смотрѣлъ на это крупное и прискорбное для каждаго русскаго событіе, благодаря которому Литва должна была непосредственно граничить съ его землями. Олегъ Ивановичъ Рязанскій, тесть старшаго изъ Смоленскихъ князей Юрія Святославича, старался вернуть для своего зятя его отчину, и вотъ у границъ Серпуховскаго княжества то и дѣло движутся рати изъ Литвы къ Рязани и на оборотъ. Такъ въ 1396 году Олегъ Ивановичъ появился предъ литовскимъ городомъ Любутскомъ, на правомъ берегу Оки, и бился съ его жителями. Вмѣшательство Василія Дмитріевича, державшаго по родству сторону Витовта, побудило Рязанскаго князя снять осаду и вернуться назадъ. Осенью того же года самъ Витовтъ съ большимъ войскомъ пошелъ на Рязанцевъ. По пути въ Коломнѣ его угощалъ Василій Дмитріевичъ и поднесъ богатые дары. Рязань была взята Литовцами, никому не дававшими пощады. Но выросшій въ битвахъ, много испытавшій на своемъ вѣку превратностей военнаго счастія, Олегъ Ивановичъ не оставилъ до конца своего зятя: въ 1401 году, опираясь на доброжелательство къ Юрію Святославичу Смольнянъ и надѣясь на ослабленіе Литвы вслѣдствіе пораженія ея татарами Темиръ Кутлуя на Ворсклѣ (въ 1399 г.), онъ посадилъ его на его отчій столъ. Юрій далеко превосходилъ своего тестя неукротимостью нрава, и неразборчивостью въ средствахъ. Онъ съумѣлъ нѣкоторое время продержаться въ Смоленскѣ, несмотря на попытку Витовта вернуть себѣ городъ. Олега Ивановича ободрила удача и потому въ слѣдующемъ году онъ послалъ своего сына Родислава въ дальній походъ въ Литву добывать городъ Брянскъ. Рать по обыкновенію направилась берегомъ Оки сперва къ крѣпкому Любутску. Здѣсь ей противустали двое Гедиминовичей — князья Симеонъ Лугвеній Ольгердовичъ и Александръ Патрикіевичъ Стародубскій, и въ бою одолѣли Рязанцевъ: самъ Родиславъ Ольговичъ былъ взятъ въ плѣнъ, уведенъ въ Литву и тамъ скованъ и заключенъ въ темницу. Только чрезъ 3 года выпустилъ его Витовтъ за огромный выкупъ. Олегъ Ивановичъ не дожилъ до этого времени, онъ умеръ въ годъ злосчаст-

ной Любутской битвы. Въ 1404 году Витовтъ, оправившись отъ погрома на Ворсклѣ, вторично и уже надолго овладѣлъ Смоленскомъ. Смоленскій князь Юрій Святославичъ, не найдя помощи въ Москвѣ, куда онъ обратился съ предложеніемъ стать подручникомъ великаго князя „даючися, по выраженію лѣтописи[1], (Василію) самъ и съ всѣмъ княжествомъ своимъ“, удалился въ Великій Новгородъ — гостепріимное убѣжище всѣхъ горемычныхъ русскихъ князей. Новгородцы приняли его очень ласково, дали ему въ кормленіе 13 городовъ и цѣловали крестъ стоять за одно противъ иноплеменниковъ и боронить земли.

Не думаемъ, чтобы Владиміръ Андреевичъ могъ спокойно смотрѣть на эту кровавую борьбу изъ за родной русской земли, которую отнимали чужеземцы Литовцы. Не мало при своемъ братѣ Дмитріи Ивановичѣ онъ оборонялъ ее отъ этого опаснаго народа. Ихъ политическая программа была ясно сознана ими обоими: не давать русской земли врагамъ, напротивъ всячески боронить ее. Теперь, когда нѣтъ Дмитрія Ивановича, не то: молодой Василій, опутанный родствомъ съ Витовтомъ, окруженъ молодыми боярами, совѣты Владиміра Андреевича не всегда слушаются. Самъ же онъ, безъ согласія съ племянникомъ, ничего не можетъ предпринять, не нарушивши заключенныхъ съ нимъ договоровъ, да и удѣлъ его незначителенъ для борьбы съ Литовцами. Такъ литовское могущество увеличивалось все болѣе и болѣе на счетъ русской земли. При этомъ только одно обстоятельство могло быть выгодно для обоихъ князей для Московскаго и Серпуховскаго: это ослабленіе враждебной имъ Рязани.

Вскорѣ близорукость политики, потакавшей Витовту, обнаружилась для Василія довольно очевиднымъ образомъ. Въ 1405 г. чрезъ годъ послѣ Смоленскаго взятья, Витовтъ вѣроломно нарушилъ миръ съ Псковичами и вторгся въ ихъ предѣлы, внося ужасное опустошеніе. Одного полону съ незначительной псковской волости Коложи онъ увелъ въ Литву 11,000 человѣкъ. Послы псковскіе и новгородскіе извѣстили о происшедшемъ Василія. Ему самому была нанесена обида, ибо кто, какъ не Московскій князь, былъ покровителемъ Новгорода и Пскова? Очевидно Витовтъ не

[1] П. С. Р. Л. VIII, 76.

разбиралъ этихъ отношеній или не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Теперь Василій Дмитріевичъ волею неволею втягивался въ борьбу, если только не хотѣлъ упустить изъ своихъ рукъ судьбы сѣверовосточной Руси. Онъ послалъ тестю разметныя грамоты, тоже сдѣлалъ и его союзникъ Тверской князь. Нечего бояться Московскому князю: правда хитеръ, опасенъ коварствомъ, испытанъ на полѣ брани страшный Витовтъ, но Василія поддержитъ весь русскій народъ: ибо поднимается борьба народная. Изъ Литовскихъ владѣній не замедлятъ ударить челомъ великому князю Московскому многіе русскіе князья, которымъ ужъ слишкомъ не любо служить Литовскому князю: ихъ влечетъ къ Москвѣ единство вѣры, отцовскихъ исконныхъ обычаевъ. Нечего говорить о простомъ православномъ людѣ, что жилъ подъ литовскимъ владычествомъ: конечно всѣ его симпатіи на сторонѣ Василія. 1406 и два слѣдующихъ года протекли въ тревожныхъ ожиданіяхъ рѣшительныхъ военныхъ событій. Противники и Василій Дмитріевичъ и Витовтъ располагали большими силами, но ни тотъ, ни другой не дѣйствовали рѣшительно. Военныя дѣйствія происходили по сосѣдству съ Серпуховскимъ удѣломъ по всей югозападной границѣ. Безъ сомнѣнія въ походахъ участвовала и Серпуховская рать, такъ какъ въ лѣтописяхъ мы читаемъ о собраніи Василіемъ Дмитріевичемъ большихъ силъ; но имена Владиміра Андреевича мы не встрѣчаемъ въ челѣ войска, какъ мы привыкли его встрѣчать въ предъидущее княженіе. Испытанный герой не въ чести, мало того — ему не довѣряетъ Василій Дмитріевичъ. Чѣмъ иначе недовѣріемъ можно объяснить себѣ, напримѣръ, то, что великій князь заставилъ въ 1405 г. Владиміра Андреевича отказаться отъ Ржевы и Волока съ ихъ волостями, лежавшими около Литовскаго рубежа, и взять вмѣсто нихъ другія земли, именно Городецъ съ волостями за Волгою. Уступилъ такъ же [illegible]

[illegible]

которая принадлежала Литовцамъ. Туда же подошли и они, но битвы не произошло, и дѣло кончилось краткимъ перемиріемъ до слѣдующаго года. Въ 1407 г. повторилась таже исторія у Вязьмы, послѣ того какъ Василій сжегъ на Протвѣ литовскій городъ Дмитровецъ [1]. Въ 1408 году осенью во время довольно сильной моровой язвы („коркотою") [2] бывшей въ бóльшей части Московскихъ и Серпуховскихъ волостей, въ третій разъ выводилъ свою рать Василій противъ Витовта и стоялъ противъ него на Угрѣ. На этотъ разъ дѣло кончилось миромъ и эта рѣка признана границею между Литовскимъ государствомъ и Московскими землями. Къ Московскимъ владѣніямъ при этомъ присоединилась полоса земли между Протвою и Угрою, сверхъ сего города Перемышль (недалеко отъ Калуги), отвоеванный было Литовцами, Козельскъ и Любутскъ на Окѣ, пожалованные Василіемъ Владиміру Андреевичу въ прибавку къ его отчинѣ. Военныя дѣйствія во время войны съ Литовцами не коснулись Серпухова, но городъ все таки нѣсколько потерпѣлъ отъ сумятицы въ это тревожное время. Въ 1407 г. отъѣхалъ изъ Литвы къ Василію врагъ Витовта и опасный его соперникъ, родной братъ Польскаго короля, сѣверскій князь Свидригайло Ольгердовичъ, прибывшій въ Москву съ шестью южнорусскими князьями и множествомъ бояръ. Василій такъ радушно принялъ его, какъ нельзя болѣе, чуть не половину городовъ своей отчины, даже Владиміръ далъ ему въ кормленіе. Многіе за это не взлюбили князя и не чаяли ничего хорошаго отъ иноземца пришлеца. Свидригайло, грубый воинъ, не былъ доволенъ миромъ на Угрѣ: онъ мечталъ вытѣснить Витовта съ великокняжескаго литовскаго стола, теперь же онъ ровно ничего не выигрывалъ. Поэтому онъ разорвалъ дружбу съ Василіемъ, подружился съ его братомъ Юріемъ Дмитріевичемъ, бывшимъ уже тогда не въ ладахъ съ великимъ княземъ по вопросу о престолонаслѣдіи, и, удаляясь въ Литву осенью 1409 года, читаемъ въ лѣтописи „взялъ градъ Серпоховъ" [3], что на языкѣ того времени было равносильно опустошенію, чинимому врагами. Не знаемъ

---

[1] Теперь деревня Калужск. губер. С. Солов. IV, прим. 36.
[2] Т. е. харканіемъ кровію.
[3] П. С. Р. Л. VIII, 85.

былъ ли тоже не въ ладахъ съ Владиміромъ Андреевичемъ, суровый Ольгердовичъ, или дѣйствовалъ безъ разбора: во всякомъ случаѣ это была обида и для Василія.

Если Василій успѣлъ задержать дальнѣйшее стремленіе Витовта на счетъ русскихъ земель (крайнимъ ихъ захватомъ былъ Одоевъ, зависѣвшій прежде отъ Рязани), за то въ томъ же 1408 г. прекратившемъ Литовскую войну, Москва съ другими городами Московскаго и Серпуховскаго княжествъ испытала второе нашествіе татаръ. Властвовавшій неограниченно въ ордѣ отъ имени хана мурза Эдигей, человѣкъ предпріимчивый, рѣшившій въ пользу татаръ битву на Ворсклѣ, гдѣ были поражены всѣ силы Витовта, хотѣлъ возстановить прежнее обаяніе татарскаго могущества, которое среди ордынскихъ замятенъ совершенно пало въ глазахъ и великаго князя и всего русскаго народа: первый отказывался платить дань, послѣдній же прямо смѣялся надъ татарами. Эдигей тайнымъ образомъ направился въ Московскіе предѣлы съ огромнымъ войскомъ. Повторились времена Тохтамышева нашествія, только при обстоятельствахъ еще болѣе гибельныхъ для беззащитнаго населенія. Тогда въ лѣтнее время легче было спастись и по водѣ и въ дремучихъ лѣсахъ, теперь же во время морозной и снѣжной зимы, когда ринулись на княжество татары, трудно было укрыться отъ ихъ конныхъ отрядовъ, да и уцѣлѣвшіе отъ непріятельскаго оружія погибали отъ стужи и лишенія. Несчастный Серпуховъ, вообще мало видавшій радостей, одинъ изъ первыхъ городовъ былъ взятъ и сожженъ татарами [1], при этомъ, читаемъ въ лѣтописи: Едигей „людей множество изсѣче, а иныхъ въ полонъ поведе“. Врядъ ли остались цѣлы и подгородніе монастыри; во всякомъ случаѣ, если они и были не сожжены, то разграблены. Никакихъ извѣстій объ этомъ не сохранилось: монастырскія преданія Владычняго монастыря слишкомъ неопредѣленно говорятъ о татарскихъ нашествіяхъ на монастырь и на поруганіе отъ нихъ святыни. Татарскій погромъ распространялся вскорѣ до Нижняго Новгорода, Галича и Бѣлоозера. Всюду рыскали конные отряды, внося смерть и разрушеніе. Василій не успѣлъ собрать достаточнаго войска и удалился съ семействомъ въ Кострому. За то въ Москвѣ

[1] Лѣт. по Акад. списку Изд. Арх. Ком. 1872, стр. 326.

остался для обороны города вмѣстѣ съ братьями великаго князя Петромъ и Андреемъ Дмитріевичами неустрашимый Владиміръ Андреевичъ, нисколько не утратившій прежней отваги. Онъ велѣлъ пожечь посадъ вокругъ кремля, чтобы татары не могли сдѣлать къ нему примета. Страшную картину представляла тогда Москва: кремль биткомъ набитъ народомъ, въ него болѣе непускаютъ, кругомъ горятъ дома, беззащитные жители въ отчаяніи не знаютъ куда спастись. Въ началѣ декабря Эдигей подошелъ къ Москвѣ и сбирался зимовать въ Коломенскомъ селѣ, думая голодомъ принудить къ сдачѣ столицу. Случившаяся кстати новая замятня въ Ордѣ разстроила всѣ планы осторожнаго мурзы. Ему удалось взять съ Москвы дорогой окупъ въ 3000 р. такъ какъ тамъ рады были отдѣлаться отъ опасности, о „замятнѣ" же небыло ничего извѣстно. Съ огромнымъ полономъ уходили татары. „Жалостно бѣ видяху и достойно слезъ многихъ", съ грустью сообщаетъ лѣтописецъ [1]: „яко единъ татаринъ до четыредесять христіанъ ведяше, съ нужею повязавши". Немало должно было быть потрясающихъ сценъ, когда несчастные плѣнные бросали послѣдній взоръ на ихъ родныя мѣста, которыя врядъ ли кому изъ нихъ пришлось потомъ когда-либо увидѣть. „И бысть тогда во всей Руской земли всѣмъ христіанамъ туга велика, и плачь неутѣшимъ, и рыданіе и кричаніе.... И не бысть такова, иже бы безъ убытка былъ, но вси въ тузѣ и скорби мнозѣ и печалію одержими". По истинѣ велико было бѣдствіе. Но русскій человѣкъ никогда не падалъ духомъ. И теперь города строились быстро вновь, и скоро Серпуховъ глядѣлъ попрежнему, хотя не то было на душѣ у многихъ изъ его жителей: кто лишился отца, кто матери или кого-либо изъ ближнихъ, одни посѣчены, другихъ увели злые татары далеко въ неволю. Въ возобновленныхъ храмахъ попрежнему кучи народа. Смиряясь духомъ предъ неисповѣдимыми судьбами Промысла, усердно молятся Богу объ упокоеніи убіенныхъ и о прощеніи своихъ согрѣшеній, за которыя попускается безбожнымъ Агарянамъ, какъ тогда называли татаръ, пустошить Русскую землю....

Чрезъ два года послѣ нашествія Эдигея, 4 мая 1410 г. скончался въ Москвѣ князь Владиміръ Андреевичъ на 57 году своей

---

[1] П. С. Р. Л. VIII, 84.

жизни. Въ лѣтописяхъ почти ничего не говорится по сему случаю, сказано только о погребеніи его въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ [1]. Между тѣмъ личность доблестнаго князя болѣе, чѣмъ кого-либо изъ его современниковъ, заслуживала вниманія лѣтописцевъ и людей книжныхъ. Не потребовалось бы отъ нихъ украшать его жизнеописаніе цвѣтами краснорѣчія: оно достаточно было бы украшено его славными дѣлами и чертами его незапятнаннаго, благороднаго характера. Не стало человѣка, молодость котораго протекла подъ руководствомъ святителя Алексѣя, кого не разъ благословлялъ на добрыя дѣла пр. Сергій, другой герой Куликовской битвы сошелъ въ могилу. Княгиня лишилась любимаго мужа, дѣти любящаго отца, всѣ слуги, начиная съ бояръ до послѣднихъ потеряли привѣтливаго господина и рачительнаго домоустроителя.

ГЛАВА III.

Очеркъ Серпуховскаго княжества и завѣщанія Владиміра Андреевича и его супруги Елены Ольгердовны.

Какъ мы видѣли, первымъ Серпуховскимъ княземъ былъ третій, младшій сынъ Іоанна Калиты, Андрей Іоанновичъ. Серпуховъ въ скоромъ времени сдѣлался первымъ мѣстомъ удѣла его: такъ онъ значится первою изъ отчинъ Владиміра Андреевича, такимъ же онъ является и въ его завѣщаніи. Отсюда справедливо именовать князя Андрея Іоанновича и его преемниковъ по удѣлу князьями Серпуховскими. Но тотъ ошибется, кто сталъ бы предполагать, что Серпуховскіе князья были мѣстными князьями въ родѣ Оболенскихъ, Торускихъ, Новосильскихъ и другихъ удѣльныхъ князей. Исходя изъ понятій частной собственности, что было вполнѣ согласно съ старинными обычаями въ княжескомъ быту, Іоаннъ Калита при дѣлежѣ своихъ земель, какъ частной собственности, не хотѣлъ по возможности обидѣть своихъ сыновей. Онъ обратилъ

---

[1] П. С. Р. Л. VIII, 84, Соф. врем. I, 444 стр.

при этомъ особенное вниманіе на Москву, которая шла быстро къ возвышенію на счетъ другихъ сѣверовосточныхъ залѣзскихъ городовъ Руси. Калита былъ домовитымъ княземъ, крѣпко привязаннымъ къ землѣ и особенно къ средоточію его владѣній въ Москвѣ, ставшей мѣстопребываніемъ главы русской церкви Владимірскаго митрополита. Кругомъ Москвы поселены были самые видные изъ дружинниковъ, вообще въ окрестностяхъ болѣе скучено было населеніе; отсюда радіусами идутъ пути чрезъ дремучіе лѣса къ другимъ виднымъ селеніямъ, но далеко бѣднымъ по сравненію съ Москвою. И вотъ Калита каждаго изъ трехъ своихъ сыновей привязываетъ одинаково къ Москвѣ распоряженіемъ духовнаго завѣщанія: „Приказываю", говоритъ онъ „сыномъ своимъ отчину свою Москву", т. е. всѣмъ, а не одному старшему сыну [1]. Дмитрій Іоанновичъ Донской, владѣвшій двумя жеребьями Москвы, въ завѣщаніи благословилъ старшаго сына Василія „на старишій путь въ городѣ (т. е. Москвѣ) и въ станѣхъ удѣла двою жеребьевъ" половиною [2]; другою же половиною своей части Москвы, т. е. второю третью, или жеребьемъ (третій принадлежалъ Владиміру Андреевичу) благословилъ остальныхъ трехъ своихъ сыновей. Подобно сему и Владиміръ Андреевичъ подѣлилъ свою треть Москвы между всѣми своими дѣтьми, да „вѣдаютъ по годамъ" [3], также каждый изъ его сыновей получилъ часть Московскихъ (подгородниxъ) селъ. Обращаясь къ старшему сыну Ивану, онъ говоритъ: „А сына князя Ивана благословляю, на старѣйшей путь ему въ Москвѣ и въ станѣхъ конюшей путь" и т. д. И такъ Москва на первомъ планѣ въ духовныхъ завѣщаніяхъ Московскихъ князей и даже удѣльнаго Серпуховскаго, владѣвшаго ея третію. Первое слѣдствіе этого явленія — то, что она дѣлается резиденціею многихъ князей. У каждаго изъ нихъ тамъ свой дворъ, подлѣ нихъ ихъ старшіе бояре. Это очень удобно для общей думы о дѣлахъ, если есть согласіе. Если князья молоды, какъ напр. въ минуту вступленія на великокняжескій столъ Дмитрія Донскаго былъ очень молодъ и самъ онъ и его двоюрод-

[1] Замѣтимъ, примѣровъ общаго владѣнія городами, селами и угодьями не мало въ Русской исторіи.

[2] Собр. Госуд. Грам. и дог. I, № 34.

[3] Тамъ же, I, № 40.

ный братъ, оба сироты, одно благотворное вліяніе высшей духовной власти московскаго митрополита простирается одинаково благодѣтельно и на великаго князя и на удѣльныхъ. На основаніи этихъ соображеній мы объясняемъ себѣ ту дружбу и общую думу въ дѣлахъ, которыя замѣчаются въ отношеніяхъ Дмитрія Іоанновича съ его двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ. Для старшаго изъ князей, великаго князя, совмѣстное жительство въ Москвѣ ближайшихъ его родичей и князей Серпуховскаго удѣла во всѣхъ отношеніяхъ было очень выгодно: онъ отлично могъ слѣдить за всѣмъ и не упускать своихъ интересовъ. Это же обстоятельство препятствовало обособленію удѣловъ, разрозненности. Въ своихъ вотчинахъ, кромѣ Москвы, удѣльные князья, какъ другихъ Московскихъ удѣловъ, такъ и Серпуховскаго, бывали только временно, въ случаѣ надобности; да въ тѣ смутныя времена, когда ежеминутно могла предстоять опасность вражескаго нашествія, гораздо безопаснѣе было жить съ семействомъ въ многолюдной крѣпкой Москвѣ, имѣвшей „каменный градъ", заложенный, какъ мы видѣли, Дмитріемъ Іоанновичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ.

Напрасно поэтому искать въ Серпуховѣ, главной, *послѣ Москвы*, отчины Серпуховскихъ князей [1], ихъ главныхъ теремовъ со всякими службами: они были не здѣсь, а въ Москвѣ [2], въ Серпухо-

---

[1] Князь Андрей Іоанновичъ, Владиміръ Андреевичъ и старшій сынъ послѣдняго неправильно иногда называются князьями Боровскими: Боровскъ не былъ ихъ главною отчиною; поэтому они должны именоваться Серпуховскими князьями. Замѣтимъ, что въ послѣдующія времена въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаются неправильности въ родѣ слѣдующихъ: „У великаго князя у Ивана у Даниловича у Калиты были три сына.... *третей князь Андрѣй сѣлъ на удѣлѣ въ Боровску*". (П. С. Р. Л. VII, 238). Мы видѣли, что Боровскъ былъ пожалованъ Дмитріемъ Донскимъ сыну Андрея, князю Владиміру Андреевичу, такъ что Андрей никакъ не могъ имъ владѣть. Подобная ошибка повторена въ Лѣтописи по Лаврентьевск. списку, изданіе Археограф. коммисс. (1872. Спб.), именно въ указателѣ личныхъ именъ мы читаемъ такъ: „Андрей Іоанновичъ.... *кн. Боровскій*".—Князь Долгоруковъ въ Рос. Родос. кн. IV, стр. 163, неизвѣстно, на какомъ основаніи, называетъ Владиміра Андреевича княземъ удѣльнымъ Коломенскимъ: Коломна никогда не принадлежала къ Серпуховскому удѣлу. Въ почтенномъ трудѣ С. М. Соловьева (Исторія Россіи), не встрѣчается никакихъ неточностей по вопросу о первенствѣ Серпухова въ числѣ другихъ удѣловъ Серпуховскихъ князей.

[2] Намъ случалось слышать отъ бывшаго архимандрита Высоцкаго монастыря летія, большаго любителя старины, предположеніе, что будто въ этомъ

вѣ могли быть только скромныя палаты для временнаго пребыванія въ случаѣ пріѣзда. Въ Москвѣ же были главнѣйшіе дворы бояръ, окружавшихъ Серпуховскихъ князей. Церковь св. Архангела Михаила была усыпальницею не только Московскихъ князей, но и Серпуховскихъ [1]. Щедрые вклады дѣлались Серпуховскими княгинями въ московскіе храмы на поминовеніе ихъ почившихъ мужей. Такъ мать Владиміра Андреевича, княгиня Марія построила въ Москвѣ монастырь „Рожества на рвѣ", тамъ она и была похоронена подъ именемъ инокини Мароы [2]. Супруга Владиміра Андреевича Елена богато одарила деревнями какъ этотъ монастырь, гдѣ она пожелала быть похороненною, такъ и храмъ св. Архангела Михаила, „гдѣ, говоритъ она въ духовномъ завѣщаніи, лежытъ князь мой и дѣтѣ" [3]. Дала она также богатые вклады деревнями и въ Чудову обитель, да „поминаютъ, сказано тамъ же, нашы души". Она же „Олена Волгирдовна" [4] дала „по своемъ князѣ и по своихъ родителехъ въ домъ Пречистой Богородицы Өотѣю митрополиту всеа Русіи.... село Кудрино [5] со многими деревнями и селищи" [6].

Еще первый Серпуховской князь, отецъ Владиміра Андреевича, Андрей Ивановичъ владѣлъ подъ Москвою селами: Нарунижьскимъ [7] и знаменитымъ въ послѣдствіи Коломенскимъ [8]. Число этихъ селъ значительно увеличилось при Владимірѣ Андреевичѣ, отчасти посредствомъ прикуповъ. Такъ въ его духовной поименовываются слѣдующія ближнія и дальнія московскія села и угодья, помимо

были Палаты Владиміра Андреевича и что они находились у Покровскаго собора, на что будто бы указываютъ государственные гербы (по стилю начала XVIII в.), до сихъ поръ находящіеся на наружной стѣнѣ означеннаго собора. Если и дѣйствительно такъ, то палаты конечно служили для временнаго пріѣзда. Но не правдоподобнѣе ли предположить, что гербы сохраняются въ память о томъ, что въ монастырѣ нѣкогда останавливались великіе князья или цари, напр. Іоаннъ Грозный, Годуновъ, Шуйскій, когда они пріѣзжали осматривать ратныя силы, сбиравшіяся на берегахъ Оки: Высоцкій монастырь на такой случай былъ весьма удобнымъ пунктомъ.

[1] Соѳ. врем. II, 281.

[2] П. С. Р. Л. VIII, 60.

[3] Собр. Госуд. гр. и дог. I, № 82.

[4] Т. е. Ольгердовна.

[5] Нынѣ урочище въ Москвѣ.

[6] Акты относящ. до юридич. быта древней Россіи, Ник. Калачова, II, № 178.

[7] Что оно было подъ Москвою, видно изъ духовнаго завѣщанія Владиміра Андреевича. (Собр. Госуд. гр. и догов. I, № 40).

[8] [illegible], грам. и догов. I, №№ 21 и 22.

чемъ высшее попечительство надъ оставляемою семьею поручилъ своему старѣйшему брату Великому князю Василію Дмитріевичу „чтобы ся еси ими печаловалъ“; его же покровительству онъ вручилъ и своихъ бояръ. Подъ высшею охраною Василія Дмитріевича жена завѣщателя княгиня Елена должна была рѣшать взаимные споры ея сыновей братьевъ, если не могутъ сговориться ихъ бояре. Вообще все духовное завѣщаніе проникнуто глубокимъ уваженіемъ князя къ своей княгинѣ, будущей вдовѣ. „Приказываю, говоритъ онъ, дѣти свои княгинѣ своей: а вы, дѣти мои, живите за одинъ, а матерь свою чтите и слушайте“. Богато онъ надѣлилъ ее московскими селами, всякими угодьями и помѣстьями въ удѣлахъ своихъ сыновей [1] и поставилъ въ вполнѣ независимое положеніе: она сама будетъ сбирать дань съ своего удѣла и отсылать Великому князю, дѣтямъ въ это не вступаться, сама княгиня судитъ дѣла въ своемъ удѣлѣ, и тутъ они не должны мѣшаться [2]. Изъ московскихъ доходовъ было отказано Еленѣ: „треть тамги московьские, и восмничее, и гостиное, и вѣсчее, и пудовое, и пересудъ, и серебреное литье, и всѣ пошлины московьские“. Изъ своего имѣнія Владиміръ Андреевичъ отказалъ своей княгинѣ: „стадо седелное, кони и лошаки и жеребьци и кобылье стадо“; ей же съ меньшими дѣтьми былъ завѣщанъ „дворъ болшой Московьской на полы“. Въ концѣ завѣщанія прибавлено: „А что есмь чѣмъ благословилъ которого сына, что есмь имъ подавалъ, а то у нихъ и есть у моихъ дѣтей; а оприснь того, что ни будетъ въ моей казнѣ, или что ми на комъ взяти, а то все княгинѣ моей по моей душѣ; а дѣти мои въ то не въступаются“.

Мы уже упоминали, что Владиміръ Андреевичъ отказалъ свою треть своей вотчины Москвы всѣмъ своимъ сыновьямъ [3]. Вотъ

[1] Ей были отказаны: „Лужа со всѣми слободами и съ волостьми и съ околицами и съ селы и зъ бортью, съ тамгою и съ мыты и съ озеры и со всѣми пошлинами, и что въ Луже села за слугами и въ слободахъ, Козловъ бродъ зъ бортью и съ селы и съ оброчники и со всѣми пошлинами, Бадѣева слободка“, изъ московскихъ селъ: „Коломеньское село со всѣми луги и зъ деревнями, Ногатиньское со всѣми луги и зъ деревнями, Таниньское село съ Корѣсвымъ, Косино съ треми озеры, Обухово“, мельница „на усть Яузы“.

[2] „А на мытниковъ и на таможниковъ дѣти мои на Городецькихъ матери своей приставовъ своихъ не даютъ, ни судятъ ихъ, мытниковъ своихъ и таможниковъ судитъ ихъ княгини моя; а въ мытъ и въ тамгу дѣти мои не вступаются никаковыми дѣлы“.

[3] Впрочемъ „пошлины московьские“ были отказаны княгинѣ Еленѣ, и только „по

селенія, а съ двумя прежними селами: Нарунижьскимъ и Коломенскимъ, у Владиміра Андреевича было 24 Московскихъ села, сверхъ сего особо три мельницы, помимо нѣсколькихъ, бывшихъ въ селахъ. Въ этотъ счетъ не входитъ большое село Кудрино, одно изъ главныхъ Московскихъ селъ, отказанное, какъ мы видѣли, „въ домъ Пречистой Богородицы" (Успенск. соборъ) вдовою Владиміра Андреевича Еленою Ольгердовною, сверхъ сего ея же села: „Ногатиньское [1]", „Богородское", „Медкино", Дьяковьское [2]", „Одрины".

Въ Москвѣ Владиміръ Андреевичъ съ своимъ дворомъ жилъ лѣтомъ не въ тѣсномъ Кремлѣ, а привольно за городомъ у Трехгорной заставы. Тамъ на урочищѣ „Трехъ горокъ" былъ его „Болшій дворъ" съ церковью. Тутъ по сосѣдству было его „село Болшое Кудрино, а къ тому селу тянули деревни": „Онаньина, Обѣлицына, Безстужево, Ѳеонасовская, Давыдкова, Діаконова, Перепецина, Краскова [3], Редкина, Выпрежкова, Радукина, Волчина, Захарова [4], Тимошкина" [5].

Югозападныя мѣста и урочища у Москвы составляли преимущественно треть ближайшихъ къ ней владѣній Владиміра Андреевича въ московскихъ станахъ. Такъ здѣсь были, какъ уже было сказано, его Большой дворъ на „Трехъ горахъ", затѣмъ принадлежали ему: село Большое Кудрино, съ деревнями, межа которыхъ шла по рѣчку Ходынку, по Тверскую дорогу (нынѣшняя Тверская застава) и по Сущевскую межу [6], на югъ — Выпряжково на Студенцѣ, село Ногатиньское, сосѣднее съ Коломенскимъ [7], съ принадлежавшими къ нему „зарѣцкими луги". Если взять всѣ деревни, тянувшія къ этимъ селамъ, то окажется, что мѣстность отъ

---

[1] Лежало подъ Москвою, что видно изъ завѣщанія Елены (Собр. Госуд. грам. и догов. I, № 82).

[2] Были подъ Москвою.

[3] Въ Списк. нас. мѣстъ Моск. губ. есть Красково, иначе Богородское, въ 20 верстахъ отъ Москвы, за Косинымъ (№ 63). Большая часть приведенныхъ деревень кажется вошла въ Москву, ибо въ Спискахъ нас. мѣстъ ихъ нѣтъ.

[4] Теперь есть Захарково на р. Химкѣ, въ $10^1/_2$ верст. отъ Москвы (№ 224 Спис. нас. мѣстъ), но по видимому не одно и то же, такъ какъ Захарово въ писц. книг. 1623 — 1697 г. (Иван. стр. 110) встрѣчается отдѣльно отъ Захаркова.

[5] Акты Н. Калачова II, № 178.

[6] Тамъ же.

[7] Какъ видно изъ духовнаго завѣщанія Влад. Андр. (Собр. Госуд. гр. и догов. I, (№ 40, стр. 77).

Ходынки до села Коломенскаго главнымъ образомъ была во владѣніи Владиміра Андреевича. Далѣе изъ замѣчательныхъ селъ подъ Москвою ему принадлежали лежавшія болѣе отдѣльно въ черезполосномъ владѣніи: Тайнинское, на Яузѣ, на с. отъ Москвы, на в. Косино при трехъ озерахъ, оба близко отъ города. Изъ мельницъ были подъ рукою: въ самой Москвѣ на устьи Яузы и на Неглиной. Отдѣльныхъ дворовъ и садовъ въ столицѣ было у Владиміра Андреевича также не мало. Такъ ему принадлежали: 1) „Старый дворъ“ съ мѣстомъ „на Подолѣ, гдѣ были Владычни хоромы“ [1]. 2) „Глѣбьковъ садъ“ и „что къ нему потягло“ [2], 3) „Мѣсто Доронькино холопье“ [3], у устья Яузы, 4) „Зворыкинъ дворъ“ [4], 5) „Игнатьевъ дворъ“, 6) „Бутовъ садъ“, 7) „Княгини Великое Марьинъ дворъ“, 8) „Тереховъ садъ за Неглимною“, 9) „Чичаговъ садъ“ и наконецъ 10) „Дворъ болшой московьской“, за Архангельскимъ соборомъ въ Кремлѣ, какъ видно изъ духовной Василія Темнаго [5].

Московскія угодья съ подгородними селами и деревнями доставляли почти все необходимое для двора Владиміра Андреевича. На столичныхъ мельницахъ перемалывался хлѣбъ, на сосѣднихъ лугахъ паслись табуны коней („стадо седелное“) и рогатый скотъ, бортники доставляли медъ и воскъ, бобровники ловили бобровъ, водившихся въ тѣ привольныя времена подлѣ самой Москвы, садовники изъ городскихъ и подгороднихъ садовъ поставляли для обихода плоды и овощи. Псари всегда готовы были тѣшить князя охотою [6]. Чего не было тутъ, можно было получить изъ волостей. Такъ изъ Городца на Волгѣ привозили съ тамошнихъ варницъ [7] соль, оттуда же шла и волжская рыба. Сами князья иногда отправлялись въ Городецъ „ѣзъ себѣ забити“ (половить рыбы).

---

[1] Духовная Елены.

[2] Тамъ же.

[3] Тамъ же.

[4] Духовная Влад. Андр. Тамъ же и о слѣд. дворахъ и садахъ. — Великая княгиня Марья была женою Симеона Гордаго. (Духов. Іоанна Іоанн. Собр. Госуд. грам. и догов. I, № 25, стр. 40).

[5] Собр. Госуд. грам и догов. I, № 87. „Дворъ княжь Васильевской Ярославича княж Володимеровской за Архангиломъ Михаиломъ“.

[6] Охота называлась тогда „утѣхою“. Духов. за[illegible]

[7] „Городецьскіе варницы“ въ духов. Влад.

Все привязывало Серпуховскихъ князей къ Москвѣ: и сознаніе величія этого города, для нихъ роднаго, отсюда выраженіе „старѣйшей путь въ Москвѣ“ для старшаго изъ нихъ, и прахъ прародителей, почивавшихъ въ общей усыпальницѣ князей вмѣстѣ съ великими князьями Московскими, и близость къ столь уважаемой главѣ русской церкви, наконецъ къ великокняжеской семьѣ, при чемъ, при случаѣ, можно было пріобрѣсти большое вліяніе на дѣла, какъ это удалось Владиміру Андреевичу, связавшему свое имя неразлучно съ именемъ Дмитрія Донскаго. Съ знаменитѣйшими изъ Московскихъ бояръ Серпуховскіе князья охотно вступали въ родство посредствомъ браковъ, такъ одинъ изъ сыновей Владиміра Андреевича Андрей былъ женатъ на дочери знатнаго боярина Ивана Дмитріевича, другой — Ярославъ на внукѣ не менѣе знаменитаго боярина Ѳедора Андреевича Кошки [1].

Такимъ образомъ Серпуховскіе князья были въ сущности тоже Московскими князьями, только младшими. Серпуховскими они назывались по главной ихъ отчинѣ, хотя не самой старой, Серпухову, или собственно „Серпохову“, какъ онъ называется во всѣхъ княжескихъ актахъ XIV и XV вѣковъ. Изъ ихъ удѣльныхъ вотчинъ этотъ городъ стоитъ на первомъ мѣстѣ послѣ Москвы, такъ имъ прежде всего Владиміръ Андреевичъ благословилъ своего старшаго сына Ивана. Управлялся Серпуховъ, какъ и другіе города, княжескими волостелями и намѣстниками. Въ 1374 году въ него, какъ мы видѣли, былъ назначенъ намѣстникомъ въ санѣ окольничаго [2] Яковъ Юрьевичъ Новосилецъ [3]. О дальнѣйшихъ назначеніяхъ намъ неизвѣстно изъ лѣтописей. Въ короткое время дважды сожженный татарами городъ первое время не могъ особенно богатѣть и щеголять храмами и другими постройками; нѣсколько бóльшее значеніе придавали ему двѣ подгородныя обители, связанныя съ именами святыхъ мужей святителя Алексѣя и преподобнаго Сергія.

---

[1] С. Соловьевъ IV, 186.

[2] Окольничіе хотя и были членами княжеской думы, но занимали второстепéнное мѣсто сравнительно съ большими боярами, или послѣ—просто боярами. С. Соловьевъ IV, 196.

[3] Въ Родословной кн. Долгорукова (ч. VI, 163) отецъ Новосильца Юрій Шалый [illegible] чій въ Литву, а изъ Литвы въ Россію, въ половинѣ XIV в.

Сельское населеніе въ селахъ и деревняхъ, тянувшихъ какъ къ Серпухову, такъ и къ другимъ городамъ, было, какъ извѣстно, свободно, не прикрѣплено къ землѣ. Послѣдней было такъ много, что къ разселенію не было особенныхъ препятствій, тѣмъ болѣе, что были участки, ни кѣмъ не занятые; отсюда неопредѣленность земельныхъ границъ. Обиліемъ порожней земли, по нашему мнѣнію, объясняется отчасти право князей въ станахъ „кони ставити", т. е. пользоваться лугами, какъ пастбищами для своихъ табуновъ.

Рядомъ съ свободнымъ населеніемъ во всемъ Серпуховскомъ удѣлѣ, какъ и въ другихъ тогдашнихъ княжествахъ, можно было встрѣтить несвободныхъ, „купленыхъ" людей [1]. Такъ по духовнымъ грамотамъ Іоанна Калиты отцу Владиміра Андреевича князю Андрею достались, наравнѣ съ братьями: „бортники и оброчники купленые"; равнымъ образомъ съ нимъ подѣлились его братья куплеными ихъ отцомъ людьми, „что въ великомъ свертцѣ" [2]. Владиміру Андреевичу, помимо наслѣдованныхъ отъ отца, досталась треть „купленыхъ бортниковъ" части дяди его Іоанна Іоанновича, по духовному завѣщанію послѣдняго [3]. Положеніе „купленыхъ людей" было отнюдь не похоже на рабское состояніе: они, наравнѣ съ ордынцами [4] и съ разными промышленниками и ремесленниками („дѣлюями"), какъ-то: бортниками, садовниками, псарями, бобровниками и др. отчасти завѣдывали княжескимъ хозяйствомъ, и даже письмоводствомъ, въ ка-

---

[1] Обыкновеніе держать для домашнихъ услугъ „купленыхъ людей" существовало до временъ Петра В., такъ и въ Серпуховѣ встрѣчаются „купленые" люди предъ самою эпохою преобразованій.

[2] Духов. Іоанна Калиты.

[3] Собр. Госуд. грам. и дог. I, № 25, стр. 39.

[4] Ордынцы повидимому были люди, выкупленные изъ Орды и обязанные при княжескомъ дворѣ службами. Изъ сличенія договора Симеона Гордаго съ братьями (1341 г.) съ послѣдующими договорами Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ, вообще нѣсколько сходными по формѣ, оказывается, что мѣсто перваго договора: „а которыхъ людѣй отецъ нашъ князь Великии (т. е. Калита) вынималъ изъ.... (повидимому изъ Орды).... въ службу, тѣ такъ и знаютъ свою службу, въ которую кто уряженъ, а намъ ихъ къ себѣ не приимати. А вольнымъ слугамъ воля".... и т. д. соотвѣтствуетъ мѣсту договоровъ Дмитрія Донскаго: „А что наши ординци и дѣлюи, а тѣмъ знати своя служба, какъ было при нашихъ отцѣхъ". По крайней мѣрѣ оба отрывка находятся въ соотвѣтствующихъ другъ другу мѣстахъ.

чествѣ дьяковъ[1], были „людьми дѣловыми“ [2]. Помимо „купленыхъ людей“ число несвободныхъ увеличивалось „закладнями“, шедшими въ кабалу, чтобы освободиться отъ тягла, отъ податей.

Городскіе жители, т. е. посадскіе, называвшіеся „черными людьми“ или „числеными“, дѣлились на сотни для лучшаго отбыванія тягла, подобно сельчанамъ, носившимъ названіе тоже „черныхъ людей“ и имѣли своихъ выборныхъ—сотцкихъ („сотниковъ“) для той же цѣли и для лучшаго удовлетворенія своихъ нуждъ. Князья слѣдили, чтобы „черные“ или „численые люди“ не выходили изъ тягла. Въ договорной грамотѣ Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ сказано: „черныхъ людей въ службу не принимати, но блюсти ихъ съ одиного, также и численыхъ людей“ [3]; въ другомъ договорѣ тѣхъ же князей говорится относительно черныхъ людей: „земль ихъ не купити“ [4] — опять въ тѣхъ видахъ, чтобы не убавилось тяглыхъ людей. Далѣе тамъ же читаемъ: а„ хто будетъ покупилъ земли данныѣ, служни или черныхъ людей.... а тѣ хто возможетъ выкупити, инѣ выкупятъ; а не взмогутъ выкупити, инѣ потянутъ къ чернымъ людемъ, а хто не въсхочетъ тянути, инѣ ся земль съступятъ, а земли чернымъ людемъ даромъ“. Въ финансовыхъ же цѣляхъ Василій Дмитріевичъ съ Владиміромъ Андреевичемъ договорились: „закладний въ городѣ (т. е. Москвѣ) не держати, а съ дворомь человѣка въ городѣ (Москвѣ) не купити, а блюсти ны ихъ съ одиного“. „А которыи слуги потягли къ дворьскому при нашихъ отцѣхъ, а черныи люди къ сотьскому, а тѣхъ намъ (Василію) не принимати, також и тобе“ [5].

Всѣхъ свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ были люди особенно нужные князю въ ту эпоху, когда часто грозила оттуда опасность, откуда никто ея не чаялъ: это бояре, начиная со старшихъ до такъ называемыхъ „слугъ вольныхъ“ — мелкихъ воиновъ дружинниковъ, бывавшихъ въ „кормленьи“, т. е. пользовавшихся

---

[1] Собр. Госуд. грам. и догов. I, № 26.
[2] Собр. Госуд. гр. и дог. I, № 24.
[3] Собр. Госуд. грам. и догов. I, № 27.
[4] Тамъ же, № 33.
[5] Собр. Госуд. грам. и дог. I, № 35, стр. 63, 64.

временно землями, населенными сельчанами. Всѣ они пользовались правами отъѣзда „Боярамъ и слугамъ вольнымъ воля“ — говорится то и дѣло въ княжескихъ договорахъ [1]. Изъ нихъ князь выбиралъ правителей, давалъ имъ въ управленіе доходныя статьи „пути“ [2], отсюда—„путные бояре“; они же отправляли всѣ главныя должности при дворѣ и были воеводами въ войскѣ.

Князья покровительствовали торговлѣ [3], принимая въ ней участіе: такъ избытокъ естественныхъ произведеній съ ихъ помѣстій шелъ на продажу [4]. Главнѣйшіе купцы, называвшіеся гостями и суконниками [5], пользовались почетнымъ положеніемъ, какъ люди весьма полезные для самихъ князей. По договорной грамотѣ Дмитрія Іоанновича съ Владиміромъ Андреевичемъ ихъ нельзя было принимать къ себѣ въ службу, а слѣдовало „блюсти.... съ одиного“.

Договорныя грамоты Владиміра Андреевича съ Дмитріемъ Іоанновичемъ и его преемникомъ сообщаютъ намъ любопытныя данныя на счетъ суда, изъ которыхъ можно видѣть, какъ легко могли возникать взаимныя недоразумѣнія вслѣдствіе слишкомъ близкаго соприкосновенія обоюдныхъ интересовъ. Еще Симеонъ Гордый условился съ братьями своими Иваномъ и Андреемъ, отцомъ Владиміра Андреевича судить въ Москвѣ въ жеребьяхъ всѣмъ троимъ сообща. Въ договорѣ по сему случаю сказано: „....Московски имуть бити челомъ тебѣ князю Великому на на-

---

[1] Напр. въ догов. грам. Симеона Іоанновича (тамъ же № 23), Дмитрія Донскаго съ Влад. Андр. (№№ 27 и 33).

[2] Пути были: „конюшій, сокольничій и ловчій“ (Духов. Дм. Донск.).

[3] Въ догов. грам. Дмитрія Донскаго и Владиміра Андреевича съ Тверскимъ князем Михаиломъ Александровичемъ огораживаются права купцовъ: „Мыта ти (Тверскому князю) держати и пошлины имати по старой пошлинѣ у нашихъ гостей и у торговцевъ; а путь имъ дати чистъ...., а мытовъ ти новыхъ и пошлинъ не замышляти“ (Собр. Госуд. грам. и дог. I, № 28). Подобнымъ образомъ торговые интересы ограждены были и по договорной грамотѣ двухъ помянутыхъ князей съ Рязанскимъ княземъ Олегомъ Ивановичемъ: „А мыты ны (Олегу Ивановичу) держати давныи пошлыи, а непошлыхъ мытовъ и пошлинъ не замышляти“ (тамъ же I, № 32).

[4] По договору Дмитрія Донскаго и Владиміра Андреевича съ Рязанскимъ княземъ 1402 г. послѣдній обязывается сохранять условіе: „князей Великихъ лодья пошлинъ нѣтъ“ (тамъ же, I, № 36).

[5] Дог. грам. 1388 г. Дмитрія Іоанновича съ Владим. Андр. Собр. Госуд. грам. и дог. I, № 33.

комъ“ — „долгъ бесерменьскый и проторъ, и русьскый долгъ“ [1]. Бесерменскій долгъ, т. е. долгъ бесерменскимъ — восточнымъ купцамъ бывалъ нерѣдко однимъ изъ тягостныхъ послѣдствій поѣздокъ князей въ Орду на поклонъ ханамъ, когда часто на подарки имъ и вельможамъ не хватало денегъ, и приходилось ихъ занимать у ордынскихъ купцовъ. Для уплаты послѣднимъ князья занимали у русскихъ купцовъ, отсюда происхожденіе „русскаго долга“. Къ проторамъ относились издержки на принятіе татарскихъ пословъ съ ихъ многочисленною алчною свитою, ямъ — или доставка имъ для проѣзда лошадей и т. п. Вѣроятно для покрытія подобныхъ, отчасти непредвидѣнныхъ расходовъ, и Великій князь и Владиміръ Андреевичъ сбирали въ своихъ удѣлахъ особую временную дань. Объ этой дани въ договорѣ [2] Великій князь выражается такъ: „А коли ми (Дмитрію Іоанновичу) взяти дань на своихъ боярѣхъ на большихъ и на путныхъ, тогды ти (Владим. Андр.) взяти на своихъ такъ же по кормленью и по путемъ, да дати ти мнѣ, а то опроче того урока трехъ сотъ рублевъ и дватцати“. Эта дань бралась съ княжескихъ сановниковъ, пользовавшихся доходными статьями („путями“), въ качествѣ ихъ завѣдывателей, и государственными землями („по кормленію“). Эта дань не могла быть тяжкою, потому что падала на болѣе домовитыхъ изъ бояръ, не то что выходъ съ численыхъ людей; впрочемъ и послѣдній только временами, послѣ татарскихъ набѣговъ, ложился всею тяжестью на сельскій и городской людъ, какъ было напр. послѣ нашествія Тохтамыша. Обыкновенно же, кажется, онъ не сбирался, какъ справедливо думаетъ С. М. Соловьевъ [3], поголовно, но въ зависимости отъ матеріальнаго достатка. На это указываетъ выраженіе: „судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ“ [4]. Разсчетъ при этомъ вѣрно дѣлался по сохамъ и по людямъ, на основаніи описи писцовъ, по крестному цѣлованію, какъ можно заключить изъ духовной Василія I [5].

---

[1] Тамъ же, № 33.
[2] Тамъ же, I, № 33.
[3] Исторія Россіи, IV, 179.
[4] Догов. грам. Дмит. Донск. и Влад. Андр. съ Тверскимъ князем Мих. Алекс. Собр. Госуд. гр. и дог. I, № 28, стр. 48.
[5] Собр. Госуд. гр. и догов. I, № 87, стр. 205 „да удѣлы свои писцы ихъ (дѣтей

друга „селъ не купити“ ни самимъ, ни боярамъ, „ни закладневъ, ни оброчниковъ не держати“ [1]. Въ земли, селенія и угодья, бывшія въ общемъ владѣніи по жеребьямъ (въ Москвѣ и ея станахъ) Владиміръ Андреевичъ слалъ своихъ „данщиковъ“ сообща съ данщиками Великаго князя. Впрочемъ послѣдній гарантировалъ себѣ дань (выходъ). „А что наши данщики, читаемъ въ договорѣ [2], сберутъ въ городѣ и станѣхъ и въ варяхъ (пасѣкахъ), тому ити въ мою казну, а мнѣ давати въ выходъ“. Но въ удѣлахъ, т. е. въ мѣстахъ помимо Московскихъ становъ, каждый посылалъ сбирать дань своихъ даньщиковъ и бралъ въ свою отдѣльную казну [3]. По особому разсчету, „по розочту“, Владиміръ Андреевичъ вносилъ въ великокняжескую казну свою часть „выхода“ для Орды. Всего отвозилось послѣдняго 5000 руб. Съ удѣла Владиміра Андреевича и съ доставшейся ему трети части княгини Ульяны, жены Калиты, сходило 320 руб. [4]. То же количество съ отчинъ Владиміра Андреевича показано въ договорѣ его съ Василіемъ Дмитріевичемъ 1389 г.; сверхъ сего съ Волока онъ долженъ былъ давать 170 руб. По второму договору съ тѣмъ-же великимъ княземъ, послѣ промѣна Волока и Ржевы, Владиміръ Андреевичъ платилъ съ новыхъ прибытковъ: „съ Углеча поля. .... въ семь тысячь рублевъ“ 105 руб.; сверхъ сего съ Городца на Волгѣ и приданныхъ къ нему Василіемъ волостей шло 160 руб. въ счетъ 1500 руб. выхода, сходившихъ съ Нижегородскаго княжества. Въ духовной Владиміра Андреевича мы встрѣчаемъ тѣже самыя цифры. Хотя по количеству выхода нельзя съ точностью опредѣлить матеріальное значеніе Серпуховскаго удѣла, тѣмъ не менѣе видно, что Великое княжество Московское было въ нѣсколько разъ могущественнѣе и богаче его.

Помимо опредѣленнаго выхода для отсылки въ Орду, Владиміръ Андреевичъ долженъ былъ по договору съ братомъ „подняти по розочту“ или, какъ сказано въ другомъ мѣстѣ [5], „по давнымъ сверт-

---

[1] Договор. грам. Дмитрія Донскаго съ Влад. Андреевичемъ, Соб. Гос. гр. и дог. I, №№ 27 и 29.

[2] Договоръ тѣхъ же князей. Тамъ же, I, № 33.

[3] Тамъ же. I, №№ 27 и 29.

[4] Собр. Госуд. грам. и дог. I, № 33.

[5] Собр. Госуд. грам. и догов. I, № 27.

комъ" — „долгъ бесерменьскый и проторъ, и русьскый долгъ"[1]. Бесерменскій долгъ, т. е. долгъ бесерменскимъ — восточнымъ купцамъ бывалъ нерѣдко однимъ изъ тягостныхъ послѣдствій поѣздокъ князей въ Орду на поклонъ ханамъ, когда часто на подарки имъ и вельможамъ не хватало денегъ, и приходилось ихъ занимать у ордынскихъ купцовъ. Для уплаты послѣднимъ князья занимали у русскихъ купцовъ, отсюда происхожденіе „русскаго долга". Къ проторамъ относились издержки на принятіе татарскихъ пословъ съ ихъ многочисленною алчною свитою, ямъ — или доставка имъ для проѣзда лошадей и т. п. Вѣроятно для покрытія подобныхъ, отчасти непредвидѣнныхъ расходовъ, и Великій князь и Владиміръ Андреевичъ сбирали въ своихъ удѣлахъ особую временную дань. Объ этой дани въ договорѣ[2] Великій князь выражается такъ: „А коли ми (Дмитрію Іоанновичу) взяти дань на своихъ боярѣхъ на большихъ и на путныхъ, тогды ти (Владим. Андр.) взяти на своихъ такъ же по кормленью и по путемъ, да дати ти мнѣ, а то опроче того урока трехъ сотъ рублевъ и дватцати". Эта дань бралась съ княжескихъ сановниковъ, пользовавшихся доходными статьями („путями"), въ качествѣ ихъ завѣдывателей, и государственными землями („по кормленію"). Эта дань не могла быть тяжкою, потому что падала на болѣе домовитыхъ изъ бояръ, не то что выходъ съ численыхъ людей; впрочемъ и послѣдній только временами, послѣ татарскихъ набѣговъ, ложился всею тяжестью на сельскій и городской людъ, какъ было напр. послѣ нашествія Тохтамыша. Обыкновенно же, кажется, онъ не сбирался, какъ справедливо думаетъ С. М. Соловьевъ[3], поголовно, но въ зависимости отъ матеріальнаго достатка. На это указываетъ выраженіе: „судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ"[4]. Разсчетъ при этомъ вѣрно дѣлался по сохамъ и по людямъ, на основаніи описи писцовъ, по крестному цѣлованію, какъ можно заключить изъ духовной Василія I[5].

---

[1] Тамъ же, № 33.

[2] Тамъ же, I, № 33.

[3] Исторія Россіи, IV. 179.

[4] Догов. грам. Дмит. Іоанн. и Влад. Андр. съ Тверскимъ княземъ Мих. Алекс. Собр. Госуд. гр. и дог. I, № 28, стр. 48.

[5] Собр. Госуд. гр. и догов. I, № 87, стр. 205 „да удѣлы свои писцы ихъ (дѣтей

Значительнымъ подспорьемъ для княжескихъ доходовъ служили многочисленныя торговыя, судебныя и другія пошлины. Сюда относились: тамга, мыты, сбиравшіеся князьями въ своихъ удѣлахъ еще по завѣщанію Калиты, оброкъ медовой, городскія пошлины (т. е. московскія), пошлины съ гостей и торговцевъ, хоженое, на правду (обѣ—съ суда [1]) пошлина съ воза по денгѣ [2], съ рубля по алтыну, „съ лодьи съ доски по алътыну... съ струга съ набои два алтына..., безъ набои деньга" [3] „восмничее", „гостиное", „вѣсчее", „пудовое", „пересудъ", „серебреное литье" [4] и др.

Какъ независимые князья, Владиміръ Андреевичъ и его преемники имѣли свою монету, общаго типа съ великокняжескою московскою. У Сонцова въ описаніи удѣльныхъ монетъ [5] находится между прочимъ изображеніе двухъ серебряныхъ денегъ Владиміра Андреевича. На одной — профиль человѣческой головы, съ бородою, въ рукѣ сѣкира — вѣрно портретъ князя, на оборотѣ арабская надпись [6]. Другая монета менѣе замѣчательна.

Въ продолжительное княженіе Владиміра Андреевича (1353—1410 г.) Серпуховской удѣлъ значительно увеличился и усилился сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ видѣ онъ его наслѣдовалъ отъ своего отца. Послѣдній пріобрѣлъ къ своимъ вотчинамъ только два села: Михалевское и Микульское [7]. При Владимірѣ же Андреевичѣ, какъ мы видѣли, постепенно были присоединены:

1) Новый городокъ на устьѣ Поротли (Протвы).

2) Козловъ бродъ съ деревнями, упоминаемый въ договорной

Василія I) опишутъ по крестному цѣлованью, да по тому письму и обложатъ по сохамъ и людемъ".

[1] Собр. Госуд. гр. и дог. I, № 28.

[2] Договоръ Димитр. Донск. и Влад. Андр. съ Рязанскимъ князомъ Олегомъ Ивановичемъ. Тамъ же, I, № 32.

[3] Догов. Василія I и Влад. Андр. съ Рязан. кн. Тамъ же, I, № 36.

[4] Упоминаются въ духовной Владиміра Андреевича. Тамъ же, I, № 40.

[5] Деньги и пулы древней Руси. Сонцовъ, подобно многимъ, тоже путаетъ Боровское (позднѣйшее) княжество съ Серпуховскимъ (древнѣйшимъ) говоря: „По смерти Андрея (1353 г.) Боровское-Серпуховское княженіе поступило" и т. д.

[6] Монеты съ арабскими или татарскими надписями вѣроятно предназначались для уплаты „выхода".

[7] По договору съ Симеономъ Гордымъ, какъ эти села, такъ и еще два „Микифоровьское и Пароеньевское" были въ общемъ владѣніи у князя Андрея и его брата Ивана; послѣ, какъ видно, они произвели раздѣлъ.

грамотѣ 1371 г. Лежалъ не далеко отъ Нары вверхъ по теченію, верстахъ въ 30 отъ Серпухова [1].

3) Треть изъ волостей княгини Ульяны, жены Калиты, на основаніи его завѣщанія, именно: Радонежъ, Бѣли, Черноголовль, Добрятинская треть, Мушковы горы треть [2].

4) Лужа и Боровскъ, пожалованные Дмитріемъ Іоанновичемъ по челобитью чрезъ митрополита Алексѣя.

5) При Василіи I [3] Городецъ на Волгѣ съ волостями, со всѣми путями и пошлинами въ обмѣнъ на прежде уступленный Волокъ, затѣмъ Угличъ „съ пути и съ пошлинами и съ селомъ съ Золоторусскымъ" [4], въ промѣнъ на Ржеву съ волостями, которая была ему дана раньше.

6) Тогда же „Козлескъ (Козельскъ), Гоголь, Олексинъ, купля Пересвѣтова, Лисинъ" (Лихвинъ?) [5] Любутскъ.

Помимо всѣхъ этихъ вотчинъ Владиміромъ Андреевичемъ, какъ мы видѣли, было пріобрѣтено значительное количество селъ.

Столь увеличенный Серпуховской удѣлъ однако долженъ былъ потерять всякое значеніе вслѣдствіе его раздѣла, по духовному завѣщанію Владиміра Андреевича, между его пятью сыновьями. Правда, Дмитрій Донской тоже раздробилъ свои земли между сыновьями, но старшій изъ нихъ — Василій, помимо крупныхъ вотчинъ, получилъ цѣльное великое княжество Владимірское, отчего онъ былъ довольно могущественъ. Не то было въ удѣлѣ Владиміра Андреевича: раздробленіе его несомнѣнно вело только къ одному ничтожеству его значенія.

Духовное завѣщаніе Владиміра Андреевича, подобно завѣщанію Дмитрія Донскаго, написано довольно обстоятельно [6]. По обычаю въ немъ онъ далъ „рядъ сыномъ" своимъ и своей княгинѣ, при-

[1] На границахъ Серпуховскаго и Боровскаго уѣздовъ въ 3 верстахъ отъ деревни Леоновой до сихъ поръ существуетъ урочище Козловъ бродъ — большой оврагъ съ рѣчкою, впадающею въ Нару. На горѣ у оврага прежде было селеніе съ церковью.

[2] Догов. грам. Влад. Андр. съ Василіемъ I. Собр. Госуд. грам. и дог. I. № 35.

[3] Тамъ же, I. № 35 по договору въ 1405 г.

[4] Въ с. отъ Углича. С. Соловьевъ IV, 161 примѣчаніе.

[5] Предположеніе С. М. Соловьева.

[6] Собр. Госуд. гр. и дог. I, № 40. Писалъ завѣщаніе Владиміръ Андреевичъ предъ своими духовными отцами: „передъ игуменомъ передъ Никономъ Радонежскимъ" и „Савою Спасьскимъ", въ присутствіи бояръ: Константина Ивановича, Михаила Ивановича, Алексѣя Григорьевича, Андрея Борисовича, Григорія Михайловича.

чемъ высшее попечительство надъ оставляемою семьею поручилъ своему старѣйшему брату Великому князю Василію Дмитріевичу „чтобы ся еси ими печаловалъ"; его же покровительству онъ вручилъ и своихъ бояръ. Подъ высшею охраною Василія Дмитріевича жена завѣщателя княгиня Елена должна была рѣшать взаимные споры ея сыновей братьевъ, если не могутъ сговориться ихъ бояре. Вообще все духовное завѣщаніе проникнуто глубокимъ уваженіемъ князя къ своей княгинѣ, будущей вдовѣ. „Приказываю, говоритъ онъ, дѣти свои княгинѣ своей: а вы, дѣти мои, живите за одинъ, а матерь свою чтите и слушайте". Богато онъ надѣлилъ ее московскими селами, всякими угодьями и помѣстьями въ удѣлахъ своихъ сыновей [1] и поставилъ въ вполнѣ независимое положеніе: она сама будетъ сбирать дань съ своего удѣла и отсылать Великому князю, дѣтямъ въ это не вступаться, сама княгиня судитъ дѣла въ своемъ удѣлѣ, и тутъ они не должны мѣшаться [2]. Изъ московскихъ доходовъ было отказано Еленѣ: „треть тамги московьские, и восмничее, и гостиное, и вѣсчее, и пудовое, и пересудъ, и серебреное литье, и всѣ пошлины московьские". Изъ своего имѣнія Владиміръ Андреевичъ отказалъ своей княгинѣ: „стадо седелное, кони и лошаки и жеребьци и кобылье стадо"; ей же съ меньшими дѣтьми былъ завѣщанъ „дворъ болшой Московьской на полы". Въ концѣ завѣщанія прибавлено: „А что есмь чѣмъ благословилъ которого сына, что есмь имъ подавалъ, а то у нихъ и есть у моихъ дѣтей; а опрись того, что ни будетъ въ моей казнѣ, или что ми на комъ взяти, а то все княгинѣ моей по моей душѣ; а дѣти мои въ то не въступаются".

Мы уже упоминали, что Владиміръ Андреевичъ отказалъ свою треть своей вотчины Москвы всѣмъ своимъ сыновьямъ [3]. Вотъ

[1] Ей были отказаны: „Лужа со всѣми слободами и съ волостьми и съ околицами и съ селы и зъ бортью, съ тамгою и съ мыты и съ озеры и со всѣми пошлинами, и что въ Луже села за слугами и въ слободахъ, Козловъ бродъ зъ бортью и съ селы и съ оброчники и со всѣми пошлинами, Бадѣева слободка", изъ московскихъ селъ: „Коломеньское село со всѣми луги и зъ деревнями, Ногатиньское со всѣми луги и зъ деревнями, Таниньское село съ Корѣевымъ, Косино съ треми озеры, Обухово", мельница „на усть Яузы".

[2] „А на мытников и на таможниковъ дѣти мои на Городецькихъ матери своей приставовъ своихъ не даютъ, ни судятъ ихъ, мытниковъ своихъ и таможниковъ судитъ ихъ княгини моя; а въ мытъ и въ тамгу дѣти мои не вступаются никаковыми дѣлы".

[3] Впрочемъ „пошлины московьские" были отказаны княгинѣ Еленѣ, и только „по ея

его подлинныя по сему случаю слова: „А приказываю вотчину свою Москву, свою треть, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой, дѣтемъ своимъ, сыну князю Ивану, князю Семену, князю Ярославу, князю Ондрѣю, князю Василью, вѣдаютъ по годомъ". Старшій сынъ Иванъ получилъ благословеніе „на старѣйшій путь въ Москвѣ и въ станѣхъ конюшей путь, бортъници, садовници, псари, бобровники, бараши и дѣлюи". Изъ земель онъ получилъ первую вотчину — „Серпоховъ съ тамгою и съ мыты, и съ селы и съ бортью и со всѣми пошлинами; а къ Серпохову волости: Городецъ, Нарьское, Нивна, Темна, Синилищи, Гомонинъ, Ярославля слободка, Мокрая слободка [1], Дягилева слободка [2], Львова, верхъ Москвицъ слободка", сверхъ сего слободки „къ Серпухову" — Круглую [3] и Остапкову [4]. Ему же были отказаны, „князя Великого удѣла Василья Дмитріевича „Козелескъ со всѣми пошлинами, Гоголь, Олексинъ, купля Лисинъ, а отъимется какими дѣлы Козелескъ, и въ Козельска мѣсто сыну князю Ивану Любутескъ съ волостьми, а отъимется отъ сына отъ князя отъ Ивана Любутескъ, и сыну князю Ивану Рожалово да Боженка". Изъ московскихъ селъ князь Иванъ получилъ: „Микулиньское, Губкино, Нѣмцово, Поповьское на Коломенкѣ съ мелницею, Туловьское, со всѣми деревнями", сверхъ сего въ обмѣнъ на купленное имъ самимъ село „у Ортема въ Ростуновѣ слободкѣ" въ удѣлѣ его брата Ярослава, которое отходило къ послѣднему, ему было дано отцомъ „Сесистрово село да Струпиково". Въ Москвѣ князю Ивану отказаны были: „Зворыкинъ дворъ, да Игнатьевъ дворъ, да Вутовъ садъ". Рубежъ земель князя Ивана съ братомъ Ярославомъ назначенъ такъ: „Отъ Оки отъ реки по верхъ Хрепилева озера, отъ верхъ озера къ Максимкову дворищу, а отъ Максимкова поперекъ Будина бору, а отъ Будина поперекъ Литовьского пути".

животѣ, сказано въ духовной, чей будетъ годъ Москва вѣдати, тотъ и тѣ пошлины вѣдаетъ".

[1] Въ писц. книг. Серпухов. уѣзда 1627—29 гг. (Иван. стр. 335) есть „Мокрая слободка". Въ Списк. насел. мѣстъ Моск. губ значится деревня Мокрова въ 10 верст. отъ Серпухова по правую сторону Нары (№ 5530).

[2] Въ Спискахъ нѣтъ, но въ писц. книг 1623—97 г. по москов. уѣзду встрѣчается „Дягилева пустошь" (Иван. стр. 106).

[3] и [4] Упоминаются пустоши: Круглая и Остапово въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ 1623—97, (Ивановъ, стр. 334 и 336).

Второму сыну князю Семену Владиміръ Андреевичъ отказалъ: „Боровескъ съ тамгою и съ мыты, и съ селы и зъ бортью и со всѣми пошлинами; а къ Боровьску волости: Голичици, Хопилева слободка, Истья съ слободкою, Мусиковы треть, половина Щитова“ „А рубежъ Щитову [1] сыну князю Семену зъ братомъ съ Васильемъ по Ондрѣеву разъѣзду по Горохову, отъ городка отъ Щитова по Нарѣ вверхъ до Усищова двора, по Кремичну вверхъ да къ Воскресенью [2], а отъ Воскресенья по задней верхъ подъ Якимовъ дворъ, а отъ Якимова двора на верхъ Мочи къ Сохоньскому рубежу“. Изъ Московскихъ селъ князю Семену были назначены: „Выпряжково на Студенцѣ зъ деревнями, Колычевьское, на Неглимнѣ мельница“, сверхъ сего четыре села въ Юрьевѣ Польскомъ [3]. Въ Москвѣ онъ получилъ „на полы“ съ слѣдующимъ братомъ Ярославомъ: „Княгини Великое Марьинъ дворъ“ и въ нераздѣльное владѣніе „за Неглимною Тереховъ садъ“. Третьему сыну князю Ярославу были завѣщаны: „Ярославль [4] съ Хотунью, съ тамгою и съ мыты, и съ селы и зъ бортью и со всѣми пошлинами, Вихорна, Полянки, Ростунова слободка, Мошневьская слободка“, изъ московскихъ селъ: „Сарыевьское, Кирьясово съ луги, на устьи Мьстица мелница“. Въ Москвѣ въ общее владѣніе на трое съ братьями Андреемъ и Василіемъ онъ получилъ „Чичаговъ садъ“. Въ удѣлъ четвертому сыну князю Андрею были отказаны: „Радонежъ съ тамгою и съ мыты, Бѣли, Черноголовль съ числеными людми на Кержачѣ и съ селы и зъ бортью и со всѣми пошлинами, Яковля слободка, Кишкина слободка, Тухачевъ“, изъ московскихъ селъ: „Михайловьское село съ мелницею, Калиткиново село, на Учи Поповское, да Илья Святый, да Дмитріевьское селцо Воронина, на Любосивли Четрековьское, Мосейково на усть Любосивли да Сокова деревня“. Пятаго сына князя Василья Владиміръ Андреевичъ

---

[1] Въ писц. книг. Москов. уѣзда 1625—97 гг. упоминается „Щитова, сельцо“ (Иван. стр. 160), существующее и теперь въ Подольскомъ уѣздѣ, при р. Мочѣ, по правую сторону старокалужскаго тракта (Списки нас. мѣстъ, № 4635).

[2] Повидимому нынѣшнее Село Воскресенское (Саввино), въ 24 верст. отъ Подольска, по лѣвую сторону шоссе къ Малоярославцу (Спис. нас. мѣстъ № 4505).

[3] ...ю: Вараарское, Богоявленьское, Поѣловское, Федоровское“.

[4] ...рославецъ, тогда основанный и названный такъ по имени этого князя.

благословилъ Перемышлемъ „съ тамгою, и съ мыты и съ селы и з бортью, псари и садовници и со всѣми пошлинами“, затѣмъ ему же онъ отказалъ „Ростовець, половину Щитова по Ондрѣеву разъѣзду по Горохову, треть Добрятиньскую“, изъ московскихъ селъ: „Ясиновьское зъ деревнями да Паншину гарь“. Помимо поименованныхъ уже волостей, князья Семенъ и Ярославъ получили еще „на полы“ — „Великого князя удѣла Василья Дмитреевича Городець на Волзѣ, оприснь мыта и тамги“, завѣщанныхъ княгинѣ Еленѣ, и „станы.... со всѣми пошлинами“, причемъ князю Семену должны были достаться „станы на сей сторонѣ Волги, пониже Городца, да Бѣлогородье“, а „князю Ярославу станы на оной сторонѣ Волги повыше Городца, да Юрьевецъ“, сверхъ сего „оприснь дѣлу на Городцѣ Порозднѣ“; „Корякову“ со слободками они должны были раздѣлить между собою пополамъ. О томъ, какъ Владиміръ Андреевичъ распорядился относительно „ѣза“ (рыбной ловли) на Волгѣ въ удѣлѣ князей Семена и Ярослава, мы уже упоминали раньше, именно: братья должны были дѣлить его „себѣ на полы“: князь Семенъ, если захочетъ „ѣзъ себѣ забити, инъ себѣ ѣзъ затепетъ ниже Городца“, а Ярославъ „себѣ ѣзъ затепетъ выше Городца подъ Юрьевцомъ“. „Соль на Городцѣ“ братья Семенъ и Ярославъ должны были вѣдать „съ одиного“ и дѣлить себѣ на полы, оприснь Федоровские варници“. „На полы“ же получили отъ отца князья Андрей и Василій „Углече поле, съ селы и со всѣми станы и со всѣми пошлинами“.

Общія распоряженія въ завѣщаніи для всѣхъ сыновей были слѣдующія: „Судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ хто живетъ“, не принимать „промежы собя въ свои удѣлы хто будетъ подъ дворьскимъ слугъ и отъ сотниковъ; а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ.... инъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему, чей будетъ удѣлъ“; „братъ въ братень удѣлъ и въ матери своей удѣлъ не въѣжжаютъ на свою утѣху, опрочѣ того, аже ся путь получитъ поперекъ удѣла ѣхати, ни приставовъ своихъ не всылаютъ братъ въ братень удѣлъ, и не вступаются никаковыми дѣлы, ни судовъ имъ не судити, ни грамотъ имъ жаловальныхъ не давати, ни дани не имати брату на братнѣ удѣлѣ“. „А выйдетъ дань Великого князя ко Ордѣ дати, и дѣти мои и княгини моя возьмутъ дань кто же на своемъ удѣле по уроку; а взявъ дань....

пошлютъ.... своего боярина за своимъ серебромъ вмѣсте ко казнѣ великого князя, и отдадутъ серебро вмѣсте". „Брату въ братне удѣле селъ не купити, такъ же и ихъ бояромъ селъ не купити въ удѣлѣ дѣтей моихъ безъ повелѣнія дѣтей моихъ". „Бояромъ и слугамъ, кто будетъ неподъ дворьскимъ, вольнымъ воля". „А что мои ключники не купленые, а покупили деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтемъ моимъ не надобѣ, а деревни ихъ дѣтемъ моимъ, во чьемъ будутъ удѣле". „Что есмь стада подавалъ дѣтемъ своимъ, и тѣ стада дѣтемъ моимъ, а братъ въ братне стадо и въ матери своей стадо не въступаются". О количествѣ дани съ удѣловъ, отказанныхъ сыновьямъ, въ завѣщаніи говорится обстоятельно, примѣнительно къ выходу въ Орду въ 5000 руб. сходившихъ чрезъ руки великаго князя Московскаго. На эту сумму— сказано тамъ —„имѣется дани дѣтемъ моимъ и княгинѣ моей и ихъ удѣловъ 300 рублевъ и 20 рублевъ, оприсьнь Городца и Углеча поля. Съ удѣла княгини Елены должно было идти 88 рублей". „Сынъ князь Иванъ возметъ дани съ Серпохова и со всего съ своего удѣла 50 рублевъ безъ полутора рубля; а сынъ князь Семенъ возметъ дани зъ Боровьска и со всего съ своего удѣла тридцать рублевъ и три рубля; а сынъ князь Ярославъ возметъ дани на Ярославли и со всего своего удѣла 70 рублевъ и шесть рублевъ; а сынъ князь Ондрѣй возметъ дани на Радонеже и со всего своего удѣла 40 рублевъ и два рубля, а сынъ князь Василій возметъ дани на Перемышлѣ и со всего своего удѣла 40 рублевъ и рубль; а сынъ князь Семенъ, князь Ярославъ возмутъ дани зъ Городца и зъ Городецькихъ волостей въ Новогородской [1] выходъ въ 1500 рублевъ возмутъ сто рублевъ и 60 рублевъ, по нашему доконзанью, оприснь Пороздны, а съ Пороздны сынъ князь Семенъ возметъ дани въ тож серебро по розочту; а сынъ князь Ондрѣй, князь Василей возмутъ дани съ Углеча поля 100 рублевъ и пять рублевъ". „А перемѣнитъ Богъ Орду" и „перестанутъ даватъ выходъ, и дѣти мои возмутъ свою треть дани Московские [2] и численыхъ людей" и „подѣлятся съ матерью вси ровно по частямъ", съ удѣла же каждый возьметъ себѣ. „Княгиня", исполняя волю

[1] Нижняго Новгорода.
[2] Въ Москвѣ и московскихъ станахъ.

завѣщателя, по своемъ животѣ, должна была уступить свои села тому изъ сыновей, въ чьихъ удѣлахъ они находились; сверхъ сего изъ своего удѣла часть селъ своихъ она могла отказать, кому бы захотѣла, но болѣе крупныя владѣнія она должна была завѣщать такъ: „Козловъ бродъ сыну князю Ивану зъ братомъ Ярославомъ на полы и Бадѣева слободка; а Лужа и всѣ волости Лужевьские и слободы и околици и селы зъ бортью и со всѣми пошлинами.... князю Семену, князю Ондрѣю, князю Василью на трое“.

Не желавшій никого обидѣть, заботливый отецъ подумалъ въ своемъ завѣщаніи и о своихъ снохахъ, на случай, еслибы которая потеряла своего мужа. Пусть, говоритъ онъ, „сноха моя“, если она не пойдетъ за мужъ, „съ своими дѣтьми сидитъ въ мужа своего удѣле до своего живота“. „А розмыслитъ Богъ, сказано въ завѣщаніи, о сносѣ о моей, и тотъ удѣлъ сыну ее, а моему внуку; а не будетъ сына, а останется дчи, и дѣти мои вси брата своего дчерь выдадутъ за мужъ, а брата своего удѣломъ подѣлятся вси ровно“.

Княгиня Елена пережила своего супруга на цѣлые дѣсятки лѣтъ. По обычаю набожныхъ княгинь того времени она отреклась отъ міра и приняла въ монашествѣ имя Евпраксіи. Около 1452 г. ею было написано духовное завѣщаніе. Въ немъ бывшая княгиня бьетъ „челомъ своему господину Великому князю Василью Васильевичу и своей госпожѣ Великой княгинѣ Софьи“ и приказываетъ „свои снохи по грамотѣ своего господина княжѣ Володимеровѣ Андрѣевича, чтобы господинъ князь Велики пожаловалъ печаловался снохами, чтобы были необидны“. Прежде всего Елена благословила самого великаго князя „селомъ Коломеньскимъ зъ деревнями, что къ нему потягло, затѣмъ другими селами внука своего Серпуховскаго князя Василія Ярославича. Его же вмѣстѣ со снохами она благословила въ Москвѣ „монастыремъ Рожествомъ Святѣй Богородицы“ [1] и прибавила при этомъ: „а мои

---

[1] Монастырь былъ ею щедро одаренъ „А дала есми, сказано въ завѣщаніи, тому монастырю, гдѣ ми самой лечи, села: Медкино зъ деревнями, Дьяковьское зъ деревнями и луги, Косино съ озеры...., да дала есми тому же монастырю Глѣбьковъ [illegible] потягло“, потомъ „мельницу на усть Яузы, да туто жо на [illegible] холопье, да Одрины, что мя благословилъ князь мой“.

снохи и мой внукъ тѣмъ монастыремъ и что есми монастырю дала, печалуютъся, а не обидятъ". Также своихъ снохъ Елена благословила отдѣльными селами, внуку же „княгиню Марью Ивановну", помимо селъ, она благословила „въ городѣ (Москвѣ) мѣстомъ подъ дворомъ подъ старымъ на Подолѣ, гдѣ были Владычни хоромы". Елена богато одарила въ завѣщаніи Архангельскій соборъ и Чудовскую обитель. Такъ она говоритъ: „А святому Арханьилу Михаилу, гдѣ лежатъ князь мой и дѣтѣ, дала есми села княжы Ивановы: Микульское на Деснѣ, да Губъкино, да Немьцово; а святому Арханьилу Михаилову Чюду дала есми села Сесипетровьское да Козиньское и что къ нимъ потягло, ини поминаютъ нашы душы". По завѣщанію Елена дала волю своимъ „людямъ приданымъ и полнымъ" „и что ми господинъ мой князь далъ своихъ людей полныхъ", затѣмъ своимъ „казначѣямъ и тивунамъ и посельскимъ и ключникамъ и хто въ селехъ во всѣхъ полныхъ людей, или хто ся у нихъ женилъ"; послѣднихъ она отпустила „на слободу зъ женами и зъ дѣтьми".

Не забыла Елена своего долга, который она сдѣлала „за Лужу пятьсотъ рублевъ" у разныхъ лицъ и который передала съ Лужею своему внуку Василію Ярославичу. Оставалось за нимъ 400 рублей. Обращаясь къ Великому князю, Елена говоритъ по сему случаю: „Господинъ мой князь велики Василей Васильевичь, пожаловалъ бы взялъ то серебро на моемъ внуцѣ на князѣ на Васильѣ, да далъ бы то серебро снохамъ моимъ, и снохи мои долъжникомъ заплатятъ, а съ мои душы сведутъ". Послѣдняя воля завѣщательницы, обращенная къ внуку Василію Ярославичу, была та, чтобы онъ „правилъ по душѣ дѣда своего" „княжѣ Володимеровѣ Ондреевича", по ней самой и по ея „дѣтехъ"; того же самаго проситъ Елена и отъ своихъ снохъ.

ГЛАВА IV.

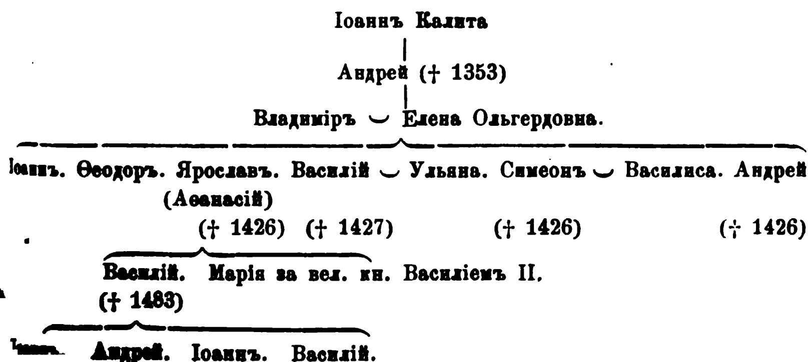
Судьба Серпуховскаго удѣла послѣ Владиміра Андреевича и Береговая служба подлѣ Серпухова и на Окѣ.

Владиміръ Андреевичъ сшелъ въ могилу [1]. Безспорно тогдашняя Русь потеряла въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ князей — истыхъ ея слугъ. Для великаго же князя Василія Дмитріевича смерть его и раздробленіе Серпуховскаго удѣла на части было весьма благопріятнымъ явленіемъ: незамѣтно, безъ всякаго шуму, онъ съумѣлъ вернуть себѣ богатые примыслы Владиміра Андреевича, полученные изъ его собственнаго удѣла: Угличъ, Городецъ, Козельскъ, Гоголь, Алексинъ, куплю Пересвѣтову и Лисинъ. Лѣтописи не сообщаютъ объ этомъ подробностей. Владиміровичи помирились съ своею судьбою, кромѣ одного — Ярослава, по видимому самаго предпріимчиваго изъ нихъ: онъ отъѣхалъ въ Литву въ (1414 г.) и пробылъ тамъ до 1421 г. Такимъ смѣлымъ, искусно исполненнымъ дѣломъ великій князь отнялъ всякую силу у раздробленнаго наслѣдія Владиміра Андреевича.

Въ остававшихся у Владиміровичей земляхъ не происходило ничего особеннаго въ остальное время княженія Василія Дмитріевича: можно только сказать, что онѣ были свободны отъ смутъ, мелкихъ междоусобій, татарскихъ набѣговъ и т. п., что не рѣдко случалось въ сосѣднихъ удѣлахъ. Одно только бѣдствіе, общее для

---

[1] Приводимъ краткое родословіе Серпуховскихъ князей.

всей сѣверовосточной Руси, стоило всѣхъ этихъ несчастій: это ужасный моръ (черная смерть), который съ 1421 г. вторично прошелъ по русскимъ областямъ, начиная съ Пскова, за нимъ слѣдовало другое бѣдствіе — голодъ, происшедшій вслѣдствіе безвременныхъ снѣговъ и морозовъ, когда въ рѣдкихъ мѣстахъ успѣли убрать хлѣбъ. Голодъ продолжался въ теченіи трехъ лѣтъ. Какъ онъ былъ силенъ, видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописца: „Люди людей ѣли, и собачину ѣли по всей Русской землѣ; а на Москвѣ оковъ жита (былъ) по рублю“ [1]. Страшный моръ продолжалъ свирѣпствовать и послѣ смерти Василія Дмитріевича, въ княженіе Василья II. Особенно бѣдственнымъ годомъ былъ 1426 г. когда „бысть моръ великъ“, записано въ лѣтописи [2] „во Псковѣ и въ Новгородѣ въ Великомъ, и въ Торжку, и во Твери, и на Волоцѣ, и въ Дмитровѣ, и на Москвѣ, и во всѣхъ градѣхъ Русьскихъ и во властѣхъ и селѣхъ“. Тогда преставились изъ сыновей Владиміра Андреевича князья Андрей, Семенъ и Ярославъ. Семенъ Владиміровичъ успѣлъ посхимиться и былъ „нареченъ въ черньцѣхъ Сава, а положенъ у Троици“, вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ, Ярослава же Владиміровича положили въ общей усыпальницѣ Московскихъ князей „во Архангелѣ на площади на Москвѣ“. Въ слѣдующемъ году опять „моръ же великъ бысть во всѣхъ градѣхъ Рускихъ, мерли прыщомъ“. Тогда не избѣгнулъ смерти четвертый изъ братьевъ Владиміровичей князь Василій. Положили его тамъ же, гдѣ и Ярослава. Только старшій братъ Иванъ остался въ живыхъ.

Между тѣмъ въ Московскомъ княжествѣ для молодаго Василія Васильевича предстояла многолѣтняя борьба за великое княженіе съ дядею Юріемъ Дмитріевичемъ и съ двоюродными братьями, его сыновьями. Въ эту борьбу волею неволею замѣшались почти всѣ князья сѣверовосточной Руси. Отдѣльные эпизоды ея связаны съ именами сыновей Владиміра Андреевича. На дочери знаменитаго московскаго боярина Ивана Дмитріевича Всеволожскаго, такъ много хлопотавшаго въ Ордѣ за Василія Васильевича, былъ женатъ князь Андрей Владиміровичъ. Въ приданое за женою онъ получилъ извѣстный историческій поясъ, который потомъ пере

[1] П. С. Р. Л. VI, 142.
[2] П. С. Р. Л. VI, 143.

шелъ къ его дочери, вышедшей замужъ за Василія Косаго. Василій Васильевичъ не исполнилъ обѣщанія, даннаго Всеволожскому, жениться на его дочери въ благодарность за его несомнѣнные услуги, благодаря которымъ онъ получилъ въ Золотой Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе: онъ женился, вслѣдствіе настояній гордой своей матери Софьи Витовтовны, не на боярышнѣ, а на княжнѣ Марьѣ Ярославовнѣ, дочери Ярослава Владиміровича. Обиженный бояринъ отъѣхалъ къ дядѣ великаго князя къ Юрію Дмитріевичу. Съ Косаго Софья Витовтовна сняла на свадебномъ пиру своего сына фамильный поясъ Московскихъ князей. Этимъ данъ былъ сигналъ къ борьбѣ между дядею и племянникомъ — фактъ слишкомъ извѣстный каждому. Князь Иванъ Владиміровичъ Серпуховской держался въ сторонѣ во время междоусобной войны; за то особую ревность къ Василію Васильевичу выказалъ сынъ Ярослава Владиміровича Василій Ярославичъ, соединившій въ своихъ рукахъ съ 1445 г. когда умеръ его дядя Иванъ Владиміровичъ, весь Серпуховской удѣлъ, который нѣкогда принадлежалъ его знаменитому дѣду. Всюду онъ приходилъ на помощь къ Василію Васильевичу. Такъ въ 1445 г. онъ ходилъ вмѣстѣ съ нимъ противъ Улу-Махмета, тревожившаго Муромъ, затѣмъ въ томъже году съ немногими воинами сопровождалъ его въ походѣ противъ него же. Близъ Суздаля князья потерпѣли сильное пораженіе. Василій Васильевичъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ татарами послѣ мужественной обороны; попались къ нимъ въ руки и другіе князья, Василій же Ярославичъ успѣлъ спастись. Печальны были послѣдствія этой злополучной битвы. Когда прибылъ въ Москву татаринъ къ матери и женѣ Великаго князя съ его крестами-тѣльниками, которые сняли съ него побѣдители и теперь слали въ столицу въ знакъ своего торжества, никто не могъ удержаться отъ слезъ. Къ чувству скорби примѣшивался страхъ, что вотъ-вотъ подойдутъ татары, и въ городѣ готовились къ осадѣ, окрестное населеніе стекалось массами. Къ довершенію несчастія открылся ужасный моръ и похитилъ множество народа. Безъ сомнѣнія и Серпуховъ былъ тогда въ тревожной суетѣ. Но на этотъ разъ напрасенъ былъ страхъ: татаръ было немного и они не преслѣдовали далеко разбитую русскую рать. За то тяжелъ былъ выкупъ, за который они отпустили на волю Василія Васильевича.

Въ 1446 г. Дмитрій Шемяка овладѣлъ Москвою и затѣмъ, схвативши Великаго князя, приказалъ его ослѣпить. Когда узналъ объ этомъ Василій Ярославичъ, то онъ рѣшился лучше покинуть добровольно свои земли, чѣмъ служить Шемякѣ, и потому отправился въ Литву: Тамъ онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ и получилъ въ вотчину Брянскъ, Гомель, Стародубъ, Мьстиславль и многія другія мѣста. Къ нему стали стекаться другіе князья и бояре, оставшіеся вѣрными Василію Васильевичу. Изъ нихъ особенно выдавались князь Семенъ Ивановичъ Оболенскій и Ѳедоръ Басенокъ. Вскорѣ всѣ двинулись чрезъ Ельну (Смоленск. губ.) къ Твери [1], такъ какъ заслышали, что выпущенный изъ заключенія Василій Васильевичъ направился къ этому городу. У Ельны встрѣтились они съ татарами. Лѣтописецъ [2] такъ разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ: „Начаша межи себе стрѣляти, посемъ же начаша татарове Руси кликати: „Вы кто есте?“ Они же отвѣщаша: „Москвичи, а идемъ со княземъ Васильемъ Ярославичемъ искати своего государя великаго князя Василья Васильевича, сказываютъ его выпущена; а вы кто есте?“ Татарове же рекоша: „А мы пришли изъ Черкасъ съ двѣма царевичи, Махметевыми дѣтми, съ Касымомъ да съ Ягупомъ; слышали бо про великаго князя, что братія надъ нимъ израду учинили, и они пошли искати великаго князя за прежнее его добро и за его хлѣбъ, много бо добра его было до насъ“. Послѣ этого и русскіе и татары дружелюбно соединились и пошли далѣе. Между тѣмъ посланный Василіемъ Васильевичемъ „изгономъ“ бояринъ Михаилъ Плещеевъ съ небольшимъ отрядомъ воиновъ съумѣлъ пробраться незамѣченнымъ мимо рати Дмитрія Шемяки и овладѣть Московскимъ кремлемъ. Было это въ то время, когда народъ стекался къ заутренивъ ночь подъ Рождество Христово. Въ кремль „къ празднику“ ѣхала княгиня Ульяна, вдова Василья, сына Владиміра Андреевича. Для нея отворили Никольскія ворота, ими и проникъ въ крѣпость отрядъ Плещеева. Василій Ярославичъ съ своими

[1] Съ Василіемъ Ярославичемъ между прочимъ были трое бояръ князей Ряполовскихъ, князь Иванъ Стрига, Ощера и „иные многіе дѣти боярьскые“. П. С. Р. Л. VI, 177.

[2] Тамъ же.

дружинами продолжалъ походъ къ Угличу, подъ которымъ стоялъ Василій Васильевичъ, и помогъ ему взять этотъ городъ.

За Василія Васильевича всѣ крѣпко стояли, и онъ окончательно утвердился на великокняжескомъ столѣ. Онъ вознаградилъ своего вѣрнаго союзника князя Василія Ярославича, „пожаловалъ", сказано въ договорной по этому случаю грамотѣ 1448 г.[1] его „брата молодшего, отъступился" ему „Дмитрова со всѣми волостми и съ пути и съ селы и со всѣми пошлинами въ удѣлъ и въ вотчину", въ вознагражденіе за то, „што язъ князь велики не додалъ тобѣ своему брату твоеѣ дѣдины, удѣла дѣда твоего княжа Володимерова Андрѣевича, Углечя съ волостми, Городца съ волостми, Козельска съ мѣсты, да Гоголя, да Олексина, да купли Пересвѣтовы, да Лисина"; сверхъ сего въ условное владѣніе былъ данъ Василію Ярославичу „Суходолъ, Вышегородская волость, съ Краснымъ селомъ и со всѣмъ съ тѣмъ, што къ Суходолу потягло изстарины", именно сказано въ грамотѣ: если „добьетъ челомъ мнѣ Великому князю братъ мой молодшей князь Дмитрей Юрьевичь, а пожалую его его вотчиною (Суходолъ былъ изъ владѣній Шемяки), и тобѣ мнѣ Суходола и Красного села отъступитися безъ отмѣны". Во всемъ остальномъ договоръ во многомъ походитъ на договоры, заключенные нѣкогда Дмитріемъ Донскимъ съ Владиміромъ Андреевичемъ. Василій Ярославичъ между прочимъ обязался „имѣти собѣ великого князя братомъ старѣйшимъ", а дѣтей его „такъ же собѣ имѣти братьею старѣйшею", „держати великаго князя" и его дѣтей „честно и грозно, безъ обиды", обязался затѣмъ отправляться въ походъ не только съ великимъ княземъ, но и съ его сыномъ и одному, и гдѣ великому князю „будетъ" его „послати.... безъ ослушанья". По договору также онъ не имѣлъ права принимать къ себѣ на службу служебныхъ великокняжескихъ князей съ ихъ вотчинами. Великій же князь съ своей стороны поручился „блюсти и боронити" удѣлъ Серпуховскаго князя, „а не обидѣти, ни въступатися". Черезъ три года въ 1451 г. Василій Васильевичъ заключилъ новый договоръ съ Василіемъ Ярославичемъ,[2] или, лучше сказать, велѣлъ

---

[1] Собр Госуд. грам. и дол. I, №№ 71 и 72.
[2] Собр. Госуд. грам. и дог. I, №№ 78 и 79.

вновь переписать старый, съ незначительными измѣненіями, вслѣдствіе мѣны нѣкоторыхъ областей, именно: у Василья Ярославича былъ вымѣненъ обратно Дмитровъ, въ замѣнъ чего онъ получилъ „Бѣжицкой верхъ съ волостми и путми и съ селы и со всѣми пошлинами“ и „Звенигородъ съ волостями“. Василій Ярославичъ съ прежнею ревностью продолжалъ помогать Великому князю противъ неугомоннаго Шемяки, такъ въ 1452 г. онъ съ своею ратью и съ великокняжескими воеводами княземъ Сем. Иван. Оболенскимъ, Өедоромъ Басенкомъ и др. ходилъ къ Устюгу. Впрочемъ Шемяка заблаговременно поспѣшилъ удалиться въ Новгородъ, гдѣ онъ въ слѣдующемъ году скончался отъ отравы.

Ревностная служба Василія Ярославича не спасла его договоры съ Василіемъ Васильевичемъ отъ общей участи, которая всегда постигаетъ, когда договаривается слабѣйшій съ сильнѣйшимъ: договоръ оказался обязательнымъ только для слабѣйшей стороны. Великій князь если и прибавилъ, какъ мы видѣли, кое-что къ Серпуховскому удѣлу, чего нельзя было не сдѣлать изъ естественнаго чувства благодарности къ своему вѣрному союзнику, тѣмъ не менѣе въ душѣ былъ рѣшительнымъ врагомъ удѣльныхъ порядковъ. Отстаивая свои права старшинства по отцовскому завѣщанію, хотя и не по старинѣ, онъ особенно много вынесъ изъ мучительной за нихъ борьбы и вдоволь извѣдалъ всѣ прелести удѣльной системы. Борьба, особенно если не разборчивы въ средствахъ, ожесточаетъ характеръ, по крайней мѣрѣ придаетъ ему небывалую прежде твердость. Такъ и Василій Васильевичъ, хотя и выказалъ много смиренія при свиданіи съ Шемякою въ Угличѣ, послѣ чего онъ былъ освобожденъ изъ заточенія, тѣмъ не менѣе въ душѣ не могъ забыть претерпѣнныхъ имъ невзгодъ. Теперь твердо усѣвшись на великокняжескомъ столѣ, онъ сдѣлался особенно ревнивымъ къ своей власти и рѣшительно стремился къ единодержавію. Такъ въ 1454 г. онъ уничтожилъ Можайскій удѣлъ, причемъ князь его Иванъ Андреевичъ убѣжалъ въ Литву со всѣмъ своимъ семействомъ, затѣмъ сильно подчинилъ себѣ Рязань, воспользовавшись малолѣтствомъ ея князя Василія, порученнаго ему въ опеку его отцемъ.

Вѣроятно не вполнѣ осмотрительный Василій Ярославичъ подалъ какой-нибудь хотя и незначительный поводъ, только очень

скоро онъ лишился и Звенигорода и Бѣжецкаго Верха, какъ видно изъ договорной грамоты 1456 г. между нимъ и Великимъ княземъ. Опять по договору [1] Василій Васильевичъ обѣщался Серпуховскому князю „блюсти и боронити“ подъ нимъ его удѣлъ, „а не обидети, ни вѣступатися“. Но въ томъ же году, читаемъ въ лѣтописи: „іюля 3 князь велики поималъ князя Василья Ярославича и послалъ его въ заточеніе на Углече поле, а княгини его и сынъ его князь Иванъ побѣжалъ въ Литву“ [2], гдѣ онъ былъ ласково принятъ королемъ Казиміромъ. Что было поводомъ къ подобному рѣшительному дѣйствію со стороны Василія Темнаго? Лѣтописи объ этомъ умалчиваютъ: въ Степенной книгѣ только глухо сказано: „за нѣкую крамолу“ [3]. Одновременно были схвачены три младшихъ сына Василія Ярославича Андрей, Іоаннъ и Василій и тоже заключены подъ стражу. Лѣтописецъ говоритъ, что они „умерли въ опалѣ“ [4], т. е. въ ссылкѣ. Изъ Углича перевезли потомъ Василія Ярославича въ Вологду, гдѣ и продержали его до конца его жизни въ 1483 г. [5] въ довольно тяжкомъ заключеніи: по крайней мѣрѣ въ лѣтописи о кончинѣ его записано, что онъ „преставися въ желѣзехъ“ [6].

Въ Литвѣ встрѣтились Иванъ Васильевичъ Серпуховской съ княземъ Можайскимъ, тоже бѣглецомъ, Иваномъ Андреевичемъ, много испытавшимъ разныхъ тревогъ во время недавней междоусобной войны за Московскій столъ. Въ ней онъ принималъ довольно дѣятельное участіе. Изгнанники заключили между собою формальный союзъ, скрѣпленный договорною грамотою. Въ ней Серпуховской князь говоритъ Можайскому [7]: „Такъ какъ великій князь Василей Васильевичъ отнялъ у тебя твою отчину и дѣдину на крестномъ цѣлованіи, выгналъ тебя изъ твоей отчины и дѣдины; также и моего отца, князя Василія Ярославича, великій

[1] Собр. Госуд. грам. и догов. I, № 84.

[2] П. С. Р. Л. VI, 181. Проживаніе Василія Ярославича въ Москвѣ, подлѣ великаго князя, чрезвычайно способствовало легкому осуществленію со стороны послѣдняго его поимки.

[3] Арцыб. т. II, прим. 1463. С. Соловьевъ IV, изд. 4, стр. 85.

[4] Арцыб. Тамъ же.

[5] Похороненъ былъ Василій Ярославичъ въ Архангельскомъ соборѣ.

[6] П. С. Р. Л. VIII, 214.

[7] Мы пользуемся переложеніемъ С. М. Соловьева (IV, 85 и слѣд.)

князь схватилъ на крестномъ цѣлованіи безвинно, и меня выгналъ изъ моей отчины и дѣдины; то идти тебѣ, князь Иванъ Андреевичъ, доставать вмѣстѣ и отца моего, князя Василія Ярославича, и нашей отчины и дѣдины, а мнѣ идти съ тобою за одно. Если великій князь станетъ звать тебя на твою отчину, станетъ отдавать тебѣ твою отчину или придавать къ ней, а моего отца не пожалуетъ, не выпуститъ, и отчины ему по старинѣ не отдастъ, или станетъ жаловать отца моего, какъ мнѣ не любо: то тебѣ съ великимъ княземъ безъ моей воли не мириться, стоять со мною за одно, доставать отца моего; и если отецъ мой погибнетъ въ неволѣ или умретъ своею смертію, то тебѣ съ великимъ княземъ также не мириться безъ моей воли, но мстить за обиду отца моего. На оборотъ, если великій князь захочетъ помириться съ отцемъ моимъ, а съ тобою не захочетъ, то мнѣ отъ тебя не отставать. Если великій князь не смилуется, ни тебѣ отчины не отдастъ, ни отца моего не выпуститъ и, дастъ Богъ, князя великаго побьемъ или сгонимъ, и ты достанешь великое княженіе и отца моего освободишь, то тебѣ принять отца моего въ любовь и докончанье, и въ его отчину тебѣ не вступаться, а меня тебѣ принять въ братья младшіе и дать мнѣ отчину особую, Дмитровъ и Суздаль; а если кто станетъ тебѣ на меня наговаривать, то тебѣ меня вдругъ не захватывать, но обослать сперва своими боярами и спросить по крестному цѣлованью, и мнѣ тебѣ сказать всю правду, а тебѣ мнѣ вѣрить“ [1]. Но напрасно изгнанники создавали подобные фантастическіе планы: у нихъ не было никакихъ средствъ ихъ осуществить.

Въ послѣдній годъ княженія Василія Васильевича (въ 1462 г.) весною вѣрные слуги дворяне несчастнаго Серпуховскаго князя, скрѣпившись крестнымъ цѣлованіемъ, сдѣлали попытку „вынятиˮ его „съ Углеча изъ заточенія“. Но попытка была неудачна, и за „измѣну“ „князь велики“, читаемъ въ лѣтописи [2] „повелѣ казнити ихъ немилостивно, на лубіѣ волочити по леду, привязавъ конемъ къ хвосту, на Ѳедоровой недѣли, иныхъ повелѣ посѣчи,

[1] С. М. Соловьевъ весьма основательно замѣчаетъ, что эти слова могутъ указывать на то, что князь Василій Ярославичъ былъ схваченъ по наговору, почему сынъ его требуетъ отъ своего союзника, чтобы впредь не было подобнаго.

[2] П. С. Р. Л. IV, 185.

опасный набѣгъ. Высланный на берегъ къ Окѣ у Коломны воевода князь Иванъ Звенигородскій сробѣлъ и, вмѣсто того чтобы мѣшать татарамъ перевозиться черезъ рѣку, отступилъ къ испуганной Москвѣ. Великій князь поспѣшно приготовилъ ее къ осадѣ; самъ же съ старшимъ сыномъ Иваномъ не рѣшился отсиживаться въ городѣ, за то въ Москвѣ оставались: мать его Софья Витовтовна, второй сынъ его Юрій, жена, митрополитъ Іона и множество бояръ. Очень изумились татары, когда они не встрѣтили русской рати на берегу Оки, все имъ казалось, что для нихъ устраивается засада. Наконецъ, когда они убѣдились въ противномъ, быстро переправились и скоро подошли къ Москвѣ, гдѣ собрались массы народа изъ окрестностей. Татары зажгли посадъ, пламя окружило русскихъ со всѣхъ сторонъ, но за укрѣпленіями они мужественно отбивались и всюду отразили приступъ непріятеля. Къ утру готовились встрѣтить новое нападеніе татаръ и спѣшно снаряжали оружіе. Но утромъ ихъ и слѣдъ простылъ: они бросили свой лагерь съ громоздкою добычею и утекали на легкѣ, такъ какъ имъ почудилось, будто ночью пришелъ съ подмогою къ осажденнымъ самъ великій князь. Въ скоромъ времени въ самомъ дѣлѣ вернулся Василій, увѣдомленный объ отступленіи татаръ, и утѣшилъ и ободрилъ москвичей, говоря: „Это вамъ приключилось за грѣхи мои; не унывайте, стройте домы на прежнихъ мѣстахъ: я готовъ жаловать васъ и давать льготу“. Татарамъ понравилась удача. Черезъ три года, читаемъ въ лѣтописи [1], „приходилъ Солтанъ царевичь, сынъ Сидиахметевъ, съ татары къ рѣцѣ Окѣ и перелѣзши Оку рѣку и грабили, въ полонъ имали“. Было это ниже Коломны. Когда подошли великокняжескіе полки, русскіе пріободрились и смѣло ударили на хищниковъ. Особенно при этомъ отличился извѣстный воевода Ѳедоръ Басенокъ: онъ отнялъ у татаръ часть ихъ полона.

Въ княженіе Іоанна III естественно было ожидать повторенія татарскихъ набѣговъ. И дѣйствительно еще въ 1465 г. ханъ Золотой Орды Ахматъ шелъ съ большимъ войскомъ къ русскимъ предѣламъ. Вторженіе не состоялось только вслѣдствіе вспыхнувшаго у татаръ междоусобія. Между тѣмъ Іоаннъ успѣлъ всюду

---

[1] П. С. Р. Л. VI, 180.

дать почувствовать свою могучую руку. Рати его смѣло плавали по Волгѣ, заставляя смиряться столь страшныхъ для Россіи при его отцѣ Казанскихъ татаръ, на западѣ онъ укротилъ строптивыхъ новгородцевъ. Не помогъ имъ союзъ съ польско-литовскимъ государемъ Казиміромъ IV: послѣдній не рѣшился прямо объявить войну Іоанну. За то онъ дѣятельно подстрекалъ къ набѣгу хана Ахмата. Набѣгъ дѣйствительно состоялся въ іюлѣ 1472 г. но тогда войска Іоанна успѣли не только вернуться изъ счастливаго похода подъ Новгородъ, но и отдохнуть. Въ виду многочисленности великокняжеской рати врядъ ли могъ надѣяться Ахматъ на успѣхъ. Тѣмъ не менѣе нашествіе разыгралось трагическимъ эпизодомъ, разразившимся надъ городкомъ Алексиномъ. Ханъ, какъ разсказываетъ лѣтописецъ [1], шелъ „со всею силою великою ордынскою", съ одними крѣпкими здоровыми воинами, „съ проводники, не путма". Онъ неожиданно вышелъ къ Окѣ „подъ Олексинъ съ Литовскаго рубежа". Такъ какъ въ Алексинѣ не успѣли приготовиться къ оборонѣ, то Іоаннъ приказалъ тамошнему воеводѣ Семену Беклемишеву „осаду роспустити" и очистить городъ. Корыстолюбивый воевода не хотѣлъ уйти безъ „посула". Алексинцы дали ему пять рублей. Тогда онъ сталъ выпрашивать шестой рубль для своей жены, какъ внезапно появились татары и пошли на приступъ. Воевода успѣлъ съ женою и своими слугами спастись за Оку на московскій берегъ. Татары бросились было за нимъ; но въ это время подоспѣлъ съ небольшимъ отрядомъ князь Василій Михаиловичъ Верейскій и не далъ имъ переправиться черезъ рѣку. Скоро противъ города на московскомъ берегу собралась значительная русская рать. Изъ Серпухова прибылъ съ дружиною братъ Великаго князя Юрій, „имени" котораго, замѣчаетъ лѣтописецъ, „трепетахуся страны", съ Козлова броду другой братъ Борисъ, подошелъ и воевода „Петръ Ѳедоровичъ Челяднинъ съ полкомъ". Не имѣя возможности переправиться чрезъ Оку, Ахматъ рѣшился все-таки покончить съ Алексиномъ. На глазахъ русской рати, которая не могла помочь вслѣдствіе глубины въ томъ мѣстѣ рѣки, кипѣлъ упорный бой подъ городомъ. Алексинцы не посрамили русской земли. Изне-

---

[1] П. С. Р. Л. VI, 195.

дать почувствовать свою могучую руку. Рати его смѣло пла
по Волгѣ, заставляя смиряться столь страшныхъ для Россіи
его отцѣ Казанскихъ татаръ, на западѣ онъ укротилъ стро
выхъ новгородцевъ. Не помогъ имъ союзъ съ польско-литовс
государемъ Казиміромъ IV: послѣдній не рѣшился прямо
явить войну Іоанну. За то онъ дѣятельно подстрекалъ къ н
гу хана Ахмата. Набѣгъ дѣйствительно состоялся въ іюлѣ 14
но тогда войска Іоанна успѣли не только вернуться изъ счас
ваго похода подъ Новгородъ, но и отдохнуть. Въ виду мн
численности великокняжеской рати врядъ ли могъ надѣяться
матъ на успѣхъ. Тѣмъ не менѣе нашествіе разыгралось тр
ческимъ эпизодомъ, разразившимся надъ городкомъ Алекси
Ханъ, какъ разсказываетъ лѣтописецъ [1], шелъ „со всею си
великою ордынскою", съ одними крѣпкими здоровыми воин
„съ проводники, не путма". Онъ неожиданно вышелъ къ
„подъ Олексинъ съ Литовскаго рубежа". Такъ какъ въ Алек
не успѣли приготовиться къ оборонѣ, то Іоаннъ приказалъ
мошнему воеводѣ Семену Беклемишеву „осаду роспустити" и о
тить городъ. Корыстолюбивый воевода не хотѣлъ уйти
„посула". Алексинцы дали ему пять рублей. Тогда онъ с
выпрашивать шестой рубль для своей жены, какъ внезапно
явились татары и пошли на приступъ. Воевода успѣлъ съ же
и своими слугами спастись за Оку на московскій берегъ. Та
бросились было за нимъ; но въ это время подоспѣлъ съ неб
шимъ отрядомъ князь Василій Михайловичъ Верейскій и не
имъ переправиться черезъ рѣку. Скоро противъ города на
сковскомъ берегу собралась значительная русская рать. Изъ
пухова прибылъ съ дружиною братъ Великаго князя Юрій, „им
котораго, замѣчаетъ лѣтописецъ, „трепетахуся страны", съ
лома броду другой братъ Борисъ, подошелъ и воевода „Пе
Ѳедоровичъ Челядинъ съ полкомъ". Не имѣя возможности п
правиться чрезъ Оку, Ахматъ рѣшился все-таки покончит
Алексиномъ. На глазахъ русской рати, которая не могла по
слѣдствіе глубины въ томъ мѣстѣ рѣки, кипѣлъ упорный
подъ городкомъ. Алексинцы не посрамили русской земли. П

[1] П. С. Р. Л. VI, 198

: въ неровной битвѣ, нечѣмъ имъ было сражаться: не
стрѣлъ, ни копій. Татары между тѣмъ зажгли городъ,
ie погибли въ пламени, но не сдались врагу. Часть ихъ,
000 человѣкъ, спаслась въ тайникѣ, выведенномъ къ
инъ плѣнникъ, надѣясь спасти свою жизнь, указалъ его
. Конечно они взяли его и перебили всѣхъ, кто укры-
немъ. Затѣмъ они отступили въ степи, такъ какъ не
рены въ успѣхѣ и опасались русскихъ войскъ, которыя
омъ количествѣ уже собрались противъ Алексина. Ко-
рпуховичи все это время были въ тревожномъ ожиданіи.
ь съ частью ихъ же земляковъ былъ подъ Алексиномъ,
ъ Серпуховѣ расположились другіе отряды подъ началь-
дного изъ братьевъ великаго князя Андрея Большаго.
ный Іоаннъ въ этотъ набѣгъ татаръ растянулъ свои войс-
льшомъ протяженіи до Коломны, для того чтобы стеречь
и послѣдующихъ набѣгахъ будутъ соблюдаться подобныя
ожности, и такимъ образомъ мало по малу устроится
ываемая „Береговая служба“ [1].
зшись изъ подъ Алексина, князь Юрій вмѣстѣ съ отцомъ
ся въ Москву, но тамъ не долго ему суждено было про-
! сентября его не стало послѣ непродолжительной болѣзни.
акали доблестнаго князя. Духовная его [2] представляетъ
ый интересъ. Она написана совершенно какъ будто
ъ лицомъ: „кому ми что дати“, говоритъ завѣщатель,
кого ми что взяти“. Юрій умеръ холостымъ. Хорошо
властительный характеръ своего брата — великаго князя,
ршенно умолчалъ о городахъ своего удѣла, имѣвшихъ
твенное значеніе, и распорядился только селами. Пусть,
онъ, самъ великій князь устроитъ все по своему усмо-
Прежде всего онъ перечислилъ въ завѣщаніи свои долги,
рыя проситъ мать и брата — великаго князя заплатить
и съ его вотчинъ и такимъ образомъ выкупить драгоцѣн-

„Берегъ“ дѣлается именемъ собственнымъ въ смыслѣ названія береговъ
. читаемъ въ лѣтописи: „Для береженья Государь (Іоаннъ Грозный) воево-
ерегу и по украйнымъ городамъ стоять велѣлъ“. Русс. истор. Библ. III,

Госуд. грам. и дог. I, № 96.

югозападъ на Литовскій рубежъ. Тамъ сталъ возникать жгучій вопросъ, вызванный собираніемъ Русской земли вокругъ Москвы. Русь, бывшая подъ литовскимъ владычествомъ, свято хранила и свою народность и православіе. Теперь многіе мелкіе удѣльные князья бывшаго Черниговo-Сѣверскаго княжества начинаютъ переходить съ своими вотчинами въ службу единовѣрнаго Московскаго государя [1]. Вообще на литовской границѣ было неспокойно: набѣги уводъ въ плѣнъ, грабежи были дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Такъ въ 1473 г. неизвѣстно по какой причинѣ, Іоаннъ посылалъ рать къ Любутску, захваченному литовцами вскорѣ послѣ смерти Владиміра Андреевича. Гỏрода воевода, начальствовавшій надъ нею, не смогъ взять, за то разорилъ волости. Любучане отмстили въ свою очередь нечаяннымъ набѣгомъ, причемъ въ бою убили князя Семена Одоевскаго, нападали они и на Алексинъ. Разъ литовскіе люди изъ Любутска разбойничали у Лопасни на Серпуховской дорогѣ [2], такъ что окрестности Серпухова не могли не быть въ нѣкоторой тревогѣ. Въ 1492 и 1493 г. когда, по смерти Казиміра IV, младшій его сынъ Александръ сдѣлался великимъ князямъ Литовскимъ, московская рать ходила на сосѣдніе литовскіе города, причемъ были взяты и частію сожжены: Любутскъ, Мценскъ, Мосальскъ и Серпейскъ. Какъ извѣстно, князь Александръ поспѣшилъ скорѣе заключить миръ (въ 1494 г.), по которому уступилъ Іоанну земли въ Новосильскомъ, Одоевскомъ и Бѣлевскомъ уѣздахъ, равно какъ отчины Воротынскихъ князей [3], и затѣмъ породнился съ нимъ. Но ни уступки земель Іоанну, ни бракосочетаніе на его дочери Еленѣ не водворили ладу во взаимныхъ отношеніяхъ. Религіозный вопросъ выступалъ все съ бо́льшею силою. Александръ „нудилъ" и Елену и Русскихъ удѣльныхъ князей къ католической вѣрѣ. И вотъ въ 1500 г. Іоаннъ принимаетъ къ себѣ въ службу новыхъ князей изъ Литовской Руси, на которыхъ „пришла великая нужа о греческомъ законѣ": Бѣльскаго, Стародубскаго, Шемячича и посылаетъ Александру „разметную грамоту". Счастье было постоянно на сторонѣ

[1] Удѣльные князья начинаютъ называть Іоанна своимъ государемъ, первый такъ его назвалъ князь Михаилъ Верейскій въ своей духовной (Собр. Госуд. гр. и дог. I, N 121).

[2] С. Соловьевъ V, изд. 4. стр. 120.

[3] На Окѣ за Литовскимъ государствомъ остался Любутскъ.

русскихъ, почему уже въ 1503 г. литовцы заключили перемиріе съ Іоанномъ на шесть лѣтъ, причемъ уступили Сѣверскую область; всего было ими отдано 19 городовъ, въ томъ числѣ Любутскъ, послѣдній ихъ городъ на Окѣ. Почему было заключено только перемиріе, видно изъ слѣдующихъ словъ наказа московскимъ посламъ, отправлявшимся въ Крымъ: „Если Менгли-Гирей скажетъ, что великій князь перемирье взялъ, то отвѣчать: великому князю съ Литовскимъ прочнаго миру нѣтъ; Литовскій хочетъ у великаго князя тѣхъ городовъ и земель, что у него взяты, а князь великій хочетъ у него *своей отчины*, *всей Русской земли*; взялъ же съ нимъ теперь перемирье для того, чтобъ люди поотдохнули, да чтобъ взятые города за собою укрѣпить" [1].

Въ княженіе Іоанна серпуховичамъ пришлось испытать на себѣ всѣ невзгоды татарскаго господства. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Казань, какъ мы видѣли, была подъ сильнымъ вліяніемъ Іоанна: такъ онъ не разъ давалъ ей хановъ изъ своихъ рукъ. Однимъ изъ нихъ былъ Магметъ-Аминь. Ему особенно покровительствовалъ великій князь потому, что мать его Нурсалтанъ вышла замужъ за Крымскаго хана Менгли Гирея, союзомъ съ которымъ особенно дорожилъ Іоаннъ. Но Магметъ-Аминь на столько ознаменовалъ себя въ Казани насиліями, что возбудилъ всеобщій противъ себя ропотъ, почему, опасаясь измѣны, рѣшился удалиться изъ города и искать покровительства въ Москвѣ. Казанцы просили Іоанна не присылать къ нимъ болѣе Магметъ-Аминя. Великій князь уважилъ ихъ справедливую просьбу, послалъ къ нимъ его брата Абдылъ-Летифа, а Аминя „пожаловалъ", читаемъ въ лѣтописи [2], „далъ ему Каширу да Серпуховъ, да Хотунь со всѣми пошлинами и отпустилъ съ Москвы мая въ 9 (1493 г.); онъ же", прибавляетъ лѣтописецъ, „и тамо своего нрава не премѣни, но съ насильствомъ живяши и халчно ко многимъ". Въ Серпуховѣ Аминь оставался до 1502 г. Въ этомъ году братъ его Абдылъ-Летифъ „за его неправду" былъ „пойманъ" Іоанномъ и посланъ въ ссылку на Бѣлоозеро [3], а самъ онъ былъ пожалованъ на Казанское царство. Суровый Аминь,

---

1 С. Соловьевъ V, 158.

2 П. С. Р. Л. VI, 41.

3 Въ послѣдствіи при Василіи III ему данъ былъ въ кормленье Юрьевъ, а затѣмъ Кашира.

хотя и ѣлъ русскій хлѣбъ въ данныхъ ему на кормленье городахъ, считалъ себя однако обиженнымъ Іоанномъ, что нѣсколько лѣтъ не былъ царемъ на Казани, и въ скоромъ времени отложился отъ Москвы и сдѣлалъ набѣгъ на Нижній-Новгородъ. Послѣдовавшая затѣмъ смерть Іоанна ободрила еще болѣе дерзкаго хана. Василій Ивановичъ хотѣлъ конечно смирить подручника своего отца, но русская рать дважды потерпѣла пораженіе, и великій князь согласился на миръ, по которому возстановились только сношенія, обида же не была отомщена.

Іоаннъ III въ своемъ духовномъ завѣщаніи благословилъ почти всѣми землями наслѣдника престола своего старшаго сына Василія. Съ этихъ поръ Серпуховъ остается неразрывно связаннымъ съ Московскимъ государствомъ, какъ одинъ изъ его многочисленныхъ городовъ.

При Василіи Ивановичѣ продолжалась борьба съ Польско-литовскимъ государствомъ, такъ какъ продолжалось дѣло собиранія Русской земли. Теперь для Серпухова было только нѣсколько безопаснѣе, ибо при Іоаннѣ III, какъ мы видѣли, предѣлы Московскаго государства подвинулись на югѣ дальше, почему литовскій рубежъ отдалился отъ Серпухова и его окрестностей. За то для города и вообще для всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ, а затѣмъ и для значительной части государства появилась почти непрерывная опасность изъ-за Оки отъ хищныхъ крымцевъ. Менгли-Гирей и послѣ него его сынъ Махмедъ перестали быть союзниками великаго князя и, смотря по обстоятельствамъ, бросались грабить или польскую или русскую Украйну.

Военныя дѣйствія въ войнѣ съ литовцами происходили на западѣ, большею частію на напріятельской землѣ. Подобно тому какъ при Іоаннѣ, оружіе больше благопріятствовало русскимъ, и самъ Василій Ивановичъ въ 1514 г. взялъ „свою отчину и дѣдину градъ Смоленскъ", какъ выразился въ своемъ привѣтствіи великому князю тамошній епископъ. Изъ серпуховичей безъ сомнѣнія многіе были въ литовскомъ походѣ, тѣмъ болѣе, что бо́льшая часть русской рати выступила изъ Боровска. Туда же потомъ привели подъ стражею многихъ литовскихъ плѣнниковъ. Литовцы, не смотря на сильное пораженіе, нанесенное ими русскимъ при Оршѣ, не смогли отвоевать Смоленска и заключили въ 1523 г. пятилѣтнее перемиріе.

русскихъ, почему уже въ 1503 г. литовцы заключили перемиріе съ Іоанномъ на шесть лѣтъ, причемъ уступили Сѣверскую область; всего было ими отдано 19 городовъ, въ томъ числѣ Любутскъ, послѣдній ихъ городъ на Окѣ. Почему было заключено только перемиріе, видно изъ слѣдующихъ словъ наказа московскимъ посламъ, отправлявшимся въ Крымъ: „Если Менгли-Гирей скажетъ, что великій князь перемирье взялъ, то отвѣчать: великому князю съ Литовскимъ прочнаго миру нѣтъ; Литовскій хочетъ у великаго князя тѣхъ городовъ и земель, что у него взяты, а князь великій хочетъ у него *своей отчины*, *всей Русской земли*; взялъ же съ нимъ теперь перемирье для того, чтобъ люди поотдохнули, да чтобъ взятые города за собою укрѣпить“ [1].

Въ княженіе Іоанна серпуховичамъ пришлось испытать на себѣ всѣ невзгоды татарскаго господства. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Казань, какъ мы видѣли, была подъ сильнымъ вліяніемъ Іоанна: такъ онъ не разъ давалъ ей хановъ изъ своихъ рукъ. Однимъ изъ нихъ былъ Магметъ-Аминь. Ему особенно покровительствовалъ великій князь потому, что мать его Нурсалтанъ вышла замужъ за Крымскаго хана Менгли Гирея, союзомъ съ которымъ особенно дорожилъ Іоаннъ. Но Магметъ-Аминь на столько ознаменовалъ себя въ Казани насиліями, что возбудилъ всеобщій противъ себя ропотъ, почему, опасаясь измѣны, рѣшился удалиться изъ города и искать покровительства въ Москвѣ. Казанцы просили Іоанна не присылать къ нимъ болѣе Магметъ-Аминя. Великій князь уважилъ ихъ справедливую просьбу, послалъ къ нимъ его брата Абдылъ-Летифа, а Аминя „пожаловалъ“, читаемъ въ лѣтописи [2], „далъ ему Коширу да Серпуховъ, да Хотунь со всѣми пошлинами и отпустилъ съ Москвы мая въ 9 (1493 г.); онъ же“, прибавляетъ лѣтописецъ, „и тамо своего нрава не премѣни, но съ насильствомъ живяше и хлачно ко многимъ“. Въ Серпуховѣ Аминь оставался до 1502 г. Въ этомъ году братъ его Абдылъ-Летифъ „за его неправду“ былъ „пойманъ“ Іоанномъ и посланъ въ ссылку на Бѣлоозеро [3], а самъ онъ былъ пожалованъ на Казанское царство. Суровый Аминь,

[1] С. Соловьевъ V, 158.
[2] П. С. Р. Л. VI, 41.
[3] Въ послѣдствіи при Василіи III ему данъ былъ въ кормленье Юрьевъ, а затѣмъ Кашира.

хотя и ѣлъ русскій хлѣбъ въ данныхъ ему на кормленье городахъ, считалъ себя однако обиженнымъ Іоанномъ, что нѣсколько лѣтъ не былъ царемъ на Казани, и въ скоромъ времени отложился отъ Москвы и сдѣлалъ набѣгъ на Нижній-Новгородъ. Послѣдовавшая затѣмъ смерть Іоанна ободрила еще болѣе дерзкаго хана. Василій Ивановичъ хотѣлъ конечно смирить подручника своего отца, но русская рать дважды потерпѣла пораженіе, и великій князь согласился на миръ, по которому возстановились только сношенія, обида же не была отомщена.

Іоаннъ III въ своемъ духовномъ завѣщаніи благословилъ почти всѣми землями наслѣдника престола своего старшаго сына Василія. Съ этихъ поръ Серпуховъ остается неразрывно связаннымъ съ Московскимъ государствомъ, какъ одинъ изъ его многочисленныхъ городовъ.

При Василіи Ивановичѣ продолжалась борьба съ Польско-литовскимъ государствомъ, такъ какъ продолжалось дѣло собиранія Русской земли. Теперь для Серпухова было только нѣсколько безопаснѣе, ибо при Іоаннѣ III, какъ мы видѣли, предѣлы Московскаго государства подвинулись на югѣ дальше, почему литовскій рубежъ отдалился отъ Серпухова и его окрестностей. За то для города и вообще для всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ, а затѣмъ и для значительной части государства появилась почти непрерывная опасность изъ-за Оки отъ хищныхъ крымцевъ. Менгли-Гирей и послѣ него его сынъ Махмедъ перестали быть союзниками великаго князя и, смотря по обстоятельствамъ, бросались грабить или польскую или русскую Украйну.

Военныя дѣйствія въ войнѣ съ литовцами происходили на западѣ, большею частію на напріятельской землѣ. Подобно тому какъ при Іоаннѣ, оружіе больше благопріятствовало русскимъ, и самъ Василій Ивановичъ въ 1514 г. взялъ „свою отчину и дѣдину градъ Смоленскъ", какъ выразился въ своемъ привѣтствіи великому князю тамошній епископъ. Изъ серпуховичей безъ сомнѣнія многіе были въ литовскомъ походѣ, тѣмъ болѣе, что бо́льшая часть русской рати выступила изъ Боровска. Туда же потомъ привели подъ стражею многихъ литовскихъ плѣнниковъ. Литовцы, не смотря на сильное пораженіе, нанесенное ими русскимъ при Оршѣ, не смогли отвоевать Смоленска и заключили въ 1523 г

Въ упоеніи отъ столь блестящаго успѣха, Магмедъ-Гирей хотѣлъ въ ту же осень повторить набѣгъ и кликнулъ кличъ у себя по торгамъ, чтобы всѣ откармливали къ тому времени коней. Но походъ не состоялся. Весною слѣдующаго года Василій Ивановичъ съ многочисленною ратью отправился къ Коломнѣ, готовясь отразить крымцевъ. Но крымцы не появлялись, и великій князь вернулся, но русская рать продолжала сторожить берега Оки.

Въ скоромъ времени съ юга стало безопаснѣе: съ Крымомъ случился погромъ, столь обыкновенный у татаръ. Ногайскіе князья опасаясь могущества Магмедъ-Гирея, успѣвшаго помимо Казани подчинить себѣ и Астрахань, внезапно напали на крымскій станъ, умертвили хана и многихъ крымцевъ и произвели даже опустошеніе въ самомъ Крыму. Послѣ этой катастрофы новый ханъ Сайдатъ-Гирей, воцарившійся на мѣсто брата, очевидно сейчасъ не могъ быть опасенъ, хотя съ знакомою для великаго князя наглостью и поспѣшилъ тотчасъ же просить для себя огромной денежной суммы и, разумѣется, получилъ отказъ. Въ 1527 г. осенью крымцами, подъ начальствомъ царевича Ислама, была сдѣлана попытка пробраться къ Москвѣ по знакомой уже имъ дорогѣ чрезъ Коломну; но великокняжескіе воеводы не только не пустили ихъ переправиться чрезъ Оку, но даже преслѣдовали на значительное разстояніе, разбили и многихъ взяли въ плѣнъ. По сему случаю лѣтописецъ замѣчаетъ [1]: „На Коломнѣ и на Москвѣ и въ иныхъ городахъ посажене въ осадѣ сидѣли недѣлю.“ Конечно, Серпуховъ, какъ важный пограничный пунктъ, былъ въ числѣ этихъ городовъ.

Между тѣмъ Василій Ивановичъ смирилъ Казань и посадилъ на ея престолъ на своей волѣ хана Еналея, младшаго брата царя Шигъ-Алея (въ 1531 г.). Тогда же Серпухову съ Каширой пришлось вторично кормить бывшаго Казанскаго царя, именно этого Шигъ-Алея. Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ послѣдній былъ заключенъ подъ стражу за нарушеніе данной имъ присяги ни съ кѣмъ не сноситься безъ вѣдома великаго князя и сосланъ на Бѣло-озеро. Весною 1532 г. въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ была не

---

[1] П. С. Р. Л. VI, 265.

о томъ отъ достовѣрныхъ, паче же и отъ самѣхъ татаръ, которые пріидоша опослѣ того изъ Крыму, яко отъ 20 тысящь мало ихъ въ Крымъ пріидоша, и тѣ и пѣши и боси и наги". Послѣ этого до 1521 г. не было на Украйнѣ тревоги отъ крымцевъ, они заключили даже съ великимъ княземъ клятвенный договоръ о союзѣ. За то въ этотъ годъ лѣтомъ устроился такой набѣгъ, который напомнилъ собою погромы татаръ прежней Золотой Орды. Предъ набѣгомъ крымцы успѣли возвести въ Казани на ханскій престолъ брата Магмедъ-Гиреева Саипа на мѣсто московскаго присяжника Шигъ-Алея, нелюбимаго казанцами, затѣмъ въ огромныхъ силахъ быстро утремились къ Окѣ. Туда же двинулся и Саипъ-Гирей изъ Казани, опустошая на пути Нижегородскую и Владимірскую области. Около Коломны были разбиты крымцами спѣшно собранныя русскія войска, трое воеводъ пали въ битвѣ, четвертый былъ взятъ въ плѣнъ. Повторились времена нашествія Тохтамыша. Василій Ивановичъ удалился на Волокъ собирать силы. Между тѣмъ въ Москвѣ былъ страшный наплывъ народа изъ окрестностей, всюду были ужасъ и смятеніе. На столичныя укрѣпленія еще можно было надѣяться, тѣмъ болѣе, что не дѣло крымцевъ было ихъ брать, но бѣда — недоставало пороха, сверхъ сего отъ тѣсноты въ жаркое лѣтнее время того и гляди можетъ развиться моровая язва, тогда столь обыкновенная. Ханъ торжествовалъ. Раскинувъ свой станъ на берегу рѣчки Сѣверки [1], онъ разослалъ всюду легкіе отряды для грабежа и забора полону. „Изгономъ" они показывались подъ самою Москвою. Конечно крымскія партіи могли появляться и въ окрестностяхъ Серпухова, который вѣроятно былъ оставленъ бо́льшею частію жителей. Какъ извѣстно Москва спаслась отъ крымцевъ записью, которую выдали имъ бояре отъ имени великаго князя. Въ ней было написано обязательство платить дань, — конечно подарки, а не выходъ, нѣкогда плативщійся ханамъ Золотой орды. И крымцы и казанцы повели съ собою такой полонъ, какого давно никто не водилъ изъ Русской земли: обозначаемая молвою невѣроятная цифра въ 800,000 служитъ лучшимъ тому доказательствомъ.

---

[1] Впадаетъ въ Москву рѣку съ правой стороны выше Коломны.

Въ упоеніи отъ столь блестящаго успѣха, Магмедъ-Гирей хотѣлъ въ ту же осень повторить набѣгъ и кликнулъ кличъ у себя по торгамъ, чтобы всѣ откармливали къ тому времени коней. Но походъ не состоялся. Весною слѣдующаго года Василій Ивановичъ съ многочисленною ратью отправился къ Коломнѣ, готовясь отразить крымцевъ. Но крымцы не появлялись, и великій князь вернулся, но русская рать продолжала сторожить берега Оки.

Въ скоромъ времени съ юга стало безопаснѣе: съ Крымомъ случился погромъ, столь обыкновенный у татаръ. Ногайскіе князья опасаясь могущества Магмедъ-Гирея, успѣвшаго помимо Казани подчинить себѣ и Астрахань, внезапно напали на крымскій станъ, умертвили хана и многихъ крымцевъ и произвели даже опустошеніе въ самомъ Крыму. Послѣ этой катастрофы новый ханъ Сайдатъ-Гирей, воцарившійся на мѣсто брата, очевидно сейчасъ не могъ быть опасенъ, хотя съ знакомою для великаго князя наглостью и поспѣшилъ тотчасъ же просить для себя огромной денежной суммы и, разумѣется, получилъ отказъ. Въ 1527 г. осенью крымцами, подъ начальствомъ царевича Ислама, была сдѣлана попытка пробраться къ Москвѣ по знакомой уже имъ дорогѣ чрезъ Коломну; но великокняжескіе воеводы не только не пустили ихъ переправиться чрезъ Оку, но даже преслѣдовали на значительное разстояніе, разбили и многихъ взяли въ плѣнъ. По сему случаю лѣтописецъ замѣчаетъ [1]: „На Коломнѣ и на Москвѣ и въ иныхъ городахъ посажене въ осадѣ сидѣли недѣлю.“ Конечно, Серпуховъ, какъ важный пограничный пунктъ, былъ въ числѣ этихъ городовъ.

Между тѣмъ Василій Ивановичъ смирилъ Казань и посадилъ на ея престолъ на своей волѣ хана Еналея, младшаго брата царя Шигъ-Алея (въ 1531 г.). Тогда же Серпухову съ Каширой пришлось вторично кормить бывшаго Казанскаго царя, именно этого Шигъ-Алея. Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ послѣдній былъ заключенъ подъ стражу за нарушеніе данной имъ присяги ни съ кѣмъ не сноситься безъ вѣдома великаго князя и сосланъ на Бѣло-озеро. Весною 1532 г. въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ была не

---

[1] П. С. Р. Л. VI, 265.

малая тревога, такъ какъ, читаемъ въ лѣтописи[1] „приде вѣсть изъ Крыму, что Крымской царь копится со многими ордами съ похвалою, а хочетъ ити на великого князя Украйну“. Василій Ивановичъ поспѣшилъ послать на Коломну „на Берегъ“ многочисленное войско „княжатъ и дворянъ двора своего и дѣтей боярскихъ изъ многихъ городовъ“, подъ начальствомъ лучшихъ воеводъ. „А нарядъ былъ“, прибавляетъ лѣтописецъ, „великой, пушки и пищали, и ставлены на берегу на вылозѣхъ, отъ Коломны и до Коширы и до Сенкина[2], и до Серпухова, и до Колуги, и до Угры, добрѣ было много, столько и не бывало“. Однако дѣло кончилось только одною тревогою. Въ слѣдующемъ году она опять всюду повторилась, и полки стягивались къ Коломнѣ. Изъ Крыма шли на Украйну двое племянниковъ новаго Крымскаго хана Саипа-Гирея — Исламъ и Сафа-Гирей, бывшій одно время Казанскимъ царемъ. крымцы успѣли повоевать Рязанскія мѣста, но не рѣшились перейти чрезъ Оку. За то русскіе отряды переправились чрезъ рѣку, но крымцы поспѣшно отступили.

Среди этихъ обстоятельствъ въ 1533 г. умеръ Василій III, и настало правленіе Елены, а за тѣмъ царствованіе Іоанна Грознаго.

Борьба съ Польско-литовскимъ государствомъ продолжалась съ нѣкоторыми перерывами; но теперь для Серпухова она не имѣла непосредственнаго интереса: съ присоединеніемъ Сѣверской области и потомъ Смоленска, бывшаго первоклассною крѣпостью, нельзя было опасаться литовскихъ вторженій въ мѣста сосѣднія съ городомъ. Но съ юга, хотя и тутъ Украйна все болѣе и болѣе подвигалась въ „Поле“, по прежнему можно было опасаться набѣговъ крымцевъ, что въ дѣйствительности неоднократно и случалось, какъ при Грозномъ, такъ и въ послѣдующее время.

1534 годъ ознаменовался для Серпухова слѣдующимъ эпизодомъ. Въ немъ была собрана значительная рать, преимущественно на случай нападенія крымцевъ, тѣмъ болѣе вѣроятнаго, что предстояла борьба съ Польско-литовскимъ государствомъ, по истеченіи перемирія, заключеннаго при Василіи III, а извѣстно было, что король Сигизмундъ подстрекалъ хана къ набѣгу. Полки готовили къ походу

---

[1] П. С. Р. Л. VI, 265.

[2] См. стр. 95, прим. 1.

двое знатныхъ лицъ князь Семенъ Θеодоровичъ Бѣльскій и окольничій Иванъ Ляцкій, родомъ изъ Пруссіи [1], опытный военачальникъ. Опасаясь за свою личную безопасность, вслѣдствіи придворныхъ интригъ, жертвою которыхъ между прочимъ сдѣлался Юрій Старицкій, дядя маленькаго Іоанна, они тайно покинули Серпуховъ, отъѣхали въ Литву и тамъ съ радостью были приняты Сигизмундомъ. Событіе это произвело сильное впечатлѣніе и побудило правительство заключить въ оковы, какъ единомышленниковъ, другаго брата Бѣльскаго — Ивана, стоявшаго съ войскмъ въ Коломнѣ, и князя Ивана Михаиловича Воротынскаго, находившагося въ его отчинѣ Одоевѣ. Къ счастію не послѣдовало крымскаго набѣга такъ какъ въ Крыму совершился переворотъ: ханъ Саипъ-Гирей былъ свергнутъ новымъ ханомъ Исламомъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ августѣ 1535 г. не смотря на договорную „шертную грамоту", читаемъ въ лѣтописи: „приходили крымскіе татарове на Рязанскія мѣста [2], и у рѣки Оки у берега были". Однакожъ Московскіе воеводы поразили грабителей во многихъ стычкахъ и прогнали съ большимъ урономъ. „И боголюбивый архіепископъ Макарій", прибавляетъ лѣтописецъ „о томъ и молебны пѣлъ, со всѣми игумены и священники". Слѣдующіе пять лѣтъ прошли довольно покойно со стороны крымцевъ. Опасность усилилась, когда у нихъ успѣлъ опять воцариться прежній ханъ Саипъ-Гирей. Онъ посылалъ сказать великому князю „многія непригожія слова", чтобы онъ присылалъ по обычаю поминки „А не придутъ поминки къ намъ всю зиму, станешь волочить и откладывать до весны, то мы, грозилъ ханъ, надѣясь на Бога, сами искать пойдемъ, и если найдемъ, то ты уже потомъ не гнѣвайся. Не жди отъ насъ посла, за этимъ дѣла не откладывай, а станешь медлить, то отъ насъ добра не жди". [3] Ханъ затѣмъ стращалъ войсками „счастливаго хана", т. е. турецкаго султана и прибавлялъ: „Казанская земля мой юртъ, и Сафа-Гирей царь [4], братъ мнѣ: такъ ты-бъ съ этого дня на Казанскую землю войной больше не ходилъ; а пойдешь на

[1] Кар. VIII, II.

[2] П. С. Р. Л. VI, 297. Рязанская Украйна болѣе всѣхъ подвергалась крымскимъ набѣгамъ.

[3] Соловьевъ VI, изд. 3, стр. 26.

[4] Воцарившійся въ правленіе Елены на мѣсто убитаго Еналея.

нее войною, то меня на Москвѣ смотри“. Осенью 1540 г. одинъ изъ сыновей Саипъ-Гирея Аминъ-Гирей приходилъ разорять Каширскія мѣста, откуда былъ прогнанъ московскимъ воеводою. Воинственные казанцы тоже начинали дѣйствовать наступательно и въ томъ же году приступали къ Мурому. На слѣдующій годъ весною прибѣжали изъ Крыма въ Москву два полоняника и объявили, что Саипъ-Гирей, забывъ недавно заключенный клятвенный договоръ [1], собрался въ походъ на Русь самъ со всею ордою, съ нимъ также „Турского царя люди, и съ пушками и съ пищалми.... идетъ съ великою похвалою“. Въ Москвѣ извѣстіе это привело всѣхъ въ большое смущеніе. Маленькій Іоаннъ, по совѣту бояръ и духовенства, остался въ столицѣ, которая стала дѣятельно готовиться къ осадѣ. Между тѣмъ одинъ изъ станичниковъ донесъ, „что онъ наѣхалъ на Полѣ сакмы [2] великіе, шли многіе люди къ Руси, тысячь со сто и болѣ“. Сильныя дружины русскаго войска спѣшно направились къ Коломнѣ, чтобы занять позиціи на „Берегу“, гдѣ прежде стаивали противъ крымскихъ хановъ, другимъ отрядамъ приказано было быть въ Серпуховѣ и въ другихъ мѣстахъ на Окѣ и Угрѣ, запасные отряды стали на Пахрѣ. Лѣтописцы разсказываютъ, что всѣ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и готовностью приготовлялись встрѣтить врага; воеводы вняли царской грамотѣ и прекратили споры о мѣстничествѣ. 30 іюля въ третьемъ часу дня у Коломны показались на высокомъ берегу подходившіе крымцы. На московской сторонѣ былъ на берегу только одинъ передовой полкъ. Татары было пріободрились и, подъ прикрытіемъ пищалей и пушекъ, хотѣли перевозиться черезъ рѣку. Но вскорѣ показались многочисленные полки главной русской рати, наступавшіе въ боевомъ порядкѣ, блистая оружіемъ. Ханъ смутился. Бывшіе при немъ бѣглецъ князь Семенъ Өедоровичъ Бѣльскій и мурзы увѣряли его прежде, что крымцы не встрѣтятъ серьезнаго сопротивленія, что всѣ московскіе полки двинуты на Казань. Ханъ увидѣлъ теперь обратное, отчаялся въ успѣхѣ и ночью поспѣшно отступилъ, бросивши часть своего лагеря.

---

[1] Договоръ далеко не былъ похожъ на то, чего недавно требовалъ Саипъ отъ Іоанна.

[2] Сакма по татарски значитъ: дорога, стезя.

Въ теченіи 1542 года два раза крымцы тревожили Украйну въ Сѣверскихъ и Рязанскихъ областяхъ и оба раза были разбиты. Но въ 1544 имъ удалось увести съ собою много полону изъ Бѣлевскихъ и Одоевскихъ мѣстъ [1], благодаря тому обстоятельству, что стоявшіе тамъ воеводы поссорились о мѣстничествѣ „распряшася о мѣстѣхъ“ [2] и не помогли разоряемымъ мѣстамъ.

Іоаннъ, какъ извѣстно, силою обстоятельствъ былъ вынужденъ покончить съ Казанью, гдѣ была сильная борьба между партіями московскою и крымскою. Въ 1552 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ царь выступилъ изъ Москвы въ далекій походъ. На дорогѣ къ первому ночлегу къ нему пришла вѣсть о набѣгѣ крымцевъ на Украйну. Послѣдніе очевидно думали воспользоваться уходомъ русскихъ войскъ подъ Казань. Царь продолжалъ путь къ Коломнѣ, приказавши большому полку стать подъ Колычевомъ [3], передовому подъ Ростиславлемъ [4], лѣвой рукѣ подъ Голутвинымъ монастыремъ. Новые гонцы между тѣмъ извѣстили, что крымцы подъ Тулою. Тогда Іоаннъ тотчасъ двинулъ туда отряды Щенятева и Курбскаго отъ Каширы и полки изъ Колычевы и Ростиславля. 23 іюня, когда онъ обѣдалъ, прискакалъ новый гонецъ изъ Тулы съ извѣстіемъ, что самъ ханъ Девлетъ Гирей подошелъ къ городу. Іоаннъ, отслушавши вечерню, поспѣшилъ къ Каширѣ, чтобы тамъ переправиться чрезъ Оку съ остальными войсками и за тѣмъ идти на помощь къ прежде высланнымъ отрядамъ. Новый гонецъ успокоилъ и обрадовалъ царя: Девлетъ-Гирей былъ отбитъ, благодаря геройству тулянъ, и поспѣшно отступилъ при приближеніи царскихъ отрядовъ. Іоаннъ послалъ въ Москву плѣнныхъ крымцевъ, часть верблюдовъ и пушки, брошенныя ханомъ при отступленіи, и продолжалъ походъ подъ Казань. 2-го октября того же года, послѣ знаменитой осады, Казань была взята приступомъ и навсегда присоединена къ Русскому царству. Совершилось событіе, дотолѣ неслыханное на Руси: Татарское царство было уничтожено и включено въ православную Русь. Понятно поэтому то умиленіе,

---

[1] С. Соловьевъ VI, 65.

[2] Арцыбашев. II, кн. IV, стр. 162.

[3] Въ Серпух. уѣздѣ въ 44-хъ верст. отъ города по лѣвую сторону Каширскаго тракта. Сп. нас. м. № 5754.

[4] На Окѣ между Каширою и Коломною.

тотъ неподдѣльный восторгъ, съ какимъ всюду встрѣчали юнаго царя на пути при возвращеніи изъ многотруднаго похода. Это были счастливѣйшія минуты въ жизни Іоанна, да и всѣ словно переживали свѣтлый праздникъ. Теперь съ востока навсегда кончилась опасность хищническихъ набѣговъ. Но на югѣ дѣла были въ прежнемъ положеніи: то и дѣло тревога по вѣстямъ съ Поля, бѣдная Украйна въ постоянной опасности. Сами же крымцы у себя почти что неуязвимы за громадными безлюдными степями. Девлетъ-Гирею особенно хотѣлось отмстить Іоанну за его удачи на востокѣ, на которыя нельзя было не смотрѣть какъ на косвенныя пораженія крымцевъ. Іоаннъ хорошо понималъ въ это и первое же лѣто, по возвращеніи изъ казанскаго похода, принялъ мѣры предосторожности на Окѣ, тѣмъ болѣе, что были слухи о набѣгѣ на Украйну. Онъ отправилъ своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича съ княземъ Микулинскимъ въ Серпуховъ, другихъ воеводъ въ Калугу, самъ же съ присяжными татарскими царями и царевичами ждалъ крымцевъ въ Коломнѣ. Но лѣто прошло благополучно и рати были отпущены. Между тѣмъ на юговостокѣ все новые и новые народцы просили Іоанна принять ихъ подъ его покровительство. Царь волею не волею, въ силу политической необходимости, исполнялъ ихъ просьбы. Между поддавшимися были также Пятигорскіе Черкасы. Въ 1555 году лѣтомъ Девлетъ-Гирей хотѣлъ опять неожиданно напасть на Украйну. По обычаю крымцевъ, какъ говоритъ князь Курбскій [1], „инуды лукъ потянуть, а инуды стрѣлять“, ханъ распустилъ молву, что идетъ на Черкасовъ. На самомъ же дѣлѣ бросился по дорогѣ къ Украйнѣ. Къ счастію Іоаннъ отрядилъ часть войска въ степь къ Перекопу для отвлеченія ханскихъ силъ отъ Черкасовъ. Этимъ отрядомъ былъ открытъ походъ хана на Русь. Царь поспѣшилъ изъ Москвы на Берегъ, но, замѣчаетъ Курбскій [2], „не сталъ тамо, идѣ же обычай бывалъ издавна застановлятися христіанскому войску противъ царей татарскихъ“ [3], т. е. у Коломны, а переправился чрезъ Оку у Каширы и велѣлъ спѣшить къ Тулѣ, къ которой предъ этимъ,

---

[1] Стр. 49.

[2] Стр. 52.

[3] Н. Устряловъ въ примѣчаніи 71 къ Курбскому говоритъ: „т. е. въ Серпуховѣ“, что не совсѣмъ справедливо: до 1555 г. русская рать ждала крымцевъ больше у

какъ мы видѣли, выходили крымцы съ Поля степными дорогами. Воевода бояринъ Шереметевъ, начальствовавшій отрядомъ, посланнымъ въ степь къ Перекопу, имѣлъ неосторожность ослабить свои силы отдѣленіемъ одной трети войска, которую онъ послалъ на ханскій обозъ, почему былъ разбитъ ханомъ, послѣ необыкновенно упорной битвы, бывшей сперва побѣдоносною для русскихъ. Событіе конечно было прискорбное, но ханъ не рѣшился встрѣтиться съ главными русскими силами и поспѣшилъ назадъ въ Крымъ, удаляясь быстрыми переходами верстъ по 70 въ сутки.

Въ слѣдующемъ 1556 г. опять пришли въ Москву вѣсти изъ степи, что ханъ сбирается лѣтомъ посѣтить Украйну. Царь приготовился къ походу. 31-го мая вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ онъ прибылъ въ Серпуховъ, назначенный опорнымъ пунктомъ для предстоящихъ дѣйствій. Войска стягивались туда со всѣхъ сторонъ. Прибыли и Касимовскіе татары съ султаномъ Кайбулою. Передовой полкъ былъ расположенъ у Тарусы, тамъ же велѣно было стать и правой рукѣ, на устьѣ Протвы сталъ большой полкъ, лѣвая рука на Сенкинѣ перевозѣ [1], сторожевой полкъ при устьѣ Лопасни. Сборъ войска былъ необычайно многочисленъ, какъ оказалось изъ повѣрки, произведенной Владиміромъ Андреевичемъ: въ полки явились и тѣ, кто прежде укрывался отъ службы. Іоаннъ хотѣлъ изъ Серпухова идти за Тулу, тамъ дождаться хана и „дѣлать съ нимъ прямое дѣло, какъ Богъ поможетъ“ [2]. Но ханъ не рѣшился показаться на Украйнѣ: его смутилъ неожиданный смѣлый набѣгъ на его владѣнія, сдѣланный въ то время небольшимъ московскимъ отрядомъ въ соединеніи съ днѣпровскими казаками. Въ этотъ 1556 г. произошло сильное укрѣпленіе Серпухова. Если прежде крымцы преимущественно показывались у Тулы и за тѣмъ на Окѣ у Коломны, то въ послѣднее время ихъ набѣги стали принимать у Оки болѣе западное направленіе къ

Коломны, правильнѣе было-бы сказать между Коломною и Серпуховомъ. Къ Тулѣ спѣшно шли изъ Москвы обыкновенно чрезъ Каширу.

[1] Никон. VII, 264. Сенкинъ перевозъ до сихъ поръ существуетъ въ 21 верстѣ отъ Серпухова внизъ по Окѣ, на правомъ ея берегу (Тульск. губ.) противъ деревни Никифоровы, верстахъ въ пяти выше впаденія р. Лопасни. Берега Оки тамъ довольно отлоги и удобны для переправы.

[2] С. Соловьевъ VI, 120.

Каширѣ. Сообразно съ этимъ боевое расположеніе русскаго войска, которое сбиралось на Берегу, подвинулось вверхъ по Окѣ. Между тѣмъ Серпуховъ до 1556 г. не имѣлъ каменной крѣпости, которая была построена въ Тулѣ въ 1520 г., въ Коломнѣ въ 1525 г. Очень жаль, что о построеніи каменнаго города въ Серпуховѣ мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній изъ тогдашнихъ лѣтописей, а принуждены только принять за фактъ сообщеніе Щекатова въ его географ. словарѣ [1]. Щекатовъ не сообщаетъ никакихъ подробностей кромѣ того, что построеніе крѣпости произошло въ 1556 г.

По обыкновенію въ промежуткахъ между набѣгами Девлетъ-Гирей требовалъ отъ Іоанна богатыхъ поминковъ и денегъ, взамѣнъ чего предлагалъ дружбу и вообще завязывалъ сношенія. Отъ послѣднихъ царь былъ не прочь, но относительно даровъ былъ довольно скупъ, что вполнѣ понятно, если припомнить чуть ли не сотыя нарушенія крымцами ихъ договоровъ. Онъ даже пытался поражать хищниковъ въ ихъ кочевьяхъ, для чего снаряжалъ легкіе отряды, которые спускались внизъ по Днѣпру и Дону и достигали Перекопа, что сильно тревожило хана. Въ 1558 г. положившись на слова какихъ-то татаръ изъ Москвы, что царь со всѣми силами отправился въ Ливонію, ханъ рѣшился испытать счастіе въ зимнемъ походѣ и послалъ съ своимъ сыномъ царевичемъ Махмедъ-Гиреемъ до 100,000 крымцевъ тремя отрядами тайными дорогами отъ русскихъ станичниковъ и степныхъ стражей. Крымцы должны были напасть на Рязань, Тулу и Каширу. Но царевичъ дорогою узналъ, что Іоаннъ въ Москвѣ и что Украйна оберегается воеводами, отъ которыхъ крымцы болѣе всего терпѣли пораженій — княземъ Вишневецкимъ и бояриномъ Иваномъ Шереметевымъ. Онъ счелъ за лучшее вернуться назадъ, при чемъ погубилъ вслѣдствіе зимняго времени много людей и коней. За тѣмъ со стороны русскихъ послѣдовалъ удачный набѣгъ на крымскіе улусы подъ начальствомъ Даніила Адашева, и ханъ сталъ сдержаннѣе, прислалъ шертную грамоту и получилъ за то отъ Іоанна такія же поминки, какія посылались Саипъ-Гирею. Но съ литовской стороны предложили больше, и московскіе поминки пропали даромъ. Вслѣдъ за

---

[1] Новый полный географич. словарь 1789 г. V, 120 стр. Ни Карамзину, ни послѣдующимъ историкамъ не былъ извѣстенъ годъ сооруженія каменной крѣпости.

тѣмъ въ 1563 г. крымцы бросились на Рязанскую украйну, оставленную безъ войскъ, вслѣдствіе союза съ ханомъ. Но счастье было по прежнему на Русской сторонѣ: любимецъ царя Алексѣй Басмановъ съ своимъ сыномъ Ѳеодоромъ отбили отъ Рязани всѣ приступы крымцевъ. Прошла вѣсть о приближеніи царскихъ воеводъ, и татары со срамомъ вернулись домой. Въ 1565 г. опять была сдѣлана крымцами безуспѣшная попытка напасть въ расплохъ на Украйну. Татары не могли взять Болхова и дальше не пошли. Требованія отъ Іоанна возвращенія Казани съ Астраханью, а также поминокъ между тѣмъ не прекращались; но Грозный отвѣчалъ: „Мы, государи великіе, бездѣльныхъ рѣчей говорить и слушать не хотимъ“ [1]. Однакожъ опасность борьбы съ могущественнымъ Турецкимъ султаномъ, желавшимъ возвратить мусульманству Астрахань, а потомъ и Казань, одновременно съ этимъ тягости Ливонской войны и постоянныя опасенія на Берегу заставили Іоанна быть болѣе ласковымъ къ хану, и онъ не хотѣлъ уже стоять за поминки, лишь бы Девлетъ-Гирей былъ въ дружбѣ и братствѣ. Все лѣто 1570 г. прошло въ большой тревогѣ. Не смотря на дружественное посольство къ султану Семиму, отъ послѣдняго въ Москвѣ ничего не ждали хорошаго; крымцы же были турецкіе подручники. Іоаннъ два раза ѣздилъ изъ Александровской слободы къ Берегу, гдѣ были разставлены войска. Правда, показывались крымцы, но не въ большихъ силахъ, ихъ легко прогоняли. Оказалось, что станичники, бывшіе въ Полѣ и доносившіе о стезѣ многочисленныхъ татаръ, доносили съ сильнымъ преувеличеніемъ. Царь уѣхалъ изъ Серпухова, но воеводы стояли въ немъ съ недѣлю послѣ Покрова, когда наконецъ рать была распущена. Весну слѣдующаго года опять встрѣчали тревожно все по вѣстямъ о томъ, что ханъ готовится къ нашествію. Въ маѣ царскіе воеводы спѣшили къ Берегу съ главными полками. Самъ царь съ царевичемъ Іоанномъ, опричниною и двумя полками — передовымъ и сторожевымъ опередилъ главныя силы и сталъ въ Серпуховѣ и его окрестностяхъ. На этотъ разъ, дѣйствительно, слѣдовало быть осторожными больше, чѣмъ когда либо: ханъ съ 120,000 войска быстро шелъ на Украйну. Страшная эпоха опричнины, бывшая въ полномъ

[1] С. Соловьевъ VI, 255.

разгарѣ, сдѣлала свое злое дѣло: поубавилось доблестныхъ вождей, появились напротивъ измѣнники. Въ степи прибѣжали къ хану дѣти боярскіе изъ мѣстъ, бывшихъ на пути: бѣлевцы „Кудеяръ Тишинковъ да Окулъ Семеновъ; да колужане Жданъ да Иванъ Васильевы дѣти Юдинкова, да каширянинъ Ѳедоръ Лихаревъ, да серпуховитинъ Русинъ, а съ ними", говоритъ современное извѣстіе[1] „10 человѣкъ, ихъ людей". Измѣнники „Кудеяръ съ товарищы" царю говорили, что „на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Московскихъ по два года была меженика великая и моръ.... многіе люди вымерли, а иныхъ многихъ людей государь въ своей опалѣ побилъ; а достальные воинскіе люди и татарове всѣ въ нѣмцѣхъ; государя де чаютъ въ Серпуховѣ съ опричниною; а людей де съ нимъ мало.... И ты де поди прямо къ Москвѣ, а вожъ-де тебѣ черезъ Оку и до Москвы язъ; а будетъ-де тебѣ до Москвы встрѣча будетъ и ты-де вели меня казнити". Тоже самое говорили хану двое новокрещеныхъ татаръ Иванъ Урмановъ и Степанко, прибѣжавшіе не много спустя. Они притомъ прибавляли: „И въ земскихъ и въ опришнинѣ (Іоаннъ) людей выбилъ.... мы есмя сами изъ опришнины". Ханъ былъ проведенъ измѣнниками незамѣтно для русскихъ чрезъ Оку, обошелъ Іоанна въ Серпуховѣ и отрѣзалъ его отъ главныхъ силъ. Царь спѣшно отступилъ въ Бронницы, затѣмъ въ Александровскую слободу и далѣе въ Ростовъ. Трудно оправдать въ данномъ случаѣ поведеніе Іоанна, умъ котораго конечно былъ омраченъ отъ тревогъ той страшной жизни, какую онъ велъ среди своихъ опричниковъ. Безъ сомнѣнія ему слѣдовало по возможности спѣшить къ Москвѣ на соединеніе съ воеводами или сѣсть въ осадѣ въ Серпуховѣ, недавно сильно укрѣпленномъ. Царскіе воеводы успѣли достигнуть столицы раньше хана, но поступили непростительно оплошно, размѣстивши свои войска въ тѣсныхъ предмѣстьяхъ города, биткомъ наполненнаго народомъ, сбѣжавшимся изъ окрестностей. 24 мая, на другой день по приходѣ воеводъ, подошли татары. Былъ знойный совершенно лѣтній день. Крымцы сдѣлали то, что легко было предвидѣть: подожгли предмѣстья въ разныхъ мѣстахъ. Невозможно описать, что случилось съ бѣдною Москвою: въ три часа не стало города до

[1] Карамзинъ. Примѣч. къ IX т. N 352.

самаго кремля, погибли сотни тысячъ народа: спастись было некуда, въ иныхъ мѣстахъ у городскихъ воротъ толпы напирали по тройнымъ грудамъ потоптанныхъ людей. Одинъ изъ первыхъ воеводъ — Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій задохся на своемъ дворѣ въ каменномъ погребѣ, гдѣ онъ искалъ спасенія. Страшный жаръ не допустилъ крымцевъ броситься грабить, и самъ ханъ долженъ былъ отступить къ Коломенскому селу. До 150,000 плѣнныхъ повелъ онъ въ Крымъ, удаляясь во время, такъ какъ уже подходили значительныя русскія силы. Не весело было Іоанну возвращаться въ Москву. На дорогѣ его встрѣтили гонцы отъ Девлетъ-Гирея. И стыдно и больно было царю выслушать грамоту надменнаго хана. „Жгу и пустошу все изъ за Казани и Астрахани" [1], писалъ онъ, „а всего свѣта богатство примѣняю къ праху, надѣясь на величество Божіе. Я пришелъ на тебя, городъ твой сжегъ, хотѣлъ вѣнца твоего и головы; но ты не пришелъ и противъ насъ не сталъ, а еще хвалишься, что де я Московскій государь! Были бы въ тебѣ стыдъ и дородство, такъ ты бы пришелъ противъ насъ и стоялъ. Захочешь съ нами душевною мыслію въ дружбѣ быть, такъ отдай нашъ юртъ — Астрахань и Казань; а захочешь казною и деньгами всесвѣтное богатство намъ давать — не надобно; желаніе наше Казань и Астрахань, а государства твоего дороги я видѣлъ и опозналъ". Гордый царь принужденъ былъ смириться предъ ханомъ, обѣщалъ отдать Астрахань и писалъ: „до тѣхъ бы поръ ты пожаловалъ, далъ сроки, и земли нашей не воевалъ". Но время все смягчаетъ и передѣлываетъ. Іоаннъ попріободрился, не унывали и русскіе люди. Въ одной грамотѣ было написано хану: „Братъ нашъ Девлетъ-Гирей царь на то не надѣялся бы, что землю нашу воевалъ; сабля сѣчетъ временемъ, а если станетъ часто сѣчь, то притупѣетъ, а иногда и остріе у нея изломается". Поминки же Іоаннъ обѣщалъ большія, если ханъ оставитъ дѣло о Казани и Астрахани. Ободренный удачею, послѣдній хотѣлъ добиться своего новымъ набѣгомъ, и вотъ лѣтомъ слѣдующаго 1572 г., онъ вторично съ 120,000 крымцевъ двинулся къ Окѣ. Іоаннъ самъ отправился въ это время въ Новгородъ, но на Окѣ разставилъ многочисленное войско. Большой полкъ подъ начальствомъ князя Михаила

---

[1] С. Соловьевъ VI, 264 и слѣд.

Ивановича Воротынскаго стоялъ у Серпухова, правая рука подъ начальствомъ князя Никиты Одоевскаго и воеводы Шереметева расположилась у Тарусы, лѣвая рука подъ начальствомъ князя Андрея Васильевича Рѣпнина и князя Петра Ивановича Хворостинина на Лопаснѣ, передовой полкъ былъ выдвинутъ къ Калугѣ, сторожевой оставленъ на Каширѣ. Въ большой полкъ царь отпустилъ и свой нѣмецкій 7000 отрядъ подъ начальствомъ Георгія Фаренсбаха [1]. Ханъ шелъ съ большими надеждами на успѣхъ, росписалъ даже московскія улицы своимъ мурзамъ [2] и 26 іюля подошелъ къ Окѣ. Съ нимъ былъ Ногайскій мурза Теребердій съ 20,000 ногайцевъ. Теребердій въ ночь на 27 іюля пришелъ къ Сенкину перевозу. На московскомъ берегу тутъ стояло 200 дѣтей боярскихъ, укрѣпившись за плетнемъ. Крымцы сбили этотъ отрядъ и перевезлись за Оку. Главныя русскія силы ждали непріятеля на Берегу въ трехъ верстахъ отъ Серпухова. Теребердій быстро пошелъ впередъ подъ Москву и уже 28 числа былъ подъ нею и отнялъ всѣ дороги. Между тѣмъ подъ Серпуховомъ ханъ вступилъ въ перестрѣлку съ московскими воеводами. Воеводы въ мѣстѣ, особенно удобномъ для переправы, отстрѣливались изъ пушекъ изъ-за Гуляя города, сдѣланнаго въ видѣ двора изъ хвороста и обруженнаго рвомъ [3]. Ханъ рѣшился ночью обойти русскій станъ. Онъ оставилъ противъ Гуляя города „травиться" съ русскими 2000 человѣкъ и, пользуясь ночною темнотою, незамѣтно двинулся внизъ по Окѣ къ Сенкину перевозу, гдѣ и перешелъ благополучно черезъ рѣку. Рано утромъ русскіе воеводы свѣдали объ этомъ и тотчасъ же бросились въ погоню; подвинулся и Гуляй городъ. Передовой полкъ подъ начальствомъ князя Дмитрія Ивановича Хворостинина вмѣстѣ съ нѣмцами и стрѣльцами скоро настигъ крымцевъ, вступилъ съ ними въ битву и гналъ ихъ до главныхъ ханскихъ силъ. Въ разбитомъ крымскомъ отрядѣ были два царевича — сыновья Девлета. Они выпросили у отца въ помощь 12,000 татаръ и тогда въ свою очередь налегли на русскихъ и оттѣснили ихъ до самаго Гуляя города, который

[1] Карамзинъ IX, примѣч. [illegible].

[2] Тамъ же. Примѣч. [illegible].

[3] Карамз. IX, примѣч. [illegible]; [illegible] начало [illegible] столѣтія.

былъ при большомъ полку князя Воротынскаго. Изъ Гуляя города мѣткою пальбой изъ пушекъ и пищалей легко отбросили крымцевъ и не мало положили ихъ на мѣстѣ. Ханъ пріостановилъ тогда походъ къ Москвѣ и сталъ станомъ въ болотѣ въ 7 верстахъ отъ Пахры. На слѣдующій день только „травились“ русскіе полки съ крымцами, „а съемнаго бою не было“, какъ говорится въ современномъ сказаніи [1]. Но 30 іюля произошла сильная схватка, „дѣло было великое и сѣча велика“, Теребердій былъ убитъ со множествомъ ногайцевъ и татаръ; въ числѣ послѣднихъ пали трое Ширинскихъ князей. Изъ русскихъ особенно отличился сынъ боярскій суздалецъ Темиръ Алалыковъ [2]: онъ взялъ въ плѣнъ крымскаго большаго воеводу Дивія Мурзу. Взяли и другихъ воеводъ. Съ русской стороны было убито дѣтей боярскихъ человѣкъ 70. 31-е іюля прошло тоже въ одной травлѣ, „съемнаго бою не было“. За то 2-го августа былъ большой „съемный бой“ на Лопаснѣ у Воскресенья въ Молодяхъ. Ханъ сдѣлалъ отчаянное усиліе взять приступомъ Гуляй городъ. Татары, говорится въ современномъ описаніи, „пришедъ къ Гуляю, имались за стѣну, и стрѣльцы многихъ татаръ побили и рукъ татарскихъ безчисленно обсѣкли“. Князь Воротынскій сдѣлалъ обходное движеніе долиною и въ то время, какъ пушкари, по его приказанію дали залпъ изъ всѣхъ пушекъ, бросился съ тылу на крымцевъ; другой воевода Хворостининъ ударилъ съ нѣмцами и стрѣльцами изъ Гуляя города и „учали дѣло дѣлать съемное, и сѣча была велика“. Татары потерпѣли сильное пораженіе. Въ ту-же ночь ханъ оставилъ тысячи съ три „рѣзвыхъ людей“ травиться съ русскими, самъ же снялся съ болота и отступилъ за Оку. Воеводы поразили послѣдніе татарскіе отряды и заняли на рѣкѣ обыкновенныя позиціи въ Коломнѣ и въ Серпуховѣ. Послѣ этой неудачи ханъ значительно понизилъ тонъ въ сношеніяхъ съ Іоанномъ, царь же если посылалъ поминки, то „легкіе“. „Добрыхъ поминковъ не послалъ“ писалъ онъ хану, „ты писалъ, что тебѣ не надобны деньги, что богатство для

---

[1] Карамз. IX, 391. Изъ повѣсти о бою воеводъ московскихъ съ невѣрнымъ ханомъ, хран. въ Синод. библ.

[2] Какъ видно изъ имени и фамиліи — одинъ изъ числа бывшихъ въ русской службѣ татаръ (новокрещеновъ).

тебя съ прахомъ равно"[1]. Предосторожности противъ крымцевъ на Берегу все таки продолжались. Такъ знаменитый герой описанныхъ битвъ князь Воротынскій съ бояриномъ Михаиломъ Яковлевичемъ Морозовымъ стоялъ съ большимъ полкомъ въ слѣдующемъ году въ Серпуховѣ, въ правой рукѣ былъ воевода кн. Никита Романовичъ Одоевскій. Жестокій Іоаннъ въ припадкѣ безумія, какъ извѣстно, повѣрилъ злымъ навѣтамъ на доблестнаго князя Воротынскаго съ товарищами, не внялъ ихъ оправданіямъ и въ томъ же году велѣлъ казнить ихъ смертію. Въ 1574 году лѣтомъ царь вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Іоанномъ ѣздилъ къ береговой заставѣ въ Серпуховъ[2], гдѣ была собрана значительная рать. Съ тою же цѣлію въ 1576 г. они оба провели лѣто въ Калугѣ, къ которой были стянуты войска въ ожиданіи набѣга крымцевъ. Но набѣга не было, равнымъ образомъ какъ и остальныя 8 лѣтъ царствованія Грознаго не были тревожены крымцами. Но тѣмъ не менѣе въ Серпуховѣ, какъ въ центральномъ пунктѣ, каждое лѣто были на готовѣ войска отразить хищниковъ. Передовые отряды выдвигались къ Калугѣ, внизъ по Окѣ были всюду наблюдательные посты до самой Коломны.

18-го марта 1584 года не стало Грознаго царя. Кончилась эпоха страшныхъ опалъ и казней. На престолѣ теперь сидѣлъ одинъ изъ самыхъ кроткихъ царей Θеодоръ Іоанновичъ, предоставившій правленіе всецѣло боярамъ и преимущественно знаменитому Борису Годунову, своему родственнику по женѣ.

Въ береговой службѣ перемѣнъ не было[3]. Серпуховъ удерживалъ за собою значеніе главнаго центральнаго пункта, въ немъ ставился большой полкъ, правая рука въ Алексинѣ, лѣвая въ Каширѣ, передовой полкъ въ Калугѣ, сторожевой въ Коломнѣ. Таково было расположеніе ратныхъ силъ въ 1584 г. въ годъ смерти Грознаго и въ послѣдующіе годы[4]. По обыновенію Крым-

---

[1] С. Соловьев. VI, 267.

[2] Арцыбашевъ. Книга IV, стр. 342. Карамз. IX, примѣч. 429.

[3] Англичанинъ Флетчеръ сообщаетъ, что при Θеодорѣ Іоанновичѣ ежегодно собирались на берегахъ Оки, въ угрозу хану 65,000 всадниковъ изъ дѣтей боярскихъ. Карамз. X, 223 стр.

[4] Въ запискѣ 1610—13 гг. о Царскомъ дворѣ и т. д., напечатанной въ Актахъ Историч. (Том. II № 355), говорится очевидно не вѣрно, что при размѣщеніи боль-

скій ханъ требовалъ поминокъ и казны, предлагалъ союзъ и въ то же время производилъ набѣги на Украйну. На Окѣ то и дѣло происходили сильныя сшибки. Въ 1586 г. ходили грабить до 30,000 крымцевъ, но почти никто изъ нихъ не вернулся съ награбленнымъ добромъ: всѣ либо были побиты, либо попались въ плѣнъ и томились въ московскихъ тюрьмахъ. Ждали за то сильной отместки въ слѣдующемъ году, думали, что придетъ самъ ханъ и усиленно стерегли Берегъ [1]. Но на мѣсто хана приходили только сильные отряды и овладѣли Крапивною; однакожъ воеводы дальше ихъ не пустили. Наконецъ въ 1591 г. ханъ Казы-Гирей поднялся на Москву со всею ордою и со множествомъ турокъ, съ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Онъ много надѣялся на войну русскихъ со Шведами, думалъ что Россія безоружна съ юга. На Берегу стояла обыкновенная рать на знакомыхъ намъ позиціяхъ. Разъѣзды разъѣзжали далеко въ степи. Долго до 26 іюня все было покойно. Въ этотъ день въ Москву пришла грозная вѣсть, что степь покрыта тучами ханскаго войска, не менѣе 150,000, которое быстро направляется къ нашимъ предѣламъ, нигдѣ не останавливаясь для грабежа. Главныя русскія силы стояли тогда на шведской границѣ, оставалось только одно — собрать поскорѣе отряды изъ степныхъ и другихъ ближайшихъ городовъ. Но поспѣть имъ не было возможности къ Окѣ, гдѣ въ Серпуховѣ стоялъ главный воевода Θедоръ Ивановичъ Мстиславскій. Поэтому Мстиславскій и другіе воеводы получили приказаніе спѣшить къ Москвѣ и предупредить хана. Тамъ въ виду столицы съ ея святынею думали стать противъ непріятеля на прямое дѣло. 30-го іюня Мстиславскій покинулъ окрестности Серпухова, оставивши тамъ небольшой отрядъ, и ночевалъ на Похрѣ. 1-го же іюля въ вечерни его полки подошли къ Коломенскому селу. Какъ извѣстно, Годуновъ выказалъ въ это время большую дѣятельность. Воеводы приняли всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать крымцамъ повторить сожженіе Москвы, и наскоро укрѣпили предмѣстья, устроили и Гуляй городъ на колесахъ; всюду раз-

———

...наго полка въ Серпуховѣ, правой руки въ Калугѣ, лѣвой — въ Каширѣ, „какъ почуютъ царевъ приходъ или царевичевъ“, передовой полкъ будто ставится на Ко..., а сторожевой — въ Алексинѣ.

[1] ... примѣч. 99.

ставлены были пушки большаго калибра. Ханъ ниже Серпухова подъ Тѣшиловымъ переправился чрезъ Оку и быстро пошелъ къ Москвѣ. Съ этимъ извѣстіемъ прибылъ въ Москву голова Колтовской, оставленный Мстиславскимъ на Берегу для вѣстей. Какъ извѣстно, грозное нашествіе кончилось совершенно благополучно для Москвы. Послѣ неудачной для крымцевъ „травли", по тогдашнему выраженію, на московскихъ лугахъ, ханъ счелъ за лучшее поспѣшно отступить. Воеводы преслѣдовали его съ главными силами до Серпухова, передовые же отряды настигли татаръ за Тулою и нанесли имъ пораженіе. Въ Серпуховъ 10-го іюля пріѣхалъ стольникъ Иванъ Никитичъ Романовъ съ поклономъ боярамъ и воеводамъ отъ государя и подалъ Мстиславскому и Борису Годунову золотые португальскіе, одарены были имъ отъ имени царя и другіе воеводы. Всѣ радовались и веселились; въ Москвѣ не было конца пирамъ въ честь главныхъ воеводъ; младшіе же остались на всякій случай на Берегу при войскѣ.

Изъ крымцевъ вернулась домой одна треть; самъ ханъ былъ раненъ. Дорого обошелся ему „смотръ береговъ Оки", вошедшій въ обычай у крымцевъ для каждаго новаго хана.

Страннымъ образомъ разнеслась въ это время молва въ Алексинѣ и другихъ украинскихъ городахъ, будто бы Борисъ Годуновъ самъ призвалъ хана на Москву, чтобы заглушить негодованіе по случаю приписаннаго ему убіенія Димитрія царевича, что̀ случилось за годъ до нашествія крымцевъ. Годуновъ ревностно принялся доискиваться до виновниковъ этихъ слуховъ. Было схвачено въ Москву изъ Алексина и изъ другихъ городовъ Украйны много людей и подвергнуто пыткѣ. Лѣтописецъ прибавляетъ[1], что погибло много при этомъ народа и запустѣли мѣста на Украйнѣ. Конечно не безъ трепета переживали и серпуховичи это тревожное время, когда то и дѣло возили чрезъ ихъ городъ невинныхъ страдальцевъ.

[1] Арцыбашевъ. [illegible]нга V, стр. [illegible]

ГЛАВА V.

Серпуховъ въ смутное время и далѣе до эпохи Петра Великаго.

Въ 1598 г. умеръ Θеодоръ Іоанновичъ, и царемъ по избранію сдѣлался Борисъ Θедоровичъ Годуновъ. Не успѣлъ еще онъ короноваться царскимъ вѣнцомъ, какъ пришла въ Москву вѣсть о томъ, что ханъ Казы-Гирей готовится къ нашествію. Годуновъ собралъ огромную рать на лугахъ Оки у Серпухова и самъ отправился туда 2-го мая въ сопровожденіи пяти татарскихъ царевичей и знатнѣйшихъ бояръ. Мѣстныя преданія сообщаютъ, что на мѣстѣ царскаго стана, на берегу рѣчки Рѣчмы, въ 4-хъ верстахъ отъ Серпухова, основалась потомъ деревня Борисово. Здѣсь царь распредѣлилъ воеводство, просмотрѣвъ по чертежамъ линію засѣкъ отъ крымцевъ [1], послалъ въ нихъ воеводъ съ стрѣльцами для недопущенія татаръ, а чтобы воспрепятствовать переправѣ ихъ чрезъ Оку, устроилъ особую судовую рать. Лѣтописцы очевидно преувеличиваютъ, когда сообщаютъ что всей рати подъ Серпуховомъ было собрано будто полъмилліона. Но конечно ея было больше прежнихъ сборовъ. Царь то и дѣло дѣлалъ смотры и не жалѣлъ своей казны на роскошныя угощенія ратныхъ людей: каждый день въ его шатрахъ обѣдали на серебрѣ не менѣе десяти тысячъ человѣкъ. Оказалось однако, что вся тревога была напрасна. Вмѣсто грознаго нашествія появились послы отъ хана съ мирными предложеніями. Годуновъ принялъ ихъ съ необыкновенною пышностью, показавши предварительно свои несмѣтные полки, богато одарилъ и отпустилъ съ миромъ. 29 іюня на обширныхъ лугахъ у Оки царь угостилъ роскошнымъ обѣдомъ все войско и всѣхъ богато одарилъ. То была величественная картина, одинъ изъ счастливыхъ дней Годунова, и жители Серпухова, безъ сомнѣнія стекавшіеся сморѣть на веселое пиршество, долго потомъ вспоминали объ этомъ, какъ-бы сказочномъ, днѣ [2].

---

[1] Ближайшія засѣки тянулись отъ Боровска до Тулы.

[2] По преданію памятникомъ мирнаго царскаго похода осталась въ сосѣднемъ Высоцкомъ монастырѣ походная церковь Годунова. Она помѣщается въ створчатомъ

Но Божьяго благословенія не было надъ царемъ, которому народный говоръ приписывалъ убійство невиннаго Дмитрія царевича. Не смотря на свою щедрость, Годуновъ не пользовался народною любовью. Да и какъ было пользоваться ею, когда уже въ 1600 г. стала распространяться молва, что царевичъ Дмитрій спасся и рано-ли, поздо-ли, а добудетъ себѣ отцовскій престолъ отъ похитителя, посягнувшаго на его жизнь. Давно небывалый ужасный голодъ посѣтилъ государство сряду два года въ 1601 и 1602 гг. Сотни тысячъ погибли отъ голодной смерти. Но празднаго люду нисколько не убавилось отъ этого, а напротивъ прибыло. Масса выгнанныхъ господами холопей скиталась въ видѣ бездомныхъ бѣглецовъ по городамъ Украйны, вездѣ подкарауливая себѣ добычу. И до этихъ поръ не мало тамъ было отчаяннаго сброду, спасавшагося отъ кары закона въ степныхъ поселкахъ. На него правительство привыкло смотрѣть сквозь пальцы. Государство думало видѣть въ нихъ пользу, считая ихъ за колонизаторовъ своей степной окраины. И вотъ слишкомъ неспокойно стало въ лѣсной Украйнѣ, съ ея дремучими лѣсами и безконечными засѣками. Появились огромныя разбойничьи шайки, и подъ самой Москвой было далеко не безопасно. Въ слѣдующій же за голодными 1603-й годъ разбойничій атаманъ Хлопка Косолапъ повелъ для грабежа свои толпы на самую Москву. Предпріятіе конечно было безумное и удалецъ сложилъ въ Бѣлокаменной съ товарищами свою буйную головушку. Хоть и крѣпокъ былъ тогда каменный городъ въ Серпуховѣ, и не мало было башенъ въ его острогѣ, а все непокойно жилось и воеводѣ и дворянамъ и посадскимъ. Но то ли еще придется скоро испытать всѣмъ. Уже въ понизовьѣ на Волгѣ заволновалось казачество, прекратился тамъ всякій торгъ, и казаки шлютъ въ Москву сказать, что скоро они придутъ съ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ [1]. Да и всюду на Руси втихомолку поговариваютъ, что вотъ-вотъ явится царевичъ, какъ не стать за него — онъ истинный наслѣдникъ отцовскаго престола, не то что Борисъ, бывшій нѣкогда однимъ изъ обыкновенныхъ бояръ. Позднею осенью 1604 г. идетъ молва, что

шкапу, аршина въ полтора вышины; въ срединѣ богатый образъ Казанской Божіей Матери. (Нѣсколько словъ о Серпух. Высоч. пол. Москов. Вѣд. 1875 г. № 169).

[1] Н. Костомаровъ. Смутное время Москов. Госуд. I, 71.

царевичъ перешелъ уже польско-литовскую границу и идетъ добывать отцовское наслѣдство. Всѣмъ извѣстно, что случилось. Царская рать отъ Серпухова ходила далеко въ Украйну, но не могла сломить страшнаго для Бориса врага. Скоропостижная смерть Годунова укрѣпила народъ въ вѣрѣ, что къ Москвѣ идетъ желанный царевичъ и что похититель его царства достойно наказанъ самимъ Богомъ. Вся Украйна признала царевича. Вотъ онъ уже въ Тулѣ. Чрезъ Серпуховъ спѣшитъ его привѣтствовать московская знать, ѣдутъ выборные изъ разныхъ городовъ, и серпуховичи тоже вѣрятъ чудесному избавленію Димитрія и готовятъ ему хлѣбъ-соль. То-то былъ суетливо радостный день, когда царевичъ прибылъ въ Серпуховъ. Сколько новостей для его жителей! Вторично оживились обширные луга на Окѣ. На нихъ среди другихъ шатровъ, стоявшихъ словно городскія башни [1], красовалась теперь роскошная царская палатка, богато изукрашенная и внутри и снаружи. Торопливо сновала царская прислуга и дѣлала приготовленія къ богатому пиру. И закипѣлъ онъ на славу. Царевичъ щедро угощалъ и богато дарилъ бояръ и всѣхъ знатныхъ лицъ и, по русскому обычаю, самъ получалъ отъ нихъ подарки. Серпуховичи, ходившіе поклониться царевичу, засматривались на его польскіе отряды, блиставшіе своеобразнымъ костюмомъ и вооруженіемъ. Скоро сняли шатры, и въ великолѣпной каретѣ царевичъ отправился къ бѣлокаменной Москвѣ. Берега Оки приняли свою обычную физіономію: одни сторожевые отряды стоятъ на нихъ дозоромъ. Только теперь занимаютъ всѣхъ не крымцы, какъ въ прежніе годы, а вѣсти съ Москвы, какъ-то тамъ воцарился на отцовскомъ престолѣ Дмитрій царевичъ.

Серпуховъ на большой проѣзжей дорогѣ. Не мало всякаго народу проѣзжаетъ и проходитъ чрезъ него съ матушки Москвы на далекій югъ къ привольнымъ степямъ, гдѣ то и дѣло строились новые городки и при Ѳеодорѣ и при Годуновѣ. Не даромъ у самаго ямскаго двора на посадѣ цѣлые ряды лавокъ, да и базаръ полонъ ими: находятъ торгаши хорошій сбытъ — вѣрно не брезгаютъ проѣзжіе ихъ товарами. И много новостей приходилось слышать серпуховичамъ, какъ живетъ да поживаетъ царь Дмитрій Ивано-

[1] Рус. историч. библіот. I, 397.

вичъ не совсѣмъ по царски, какъ испоконъ вѣку завелось на Руси; какъ онъ оженился на еретичкѣ и какъ тѣшится по иноземному съ поляками. И всѣмъ чуялось въ будущемъ не доброе.....

Не прошло и года съ тѣхъ поръ, какъ пировалъ въ лугахъ подъ городомъ царевичъ, какъ вдругъ пришла ужасная вѣсть, что въ Москвѣ не истинный царь, но воръ, обманщикъ, разстрига, что теперь уже нѣтъ его, и всею русскою землею выбранъ въ цари знатный бояринъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, въ Угличѣ же открываются мощи убіеннаго Димитрія, и происходятъ уже чудеса. Вдоволь было рѣчей о всемъ происшедшемъ. Между тѣмъ вотъ что вскорѣ разсказывали въ Серпуховѣ про странное дѣло, что случилось у нихъ самихъ въ городѣ. Пріѣхали къ нимъ трое неизвѣстныхъ лицъ, остановились у одной нѣмки, пообѣдали у ней и на прощаньи одинъ изъ нихъ далъ хозяйкѣ цѣлую горсть денегъ [1]. „Когда мы назадъ воротимся", прибавилъ онъ, „дадимъ еще больше, а ты смотри припасай хорошій медъ и водку". Полюбопытствовала нѣмка узнать, кого принимала у себя. „Я князь изъ Москвы", отвѣтилъ ей тотъ же незнакомецъ, „и объявляю тебѣ, что у тебя ѣлъ и пилъ царь. Его Москвичи хотѣли убить, а онъ ушелъ и на свое мѣсто оставилъ другаго. Москвичи убили этаго другаго и думаютъ, что они убили царя". Незнакомцы направились по тульской дорогѣ къ Окѣ на перевозъ. Тамъ по царски они расплатились съ перевозчикомъ. Тотъ же, кто разговаривалъ съ нѣмкою, спросилъ у перевозчика, знаетъ ли онъ, кого онъ перевезъ. На отрицательный отвѣтъ послѣдняго онъ сказалъ таинственно: „Молчи, братецъ! Видишь, вотъ этотъ молодой господинъ — это царь Димитрій Ивановичъ: ты царя перевозилъ! Его хотѣли убить, а Богъ его сохранилъ. Онъ ушелъ, и придетъ назадъ съ большимъ войскомъ, и сдѣлаетъ тебя большимъ человѣкомъ". Какъ оказалось потомъ, неизвѣстныя лица точно такимъ же образомъ продолжали путь до Путивля. Узнали наконецъ, кто былъ спутникъ спасшагося царя: это — князь Григорій Шаховской, назначенный Шуйскимъ на воеводство въ Путивль, что было все равно что ссылка. Шаховской не замедлилъ возмутить Сѣверскую область противъ царя Василія во имя спас-

[1] Н. Костомаровъ. Смутное время II, 42 и слѣд.

шагося будто отъ гибели Димитрія Іоанновича. На призывъ его мигомъ откликнулся всякій голодный людъ, и самъ обиженный и не менѣе любящій обижать и другихъ. Волненіе приняло огромные размѣры, когда Шаховской въ лицѣ Ивана Болотникова, бывшаго холопа, человѣка бывалаго и предпріимчиваго, нашелъ отличнаго вождя. Робкая царская рать, предводимая такими же вождями, была легко разсѣяна Болотниковымъ, и вотъ по дорогѣ къ Москвѣ одинъ городъ за другимъ стали цѣловать крестъ Димитрію. Отложилась и вся Рязанская земля. По сосѣдству съ Серпуховомъ измѣнили Шуйскому Алексинъ съ Каширою. Но самъ Серпуховъ продолжалъ еще быть ему вѣрнымъ. Но когда подступилъ къ нему Болотниковъ, онъ не сталъ сопротивляться и отворилъ ему ворота. Это было осенью 1606 г. Сдача безъ боя сильной крѣпости какъ бы нашла себѣ оправданіе въ малодушіи московской рати, встрѣтившей Болотникова въ 50 верстахъ отъ столицы: ратные люди не захотѣли сразиться и разошлись, воеводы же почти одни вернулись въ Москву.

Болотниковъ сталъ станомъ въ селѣ Коломенскомъ и призывалъ грамотами бѣдныхъ и низкихъ людей къ возстанію противъ богатыхъ и знатныхъ, обѣщая имъ богатство и всѣ блага міра, лишь бы они цѣловали крестъ спасшемуся царю Дмитрію Ивановичу. Но поднятіе черни и худшихъ людей противъ лучшихъ хотя сослужило сперва службу Болотникову, за то вскорѣ надломило его силы. Дворяне и дѣти боярскіе, бывшіе въ его станѣ, толпами стали переходить къ Шуйскому. Такъ перешли къ послѣднему братья Ляпуновы, возмутившіе прежде противъ него Рязанскую землю, перешелъ и Истома Пашковъ, игравшій первую роль въ Тульскихъ, Веневскихъ и Каширскихъ мѣстахъ; города торговые стали гнушаться союзомъ съ Болотниковымъ и цѣловали крестъ опять Шуйскому. Изъ многихъ мѣстъ потянулись къ столицѣ отряды дѣтей боярскихъ и торговыхъ людей. Болотниковъ спохватился, что онъ въ ущербъ для себя тратитъ время подъ Москвою, ударилъ было на нее, но былъ отбитъ и за тѣмъ прогнанъ изъ крѣпкаго острога, который онъ сдѣлалъ себѣ въ Коломенскомъ.

Съ изумленіемъ и не безъ боязни встрѣтили серпуховичи Болотникова съ его разбитымъ ополченіемъ, когда онъ показался въ ихъ городѣ, спасаясь отъ преслѣдованія царскаго войска, ко-

торымъ начальствовалъ молодой князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, впервые обнаружившій таланты полководца въ битвѣ подъ Москвою. Болотниковъ собралъ посадскихъ и спрашивалъ, станетъ ли у нихъ запасовъ, чтобы прокормиться годъ и самимъ имъ и его войску, если онъ сядетъ у нихъ въ осадѣ. Тѣ отвѣтили, что годъ и самимъ имъ будетъ нечѣмъ прокормиться. Тогда Болотниковъ съ частью своихъ отрядовъ поспѣшилъ на югъ къ Калугѣ, которую сильно укрѣпилъ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Казаки же, бывшіе съ нимъ, подъ начальствомъ своего атамана Дмитрія Беззубцева, крѣпко засѣли подъ Серпуховомъ въ деревнѣ Заборьѣ [1], принадлежавшей Высоцкому монастырю. Положеніе деревни было довольно удобно и для обороны и для полученія запасовъ. Боръ въ версту въ длину и на полверсты въ ширину отдѣлялъ ее отъ Мироносицкаго села и городскаго посада. Позади деревни простирался луговой берегъ Оки. Тутъ же шла большая московская дорога на Тулу и находился главный перевозъ черезъ рѣку. Выше луговъ внизъ по Окѣ прикрытіемъ служили густые лѣса. Съ этой стороны можно было разсчитывать на подмогу съ Каширы и другихъ мѣстъ. Было зимнее время, ноябрь мѣсяцъ, когда казаки порѣшили отсиживаться въ Заборьѣ. Они по своему обыкновенію укрѣпились таборомъ, т. е. окружили себя тремя рядами саней, которыя были тѣсно связаны и облиты водою. Скоро подошелъ князь Скопинъ-Шуйскій и началась осада табора. Тогда казаки перемѣнили свое намѣреніе и рѣшили сдаться, если ихъ не станутъ убивать и примутъ въ службу. Скопинъ далъ слово, и царь помиловалъ казаковъ, между тѣмъ какъ всѣ взятые въ бою подъ Москвою были, по его приказанію, посажены въ воду.

---

[1] У Н. И. Костомарова (Смут. время Моск. госуд. т. II, 73 стр.) разсказывается раньше объ осадѣ казаковъ въ Заборьѣ и потомъ сообщается о томъ, какъ Болотниковъ прибѣжалъ въ Серпуховъ и спрашивалъ у его жителей про запасы на случай осады. На самомъ же дѣлѣ одновременно подошли къ Серпухову и Болотниковъ и его казаки, спасаясь отъ преслѣдованія кн. Скопина-Шуйскаго, и здѣсь раздѣлились: Болотниковъ направился къ Калугѣ, а казаки остались въ Заборьѣ. Г. Костомаровъ очевидно слѣдовалъ Карамзину (XI, стр. 50), у котораго говорится объ этомъ эпизодѣ въ томъ же самомъ порядкѣ. Повидимому и Карамзину и г. Костомарову неизвѣстно положеніе Заборья, какъ оно было неизвѣстно также и Арцыбашеву (книга V, примѣч. 863). Въ Серпуховѣ до сихъ поръ хранится преданіе о томъ, что подлѣ города отсиживались казаки.

Велика была радость царя и Москвичей. Кстати подошло новоселье у Василія, и онъ пировалъ въ своемъ новомъ дворцѣ. Но напрасно въ Москвѣ думали, что покончили съ Болотниковымъ. Его не смогли осилить царскіе воеводы въ Калугѣ, которую онъ покинулъ наконецъ для того, чтобы оказать поддержку второстепенному самозванцу Лже-Петру [1], овладѣвшему уже Тулою. Самъ Шуйскій рѣшился выступить къ Тулѣ, при чемъ всѣмъ ратнымъ людямъ велѣно было сбираться въ Серпуховѣ, который былъ назначенъ сборнымъ пунктомъ. Въ концѣ Мая 1607 г. прибылъ въ Серпуховъ царь и пробылъ здѣсь болѣе мѣсяца, дожидаясь, пока сберутся подходившіе отряды. Наконецъ подъ городомъ собралось до 100,000 войска. Часть его двинулась къ Каширѣ, къ которой спѣшилъ съ 30,000 мятежниковъ князь Андрей Телятевскій. Въ 12 верстахъ отъ Каширы на рѣчкѣ Восмѣ 5 іюня произошла упорная битва. Царскіе воеводы князья Андрей Голицинъ и Борисъ Лыковъ съумѣли воодушевить свои войска и одержали кровавую побѣду. Мало кому давали пощады царскіе ратники и гнали воровъ на пространствѣ тридцати верстъ.

Царь и всѣ остававшіеся ему вѣрными были конечно весьма обрадованы извѣстіемъ объ этой важной побѣдѣ. Шуйскій пожелалъ увѣковѣчить память о ней богоугоднымъ подвигомъ, именно приказалъ пристроить къ соборной церкви Владычняго монастыря, что въ лугахъ подъ Серпуховомъ, деревянный придѣлъ во имя царевича Димитрія [2] и въ немъ помѣстить его чудотворную икону — налойный образъ въ драгоцѣнной ризѣ, который былъ по видимому съ нимъ въ походѣ. Изъ высѣченной на немъ по серебру надписи видно, что образъ поставленъ 22 іюня 1607 г. по приказанію царя „віны ради сицевыя: в то убо время бысть межоусобица..... воста убо Сѣверная страна на Московское государство корыстей ради великихъ, научени бесовскими лестьми. І крови пролишася тогда яко воды на землю. И Божіею милостію и молитвами святаго царевича Димитрія бысть побѣда велія на богопротивныя тыя люди и лютыя разбойники пришествіемъ

[1] Мнимому сыну Θедора Іоанновича.

[2] Списокъ съ грамоты царя Михаила Θеодоровича въ Истор. опис. Серпух. Влад. мон. стр. 143.

святаго сего образа с Москвы іюня в 5 день на память святаго мученика Дороѳія Епископа Тирьского"[1].

Ободренный удачею, Шуйскій пошелъ къ Алексину, который до сихъ поръ былъ на сторонѣ Лжедимитрія. Городъ сдался, и царь, чтобы побудить и другіе города къ добровольной сдачѣ, милостиво обошелся съ алексинцами: простилъ ихъ и надѣлилъ даже съѣстными припасамми[2]. Счастіе сопровождало царя и въ походѣ на Тулу. Болотниковъ сдался ему съ своимъ войскомъ. Съ нимъ попали въ его руки и Лже-Петръ и князь Шаховской.

Казалось, вся смута должна была прекратиться. Но не тутъ-то было. Появился въ Сѣверской области второй Лжедимитрій и опять все пошло вверхъ дномъ, повторились времена перваго самозванца. Изъ Литвы стали приходить къ нему на помощь одинъ за другимъ отряды шляхтичей, жадныхъ искателей приключеній. Не мало изъ нихъ пылало местью къ москвитянамъ за избіеніе ими ихъ родственниковъ во время бунта противъ Лжедимитрія I. Весною 1608 г. подъ Болховомъ царскія войска потерпѣли сильную неудачу, и Лжедимитрій теперь смѣло пошелъ къ Москвѣ чрезъ Козельскъ, Калугу, Можайскъ и Звенигородъ. За исключеніемъ Можайска вездѣ жители выходили къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью и колокольнымъ звономъ. 1-го іюня самозванецъ сталъ подъ Москвою и вскорѣ раскинулъ свой станъ въ Тушинѣ на западъ отъ Москвы, обезпечивши себѣ сообщеніе съ Литвою и съ югомъ. Послѣдній весь отпалъ отъ Шуйскаго. Только Коломна, важный пунктъ для сообщенія столицы съ юго-востокомъ, была освобождена царскими воеводами отъ власти Тушинскаго вора, какъ звали втораго самозванца, и сильно укрѣплена. Серпуховъ со всѣми окрестными городами присягнулъ Лжедимитрію. Невозможно строго винить его жителей за подобный поступокъ. Государственный организмъ уже всюду сильно расшатался. Сѣверщина (древнія Черниговское и Сѣверское княжества), Рязанская земля, Псковъ стояли какъ бы особнякомъ отъ областей чисто московскихъ, да и въ другихъ мѣстахъ стали помышлять прежде всего о себѣ, какъ выгоднѣе устроиться и меньше проиграть въ перемѣнчивой игрѣ счастія. Еще бѣдами

[1] Истор. опис. Серпух. Владыч. мон. стр. 36.

[2] Н. Костомаровъ. Смутное время, II, 94.

не умудрилась Русская земля, не извѣдала она еще самыхъ горьшихъ. Многое еще суждено ей пережить, прежде чѣмъ выйти на прямую дорогу. Серпуховичи, подобно жителямъ другихъ городовъ, видѣли, какъ слаба власть Шуйскаго, думали, царю не сломить того, кто называлъ себя Димитріемъ Іоанновичемъ, а онъ уже не далеко, идетъ къ самой Москвѣ. Что-же дѣлать? Стоять за Шуйскаго? Окружатъ городъ, возьмутъ.... пожалуй не дадутъ пощады.... У другихъ быть можетъ и сомнѣніе было: не приходится ли сопротивляться истинному сыну Іоанна. Сверхъ сего смѣлые польскіе и литовскіе отряды, предводимые такими вождями, какъ Лисовскій, Янъ Сапѣга, скоро заставили очень и очень побаиваться себя.

Между тѣмъ положеніе все болѣе и болѣе запутывалось и ухудшалось. Сапѣга сталъ осаждать Троицкую лавру, города за Москвою по Волгѣ цѣловали крестъ Тушинскому вору. Но тутъ, когда власть Шуйскаго держалась на волоскѣ, наступилъ поворотъ счастія на его сторону. Отъ самозванца шли всюду грамоты, гдѣ онъ сулилъ народу всякія льготы, что и располагало между прочимъ въ его пользу. На самомъ же дѣлѣ что случилось въ городахъ и мѣстахъ, цѣловавшихъ ему крестъ? Вмѣсто льготъ одно требованіе за другимъ отъ литовскихъ отрядовъ то денегъ, то съѣстныхъ припасовъ, то подводъ. И спохватились тогда русскіе люди, у кого только былъ какой-либо достатокъ, что не ладно дѣло, прежній царь Дмитрій Ивановичъ такъ не поступалъ, и стали они опять стоять за Шуйскаго. Такъ отъ Тушинскаго вора мало по малу отложились богатые города сѣверо-востока. Но даромъ не обходилось это многимъ изъ жителей, особенно крестьянамъ, по старинѣ дѣйствовавшимъ за одно съ посадами, къ которымъ они тянули. Страшные грабежи, мученія, убійства, уничтоженіе всего достоянія стали явленіями ежедневными. И возненавидѣли царство Димитрія во всѣхъ великорусскихъ областяхъ. Пошла ожесточенная безпощадная борьба. Забыто было состраданіе и всякое проявленіе человѣческаго чувства, храмы Божіи были поруганы отъ своихъ же, не только отъ ляховъ и татаръ. Трогательно описаніе той страшной эпохи, сдѣланное Авраамiемъ Полицыномъ [1], когда „камень бы заплакалъ

[1] Сказаніе объ осадѣ Троиц. мон. стр. 32—47.

о бѣдствіяхъ земли московской", по выраженію одного иностранца: „И премѣнишася, говоритъ нашъ лѣтописецъ, тогда жилища человѣческая на звѣрская.... медвѣди и волки и лисицы и зайцы на градская и пространная мѣста пришедше, такоже и птицы отъ великихъ лѣсовъ на велицѣй пищи на трупѣ человѣческомъ вселишася, и звѣри и птицы малыя во главахъ и въ трупѣхъ человѣческихъ гнѣзда содѣяша: горы бо могилъ тогда явишася побіенныхъ, по правдѣ ратовавшихся, ихъ же не лѣть изрещи подробну, но мало токмо помянути, яже быша велицыи бои на прошествіи отъ Тулы въ Калугу и подъ Кромами и на Ворсмѣ подъ Каширою.... и во многихъ мѣстахъ. И крыяхуся тогда человѣцы въ дебри непроходимыя, и въ чащи темныхъ лѣсовъ, и въ пещеры невѣдомыя, и въ водѣ между кустовъ отдыхающе, и плачущеся къ Содѣтелю, дабы нощь сихъ постигла и поне мало бы отдохнути на сусѣ: но ни въ нощь, ни въ день бѣгающимъ не бѣ покоя и мѣсто ко скрытію. И вмѣсто луны многіе пожары поля и лѣса освѣщеваху нощію, и никому же не мощно бяше двигнутися отъ мѣста своего: человѣкъ бо ожидаху, аки звѣрей, отъ лѣсовъ исходящихъ, и оставиша тогда злодѣи за звѣрьми гоньбу, но женуще за своею братіею, и со псы, аки лютыхъ звѣрей, пути пытаху.... Непокоряющихжеся ихъ злымъ совѣтомъ по всей земли всякъ возрастъ и всякъ чинъ, овѣхъ съ башенъ съ высокихъ градныхъ долу метаху, инѣхъ же съ бреговъ крутыхъ во глубину рѣкъ съ каменіемъ верзаху, инѣхъ же развязавше изъ луковъ и самопаловъ разстрѣляюще, инѣмъ же голени на полы преламляху; у инѣхъ же чадовъ схитивше и предъ очима родителей на огни пряжаху, инѣхъ же отъ сосцу и отъ пазуху матерню отторгающе, о землю и о пороги и о каменіе и о углы разбиваху, инѣхъ же на копія и на сабли восткнувше предъ родительми ношаху".

Чтобы отрѣзать подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ Москвѣ съ юговостока, изъ Тушина отправили подъ Коломну одного изъ польскихъ наѣздниковъ Млоцкаго. Онъ дѣйствительно загородилъ дорогу, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ 17 іюля 1609 г. услышавъ о приближеніи шведовъ, приглашенныхъ на службу царемъ чрезъ Михаила Скопина, и съ другой стороны крымцевъ, шедшихъ тоже на помощь Шуйскому, оставилъ Коломну и утвер-

дился въ Серпуховѣ, гдѣ посадскимъ конечно вдоволь пришлось натерпѣться отъ ляховъ. Млоцкій изъ Серпухова дѣлалъ наѣзды на коломенскую дорогу и перехватывалъ ѣхавшихъ съ хлѣбомъ рязанскихъ крестьянъ. Не мало страху наводила на окрестность дѣйствовавшая съ нимъ за одно шайка русскихъ удальцовъ, подъ начальствомъ своего атамана Салкова, родомъ хотунскаго мужика. Салковъ появлялся не только на коломенской дорогѣ, но и на владимірской и сильно затруднялъ сообщенія. На первой изъ этихъ дорогъ, соединившись съ Млоцкимъ, онъ поразилъ царскаго воеводу князя Литвинова-Масальскаго, который сопровождалъ большой обозъ въ Москву, и отнялъ бо́льшую его часть. Но племянникъ Шуйскаго Михаилъ Скопинъ, очищая сѣверъ отъ воровскихъ и литовскихъ людей, хотя медленно, за то твердо шелъ къ бѣдствовавшей столицѣ. Успѣхи его заставили наконецъ призадуматься тушинцевъ.

Въ это время въ Серпуховѣ и его окрестностяхъ проявилось сильное возбужденіе народнаго чувства противъ поляковъ, отъ которыхъ было столько зла. Съ Млоцкимъ въ городѣ стояли донцы. Они хотѣли оставить его и стали уходить. Поляки произвели на нихъ нападеніе. Но пока они „гонялись“ за ними „въ полѣ“, какъ разсказывается объ этомъ въ одной польской рукописи того времени[1], „міръ (т. е. серпуховичи) перебилъ и растерзалъ“ всѣхъ тѣхъ поляковъ, которые оставались въ городѣ при возахъ и вещахъ. Донцы, хотя вѣроятно съ потерями, все таки ушли. Въ другомъ, тоже польскомъ извѣстіи[2] говорится, что донскіе казаки, подъ начальствомъ Беззубцева, сговорились при этомъ съ серпуховичами и разгромили Млоцкаго съ его отрядомъ. Кончились тогда же и подвиги Салкова: онъ былъ разбитъ на владимірской дорогѣ княземъ Дмитріемъ Михаиловичемъ Пожарскимъ и, спасшись только съ 30 удальцами, явился къ царю съ повинною. Млоцкій съ остатками своего отряда принужденъ былъ отойти къ Боровску. По дорогѣ онъ все подвергалъ опустошенію, чѣмъ еще болѣе вооружалъ противъ себя народъ. У Боровска по однимъ извѣстіямъ онъ былъ вторично побитъ русскими[3], по другимъ онъ встрѣтился

[1] Походъ Сигизмунда III въ Россію, напеч. въ Рус. Истор. Библ. I, стр. 530.
[2] [illegible]ріи ложнаго Димитрія. Рус. Истор. Биб. I, стр. 163.
1610 г. Исторія Лож. Димит.

тамъ съ поляками и, соединившись съ ними. вернулся скрытно къ Серпухову: Ему удалось жестоко отмстить серпуховичамъ за недавнее разгромленіе его отряда. На разсвѣтѣ, когда никто не предчувствовалъ опасности, поляки произвели нападеніе на острогъ, названный въ польскомъ извѣстіи палисадникомъ и, разумѣется, легко овладѣли имъ. Бѣдственна была участь несчастныхъ жителей. Млоцкій сжегъ посадъ и острогъ, причемъ „сгорѣло множество людей“, читаемъ въ томъ же извѣстіи, „и не мало перебито изъ тѣхъ, которые уходили въ крѣпость“, т. е. на курганъ — въ каменный городъ. Его не смогли взять поляки или не успѣли, такъ какъ Млоцкій получилъ внезапно вѣсть, что Боровскъ съ укрѣпленнымъ Пафнутьевымъ монастыремъ хотятъ передаться Шуйскому. Онъ „все бросилъ, деньги и ночь бѣжалъ назадъ“ и поспѣлъ во время, чтобы удержать за поляками городъ, но въ монастырь уже успѣли проникнуть 600 стрѣльцовъ.

Бѣдствіямъ казалось не будетъ конца. Польскій король Сигизмундъ III, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ католиковъ, думалъ воспользоваться смутами въ Московскомъ государствѣ и съ большимъ войскомъ явился подъ Смоленскомъ Но смольняне не захотѣли поддаться полякамъ, не смотря на предлагаемое ими покровительство, и рѣшились грудью стоять за Русскую землю, чѣмъ оказали государству неоцѣнимую услугу.

Отбилась также отъ поляковъ и Троицкая лавра и тоже сослужила великую службу, такъ какъ удерживала подъ своими стѣнами въ теченіи 16 мѣсяцевъ до 30,000 польско-литовскаго войска. Грозное движеніе Скопина заставило удалиться отъ нея Сапѣгу съ его таборомъ.

Въ результатѣ, какъ извѣстно, вышло, что движеніе Сигизмунда къ Смоленску оказалось гибельнымъ для Тушинскаго стана. Король потребовалъ, чтобы поляки и литовцы оставили самозванца и шли къ нему. Спасаясь отъ бунта, Лжедимитрій убѣжалъ изъ Тушина въ Калугу и пребывалъ тамъ нѣкоторое время, отчего извѣстенъ также подъ именемъ Калужскаго царя. За нимъ послѣдовала и Марина Мнишекъ, признававшая его своимъ мужемъ. Скоро уничтожился шумный воровской станъ въ Тушинѣ: его сжегъ гетманъ Рожинскій и затѣмъ отступилъ съ остатками польскаго войска на западъ. Михаилъ Скопинъ съ торжествомъ вступилъ въ сто-

лицу. Но вскорѣ разнеслась страшная вѣсть, что этотъ юный герой, любимецъ народа, на котораго возлагалось столько надеждъ, скончался почти скоропостижно, и молва указывала на Шуйскаго какъ на виновника его смерти. Прокопій Ляпуновъ, почитатель Скопина и давнишній врагъ Шуйскаго, возмутилъ противъ царя Рязанскую землю и разсылалъ по городамъ грамоты, призывая низложить его съ престола. Грамоты эти произвели во многихъ мѣстахъ свое дѣйствіе. Если Сигизмундъ стоялъ по напрасну подъ Смоленскомъ, за то его отряды дѣйствовали успѣшно въ русскихъ предѣлахъ, и нѣтъ удивительнаго, что у многихъ стала являться тогда мысль выйти изъ бѣдственнаго положенія, избравши на московскій престолъ польскаго королевича Владислава. Но пока доканчивалъ свое царствованіе несчастный Шуйскій. Пораженіе его рати подъ Клушиномъ 24 іюня 1610 г. рѣшило его судьбу. Побѣдитель царскихъ войскъ польскій гетманъ Жолкѣвскій послалъ въ Москву и другіе города грамоты, въ которыхъ предлагалъ избрать Владислава въ цари, при чемъ обѣщалъ тишину и счастіе подъ его правленіемъ.

Пока все это происходило, Калужскій царь думалъ воспользоваться клушинскимъ погромомъ. Онъ приманилъ къ себѣ Сапѣгу и двинулся со всѣми своими силами изъ Калуги къ Серпухову. Въ это время вокругъ города происходила большая сумятица. Пришли воеводы Шуйскаго, изъ-за Оки явились крымцы, высланные ханомъ на помощь къ царю. Но московскіе воеводы не выказали храбрости: они предоставили однимъ крымцамъ биться съ ворами. Сапѣга легко поразилъ ихъ, и они бросили дѣло Шуйскаго и принялись на обратномъ пути грабить селенія, причемъ захватили многихъ въ плѣнъ и гнали къ себѣ какъ скотъ. На пути къ Серпухову Калужскій царь овладѣлъ Пафнутьевымъ Боровскимъ монастыремъ. Монастырь былъ сильно укрѣпленъ; защищали его трое воеводъ. Главнымъ изъ нихъ былъ князь Михайло Волконскій. Онъ рѣшился пребыть вѣрнымъ царю, но не такъ думали двое товарищей: они измѣнили и отворили ворота вору. Волконскій умеръ геройскою смертію вѣрнаго гражданина, какихъ почти-что не оставалось въ то время, когда такъ „измалодушествовались“ русскіе люди, по мѣткому выраженію, принадлежащему той-же эпохѣ.

Въ Серпуховѣ не оказали сопротивленія Калужскому царю. „Многіе грады смутилися", говоритъ современникъ тѣхъ событій[1]: Серпуховъ и Каширa, и Коломна; и во градѣ въ Зараскомъ смута была великая. И Божіею милостію и помощью великаго чудотворца Николы Зараской городъ устоялъ" — единственный изъ рязанскихъ городовъ. Въ данномъ случаѣ серпуховичу дѣйствовали ужъ не въ силу однихъ обстоятельствъ: видно и имъ ужъ слишкомъ жалкимъ стало казаться царствованіе Василія Ивановича, и думали они, что нѣтъ и не можетъ быть на немъ Божьяго благословенія, какъ не было его на несчастномъ царствованіи Годунова. Преступили они крестное цѣлованіе.... Но это еще было меньшимъ изъ золъ той эпохи, когда слишкомъ часто приходилось цѣловать крестъ вслѣдствіе частой перемѣны государей. Калужскій царь скоро оставилъ Серпуховъ и пошелъ къ Москвѣ, гдѣ и сталъ въ Коломенскомъ селѣ.

Въ столицѣ тогда поспѣшили свергнуть Шуйскаго, для того чтобы пригласить на царство королевича Владислава: таковъ былъ по крайней мѣрѣ умыселъ главныхъ руководителей движенія, направленнаго противъ царя. 17 іюля Шуйскій, скрѣпя сердце, оставилъ престолъ. Вскорѣ его насильно постригли въ монахи. Жолкѣвскій между тѣмъ подошелъ къ Москвѣ, и вотъ вскорѣ изъ нея отъ князя Мстиславскаго, который сталъ въ челѣ временнаго боярскаго правленія, пришли въ города грамоты, въ коихъ извѣщалось, что всѣ и духовные и всякихъ чиновъ люди порѣшили просить на царство королевича Владислава, съ тѣмъ чтобы онъ принялъ православіе. Мѣшавшій всѣмъ подъ столицею калужскій царь чуть было не попался въ руки Жолкѣвскому и вторично долженъ былъ спасаться бѣгствомъ, въ то время какъ поляки заняли Москву. Раньше онъ прибылъ съ Мариною, казацкимъ атаманомъ Заруцкимъ и донцами въ Серпуховъ.

Городъ волею-неволею присягнулъ ему. Въ немъ онъ оставилъ часть донцовъ подъ начальствомъ Θеодора Савинова сына Плещеева. Въ связи съ именемъ Плещеева въ упомянутой уже польской рукописи о походѣ Сигизмунда въ Россію[2] мы находимъ

[1] У Карам. XII, 1

[2] Рус. Истор.

слѣдующій эпизодъ. Разсказывается будто въ Москвѣ (въ ноябрѣ 1610 г.) открылась измѣна. Преемникъ Жолкѣвскаго Гонсѣвскій для раскрытія ея послалъ „подъ Серпуховъ, который на имя самозванца держалъ Θеодоръ, Савиновъ сынъ, Плещеевъ съ донскими казаками, добыть языка. Они захватили двухъ донцевъ изъ войска самозванца и привели ихъ въ столицу. Тамъ одинъ изъ нихъ сознался добровольно и потомъ подтвердилъ на пыткахъ, что одинъ священникъ, по имени Иларіонъ, ѣхалъ черезъ Серпуховъ изъ Москвы къ самозванцу съ письмами почти ото всѣхъ сословій, и въ письмахъ этихъ говорилось, чтобы самозванецъ какъ можно скорѣе пріѣхалъ къ столицѣ изгономъ, что русскіе хотятъ цѣловать ему крестъ помимо королевича", а поляковъ „истребить хитростію. Москвичи составили съ Плещеевымъ такой заговоръ: Плещеевъ долженъ былъ стать съ войскомъ подъ городомъ надъ Погрой (?), тайно договориться съ боярами и, договорившись, незамѣтно ворваться въ городъ, ударить въ колоколъ 29 октября за 3 часа до разсвѣта и напасть прежде всего на Кремль.... и всѣхъ (поляковъ) истребить, оставивъ лишь болѣе знатныхъ, на которыхъ можно бы послѣ вымѣнять у короля (русскихъ) пословъ и расположенныхъ къ королевичу перебить, а князя Мстиславскаго ограбить и въ одной рубашкѣ привести къ вору. Этотъ казакъ подтвердилъ это и на вторичной пыткѣ. Священникъ Харитонъ [1], когда его нѣсколько разъ подвергали пыткѣ, показалъ во всемъ согласно съ донцемъ.... Поэтому для большей безопасности г. Гонсѣвскій ввелъ въ Кремль нѣсколько сотъ нѣмцевъ, вооружилъ его хорошо пушками, взялъ въ полное свое управленіе ворота, стѣны и весь городъ, противъ чего никто не возражалъ, а участниковъ заговора однихъ казнилъ, а къ другимъ, изъ опасенія волненій, долженъ былъ отнестись съ послабленіемъ и снисхожденіемъ". Разумѣется, если и былъ въ дѣйствительности подобный заговоръ, столь встревожившій поляковъ, послѣ его открытія онъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе.

Города одинъ за другимъ, слѣдуя примѣру своего „царствую-[illegible]града" Москвы, стали цѣловать крестъ Владиславу. Цѣло-

[1] ...я въ обоихъ случаяхъ либо Иларіонъ, либо Харитонъ, т. е.

валъ ему крестъ и Серпуховъ съ сосѣдними мѣстами. Да и какъ было не цѣловать, когда его цѣловало такое видное лицо, какъ Прокопій Ляпуновъ, голосу котораго слушалась вся Рязанская земля? Всѣ думали, что бѣды не будетъ, такъ какъ изъ Москвы писали, что королевичъ приметъ православную вѣру. Въ началѣ 1611 г. все еще ждали съ нетерпѣніемъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, что вотъ-вотъ пріѣдетъ королевичъ и кончится бѣдствіе государства. Но вскорѣ для всѣхъ стало ясно, что Сигизмундъ не пускаетъ своего сына ѣхать въ Россію и хочетъ просто поработить себѣ Московское государство. И вотъ въ числѣ первыхъ раздались тревожные голоса за будущее Прокопія Ляпунова и патріарха Гермогена, понявшихъ, что бояре кривятъ душею. Кстати пришло извѣстіе, что Калужскій царь покончилъ свое существованіе, что онъ убитъ въ Калугѣ изъ личной мести. Теперь всѣ могли исключительно обратить вниманіе на поляковъ: съ юга не существовало уже опасности. Патріархъ Гермогенъ, чьимъ голосомъ и благословеніемъ такъ дорожили, то и дѣло шлетъ грамоты по городамъ и одно твердитъ всѣмъ ищущимъ его благословенія: стоять крѣпко за вѣру и за Русскую землю. Идутъ тоже слухи, что московскіе послы, посланные къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, твердо стоятъ за Русскую землю и терпятъ за это отъ поляковъ не малое стѣсненіе. Рядомъ съ этимъ только и рѣчи про безчинства поляковъ и поруганіе ими святыни. Вотъ получена изъ Москвы, съ благословенія Гермогена, призывная грамота ополчиться всѣмъ и идти спасать столицу отъ поляковъ. Пылкій Ляпуновъ сталъ разсылать съ своей стороны подобныя же грамоты. Между прочимъ онъ послалъ въ Серпуховъ небольшой отрядъ изъ 300 казанскихъ и вологодскихъ стрѣльцовъ и вольныхъ казаковъ. Этотъ городъ онъ предполагалъ сдѣлать сборнымъ пунктомъ для тулянъ, калужанъ и вообще для Сѣверской земли[1], какъ Коломна была назначена служить таковымъ для Владиміра, многихъ поволжскихъ городовъ и Рязанской земли. Каширскій воевода Михаилъ Александровичъ Нагой самъ пошелъ на встрѣчу доброму дѣлу, поднятому Ляпуновымъ: онъ прислалъ ему грамоту отъ всѣхъ каширянъ, что они будутъ за одно съ

---

[1] Собр. госуд. гр. и дог. II, № 238.

нимъ стоять за спасеніе Русской земли[1]. И въ другихъ мѣстахъ сходились на сходы посацкіе и всякихъ чиновъ люди и цѣловали крестъ быть въ единомысліи и крѣпко стоять за православную вѣру, посылали съ подобнымъ же грамоты къ сосѣдямъ. Деревни и села стояли за одно съ городами, къ которымъ они тянули по старинѣ. На страстной недѣлѣ уже подошли къ Москвѣ передовые отряды ополченія изъ украйныхъ рязанскихъ и другихъ городовъ и начались сшибки съ поляками. Послѣдніе, въ видахъ лучшей обороны, сожгли московскій посадъ и сильно укрѣпились въ Китаѣ-городѣ и Кремлѣ. Гермогену, котораго поляки заключили подъ стражу, нельзя уже было разсылать свое благословеніе возставшимъ на освобожденіе Москвы. За то въ города стали приходить воодушевляющія на продолженіе начатаго дѣла грамоты Троицкаго архимандрита Діонисія. Но это дѣло должно было испытать злую бѣду и по видимому обратиться въ ничто. Поляки, бывшіе въ Кремлѣ, съумѣли воспользоваться взаимнымъ нерасположеніемъ земскаго войска и казацкихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ Ляпуновымъ, и погубили доблестнаго вождя: Ляпуновъ палъ подъ казацкими саблями. Къ довершенію бѣдствія Сигизмундъ взялъ наконецъ Смоленскъ и могъ теперь подать помощь кремлевскимъ сидѣльцамъ. Подъ Москвою земское ополченіе быстро разстроилось, стали торжествовать казаки, крайне опасные для всѣхъ земскихъ людей. Они мстили послѣднимъ теперь за то, что при Ляпуновѣ на нихъ косо посматривали и отчасти чуждались ихъ. Окрестности столицы страдали отъ грабежей польскихъ отрядовъ, добывавшихъ припасы, при чемъ особымъ звѣрствомъ отличались сапѣжинцы, грабили и казаки. Народъ наконецъ возсталъ. Составились хотя не стройные, но дерзкіе и предпріимчивые отряды шишей, первообразъ тѣхъ партизановъ 1812 г., которые были такъ памятны для французовъ. Въ Псковѣ между тѣмъ появился третій Лжедимитрій, и въ короткое время ему уже цѣловали крестъ во многихъ городахъ. Самъ Заруцкій, бывшій во главѣ казаковъ, стоявшихъ подъ Москвою, призналъ его царемъ, а ему повиновались и украйные города и Сѣверская земля. Многіе изъ окрестностей Серпухова, Каширы служили въ

[1] Н. Кост. Смут. время. III, 109.

его отрядахъ. Неурожай и голодъ довершали всеобщее бѣдствіе этого лютаго времени, прозваннаго въ народѣ лихолѣтьемъ. Но крѣпкая вѣра нашихъ предковъ не дала погибнуть Руси. Во имя ея, на спасеніе московской святыни поднялись новыя тысячи народа, не смотря на неудачный исходъ ляпуновскаго ополченія. Повсемѣстно раньше проявилось сознаніе въ великой грѣховности, за которую Богъ каралъ Русь неслыханными бѣдствіями, всюду слышались голоса о покаяніи и исправленіи и за тѣмъ давались другъ другу обѣты спасти раззоренное государство. Такъ подготовлялась почва къ сильному пробужденію народнаго духа въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ троицкія грамоты производили особенное дѣйствіе. Тамъ стала сбираться новая рать. Раскаялись и не захотѣли признавать новаго вора и Серпуховъ, и Калуга, и Тула, и другіе украйные города и рѣшили дѣйствовать вмѣстѣ съ Пожарскимъ и Мининымъ. Ихъ отряды уже стали показываться подъ Москвою, когда Пожарскій еще медлилъ въ Ярославлѣ. Наконецъ и онъ двинулся къ столицѣ. Тогда Заруцкій оставилъ Москву и чрезъ Коломну, вмѣстѣ съ Мариною и ея сыномъ Иваномъ, бросился на юго-востокъ, гдѣ впослѣдствіи былъ схваченъ и казненъ въ Москвѣ. Наконецъ 25 октября 1612 г., послѣ того какъ неудалась отчаянная попытка гетмана Ходкѣвича пробраться въ Кремль съ обозомъ съѣстныхъ припасовъ, польскій гарнизонъ отворилъ Спасскія ворота и отдался въ плѣнъ, а 21 февраля слѣдующаго года великій земскій соборъ, составленный изъ представителей всѣхъ чиновъ людей, уже избралъ на царство юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, и разоренью государства былъ наконецъ положенъ конецъ.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, особенно въ первую его половину, какъ бы сводились счеты съ смутною эпохою. Замиреніе государства и регулированіе отношеній къ сосѣдямъ, особенно къ Полякамъ, которые слишкомъ ввязались въ русскія дѣла, требовало большихъ усилій со стороны правительства. Съ другой стороны страшныя раны, нанесенныя странѣ и собственными крамольниками и чужеземными искателями приключеній, при вошедшемъ въ привычку духѣ своевольства, заживлялись довольно медленно,

Поэтому только при благодушномъ Алексѣѣ Михаиловичѣ, когда стало подростать другое поколѣніе, Русь могла войти въ свою обычную колею правильной жизни. Отсюда понятно, что Серпуховъ, какъ важный пунктъ, лежавшій на главной, все болѣе и болѣе оживлявшейся дорогѣ на югъ, не могъ не испытывать при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ разнаго рода тревогъ и опасеній, тѣмъ болѣе, что была война съ поляками, а онъ былъ не такъ отдаленъ отъ литовскаго рубежа. Къ счастію еще нѣсколько поунялись неугомонные крымцы.

Вторая половина XVI в. особенно изобиловала и крупными и мелкими ихъ набѣгами. То была эпоха наибольшаго могущества Крымской Орды, когда она являлась представительницею враждебнаго намъ мусульманства не только на югѣ, но и по поволжью. Взятіемъ Казани и Астрахани былъ нанесенъ ей сильный ударъ, правда крымцы отмстили сожженіемъ Москвы. Но и тогда, не смотря на помраченіе ума Іоанна въ эпоху опалъ и казней, не смотря на истребленіе имъ лучшихъ воеводъ и отъѣздъ другихъ въ Литву, не смотря наконецъ на ослабленіе Россіи, въ сожалѣнію, безплодною, дорого стоившею Ливонскою войною, ханъ ничего не могъ сдѣлать: онъ не вернулъ себѣ ни Казани, ни Астрахани, набѣги же не все были удачны. Видно было, что если московскому государству тогда нельзя еще было присоединить Крымъ, какъ о томъ мечтали Курбскій и другіе изъ приближенныхъ Грознаго, за то и хану нельзя было бороться успѣшно съ обширнымъ русскимъ царствомъ. Да и было-ли это въ видахъ хищныхъ крымцевъ? Конечно, нѣтъ: для упорной борьбы они были неспособны: разбойническій народъ продолжалъ оставаться таковымъ, живя одними набѣгами и грабежами. Между тѣмъ государство подвигало свои поселенія все дальше въ степи, въ „Поле“. Такъ тамъ были основаны: въ 1566 г. Орелъ, въ 1586 — Ливны, въ 1592 — Елецъ, въ 1593 — Бѣлгородъ, Валуйки, Осколъ, въ 1595 — Кромы, въ 1600 г. Борисовъ, помимо другихъ городковъ, годъ основанія которыхъ съ точностью неизвѣстенъ; закладывались въ дремучихъ лѣсахъ новыя засѣки, на бродахъ, „перелазѣхъ“ чрезъ рѣки по сакмамъ, — по татарскимъ путямъ, которыми они ходили на Русь, строились укрѣпленія; станичники - казаки безпрестанно дѣлали разъѣзды въ степяхъ и давали знать о приближеніи врага.

Послѣ большихъ набѣговъ при Грозномъ и при Θеодорѣ Іоанновичѣ крымцы стали нападать гораздо рѣже и въ меньшихъ силахъ. Теперь ихъ все болѣе и болѣе задерживали выдвинутые въ „Полѣ" украйные городки и тѣмъ давали время сбираться назначеннымъ противъ нихъ отрядамъ. Хищники любили изъ подъ Тулы появляться особенно въ Каширскихъ и Серпуховскихъ мѣстахъ, гдѣ были самыя удобныя переправы чрезъ Оку [1]. Московское правительство давно старалось загородить и по возможности затруднить доступъ крымцамъ въ этихъ мѣстахъ. За Окой въ лѣсахъ была устроена первая линія засѣкъ: тутъ были засѣки Тульскія, Веневскія, Каширскія, далѣе по этой линіи — Рязанскія и Шацкія. Въ 1635 г. зимою по царскому указу къ этимъ и другимъ засѣкамъ „для засѣчного дѣла" было послано нѣсколько дворянъ, съ подъячими, въ сопровожденіи иноземцевъ инженеровъ, чертежчиковъ и толмачей [2]. Они должны были существовавшія „засѣки описать, и измѣрить" и „подѣлать" новыя. Укрѣплялись и города, лежавшіе по Окѣ и въ ближайшихъ мѣстахъ, такъ во второй половинѣ XVII в. былъ вновь построенъ острогъ въ Серпуховѣ и сдѣланъ потомъ къ нему пріимокъ, около 1670 г. возобновленъ былъ острогъ въ Алексинѣ [3], въ 1682—83 г. иноземный инженеръ дѣлалъ „на Каширѣ земляной валъ со всякими городовыми крѣпостьми" [4], причемъ въ постройкѣ помогали и серпуховичи. Но серьезныхъ опасностей отъ Крыма уже не было для подмосковныхъ мѣстъ, если только зорко сторожили въ степи и Украйнѣ, а тамъ для татаръ явился опасный врагъ въ лицѣ казаковъ, жившихъ впереди линій острожныхъ укрѣпленій въ открытомъ полѣ. Часть ихъ, именно Донскіе казаки, уже признавала себя со времени Грознаго въ зависимости отъ Московскаго государства.

Разумѣется въ первое время царствованія Михаила Θеодоровича, когда всюду нужно было уничтожать воровскія шайки, трудно было стеречь какъ слѣдуетъ Украйну, чѣмъ спѣшили пользоваться и крымцы и ногаи. Такъ въ 1613 г., когда уже прибылъ изъ Кост-

---

[1] Преимущественно у Сенькина перевоза.
[2] Рус. истор. биб. II, № 161.
[3] Акты Истор. IV, 41, № 216.
[4] Истор. опис. Серп. Влад. Мон. стр. 147.

ромы юный царь въ Москву, но не успѣлъ еще короноваться, ногайскіе татары внезапно напали на Украйну, разорили много тамошнихъ городовъ, переправились чрезъ Оку и стали разбойничать въ окрестностяхъ Коломны, Серпухова и Боровска. Они появились даже подъ самою Москвою и здѣсь перехватили русскаго посла, возвращавшагося изъ Польши, причемъ побили многихъ изъ его свиты. Лѣтописецъ замѣчаетъ по сему случаю, что они взяли много полону, „городамъ (Серпухову, Коломнѣ и Боровску) пакость велію содѣяша, дворянъ и дѣтей боярскихъ многихъ поимаша“ [1]. Одновременно съ этимъ тѣже мѣста страдали и отъ казацкихъ разбойничьихъ отрядовъ. Въ 1615 г. въ Москвѣ были встревожены слухами о готовящемся набѣгѣ крымцевъ, и царь послалъ войска за Оку въ Тулу, гдѣ должно было быть главное сборное мѣсто. Но рати стояли напрасно.

Другой врагъ былъ еще всюду на лицо: это неутомимый и жестокій литовскій наѣздникъ Лисовскій, ставшій чистымъ бѣдствіемъ. Никакъ не могли его изловить лучшіе воеводы. Съ юга отъ Орла онъ пробрался на сѣверъ къ Костромѣ, оттуда чрезъ Владиміръ и Муромъ проникъ въ Рязанскую область, отсюда сильно разорялъ мѣста между Коломною и Рязанью, затѣмъ отъ Тулы до Серпухова, послѣ чего бросился къ Алексину: и тутъ пропустили его воеводы, за что подверглись царской опалѣ. Наконецъ Лисовскій чрезъ сѣверскія мѣста ушелъ въ Литву, гдѣ вскорѣ умеръ.

Послѣ долгихъ, бесплодныхъ переговоровъ началась затѣмъ война съ поляками, такъ какъ имъ хотѣлось посадить Владислава на московскій престолъ. Королевичъ самъ двинулся въ Россію по смоленской дорогѣ, при чемъ взялъ Дорогобужъ и Вязьму. Бывшій же отрядъ Лисовскаго — лисовчики съ страшнымъ опустошеніемъ прошли чрезъ Мещовскъ и Козельскъ къ Калугѣ, гдѣ встрѣтили сильный отпоръ со стороны знаменитаго князя Пожарскаго. Стоя подъ Калугою Поляки посылали летучіе отряды грабить „Оболенскія и Серпуховскія мѣста“ [2], пока наконецъ Пожарскій не принудилъ ихъ отойти къ Вязьмѣ. Королевичъ подвинулся къ Можайску и отсюда посылалъ отряды для разоренія тѣхъ же мѣстъ [3], такъ

[1] Арцыб. книга VI, стр. 3.
[2] Тамъ же, прим. 147.
[3] Арцыбашевъ. Книга VI, прим. 167.

что серпуховичи были въ постоянномъ опасеніи отъ непріятелей, тѣмъ болѣе, что передовые русскіе отряды были разбиты у Боровска. Успѣхъ сопровождалъ королевича: онъ взялъ Звенигородъ. Въ Москвѣ и другихъ городахъ приготовились къ осадѣ. Въ это время съ юга показалась неожиданная опасность: на соединеніе съ Владиславомъ шелъ Малороссійскій гетманъ Сагайдачный съ 20,000 черкасъ т. е. запорожскихъ казаковъ. Въ короткое время онъ взялъ Ливны и Елецъ, гдѣ ему досталась богатая добыча, и вышелъ сквозь лѣса къ Михаилову (Рязан. губ.). Здѣсь онъ дѣлалъ неоднократные приступы, но михаиловцы мужественно отразили его. Въ сентябрѣ 1618 г. были отправлены противъ Сагайдачнаго изъ Пафнутьева монастыря князья Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и Волконскій. Они рѣшили идти на Серпуховъ, но вдругъ, какъ говорится, очутились связанными по рукамъ и ногамъ. Между казаками, служившими, по наслѣдству отъ смутной эпохи, въ ихъ войскѣ среди земскаго ополченія, была въ то время большая „шатость": трудно имъ было отстать отъ воровскихъ замашекъ. Такъ и теперь, разсказываетъ лѣтописецъ [1], въ рати князей возникло большое волненіе: многіе не хотѣли идти въ Серпуховъ. Часть казаковъ оставила отрядъ, пошла за Оку и начала тамъ заниматься грабежемъ — „воровати". Князья однако придвинулись къ Серпухову. Здѣсь Пожарскій впалъ въ жестокую болѣзнь. Въ это время они получили царскую грамоту. Пожарскому было приказано вернуться въ Москву, князю же Волконскому спѣшить къ Коломнѣ. Между тѣмъ Сагайдачный съ черкасами показался на Окѣ между Серпуховомъ и Коломною, вѣрно у Сенкина перевоза [2]. Видя, что казаки осиливаютъ, Волконскій отошелъ къ Коломнѣ. Тамъ казаки, служившіе въ его отрядѣ, вступили въ раздоры съ дворянами, и стали воровать и грабить, а наконецъ и совсѣмъ отошли, тоже для грабежа, во Владимірскій уѣздъ [3]. Сагайдачный спѣшилъ на соединеніе съ королевичемъ подъ Москвою, поэтому не пошелъ на Коломну, а двинулся впередъ по каширской дорогѣ на Бронницы. затѣмъ продолжалъ путь по

---

[1] Лѣт. о мн. мятеж. изд. 2. Москва 1788. 317 стр.

[2] Путь его на Бронницы каширскою дорогою подтверждаетъ это предположеніе.

[3] Лѣт. о мн. мят. стр. 317, 318.

серпуховской и вышелъ къ Москвѣ у Котловъ. Царскіе воеводы не рѣшились воспрепятствовать ему соединиться съ Владиславомъ, такъ какъ, по словамъ лѣтописца, ужасъ напалъ на московскихъ людей. Въ полночь на Покровъ Сагайдачный повелъ со всѣмъ войскомъ приступъ къ столицѣ къ Арбатскимъ и Острожнымъ воротамъ, но русскіе были предупреждены о немъ чрезъ двухъ перебѣжчиковъ французовъ и отразили нападавшихъ съ большимъ урономъ. Послѣ этого начались у поляковъ съ русскими переговоры, кончившіеся ничѣмъ. Но наступали холода, и поляки должны были на что-нибудь рѣшиться. Королевичъ двинулся къ Троицѣ, а Сагайдачный къ Калугѣ. Онъ шелъ на Серпуховъ, взялъ его острогъ или деревянный городъ, но въ каменномъ городѣ отсидѣлись [1]. Конечно черкасы не погладили по головѣ посадскихъ и послѣдніе многихъ изъ своихъ не досчитались по уходѣ непріятеля. Благодаря перебѣжчику гетманъ безъ затрудненія овладѣлъ острогомъ въ Калугѣ и выжегъ его, при чемъ побилъ множество народу, и сталъ осаждать самый городъ, т. е. крѣпость. Однакожъ осада вскорѣ была прекращена, такъ какъ пришло извѣстіе о заключеніи въ Деулинѣ перемирія на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, по которому Московское государство уступило Польскому Смоленскъ и часть Сѣверской области.

Крымцы отъ поры до времени продолжали тревожитъ Украйны, прорываясь иногда даже за Оку, хотя дѣло обыкновенно ограничивалось одними грабежами, такъ въ іюлѣ 1633 г. крымскій царевичъ съ 17 мурзами пробрался за Оку и грабилъ въ окрестностяхъ Серпухова, на что жаловалось Московское правительство Турецкому султану и требовало смѣны хана [2]. Михаилъ Θеодоровичъ, въ видахъ предосторожности, увеличилъ число укрѣпленій въ степяхъ по крымскимъ дорогамъ. Но крымцы все таки находили путь чрезъ сторожевыя линіи къ лакомымъ для нихъ Украйнамъ. Тогда дѣлалась общая тревога, только царскія рати теперь не дожидались уже хищниковъ на берегу, въ Серпуховѣ и другихъ мѣстахъ, а выступали къ Тулѣ или еще далѣе, смотря потому, какъ далеко зашли татары. Такъ былъ сборъ войскъ у Тулы въ

[1] Лѣт. о мн. мят. стр. 323.
[2] С. Соловьевъ. IX, изд. 3, стр. 261, 262.

1638 и 1646 г. г. По другимъ случаямъ въ XVII в. еще упоминаются въ Серпуховѣ сборы войскъ, состоявшихъ изъ помѣщиковъ и вотчинниковъ серпуховскихъ и сосѣднихъ городовъ, такъ по указу царей Іоанна и Петра и Софьи 1682 г.[1] вслѣдствіе стрѣлецкой смуты „въ Серпуховѣ" велѣно было сбираться „съ бояриномъ и воеводами со княземъ Володимеромъ Дмитріевичемъ Долгоруковымъ, съ товарищи Серпуховскимъ, Алексинскимъ, Тарускимъ, Оболенскимъ, Калужскимъ, Боровскимъ и иныхъ тамошнихъ заоцкихъ и Сѣвскаго полка всѣхъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ". Это было послѣднее большое собраніе служилыхъ людей въ Серпуховѣ. Къ 1689 г., когда Петръ принялъ правленіе въ свои руки, Серпуховъ навсегда простился съ своею ролью нѣкогда важнаго укрѣпленнаго пункта и обратился постепенно въ мирный уѣздный городъ. Но воспоминанія о старинѣ еще были живы. Когда стрѣльцы, во время поѣздки Петра за границу, задумали бунтъ и двинулись къ Москвѣ съ литовской границы, гдѣ они были на службѣ, то многіе изъ нихъ поговаривали, что лучше было-бы обойти столицу и засѣсть въ Серпуховѣ или Тулѣ и писать оттуда къ другимъ стрѣльцамъ въ южные города, соединиться съ ними и тогда уже идти на столицу[2]. Во время возмущеній на Дону въ 1708 году Петръ поспѣшилъ двинуть быстро на югъ отрядъ противъ бунтовщиковъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ его приближенныхъ полагали ранѣе собрать войска въ Тулѣ или въ Серпуховѣ[3].

Въ 1708 г. казалось опять потребуется отъ Серпухова старая городовая служба: Петръ опасался движенія Карла XII къ Москвѣ и сдѣлалъ предварительныя распоряженія объ укрѣпленіи Серпухова, Можайска и Твери, именно велѣлъ ихъ „по возможности укрѣпить и полисадировать"[4]; но Карлъ пошелъ въ Украйну, гдѣ его судьбу рѣшилъ бой подъ Полтавою.

---

[1] Собр. госуд. гр. и дог. IV, № 155.
[2] С. Соловьевъ. XIV, 251 стр.
[3] С. Соловьевъ. XV, 227 стр.
[4] С. Соловьевъ. XV, 251.

ЧАСТЬ II.

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРІЯ

СЕРПУХОВА.

ГЛАВА I.

Серпуховъ по сотной кн. Фуникова.

Въ первой части мы по возможности выяснили значенie Серпухова и ближайшихъ его окрестностей. Мы прослѣдили всю исторію, мало того — старались, такъ сказать, пережить ее съ серпуховичами, переходя отъ одного поколѣнія къ другому. Такъ мы присутствовали съ ними среди опасностей разныхъ эпохъ и радовались при случаѣ общею радостію, хотя послѣднее чувство слишкомъ рѣдко приходилось намъ испытывать: все болѣе проходила предъ нами вереница нескончаемыхъ тревогъ, волненій и опасеній, которыя приходились на долю жителямъ этого древняго русскаго города — одного изъ передовыхъ пунктовъ Московскаго княжества на Окѣ среди Рязанскихъ владѣній, въ добавокъ не далеко отъ Литовскаго рубежа.

Когда въ 1374 г. кипѣла работа на Ильинской горѣ и рубили дубовый городъ на мѣстѣ болѣе простаго укрѣпленія, жившій тутъ людъ и приходившій селиться изъ другихъ мѣстъ вѣрно подумывалъ: теперь за стѣнами будетъ тутъ побезопаснѣе и отъ Литвы и отъ грубыхъ рязанцевъ. Но однако не эти сосѣди явились опасными врагами для города. Литовцы, образовавши сильное государство, прежде обратили свое оружіе на южную Русь и тѣмъ нѣсколько облегчили собираніе Русской земли Московскими князьями. На Окѣ бои съ ними происходили не у Серпухова, а гораздо выше, подъ Любутскомъ, пока этотъ важный пунктъ не перешелъ окончательно въ руки Московскихъ князей. Серпуховъ противъ литовцевъ въ пріокскихъ мѣстахъ стоялъ во второй линіи, до которой они ни разу не доходили въ сколько-нибудь значительныхъ

силахъ; прорывались до ней только одни грабительскіе отряды. Отъ рязанцевъ московскіе князья съумѣли быстро отвоевать всѣ ихъ мѣста на московскомъ берегу Оки и затѣмъ окончательно сломили ихъ силу. Да ихъ земля и не могла обратиться въ сильное княжество вслѣдствіе слишкомъ опаснаго своего положенія въ степи.

Но не литовцы и не рязанцы, повторяемъ, явились опасными врагами для города, и не отъ нихъ пришлось ему сторожить пути къ Москвѣ: сперва татары Золотой орды, потомъ крымцы — вотъ страшные гости, которые приходятъ часто тогда, когда ихъ никто не ожидаетъ. Противъ первыхъ городъ оказался совершенно ничтожнымъ укрѣпленіемъ: и Тохтамышъ и Эдигей выжгли его, повидимому, безъ сопротивленія. Вторые обыкновенно обходили его, бросаясь быстро на Москву. Однако, московскіе князья съумѣли найтись и принять свои мѣры противъ неугомонныхъ степняковъ. Одновременно съ собираніемъ Русской земли они обратили особенное вниманіе на южную окраину или, какъ тогда звали ее, Украйну, начинавшуюся не далеко отъ Москвы, сейчасъ за Серпуховомъ на томъ берегу Оки. И вотъ постепенно возникла въ XV и XVI вв. цѣлая система сторожевыхъ пунктовъ, поселеній и засѣкъ, сторожившихъ пути къ берегамъ Оки, къ „Берегу", какъ ихъ тогда называли. Тогда выяснилось значеніе Серпухова: онъ сталъ опорнымъ пунктомъ на Берегу, въ особенности когда съ половины XVI в. крымцы преимущественно стали прорываться къ Окѣ не у Коломны, какъ было прежде, а въ его окрестностяхъ (между имъ и Каширою) [1].

Серпуховской удѣлъ, какъ мы видѣли, былъ слишкомъ скоротеченъ. Князья его не имѣли своихъ особыхъ мѣстныхъ интересовъ, мѣстной политической программы. Проживая въ Москвѣ, они раздѣляли интересы своихъ родичей — московскихъ великихъ князей и честно служили имъ. Отсюда роль Серпухова сразу явилась ролью чисто московскаго города, а не какого-либо удѣльнаго.

Правда Владиміръ Андреевичъ отличилъ его отъ другихъ городовъ своего удѣла, обстроилъ, украсилъ соборомъ, создалъ подлѣ него свой монастырь, не довольствуясь уже бывшимъ подъ горо-

[1] Въ особенности у Сенкина перевоза.

домъ Владычнимъ монастыремъ. И городъ дѣйствительно не падалъ. Двукратное сожженіе его татарами, разграбленіе литовскимъ княземъ Свидригайломъ, затѣмъ отдача его въ кормленіе двумъ бывшимъ казанскимъ царямъ, которые и для Казани не годились по неукротимости своего нрава и жестокости, нисколько не задержали его развитія: онъ все увеличивался и увеличивался. По крайней мѣрѣ мы вынесли такое убѣжденіе изъ внимательнаго изученія перваго по времени акта, изъ котораго можно познакомиться съ городомъ, его жителями и ихъ бытомъ, именно *сотной, т. е. переписной книги*[1] *князя Василія Семеновича Фуникова,* производившаго перепись посада въ 1552 г. То была памятная эпоха славныхъ дѣлъ Іоанна. Для Серпухова она замѣчательна еще тѣмъ, что тогда обратили на него особенное вниманіе предъ всѣми городами, лежавшими на Берегу, вслѣдствіе чего въ 1556 г. укрѣпили его сильною каменною крѣпостью. Сооруженіе послѣдней впрочемъ было четырьмя годами позже переписи, произведенной Фуниковымъ, такъ что сотная возсоздаетъ передъ нами древній городъ-посадъ въ его старинномъ видѣ. Можно только пожалѣть, что въ ней, рядомъ съ описаніемъ посада, нѣтъ никакихъ подробностей относительно настоящаго города, т. е. крѣпости, которая стоитъ вся спрятавшись въ свои стѣны, лишь выглядываютъ изъ-за нихъ кресты двухъ ея храмовъ. Впрочемъ мы не можемъ сѣтовать на писцовъ — князя Фуникова съ товарищами: умалчиваніе о крѣпости вполнѣ естественно. Перепись имѣла дѣло до торговаго и промышленнаго люда, съ котораго можно было ожидать государству дохода; крѣпость же заключала въ себѣ, помимо храмовъ, казенныя мѣста управленія и осадные дворы крупнѣйшихъ окрестныхъ помѣщиковъ и монастырей. Всѣ эти учрежденія и лица не тянули тягла вмѣстѣ съ посадскими, горожанами въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, почему писцы ограничились въ сотной только однимъ упоминаніемъ о городѣ, чтобы отдѣлить его отъ посада.

---

[1] Въ строельныхъ книгахъ 1649 г. (рукопись хранится въ архивѣ Серпух. город. управы, л. 40) она называется „старою сотною". Изъ внимательнаго изученія переписныхъ книгъ послѣдующаго времени оказывается, что ранѣе 1552 г. повидимому не производилось въ Серпуховѣ настоящей переписи; по крайней мѣрѣ всѣ послѣдующіе акты ссылаются на сотную князя Фуникова какъ на самую древнюю.

Займемся прежде топографіей древняго Серпухова. Изъ сотной ясно видно, что онъ во времена Фуникова состоялъ изъ: 1) *города*, т. е. крѣпости, 2) *посада*, занятаго преимущественно торговцами и ремесленниками, и 3) *приписанныхъ къ нему слободъ*.

Городъ занималъ то мѣсто на высокомъ курганѣ, которое въ 1556 г. было обнесено вмѣсто деревянныхъ стѣнъ каменными, съ грозными бастіонами, остатки коихъ отчасти сохранились до нашихъ дней. Мѣсто древняго посада тоже обозначено въ сотной довольно опредѣленно: онъ простирался „от города вверхь по рекѣ по Наре" до оврага „Мѣшалки"[1]. Указаніе это согласно съ мѣстными преданіями о древнемъ городѣ, т. е. о крѣпости и острогѣ, въ который обратился старый посадъ, повидимому одновременно съ возведеніемъ въ крѣпости каменныхъ стѣнъ, отъ чего она стала „каменнымъ городомъ".

Съ 1328 г. когда въ первый разъ упоминается имя Серпухова (собственно „Серпохова"), поселеніе успѣло значительно разростись. Посадъ постепенно раздавался: онъ съ одной стороны сталъ распространяться за Мѣшалку[2], гдѣ образовался „Острый конецъ"[3], съ другой за Серпейку на Воскресенскую и Аѳанасьевскую горы[4] и по склонамъ ихъ къ монастырскому (Высоцкаго монастыря) селу „Сельцу"[5]. Однако въ 1552 г. посадомъ продолжала называться только мѣстность отъ города до Мѣшалки, распространенія же его назывались просто „дворами тяглыхъ людей". За Нарой довольно рано заселился ея берегъ; по крайней мѣрѣ нынѣшнія четыре церкви[6] уже существовали въ 1552 г. Мѣстность, гдѣ церковь Богоявленія, была довольно видною и называлась „Богоявленскимъ концомъ". Сама церковь упомянута въ сот-

---

[1] Названіе оврага „Мѣшалкою" довольно удачно: онъ дѣйствительно мѣшалъ сообщенію между посадомъ и Острымъ концомъ, какъ будетъ сказано ниже.

[2] „Под посадом по Мѣшалкѣ" въ сотной значатся живущими разные люди.

[3] Названіе концовъ: Остраго и Богоявленскаго не указываютъ ли на новгородское происхожденіе вслѣдствіе вѣроятнаго поселенія Іоанномъ III въ Серпуховѣ новгородскихъ семействъ?

[4] Дворы „по сторонѣ Воскресенья Христова за врагомъ к Оѳонасю святому" (сот.).

[5] „У монастырского села у селца дворы тяглыех сумес с монастырскіми дворы" (сот.). Въ послѣдствіи „Сельцо" стало называться по церкви „Мироносицкимъ селомъ".

[6] Разумѣется, тогда деревянныя, какъ и всѣ храмы въ городѣ.

№1.

ПЛАНЪ СЕРПУХОВА ПО СОТНОЙ КН. ФУНИКОВА

около 1552 г.

Св. Пятницы.
Рожд. Пречистой.
Острый конецъ
Торгъ
Ямской дворъ.
Егорія Св.
Лошадка
Св. Фрола.
Св. Спаса.
Древній посадъ.
Св. Троицы.
Св. Ильи.
Убогій домъ
Городъ
Соборъ.
Св. Димитрія.
Подолъ
Ц. Воскресенія Хр.
Св. Аѳанасія.
Богоявленскій конецъ
Покрова.
Слобода благовещенская.
Николы Будки.
Дворы Конюшенные.
Ока.
Николая Чуд.
Ключничья слобода.
Серпейка
Дворы бобровниковъ.
Рожд. Христова.
Пищальникова слобода.
Св. Козьмы и Демьяна.
Козьмодемьянская слободка.
Сокольничья слобода.
Нечистый врагъ (Большой).
Сельцо.

Находились еще за Нарою:
1) Зелейная слобода.
2) Ивановская.

Масштабъ.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 100 с. 200 с.

Высоцкій мон.

ной не одинъ разъ[1], церкви Николы Будки и Кузьмы и Демьяна (нынѣ Срѣтенія) тоже обозначены[2]. Хотя церковь Покрова прямо не названа, но на существованіе ея указываетъ названіе Покровскаго переулка[3] у Большой улицы за Нарою, что совершенно подходитъ къ мѣстоположенію этого храма.[4] Мало того, мѣстность за Нарою была по тому времени значительно заселена[5]. Гораздо меньше распространялся посадъ вверхъ по Серпейкѣ и по направленію нынѣшнихъ улицъ Никольской и Дворянской, что было дальше отъ Нары, слѣдовательно неудобно въ хозяйственномъ отношеніи.

Въ старомъ посадѣ въ 1552 г. находились всѣ нынѣшнія церкви: Св. Фрола, теперь Вознесенія Христова[6], Св. Троицы, Св. Спаса, Св. Георгія, Св. Иліи, за исключеніемъ только позже построенной церкви Успенія Божіей Матери, упоминаемой уже въ актахъ XVII в.

За Мѣшалку поселенія, какъ мы уже замѣтили, успѣли значительно распространиться, такъ здѣсь находились двѣ церкви: Св. Пятницы (нынѣ Казанской Божіей Матери)[7], мѣстность около которой называлась „Острымъ“ или „Вострымъ концомъ“, и Рождества Пречистой (нынѣ Никиты мученика).

За Серпейкой напротивъ собственнаго города-крѣпости были заселены двѣ горы Воскресенская и Аѳанасьевская, отдѣленныя оврагомъ. Тамъ были уже и тогда двѣ церкви: ближе къ городу — Воскресенія Христова, дальше — Св. Аѳанасія. Еще дальше въ

---

[1] Напр. „От Богоявленія Богоявленскою улицею ко всполю“, „от Богоявленія по берегу внизъ по Наре“.

[2] Напр. „По Буткиной улице по Болшой к Ніколе чюдотворцу“, „отъ Кузмы Демяны в Ніколском переулке“.

[3] Напр. „З Болшие улицы в Покровском переулкѣ“, „от Покровского переулка на берегуж.“ Замѣтимъ, что бо́льшая часть улицъ и переулковъ была названа по церквамъ.

[4] Мы имѣемъ несомнѣнныя свѣдѣнія, что церковь Покрова существовала въ 1572 г.: въ грамотѣ Іоанна Грознаго отъ этого времени упоминается о *Покровскомъ попѣ* (хран. въ ризницѣ Серпух. Влад. мон.).

[5] Уже въ первой части мы высказали предположеніе, что не тутъ ли находилось село „Нарьское“, упоминаемое въ духовномъ завѣщаніи Іоанна Калиты, и именно въ Богоявленскомъ концѣ.

[6] Въ ней есть придѣлъ во имя св. Фрола и Лавра.

[7] Съ предѣломъ Св. Параскевы, т. е. Пятницы.

этой сторонѣ была церковь Св. Николая чудотворца (нынѣ Николы Бѣлаго), неподалеку отъ нея Ключничья слободка, затѣмъ церковь Рождества Христова (называемыя нынѣ также Распятія Христова). Ниже въ лощинѣ приписанные къ посаду поселенцы жили дворами уже „сумес с монастырскіми дворы с селетцкими“, принадлежавшими Высоцкому монастырю.

Многочисленныя слободы и слободки окружали посадъ съ разныхъ сторонъ. Нѣкоторыя изъ нихъ задолго до сотной вошли въ посадъ, именно слободы: *Благовѣщенская*, *Зелейная* и *Сокольничья*. Двѣ первыя находились за Нарою, такъ какъ въ сотной онѣ упомянуты среди занарскихъ улицъ, и при томъ, не у церкви Богоявленія, такъ какъ мѣстность около нея описана подробнѣе, и тамъ онѣ не значатся, а нѣсколько ниже по рѣкѣ. Благовѣщенская слобода была довольно обширна, такъ въ ней было 87 жилыхъ дворовъ, помимо 10 пустыхъ дворовъ или дворовыхъ мѣстъ, Зелейная напротивъ очень мала: въ ней было всего 3 двора. Не трудно догадаться, отъ чего произошло ея названіе: въ старину конечно въ ней жили зелейные мастера, приготовлявшіе зелье, т. е. порохъ. Сокольничья слобода упоминается въ серпуховскихъ земляныхъ книгахъ 1620 г. [1] причемъ положеніе ея опредѣляется у Мироносицкаго села, у „Нечистаго врага“. Въ сотной записанъ только одинъ дворъ: „Соколники Васюкъ Еремѣевъ да сынъ ево Иванко, да племянникъ ево Федка Дрыкуновъ“ — „по конецъ селетцкихъ дворовъ меж болшово врага“. Четвертая слобода *Пищальникова* тоже, кажется, во времена Фуникова вошла уже въ составъ посада [2]. Помѣщена она въ описи дворовъ очевидно по лѣвую сторону Нары между дворами „у Офонася святого“ и смежными съ монастырскими, т. е. „съ селетцкими“. Названіе этой слободы мало нуждается въ поясненіи: очевидно тутъ жили пищальники, т. е. стрѣльцы, вооруженные пищалями.

---

[1] „Отъ дворовыхъ мѣстъ что была Сокольничья слобода“. Рукоп. хранится въ арх. Серп. город. управы.

[2] Объ ней такъ упомянуто: „У Пищалниковы слободы: (в) Игнатко Якущевъ“ и далѣе: „По конецъ Пищалниковы улицы“ дворы, въ третьемъ мѣстѣ: „От Рожества Христова по конецъ Пищалной улицы“, причемъ раньше говорилось про тяглые дворы смежные съ монастырскимъ селомъ Сельцовъ.

Въ 1552 г. остававшіяся оброчными слободы были также приписаны къ посаду и стали тянуть вмѣстѣ съ нимъ тягло [1].

Позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе. Еще въ недавнее время въ нашей исторической литературѣ былъ горячій споръ относительно характера городовъ въ древней Россіи и ихъ жителей. Одни желали видѣть въ городѣ исключительно укрѣпленіе, утверждая, что населеніе жило въ селахъ и деревняхъ, въ городахъ же укрывалось только во время опасности. Другіе приравнивали древніе города отчасти къ нынѣшнимъ. Сотная Фуникова даетъ на этотъ счетъ любопытныя указанія. Изъ ней мы узнаемъ, что дѣйствительно городъ во времена Іоанна IV, какъ и прежде, по преимуществу означалъ *крѣпость*. „В Серпухове на посаде дворы тяглые....“ сказано въ сотной: „от города вверхъ по рекѣ“ — прямо выдѣленъ посадъ отъ города-крѣпости. Съ другой стороны посадъ, т. е. городъ въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, такъ былъ тѣсно связанъ съ городомъ-крѣпостью, что вмѣсто слова посадъ то и дѣло упоминается городъ, напр. „на посадеж дворы, что были оброчные, а нынча приписаны к городу втягло“. Очевидно надобно было бы сказать: „къ посаду“, ибо самъ городъ тягла не тянулъ. Такое смѣшеніе вполнѣ понятно и естественно. Населеніе посада, не смотря на различныя невзгоды и опасности вражескихъ нападеній, какъ было въ Серпуховѣ, постепенно увеличивалось, приходили поселенцы и изъ другихъ мѣстъ — „приходцы“, по выраженію сотной, и вотъ древній городъ со всѣхъ сторонъ окружался мирнымъ торгово-промышленнымъ населеніемъ. Что таковъ былъ его характеръ, объ этомъ будетъ сказано подробно ниже. Когда впослѣдствіи древній Серпуховской посадъ былъ обращенъ въ острогъ, т. е. въ деревянную крѣпость со стѣнами и башнями, онъ не утратилъ своего прежняго характера, оставшись по преимуществу торговымъ центромъ. Такимъ образомъ наши города, какъ и на западѣ Европы, имѣли совершенно естественный ростъ. Укрѣпленія невольно привлекали къ себѣ окрестное населеніе; подъ защитою ратныхъ людей, хотя при погромахъ она и не была надежна, торговый людъ торговалъ смѣлѣе, причемъ отчасти удовлетворялъ потребностямъ военнаго сословія. Сосѣднія села и

---

[1] „Приписаны к городу в тягло“, сказано въ сотной, т. е. къ посаду.

деревни въ торговомъ и хозяйственномъ отношеніи привыкали къ своему посаду, а отсюда одинъ шагъ къ единомыслію относительно политическихъ вопросовъ. Такимъ образомъ постепенно изъ древняго города-крѣпости возникалъ нынѣшній городъ съ крѣпкимъ тяготѣніемъ къ нему ближайшихъ окрестностей, что такъ бросается въ глаза въ древней нашей исторіи. Изъ сотной Фуникова мы видимъ, что въ 1552 г. Серпуховъ, оставаясь крѣпостью, былъ въ то же время вполнѣ торгово-промышленнымъ селеніемъ: достаточно указать на то, что при 623 дворахъ посадскихъ людей въ немъ было 250 занятыхъ лавокъ, амбаровъ и полулавокъ.

Въ 1552 г. какъ мы сказали, число посадскихъ жителей значительно увеличилось отъ присоединенія къ посаду оброчныхъ слободъ и сверхъ сего отдѣльныхъ оброчниковъ, именно тогда были присоединены:

1) *Слободка, что была за татарами.*
2) *Ивановская слободка.*
3) *Слободка Ключничья или Подключничья.*
4) *Бывшіе оброчные бобровники.*
5) *Дворы, что были оброчные конюшенные.*
6) *Слободка Кузьмодемьянская.*
7) *На посадѣ дворы, что были оброчные.*

Про Слободку, бывшую за татарами, въ сотной сказано, что она была въ Богоявленскомъ концѣ, т. е. въ части посада у церкви Богоявленія, за Нарою. Въ ней въ 1552 г. было 11 жилыхъ дворовъ и 10 пустыхъ. Слободка принадлежала прежде татарскимъ помѣщикамъ: Тунаю, Рознѣю и Девлечару Кишкилдѣевымъ дѣтямъ, Таушу Ежикову сыну и Тоисупу и Яныку Телюковымъ дѣтямъ [1]. Очень вѣроятно, что эти помѣщики принадлежали къ свитѣ бывшихъ казанскихъ царей Магметъ-Аминя и Шигъ-Алея, которые,

[1] По сосѣдству безъ сомнѣнія были и другіе татары помѣщики, большею частію новокрещены, такъ называемые служебные татары, обязаные военною службою; по крайней мѣрѣ въ Серпуховскихъ земляныхъ книгахъ 1620 г. уже значатся помѣщики: Березинскіе татары (нынѣ погостъ Никола Березна въ 4 верстахъ отъ города по боровскому тракту) и Глазеченскіе (Глазечна въ верстѣ отъ города на правомъ берегу Нары). Возлѣ деревни Судимли (въ 5 верстахъ отъ Серпухова по старой Московской дорогѣ) одинъ ключъ до сихъ поръ называется Татарскимъ колодцемъ: очевидно, тутъ въ старину тоже жили татары. Поблизости отъ города также находилась пустошь Татаринова, пограничная съ соборною землею. Теперь ея нѣтъ.

какъ мы видѣли, одно время жили въ Серпуховѣ, первый при Іоаннѣ III, второй при Василіи III, и кормились какъ съ него, такъ и съ нѣкоторыхъ другихъ волостей. Населеніе слободки, пришедшей отчасти въ запустѣніе (10 пустыхъ дворовъ на 11 жилыхъ), было довольно разнообразно: здѣсь жили и бывшіе прежде за помѣщиками татарами, изъ нихъ одинъ новокрещенъ, и „приходцы“, такъ: „приходецъ поддейской кожевной“, „коломнетинъ“ (изъ коломны) — тоже кожевникъ и „медынецъ“ — торговый человѣкъ.

Ивановская слободка находилась тоже за Нарою, какъ видно изъ земляныхъ книгъ 1620 г.[1] въ сотной же о положеніи ея ничего не сказано. Въ ней было въ 1552 г. 39 дворовъ жилыхъ, одинъ пустой и 13 пустыхъ прежнихъ дворовыхъ мѣстъ. Въ пяти дворахъ слободки занимались обдѣлкою камня, именно про каждаго хозяина сказано: „тешет“ или „тешот камен“. Среди торговцевъ и ремесленниковъ жило въ ней 6 казаковъ. Вѣроятно поэтому въ земляныхъ кн. 1620 г. про слободку сказано: „земля Серпуховскихъ бѣломѣстныхъ казаковъ Ивановской слободы дворовые мѣста“[2]. Въ тѣхъ же книгахъ рядомъ съ ними упомянуты въ этой слободѣ „дворовые мѣста ямчюжныхъ мастеровъ“[3].

Слободка Ключничья или Подключничья, составлявшая какъ бы продолженіе Никольской улицы[4], находилась у Николы Бѣлаго[5], пониже его, по направленію къ Нарѣ[6]. Въ ней было 16 дворовъ, всѣ жилые, что вполнѣ понятно по близости ея къ посаду. У слободки между прочимъ была земля „в лугу у реки у Нары у мостища противъ Кривого омуту пашни луговой четыре десятины“, „да подъ болотомъ Высотцкого монастыря противъ Липицкого

---

[1] Листъ 9 рукописи.

[2] Тамъ же у Ивановской слободы показано земли: „пашни по дачи іс Костромскія чети тринатцать десятинъ с осминникомъ“ (л. 9).

[3] Ямчужные или селитряные мастера занимались приготовленіемъ пороха. С. Соловьевъ VII, изд. 3, стр. 24.

[4] „Подключничьею слободою по Николской улице“ (сотн.), въ другомъ мѣстѣ говорится о дворахъ ея по Никольской улицѣ.

[5] „Противъ Ніколы чюдотворца меж дворовъ Ключничей слободки“ (тамъ же). Не получила ли слободка свое названіе отъ княжескихъ ключниковъ?

[6] Какъ можно заключить изъ строельныхъ Серпуховскихъ книгъ 1649 г.: „У Николы чюдотворца каменной церкви, что выше Ключничья колодезя“ (л. 17 рукописи), тоже сказано и въ спискѣ съ Серпух. книгъ новопр. таглецамъ (л. 21 рукописи).

деревни въ торговомъ и хозяйственномъ отношеніи привыкали къ своему посаду, а отсюда одинъ шагъ къ единомыслію относительно политическихъ вопросовъ. Такимъ образомъ постепенно изъ древняго города-крѣпости возникалъ нынѣшній городъ съ крѣпкимъ тяготѣніемъ къ нему ближайшихъ окрестностей, что такъ бросается въ глаза въ древней нашей исторіи. Изъ сотной Фуникова мы видимъ, что въ 1552 г. Серпуховъ, оставаясь крѣпостью, былъ въ то же время вполнѣ торгово-промышленнымъ селеніемъ: достаточно указать на то, что при 623 дворахъ посадскихъ людей въ немъ было 250 занятыхъ лавокъ, амбаровъ и полулавокъ.

Въ 1552 г. какъ мы сказали, число посадскихъ жителей значительно увеличилось отъ присоединенія къ посаду оброчныхъ слободъ и сверхъ сего отдѣльныхъ оброчниковъ, именно тогда были присоединены:

1) *Слободка, что была за татарами.*
2) *Ивановская слободка.*
3) *Слободка Ключничья или Подключничья.*
4) *Бывшіе оброчные бобровники.*
5) *Дворы, что были оброчные конюшенные.*
6) *Слободка Кузьмодемьянская.*
7) *На посадѣ дворы, что были оброчные.*

Про Слободку, бывшую за татарами, въ сотной сказано, что она была въ Богоявленскомъ концѣ, т. е. въ части посада у церкви Богоявленія, за Нарою. Въ ней въ 1552 г. было 11 жилыхъ дворовъ и 10 пустыхъ. Слободка принадлежала прежде татарскимъ помѣщикамъ: Тунаю, Розлѣю и Девлечару Кишкилдѣевымъ дѣтямъ, Таушу Ежикову сыну и Тоисупу и Яныку Телюковымъ дѣтямъ [1]. Очень вѣроятно, что эти помѣщики принадлежали къ свитѣ бывшихъ казанскихъ царей Магметъ-Аминя и Шигъ-Алея, которые,

[1] По сосѣдству безъ сомнѣнія были и другіе татары помѣщики, большею частію новокрещены, такъ называемые служебные татары, обязаные военною службою; по крайней мѣрѣ въ Серпуховскихъ земляныхъ книгахъ 1620 г. уже значатся помѣщики: Березинскіе татары (нынѣ погостъ Никола Березна въ 4 верстахъ отъ города по боровскому тракту) и Глазеченскіе (Глазечна въ верстѣ отъ города на правомъ берегу Нары). Возлѣ деревни Судимли (въ 5 верстахъ отъ Серпухова по старой Московской дорогѣ) одинъ ключъ до сихъ поръ называется Татарскимъ колодцемъ: очевидно, тутъ въ старину тоже жили татары. Поблизости отъ города также находилась пустошь Татаринова, пограничная съ соборною землею. Теперь ея нѣтъ.

издавна“, т. е. не съ посадомъ[1]. Замѣчательно, что, не смотря на приписку къ посаду, тяглецы слободы именовались особо отъ серпуховичей, такъ въ жалованной грамотѣ царя Михаила Θеодоровича Троицкому въ Серпуховѣ протопопу сказано: „Серпуховичи и Конюшенные слободы торговые люди“, въ другомъ мѣстѣ: „съ Серпуховскихъ съ посадцкихъ и съ уѣздныхъ людей и Конюшенные слободы с тяглецовъ“ [2].

Кузмодемьянская слободка была у церкви Кузьмы и Демьяна (нынѣ Стрѣтенія) за рѣкою Нарою. Въ 1552 г. изъ двадцати бывшихъ ея дворовъ ни одного не было на лицо, были только одни дворовыя пустыя мѣста. Тѣмъ не менѣе всѣ они были „приписаны к городу же в тягло“. Объ этой какъ бы вымершей слободкѣ послѣ не встрѣчалось намъ находить никакихъ указаній.

„На посаде дворы, что были оброчныи“ лежали разсѣянно, въ разныхъ мѣстахъ[3], въ числѣ 34.

Не смотря на присоединеніе къ посаду слободъ въ сравнительно довольно древнее время, онѣ продолжали именоваться и какъ бы считаться слободами въ отличіе отъ посада, такъ въ Серпуховскихъ писцовыхъ и межевыхъ книгахъ 1685 и 86 гг. говорится о землѣ „около города и слободъ“ [4].

Всѣхъ дворовъ по сотной было на посадѣ со всѣми приписанными слободами, какъ мы уже замѣтили, 623 двора, „а людей въ нихъ 796 человѣкъ, да 21 двор пусты, да 122 мѣста дворовыхъ пустыхъ“. Безъ приписанныхъ слободъ выходитъ число жилыхъ дворовъ, считая поселенія за Нарою, 508, пустыхъ 10 и пустыхъ дворовыхъ мѣстъ 89. Хотя и должны были быть мѣстами небольшіе пустыри, всетаки на посадѣ не замѣтно было упад-

---

[1] Память изъ Золотой Палаты Серпуховскимъ земскихъ дѣлъ бурмистрамъ 1701 г. (хранится въ архивѣ Серпуховской городской управы).

[2] Хранится въ ризницѣ Серпуховскаго собора.

[3] Именно: 1) подъ Спасомъ на Мѣшалкѣ — одинъ дворъ, 2) по Фроловской улицѣ — одинъ большой дворъ и 4 поменьше, 3) по ней же къ Тройцѣ — 2 двора, 4) „за Фроломъ святымъ у торгу“ — 5 дворовъ, 5) по Ильинской улицѣ и къ Тройцѣ — 6 дворовъ, 6) Подключничею слободою по Никольской улицѣ — 4 двора, 7) просто по Никольской улицѣ — 8 дворовъ, 8) въ Кроткомъ переулкѣ — одинъ дворъ, 9) отъ Спаса ко Фролу св. — одинъ дворъ, 10) „сумес с селетцкіми дворы“ — одинъ дворъ („Мосолъ Родионовъ“).

[4] Подлинникъ хранится въ архивѣ Серпух. город. управы.

ка; напротивъ, какъ мы видѣли, онъ разростался все больше и больше. Если включались въ него слободы, то именно вслѣдствіе торговли и промышленности, причемъ кстати брали въ посадъ и запустѣлыя мѣста, на основаніи вѣроятно какихъ-либо своихъ соображеній. По недостатку обнародованныхъ документовъ о другихъ городахъ того времени, трудно составить себѣ понятіе о сравнительной населенности и зажиточности Серпухова въ эпоху Грознаго. Можемъ ограничиться только сравненіемъ его съ Муромомъ, котораго описаніе отъ 1574 г. дошло до насъ. Въ этомъ году городъ этотъ, не принадлежавшій къ числу маловажныхъ, былъ въ большомъ упадкѣ, противъ того, какимъ онъ былъ восемь лѣтъ тому назадъ, но и тогда онъ былъ немного меньше Серпухова, именно въ немъ находилось всего 587 населенныхъ дворовъ [1].

Чтобы составить себѣ лучшее понятіе о тогдашнемъ Серпуховѣ, сдѣлаемъ по немъ археологическую прогулку, при чемъ употребимъ всѣ старанія заглянуть во всѣ его уголки. Вотъ мы у стѣнъ древняго города-крѣпости. Кажется онѣ требуютъ большихъ поправокъ: не даромъ чрезъ 4 года послѣ Фуниковой переписи онѣ были замѣнены новыми — каменными, когда самъ царь, готовясь отразить набѣгъ крымцевъ, прибылъ въ Серпуховъ съ большими ратными силами. Въ городъ·одинъ въѣздъ отъ Ильи пророка, идетъ онъ дугообразно по курганному откосу. Первое, что бросается въ глаза и нѣсколько возвышается надъ невысокими зданіями, — это деревянный соборъ Живоначальныя Троицы, безъ сомнѣнія довольно незатѣйливой скромной постройки; недалеко отъ него другая церковь, конечно еще болѣе укромная, Св. Великомученика Дмитрія. Кажется ее построилъ князь Владиміръ Андреевичъ въ память о своемъ двоюродномъ братѣ Дмитріи Донскомъ, съ коимъ Богъ помогъ ему одержать побѣду на Куликовомъ полѣ [2]. Жилыя постройки для намѣстника или воеводы, для

---

[1] С. Соловьевъ, VII, 46 стр.

[2] Изъ грамоты 1624 г. Троицкому протопопу съ братіею, коею подтверждены разныя привиллегіи, дарованныя еще въ 1514 г. церковнослужителямъ этого собора, видно, что „третья выть" доходовъ „по старинѣ, какъ напередъ сего шло", должна была итти „попу Дмитріевскому, что Дмитрей святый въ Серпухове же внутри города". Въ главной описи Троицкаго собора говорится, что въ 1696 г. когда былъ построенъ каменный соборъ, одновременно къ нему былъ придѣланъ придѣлъ съ

тіуна и кое-кого изъ ратныхъ людей, осадные дворы сосѣднихъ помѣщиковъ и монастырей, съѣзжая изба, или „дьячая“ по сотной, клѣти для храненія оружія, для зелейной казны, анбары съ хлѣбомъ — все это не многимъ отличается отъ сплошныхъ деревянныхъ построекъ посада. Съ высокаго городскаго кургана весь посадъ какъ на ладони. Вотъ отъ Св. Фрола къ Рождеству Пречистой тянутся цѣлыя линіи лавокъ, чередуясь мѣстами съ посадскими домами. Послѣднихъ особенно много на пространствѣ между церквами Свв. Фрола, Георгія, Троицы и Иліи Пророка. Спустимся съ кургана внизъ: мы на „вымлѣ“, т. е. въ лощинѣ, которая произошла отъ огромной выемки земли, сдѣланной во время отдѣленія кургана отъ Ильинской горы. На лѣво дорога ведетъ къ мосту въ Занарье и по берегу рѣки у подошвы крѣпостнаго холма. Тутъ мало жилья. Близко у угла, образуемаго городомъ къ Нарѣ, изрыта земля, и видѣнъ небольшой пригорокъ: то *убогій домъ*, гдѣ хоронятъ умершихъ странниковъ и разный неизвѣстный горемычный людъ [1]. Отъ него пройдемъ къ Фролу Св. гдѣ начинается „*торгъ*“, по нашему рынокъ. У церкви „на городской землѣ“ т. е. посадской, стоятъ 23 лавки. На лѣво отъ нея небольшой переулокъ ведетъ къ *Ямскому двору*, самъ дворъ выходитъ на Егорьевскую улицу, которою въѣзжаютъ въ посадъ съ Москвы. Въ переулкѣ — тоже на посадской землѣ съ одной стороны мы видимъ 9 лавокъ и 2 лавочныхъ мѣста, съ другой „на Нашкинскомъ мѣсте на протопопове“ [2] 12 лавокъ и одно лавочное мѣсто. Отъ Фрола къ Пречистой тянется *Большой рядъ* и

лѣвой стороны во имя Св. Великомученика Димитрія. Вѣрно тогда разобрали старую церковь и сдѣлали изъ нея придѣлъ. Въ статьѣ „Нѣсколько словъ и преданій о Серпуховѣ“ (Моск. Вѣд. 1873 г. № 259) неправильно сказано, что Владиміръ Андреевичъ пристроилъ къ соборной церкви придѣлъ Святому Димитрію Селунскому. Какъ мы видѣли, до 1696 г. была отдѣльная церковь въ честь этого святаго, а не придѣлъ.

[1] Объ убогомъ домѣ въ сотной не сказано вѣрно потому, что онъ не былъ тяглымъ. Упоминается онъ въ актахъ XVII в. Можно съ достовѣрностью предположить, что онъ былъ уже въ XVI в. такъ какъ посадъ и тогда былъ довольно значителенъ. На мѣстѣ убогаго дома возвышается теперь порядочный курганъ. Къ нему, храня древній обычай, ежегодно въ седьмой четвергъ по Пасхѣ спускается изъ собора духовенство и отправляетъ панихиду. Очень жаль, что курганъ не огороженъ и не содержится въ надлежащей чистотѣ.

[2] Сотная.

другіе ряды, болѣе занимая посадскую землю [1], впрочемъ у церквей стоятъ лавки и на церковныхъ земляхъ, такъ у Фрола Св. стоитъ ихъ три, на церковной землѣ пречистенскаго попа—пять. Идя влѣво по Большому ряду мы проходимъ мимо 5 лавокъ, за ними на лѣво сворачиваютъ лавки „в заулокъ“. По одну его сторону на городской землѣ одно лавочное мѣсто и 3 лавки, сверхъ сего „на Нашкинскомъ же мѣсте на протопопове“—4 лавки и 2 „лавочныхъ мѣста“; по другую сторону на городской землѣ—4 лавки и одинъ анбаръ. За заулкомъ на той же лѣвой сторонѣ Большаго ряда — 4 лавки, за ними уже упомянутыя 5 лавокъ на землѣ пречистенскаго попа. Мы дошли до конца торга у Рождества Пречистой. Отъ нея по другой сторонѣ Большаго ряда, идя назадъ „ко Фролу Святому“, мы насчитываемъ 43 лавки. Позади „Болшово ряду“ шелъ другой рядъ, *сапожный*. Въ немъ если итти отъ Фрола Св. 17 лавокъ, возвращаясь назадъ по другой сторонѣ можно насчитать въ общей сложности 16 лавокъ, такъ какъ болѣе третьей ихъ части было въ половинномъ владѣніи пополулавкѣ на владѣльца [2]. Пройдемъ еще разъ отъ Фрола Св. къ Рождеству Пречистой по третьему ряду лавокъ по *хлѣбному*. Въ немъ отъ первой церкви до второй 25 лавокъ и 4 лавочныхъ мѣста, въ обратномъ направленіи, если итти назадъ, — 27 лавокъ, 9 лавочныхъ мѣстъ и 2 амбара. Кажется всѣ линіи лавокъ назывались вообще *городскимъ рядомъ*. По крайней мѣрѣ если взять въ путеводительницы сотную, то она приведетъ насъ еще „в переулокъ к Наре в *городцкомъ ряду*“, наполненный тоже лавками и анбарами. На одной его сторонѣ было ихъ 20, на другой 17 лавокъ, 12 анбаровъ и 5 лавочныхъ мѣстъ.

Всѣхъ лавокъ, какъ мы уже замѣтили, съ анбарами и полулавками было 250 съ третью, лавочныхъ мѣстъ 21, сверхъ сего три пустыхъ лавочныхъ мѣста, „про которые“, сказано въ сотной, „городцкіе люди сказали: того они не вѣдают чьи были“. Лавочные

[1] Въ сотной, какъ мы уже замѣтили, постоянно мѣшаются слова городъ и посадъ, городской и посадской, причемъ обыкновенно посадская земля называется городскою.

[2] Въ сотной прямо не обозначено, что эти лавки (17 и 16) составляли „сапожный рядъ“, но такъ какъ послѣ ихъ перечисленія сказано: „От Фролая Святого назади сапожнова ряду въ хлѣбномъ ряду“, а сапожный рядъ не былъ описанъ, то разумѣется, что онѣ и были этимъ рядомъ.

тіуна и кое-кого изъ ратныхъ людей, осадные дворы сосѣднихъ помѣщиковъ и монастырей, съѣзжая изба, или „дьячая" по сотной, клѣти для храненія оружія, для зелейной казны, анбары съ хлѣбомъ — все это не многимъ отличается отъ сплошныхъ деревянныхъ построекъ посада. Съ высокаго городскаго кургана весь посадъ какъ на ладони. Вотъ отъ Св. Фрола къ Рождеству Пречистой тянутся цѣлыя линіи лавокъ, чередуясь мѣстами съ посадскими домами. Послѣднихъ особенно много на пространствѣ между церквами Свв. Фрола, Георгія, Троицы и Иліи Пророка. Спустимся съ кургана внизъ: мы на „вымлѣ", т. е. въ лощинѣ, которая произошла отъ огромной выемки земли, сдѣланной во время отдѣленія кургана отъ Ильинской горы. На лѣво дорога ведетъ къ мосту въ Занарье и по берегу рѣки у подошвы крѣпостнаго холма. Тутъ мало жилья. Близко у угла, образуемаго городомъ къ Нарѣ, изрыта земля, и видѣнъ небольшой пригорокъ: то *убогій домъ*, гдѣ хоронятъ умершихъ странниковъ и разный неизвѣстный горемычный людъ[1]. Отъ него пройдемъ къ Фролу Св. гдѣ начинается „*торгъ*", по нашему рынокъ. У церкви „на городской землѣ" т. е. посадской, стоятъ 23 лавки. На лѣво отъ нея небольшой переулокъ ведетъ къ *Ямскому двору*, самъ дворъ выходитъ на Егорьевскую улицу, которою въѣзжаютъ въ посадъ съ Москвы. Въ переулкѣ — тоже на посадской землѣ съ одной стороны мы видимъ 9 лавокъ и 2 лавочныхъ мѣста, съ другой „на Нашкинскомъ мѣсте на протопопове"[2] 12 лавокъ и одно лавочное мѣсто. Отъ Фрола къ Пречистой тянется *Большой рядъ* и

лѣвой стороны во имя Св. Великомученика Димитрія. Вѣрно тогда разобрали старую церковь и сдѣлали изъ нея придѣлъ. Въ статьѣ „Нѣсколько словъ и преданій о Серпуховѣ" (Моск. Вѣд. 1873 г. № 259) неправильно сказано, что Владиміръ Андреевичъ пристроилъ къ соборной церкви придѣлъ Святому Дмитрію Селунскому. Какъ мы видѣли, до 1696 г. была отдѣльная церковь въ честь этого святаго, а не придѣлъ.

[1] Объ убогомъ домѣ въ сотной не сказано вѣрно потому, что онъ не былъ тяглымъ. Упоминается онъ въ актахъ XVII в. Можно съ достовѣрностью предположить, что онъ былъ уже въ XVI в. такъ какъ посадъ и тогда былъ довольно значителенъ. На мѣстѣ убогаго дома возвышается теперь порядочный курганъ. Къ нему, храня древній обычай, ежегодно въ седьмой четвергъ по Пасхѣ спускается изъ собора духовенство и отправляетъ панихиду. Очень жаль, что курганъ не огороженъ и не содержится въ надлежащей чистотѣ.

[2] Сотная.

не такъ длиненъ въ своей верхней части вдаль отъ Нары, такъ что, гдѣ теперь чуть ли не пропасть, въ 1552 г. тянулись ряды лавокъ отъ Фрола Св. къ Пречистой[1]. Это однако не препятствовало Мѣшалкѣ быть нѣкогда гранью посада со стороны обращенной къ ней: не даромъ и въ сотной сказано: „подъ посадомъ по Мешалке“.

Обозрѣвая торгъ мы остановились въ переулкѣ къ Нарѣ, тоже занятомъ лавками. Отсюда ближе всего можно выйдти къ Спасу[2] и межъ дворовъ пройти къ Фролу Св., занимавшему центральное положеніе на посадѣ. По Фроловской улицѣ отсюда можно пройдти къ всполью, повидимому, на перерѣзъ Егорьевской улицы и также къ Тройцѣ. Если пойдти по первому направленію, на лѣво встрѣтится група домовъ: это „дворы от Рожества Пречистой ко Фроловской улице“ [3]. Пересѣчемъ Егорьевскую улицу. На лѣво на ней, если смотрѣть въ московскую сторону, замѣтно больше движенія: тутъ ямской дворъ съ переулкомъ къ торгу. Далѣе впрочемъ по Фроловской улицѣ не стоитъ идти: впереди поле. Свернемъ лучше направо по Егорьевской улицѣ, „позади Егоря святого“. Мы выйдемъ по ней къ Тройцѣ и къ „Илью Святому“ — вѣрно къ самой древней церкви „Серпохова“. Противъ Ильи Св. цѣлая група дворовъ. Отсюда, если повернуться къ Нарѣ, виденъ мостъ, ведущій въ Занарье. Пойдемъ въ этомъ направленіи. Улица теперь называется уже Ильинскою. На лѣво мы проходимъ мимо *вымли*[4]. Тутъ много дворовъ и по улицѣ и въ переулкахъ.

---

[1] Мы долго, какъ говорится, ломали голову, чтобы уяснить себѣ положеніе торга по сотной. Мѣшалка въ нынѣшнемъ видѣ, раздѣляющая глубокимъ оврагомъ церкви Вознесенія Христова и Никиты мученика — древнія Фрола и Рождества Пречистой — ставила рѣшительно насъ въ тупикъ; съ другой стороны, сопоставляя взаимное положеніе церквей, улицъ, отдѣльныхъ дворовъ и рядовъ съ лавками, выходило, что торгъ былъ именно между церквами Фрола Св. и Рождества Пречистой, которыя при томъ не могли находиться на какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Тогда мы убѣдились, что въ 1552 г. Мѣшалка *не мѣшала* тянуться торгу къ Пречистой, т. е. была гораздо короче нынѣшняго. Согласно съ этимъ въ сотной въ двухъ мѣстахъ говорится про дворы по Мѣшалкѣ, что они были подъ Спасомъ, Спасъ же стоялъ у Нарскаго берега на горѣ, дальше отъ торга, и только про одинъ дворъ сказано, что онъ просто былъ „подъ посадомъ“.

[2] Древнія церкви занимали тѣ же мѣста, что и нынѣшнія.

[3] Сотная.

[4] Мы объясняемъ себѣ это слово „выемкою“. Въ Толк. слов. Даля его нѣтъ.

Если пойти по вымлѣ, мы очутимся въ широкомъ оврагѣ, на днѣ котораго течетъ Серпейка. Тутъ по близости города есть кое-какіе дворы: они *на Подолѣ*, какъ тогда звали эту низкую мѣстность[1]. Мы заглянули туда: довольно. Продолжаемъ путь къ мосту. На лѣво подъемъ на городской курганъ, сильно укрѣпленный, на право — Убогій домъ[2]. Пройдя его, спускаемся къ рѣкѣ. Тутъ опять жилье: „дворы от города вверхъ... по Нарѣ по берегу". Идя мимо нихъ выходимъ къ дворамъ „у Спаса святого под горою", а за ними, поварачивая за уголъ по Мѣшалкѣ, мы видимъ въ оврагѣ тоже нѣсколько избъ. Отсюда, если подняться направо, на гору, мы выйдемъ къ Спасу, гдѣ уже были. Лучше пойдемъ съ Мѣшалки далѣе вверхъ, по Нарѣ, по ея берегу. Здѣсь „под крутою горою", какъ сказано въ сотной, живетъ бѣдный людъ, въ пяти дворахъ проживаютъ гончары[3]. Они же преимущественно населяютъ „*Псаревъ переулокъ*", находящійся по сосѣдству. Конечно при Владимірѣ Андреевичѣ тутъ жили псари, тѣшившіе князя во время его пріѣзда въ Серпуховъ. Но то было давно: теперь ихъ не видать. Поднимемся на гору къ св. Пятницѣ, нынѣ Казанской Божіей Матери. Мы въ „Остромъ" или „Востромъ концѣ". Тутъ всего одна улица. Такъ и называется она просто, улицею „в Востромъ концѣ". По ней можно пройти къ Рождеству Пречистой и къ торгу. Живутъ въ ней и гончары въ 7 дворахъ, но остальные 22 заняты преимущественно торговцами. У церкви Рождества Пречистой недалеко „*Кроткой переулокъ*"[4], съ 10 дворами, изъ коихъ 5 принадлежатъ гончарамъ. Пройдемъ черезъ торгъ опять на Ильинскую улицу, что идетъ со всполья къ Ильѣ Пророку[5], и спустимся по ней мимо Убогаго дома къ Нарѣ. На право мы уже ходили, теперь пойдемъ на лѣво, внизъ по

---

[1] Сотная. Что Подолъ лежалъ по Серпейкѣ видно изъ переписныхъ книгъ по Серпухову 1646 г., гдѣ сказано: „В Подоле на рѣчке на Серпѣйке" (Арх. Мин. Юстиц. книга № 440).

[2] Какъ мы уже замѣтили, мы предполагаемъ, что онъ въ это время уже существовалъ, хотя въ сотной о немъ не говорится, равнымъ образомъ какъ ни разу не упомянуто о Серпейкѣ.

[3] Теперь это мѣсто называется „Гончарами".

[4] Короткій, не длинный.

[5] „Ильинскою улицею ко всполю" дворы въ сотной.

рѣкѣ у курганной осыпи. Теперь тутъ идетъ Тульская улица, въ старину была просто *Большая дорога* на югъ, на Тулу, по направленію къ часовнѣ Высоцкаго монастыря и далѣе къ перевозу чрезъ Оку. Шла она за городомъ-крѣпостью, если проѣхать курганъ, лугомъ: тогда на здѣшнемъ поемномъ берегу Нары не было никакого жилья, за то скаты къ рѣкѣ съ лѣвой стороны вплоть до „Сельца" были порядочно заселены. Если завернуть на лѣво за уголъ кургана, предъ нами, среди зелени, въ живописной простотѣ дворы Подола по Серпейкѣ. Отъ нихъ поднимемся на право, на высокій ея берегъ, къ церкви Воскресенія Христова. Тутъ не такъ много дворовъ: видно не совсѣмъ удобно жить на на высокомъ крутомъ холмѣ, гораздо больше ихъ виднѣется „за врагомъ к Офонасю святому" [1], а еще больше у слѣдующей церкви Св. Николая Чудотворца, къ которой ведетъ Никольская улица[2]. Въ эту церковь ходятъ молиться изъ Ключничей слободки, расположенной ниже. Неподалеку еще церковь—Рождества Христова[3], къ которой прихожанами приписаны жители Подола. Въ этомъ же приходѣ дворы бывшихъ оброчныхъ бобровниковъ. Близъ самой церкви *Пищальная слобода* съ своею улицею, давно уже включенная въ посадъ. За церковью Рождества Христова разсѣяны дворы по направленію къ „Сельцу", принадлежавшему Высоцкому монастырю. Отправимся туда. „Меж Болшово врага", который въ XVII в. назывался Нечистымъ[4], въ одномъ дворѣ живутъ сокольники. Прежде тутъ была цѣлая *Сокольничья слобода*[5]. Есть и другіе дворы, смежные уже съ дворами Сельца, населены они преимущественно казаками[6]. Тутъ же по сосѣдству „*Мосолов*

---

[1] Этотъ оврагъ назывался Воскресенскимъ (Сотная). Теперь онъ отчасти засыпанъ.

[2] Теперь Калужская улица.

[3] Нынѣ также Распятія.

[4] Въ переписныхъ Серпух. книгахъ 1646 г. говорится о дворахъ: „Подле Мироносицкаго селца от Нечистого вершка". Нечистый врагъ отчасти теперь засыпанъ, находится въ Кишкинскомъ переулкѣ, который выходитъ къ зданію присутственныхъ мѣстъ. Два развѣтвленія его въ верхней части образуютъ урочище „Островокъ", позднѣйшаго происхожденія.

[5] Въ спискѣ съ Серпух. земляи. кн. 1620 г. л. 3 рукописи мы читаемъ: „отъ дворовыхъ мѣстъ, что была Соколничья слобода, вверху по Нечистому врагу".

[6] Въ томъ же спискѣ они названы бѣломѣстными, причемъ упоминается также о пушкарскихъ дворовыхъ мѣстахъ за Нечистымъ врагомъ и о „пушкарской и бѣломѣстныхъ казаковъ земли" (л. 2 и 3).

Если пойти по вымлѣ, мы очутимся въ широкомъ оврагѣ, на днѣ котораго течетъ Серпейка. Тутъ по близости города есть кое-какіе дворы: они *на Подолѣ*, какъ тогда звали эту низкую мѣстность[1]. Мы заглянули туда: довольно. Продолжаемъ путь къ мосту. На лѣво подъемъ на городской курганъ, сильно укрѣпленный, на право — Убогій домъ[2]. Пройдя его, спускаемся къ рѣкѣ. Тутъ опять жилье: „дворы от города вверхъ... по Нарѣ по берегу". Идя мимо нихъ выходимъ къ дворамъ „у Спаса святого под горою", а за ними, поварачивая за уголъ по Мѣшалкѣ, мы видимъ въ оврагѣ тоже нѣсколько избъ. Отсюда, если подняться направо, на гору, мы выйдемъ къ Спасу, гдѣ уже были. Лучше пойдемъ съ Мѣшалки далѣе вверхъ, по Нарѣ, по ея берегу. Здѣсь „под крутою горою", какъ сказано въ сотной, живетъ бѣдный людъ, въ пяти дворахъ проживаютъ гончары[3]. Они же преимущественно населяютъ *„Псаревъ переулокъ"*, находящійся по сосѣдству. Конечно при Владимірѣ Андреевичѣ тутъ жили псари, тѣшившіе князя во время его пріѣзда въ Серпуховъ. Но то было давно: теперь ихъ не видать. Поднимемся на гору къ св. Пятницѣ, нынѣ Казанской Божіей Матери. Мы въ „Остромъ" или „Востромъ концѣ". Тутъ всего одна улица. Такъ и называется она просто, улицею „в Востромъ концѣ". По ней можно пройти къ Рождеству Пречистой и къ торгу. Живутъ въ ней и гончары въ 7 дворахъ, но остальные 22 заняты преимущественно торговцами. У церкви Рождества Пречистой недалеко *„Кроткой переулокъ"* [4], съ 10 дворами, изъ коихъ 5 принадлежатъ гончарамъ. Пройдемъ чрезъ торгъ опять на Ильинскую улицу, что идетъ со всполья къ Ильѣ Пророку[5], и спустимся по ней мимо Убогаго дома къ Нарѣ. На право мы уже ходили, теперь пойдемъ на лѣво, внизъ по

---

[1] Сотная. Что Подолъ лежалъ по Серпейкѣ видно изъ переписныхъ книгъ по Серпухову 1646 г., гдѣ сказано: „В Подоле на рѣчке на Серпѣйке" (Арх. Мин. Юстиц. книга № 440).

[2] Какъ мы уже замѣтили, мы предполагаемъ, что онъ въ это время уже существовалъ, хотя въ сотной о немъ не говорится, равнымъ образомъ какъ ни разу не упомянуто о Серпейкѣ.

[3] Теперь это мѣсто называется „Гончарами".

[4] Короткій, не длинный.

[5] „Илинскою улицею ко вспολю" дворы въ сотной.

сти Занарья[1]. По направленію въ поле отъ Козьмы и Демьяна видны только одни запустѣлыя мѣста бывшей тутъ прежде Козьмодемьянской слободки. По Козьмодемьянскому переулку отправимся въ Богоявленскій конецъ, лежащій насупротивъ Остраго конца. На пути къ церкви Богоявленія встрѣчаемъ слободку „что было за татарами". Со всполья къ храму ведетъ *Богоявленская улица*. Въ ней и „внизъ по Наре" въ 11 дворахъ живутъ кожевники среди другихъ посадскихъ людей. У Нары по берегу внизъ до самаго моста все дворы. Отъ церкви Покрова туда же выходитъ *Покровскій переулокъ*. Зато за мостомъ въ Занарьѣ по берегу нѣтъ жилья: тутъ одинъ изъ городскихъ выгоновъ[2].

Мы обошли теперь весь посадъ съ приписанными къ нему слободами. Для дополненія общей картины, не упустимъ изъ виду, что при каждой изъ тогдашнихъ церквей хоронили умершихъ.

Всего по сотной было на посадѣ, какъ мы видѣли, 623 двора со включеніемъ слободскихъ, „людей въ нихъ", т. е. взрослаго мужскаго населенія, 796 человѣкъ. Если прибавить число женщинъ и взять въ разсчетъ дѣтей, то получится никакъ не менѣе 2000 человѣкъ, не считая въ томъ числѣ духовенства и жившихъ на церковныхъ земляхъ. Пустыхъ дворовъ на посадѣ было 21 — число весьма незначительное, за то порядочно было пустыхъ дворовыхъ мѣстъ, именно 122. Земли у города (т. е. у посада) у всѣхъ городскихъ (т. е. посадскихъ) людей было, считая съ слободами, „по обѣ стороны реки Нары" — 1033 четверти, „сѣна 3115 копенъ". Сошной пашни было „девет сох без получетверти сохи".

До 1553 г. городскіе, т. е. посадскіе, люди, какъ сказано въ сотной, „давали великому князю" оброку „по старому з земли за дань" 80 пудовъ меду, „оброчники, да Ивановская слобода, да Ключнича, да бобровники, да Кузмодемянская слобода давалі великому князю за дань и за посошной кормъ" — $34\frac{1}{2}$ пуда меду. Одна Конюшенная слобода давала деньгами „по двадцаті алтынъ". Изъ сопоставленія количества оброка видно, что безъ Конюшен-

---

[1] Тамъ, гдѣ теперь Козмодемьянская улица. По направленію внизъ къ Нарѣ не могли бы помѣститься многочисленные дворы переулка. Въ древности отъ Козьмы и Демьяна выходила въ поле Козмодемьянская слободка. Не по отношенію ли къ ней названъ переулокъ?

[2] Въ строельныхъ книгахъ 1649 г. онъ названъ „старымъ".

кой слободы остальныя вновь приписанныя въ 1552 г. къ посаду поселенія (оброчники и слободы) платили оброку нѣсколько болѣе ⅔ того количества, которое платилъ самъ посадъ. Послѣдній такимъ образомъ значительно увеличился со времени ихъ приписки.

Церкви посада въ сотной на равнѣ съ дворами названы *тяглыми*[1]. Всѣхъ ихъ съ придѣлами показано 20. Вычтя 14 бывшихъ церквей, получимъ однихъ придѣловъ только 6 — число довольно незначительное: бóльшая часть храмовъ, какъ оказывается, не имѣла придѣловъ, а была съ однимъ престоломъ. „Поповнихъ дворовъ“ у церквей было 26, въ 27-мъ жила „попадья“, дьяконскихъ дворовъ было только 3[2], такъ что въ церквахъ почти повсюду были одни священники. Духовныя лица — священники и дьяконы владѣли въ достаточномъ количествѣ и пашнями и лугами. Пашни было у нихъ „175 четвертей в одномъ поле, а в дву потомужъ“, сѣна ставилось 280 копенъ. На церковныхъ земляхъ было 42 крестьянскихъ двора безъ пашни, столько же было въ нихъ людей, т. е. взрослыхъ мущинъ. Сверхъ сего одинъ дворъ стоялъ пустымъ, пустыми же были два дворовыхъ мѣста „опричѣ кѣлей“. На земляхъ двухъ церквей: Фрола Св. и Рождества Пречистой, какъ мы видѣли, были лавки, составлявшія доходную статью: такъ у первой церкви на ея мѣстѣ было 3 лавки, у второй — 5 лавокъ, принадлежавшихъ попу Власу, который отдавалъ ихъ въ аренду. Ему же принадлежалъ еще амбаръ въ Большомъ ряду. Другой пречистенскій попъ Никита, протопоповъ сынъ, имѣлъ свою лавку на торгу.

Общее названіе жителей посада было *„люди черные“*. Они раздѣлялись на: *„середнихъ“*, *„молодыхъ“* и *просто причисленныхъ въ тягло* (*„дворы тяглые“*) и, повидимому, причислявшихся тоже къ молодымъ[3].

Люди *„черные молодые“* жили въ *дворахъ*: 1) *„отъ города* вверхъ по Нарѣ“ — 7 дворовъ, 2) *„подъ Спасомъ по Мешалке“* — 10 дворовъ, 3) весь Острый *конецъ былъ занимаемъ ими, въ коли-*

---

[1] „На посадех церкви тяглые“.

[2] Сверхъ сего *одинъ дворъ стоялъ пустымъ*.

[3] Въ другихъ городахъ *былъ еще видный начальный, именно разрядъ — лучшихъ людей*.

чествѣ 53 дворовъ [1], 4) у Рождества Пречистой, отъ нея во Фроловской улицѣ и вообще въ старомъ посадѣ въ перемежку съ людьми середними, въ 63 дворахъ. Всего они жили приблизительно въ 133 дворахъ, не считая просто приписанныхъ въ тягло.

„*Люди черные середние*“ жили: 1) въ старомъ посадѣ въ разныхъ мѣстахъ въ 24 дворахъ, 2) „подъ посадомъ по Мешалке“— въ 1 дворѣ, 3) въ Востромъ концѣ въ 6 дворахъ, 4) „отъ Рождества Пречистой“ въ Кроткомъ переулкѣ — въ 2 дворахъ. 5) „Противъ Ніколы чюдотворца межъ дворовъ Ключничей слободки“ въ 6 дворахъ, 6) у церкви Аѳанасія св. въ Рождественскомъ приходѣ и у Сельца, всего въ 11 дворахъ, 7) за Нарою въ Богоявленскомъ концѣ, въ переулкахъ Покровскомъ и Кузьмодемьянскомъ и у церкви Николы Будки, среди другихъ тяглецовъ, въ числѣ 27 дворовъ. Оброчники, приписанные въ 1552 г. къ посаду, въ числѣ 32 дворовъ, названы въ сотной „людьми середними“. Всего люди середніе жили приблизительно въ 109 дворахъ [2]. Если сопоставить съ общимъ числомъ дворовъ на посадѣ, выйдетъ на 623 двора: дворовъ людей черныхъ середнихъ 109, черныхъ молодыхъ 133; остальные 381 приходятся на долю просто тяглыхъ, по всей вѣроятности изъ разряда молодыхъ. Тогда послѣднихъ выйдетъ 514 дворовъ.

Сотная считаетъ настоящихъ „городцкихъ людей“, т. е. посадскихъ [3] — черныхъ, тянувшихъ тягло, людьми „*торговыми* и *мастеровыми*“ [4]: указаніе чрезвычайно важное, сразу характеризующее посадскихъ, какъ мирный классъ населенія, занимавшійся торговлею и ремеслами. Къ сожалѣнію, въ сотной не при всякомъ дворѣ обозначено занятіе его владѣльца. Повидимому подчиненные Фуникову писцы были не одинаково точны и исполнительны при переписи, или, быть можетъ, иногда было затруднительно

[1] Тамъ жилъ, какъ мы видѣли, болѣе бѣдный людъ, напр. гончары.

[2] Въ началѣ рукописи сотной повреждены временемъ описанія нѣсколькихъ дворовъ.

[3] Какъ мы уже неоднократно замѣчали, въ сотной обыкновенно слова: городъ и городской замѣняютъ слова: посадъ и посадскій.

[4] Видно изъ слѣдующаго мѣста: „А городцкимъ людем торговымъ и мастеровымъ въ тѣхъ (церковныхъ) дворехъ на церковныхъ мѣстех не жити, а которые городцкіе люди торговые и мастеровые учнут въ тѣх дворех жити, и серпуховскому сотцкому і всѣмъ городцкимъ людем тѣх людей из тѣх дворовъ выводити да сажати в свои в старые дворы в тяглые“.

ной слободы остальныя вновь приписанныя въ 1552 г. къ посаду поселенія (оброчники и слободы) платили оброку нѣсколько болѣе ⅔ того количества, которое платилъ самъ посадъ. Послѣдній такимъ образомъ значительно увеличился со времени ихъ приписки.

Церкви посада въ сотной на равнѣ съ дворами названы *тяглыми*[1]. Всѣхъ ихъ съ придѣлами показано 20. Вычтя 14 бывшихъ церквей, получимъ однихъ придѣловъ только 6 — число довольно незначительное: бóльшая часть храмовъ, какъ оказывается, не имѣла придѣловъ, а была съ однимъ престоломъ. „Поповнихъ дворовъ" у церквей было 26, въ 27-мъ жила „попадя", дьяконскихъ дворовъ было только 3[2], такъ что въ церквахъ почти повсюду были одни священники. Духовныя лица — священники и дьяконы владѣли въ достаточномъ количествѣ и пашнями и лугами. Пашни было у нихъ „175 четвертей в одномъ поле, а в дву потомуж", сѣна ставилось 280 копенъ. На церковныхъ земляхъ было 42 крестьянскихъ двора безъ пашни, столько же было въ нихъ людей, т. е. взрослыхъ мущинъ. Сверхъ сего одинъ дворъ стоялъ пустымъ, пустыми же были два дворовыхъ мѣста „опрочѣ кѣлей". На земляхъ двухъ церквей: Фрола Св. и Рождества Пречистой, какъ мы видѣли, были лавки, составлявшія доходную статью: такъ у первой церкви на ея мѣстѣ было 3 лавки, у второй — 5 лавокъ, принадлежавшихъ попу Власу, который отдавалъ ихъ въ аренду. Ему же принадлежалъ еще амбаръ въ Большомъ ряду. Другой пречистенскій попъ Никита, протопоповъ сынъ, имѣлъ свою лавку на торгу.

Общее названіе жителей посада было „*люди черные*". Они раздѣлялись на: „*середнихъ*", „*молодыхъ*" и *просто приписанныхъ въ тягло* („*дворы тяглыеж*") и, повидимому, причислявшихся тоже къ молодымъ[3].

Люди „*черные молодые*" жили въ дворахъ: 1) „отъ города вверхъ по Нарѣ" — 7 дворовъ, 2) „подъ Спасомъ по Мешалке"— 10 дворовъ, 3) весь Острый конецъ былъ заселенъ ими, въ коли-

---

[1] „На посадеж церкви тяглые".

[2] Сверхъ сего одинъ дворъ стоялъ пустымъ.

[3] Въ другихъ городахъ былъ еще болѣе почетный, высшій разрядъ — *лучшихъ людей*.

ствѣ 53 дворовъ[1], 4) у Рождества Пречистой, отъ нея во Фро-ловской улицѣ и вообще въ старомъ посадѣ въ перемежку съ людьми середними, въ 63 дворахъ. Всего они жили приблизительно въ 133 дворахъ, не считая просто приписанныхъ въ тягло.

„*Люди черные середние*“ жили: 1) въ старомъ посадѣ въ разныхъ мѣстахъ въ 24 дворахъ, 2) „подъ посадомъ по Мешалке“— въ 1 дворѣ, 3) въ Востромъ концѣ въ 6 дворахъ, 4) „отъ Рождества Пречистой“ въ Кроткомъ переулкѣ — въ 2 дворахъ. 5) „Противъ Ніколы чюдотворца межъ дворовъ Ключничей слободки“ въ 6 дворахъ, 6) у церкви Аѳанасія св. въ Рождественскомъ приходѣ и у Сельца, всего въ 11 дворахъ, 7) за Нарою въ Богоявленскомъ концѣ, въ переулкахъ Покровскомъ и Кузьмодемьянскомъ и у церкви Николы Будки, среди другихъ тяглецовъ, въ числѣ 27 дворовъ. Оброчники, приписанные въ 1552 г. къ посаду, въ числѣ 32 дворовъ, названы въ сотной „людьми середними“. Всего люди середніе жили приблизительно въ 109 дворахъ[2]. Если сопоставить съ общимъ числомъ дворовъ на посадѣ, выйдетъ на 623 двора: дворовъ людей черныхъ середнихъ 109, черныхъ молодыхъ 133; остальные 381 приходятся на долю просто тяглыхъ, по всей вѣроятности изъ разряда молодыхъ. Тогда послѣднихъ выйдетъ 514 дворовъ.

Сотная считаетъ настоящихъ „городцкихъ людей“, т. е. посадскихъ[3] — черныхъ, тянувшихъ тягло, людьми „*торговыми* и *мастеровыми*“[4]: указаніе чрезвычайно важное, сразу характеризующее посадскихъ, какъ мирный классъ населенія, занимавшійся торговлею и ремеслами. Къ сожалѣнію, въ сотной не при всякомъ дворѣ обозначено занятіе его владѣльца. Повидимому подчиненные Фуникову писцы были не одинаково точны и исполнительны при переписи, или, быть можетъ, иногда было затруднительно

---

[1] Тамъ жилъ, какъ мы видѣли, болѣе бѣдный людъ, напр. гончары.

[2] Въ началѣ рукописи сотной повреждены временемъ описанія нѣсколькихъ дворовъ.

[3] Какъ мы уже неоднократно замѣчали, въ сотной обыкновенно слова: городъ и городской замѣняютъ слова: посадъ и посадскій.

[4] Видно изъ слѣдующаго мѣста: „А городцкимъ людем торговымъ и мастеровымъ въ тѣхъ (церковныхъ) дворехъ на церковныхъ мѣстех не жити, а которые городцкіе люди торговые и мастеровые учнут въ тѣх дворех житі, и серпуховскому сотцкому і всѣмъ городцкимъ людем тѣх людей ис тѣх дворовъ выводити да сажати в свои в старые дворы в тяглые“.

опредѣлить родъ занятій? Послѣдній непремѣнно долженъ былъ быть у каждаго посадскаго человѣка — „торговаго“, или „мастероваго“.

Конечно часть населенія, жившаго на посадѣ, принадлежала къ военному сословію. Особенно къ нему принадлежали поселенцы окраинъ, напр. Пищальниковой слободы и другихъ мѣстъ. Полагаемъ подъ казаками, которыхъ было 81 человѣкъ, слѣдуетъ разумѣть воиновъ, а не вольныхъ рабочихъ [1]. Къ городовымъ людямъ, т. е. обязаннымъ службою въ городѣ-крѣпости, надо отнести также „зеленого мастера“ [2] и часть кузнецовъ, изъ числа 63, именно такъ называемые впослѣдствіе „казенные кузнецы“ [3].

Остальные затѣмъ жители занимались торговлею и промыслами [4]. Прямо торговыми людьми, безъ означенія самаго предмета торговли, названо въ сотной 45 человѣкъ, у другихъ занятія обозначены, такъ было:

	Человѣкъ.		Человѣкъ.
Мясниковъ.	19	Пивоваровъ.	1
Хлѣбниковъ	17	Кисельниковъ.	1
Калачниковъ.	8	Огородниковъ	1
Ситниковъ	4	Кожевниковъ	36
Масляниковъ.	3	Гончаровъ.	29
Пирожниковъ	2	Сапожныхъ мастеровъ. . .	25
Солодениковъ	2	Сапожниковъ.	23
Калачница	1	Извощиковъ	15
Хлѣбница	1	Овчинниковъ.	8
Хмельниковъ.	1	Плотниковъ	8
Соляниковъ	1	Портныхъ мастеровъ . . .	8
Рыбниковъ.	1	„Камен тешотъ“	5

---

[1] Еще въ 1630-годахъ, когда Серпуховъ сталъ утрачивать свое стратегическое значеніе опорнаго пункта, въ немъ встрѣчается 10 бѣломѣстныхъ казаковъ, получавшихъ царское жалованье (Арх. Мин. Юст. дѣла разныхъ городовъ. Серпуховъ книга 8).

[2] Безъ сомнѣнія „зеленыхъ мастеровъ“ было не одинъ, какъ должны были быть также и „ямчужные“ (селитряные) мастера, упоминаемые въ актахъ XVII в.

[3] Между прочимъ ими приготовлялись ядра для пушекъ. С. Соловьевъ VII, 22

[4] Хотя въ случаѣ опасности вѣроятно обязаны были становиться воинами, подобно тому, какъ таковыми они дѣлались въ XVII в. что несомнѣнно изъ актовъ этого времени (Ар. Мин. Юст. Серпуховъ, книга 8).

при своихъ дворахъ, либо отчасти покупали у сосѣднихъ крестьянъ въ базарные дни.

Часть посадскихъ занималась сельскими работами, такъ какъ у посада, какъ мы видѣли, были значительные луга и пашни. По деревенскому обычаю, на пастбища вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ гонялись и лошади, для которыхъ имѣлся особый „пастухъ коневской“.

Для болѣе вѣрнаго представленія себѣ тогдашняго рынка—торга, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что врядъ ли сотная обозначила вполнѣ точно тѣ предметы, которыми торговали тамъ въ лавкахъ. Такъ по ней выходитъ, что солениковъ и рыбниковъ было всего по одному, чего на самомъ дѣлѣ никакъ не могло быть. По аналогіи съ описаніемъ промысловъ и торговли посада въ актахъ слѣдующаго столѣтія, можемъ съ увѣренностью сказать, что въ сотной остается много недосказаннаго, такъ, напр. мясникъ не могъ торговать только однимъ мясомъ [1], „животиною“, какъ тогда говорили. Если бы мы вошли въ его лавку, мы увидѣли бы въ ней кое-какіе и другіе товары, какъ то: рыбу, соль, муку или медъ— главные предметы въ каждомъ хозяйствѣ. Точно также врядъ ли извощики не занимались какою-либо, хотя бы и незначительною торговлею [2].

Сотная не даетъ никакихъ указаній, была ли какая нибудь отпускная торговля въ Серпуховѣ. Она слишкомъ неопредѣленно говоритъ „о торговыхъ людяхъ“, мало интересуясь, чѣмъ и какъ они торговали. Слѣдуетъ остановиться на вѣроятномъ предложеніи, что отпускная торговля была, причемъ торговали тѣми-же предметами, что и въ XVII столѣтіи, т. е. медомъ, воскомъ, пенькою и отчасти скотомъ и хлѣбомъ (на судахъ по Окѣ) [3].

Съ 1552 г. когда князь Фуниковъ производилъ перепись, древній посадъ со всѣми къ нему приписанными оброчниками и жителями слободъ долженъ былъ „тягло тянути всякую содно“ какъ на-

[1] Вообще торговля какимъ-нибудь исключительно однимъ предметомъ является только въ большихъ городахъ и при значительномъ развитіи гражданственности.

[2] Въ XVII ст. они ею занимались, другіе „держали харчи“ т. е. содержали постоялые дворы (Строельн. книги по Серпухову 1649 г.)

[3] Въ первой жалованной грамотѣ 1514 г. Серпуховскому троицкому протопопу говорится о привозѣ въ городъ жита на судахъ.

другой же названъ земскимъ. Подъячіе тоже были, такъ какъ про одинъ дворъ въ сотной сказано, что онъ подъячего. Изъ холоповъ встрѣчается всего одинъ. Особо названы „старцами" двое.

Приходившіе на поселеніе на посадъ назывались „приходцами". Про двоихъ не сказано, кто они были. Изъ остальныхъ приходцевъ двое было Тулянъ и по одному изъ городовъ: Рязани, Алексина, Переяславля, Тѣшилова, Медыни, Коломны и Калуги.

Изъ торговцевъ, какъ видно изъ сдѣланной нами росписи, болѣе всего было на посадѣ торговавшихъ хлѣбомъ въ разныхъ видахъ, въ томъ числѣ ситнымъ и калачами [1], именно 30 человѣкъ, потомъ идутъ мясники въ число 19. Изъ ремесленниковъ же на первомъ мѣстѣ стоятъ сапожные мастера и сапожники — 48 человѣкъ; къ этой же категоріи слѣдуетъ отчасти отнести кожевниковъ — 36, которые очевидно поставляли для нихъ товаръ. Послѣ кожевниковъ идутъ гончары, числомъ 29. Изъ занимавшихся другими занятіями болѣе всего было извощиковъ, возившихъ конечно товаръ, именно 15 человѣкъ. Замѣчательно, что портныхъ мастеровъ было сравнительно очень мало, всего 8 человѣкъ, — ясное указаніе, что одежды шились преимущественно дома. Напротивъ обувь (мужская) приготовлялась болѣе мастерами, которые сидѣли даже на торгу въ особомъ „сапожномъ ряду", какъ мы уже знаемъ изъ описанія древняго рынка. Хотя по одному или по два, все таки на посадѣ можно было встрѣтить всякихъ торговцевъ и мастеровъ: и жерновника, и веретенника, и вощечника, и гусельниковъ, и пивовара, и бочарниковъ, и рукавичниковъ, и гвоздочника, и лучника, и колесника, и сѣдельниковъ, и чеботнаго мастера, и шаровнаго мастера, и поневниковъ, и полстоваловъ, и серебряныхъ мастеровъ. Были также свои плотники и каменьщики, послѣдніе почти всѣ въ Ивановской слободѣ. Огородникъ обозначенъ одинъ, конечно въ смыслѣ продавца разсады и огородныхъ сѣмянъ, какъ о томъ упоминается въ актахъ XVII в. Повидимому овощи разводили всѣ

---

[1] Очень вѣроятно, что вмѣстѣ съ калачами продавали на торгу и сбитень; по крайней мѣрѣ въ переписныхъ книгахъ по Серпухову 1646 г. встрѣчаются на посадѣ нѣсколько дворовъ, носившихъ фамиліи „Збитневыхъ". Очевидно либо они сами, либо ихъ предки были сбитниками. (Заключаемъ по аналогіи съ исторіею другихъ

„Оброкъ з земли за дань" по сотной Серпуховичи посадскіе люди должны были давать по прежнему медомъ, но только теперь и Конюшенная слобода должна была платить имъ же, вмѣстѣ съ другими оброчниками. Всего по новой росписи оброку было положено въ годъ „сто дватцать одинъ пудъ с полупудомъ". Принимать его слѣдовало царскому „ключнику". „А наддалі передъ старымъ оброком, читаемъ въ сотной, пят пуд меду". „А дворецкому пошлины" должно было сходить „и ключничей и записчего с пуда по пяті денегъ". Первый разъ оброкъ съ надбавкою надобно было дать „на Рожество Христово лѣта ҂ѯ шестьдесятъ перваго" [1].

Во времена Функова Серпуховъ управлялся еще повидимому по старому намѣстниками и тіунами, т. е. не получилъ еще самоуправленія, даннаго Грознымъ многимъ городамъ. По крайней мѣрѣ въ упомянутой уже жалованной грамотѣ 1556 г. игумену съ братіею Владычняго монастыря говорится: „А намѣстницы мои Серпуховскіе и тіуни (значитъ они были) и праведчики и пятенщики и томожники у монастырскихъ людей и у крестьянъ лошади пятнають, а от пятна у нихъ не емлютъ ничего". Однакожъ, какъ и вездѣ, посадъ имѣлъ своихъ выборныхъ властей, избиравшихся міромъ. Они должны были отвѣчать за исправность посадскихъ относительно отбыванія тягла. Въ главѣ этихъ властей стоялъ „сотцкій", затѣмъ „старосты", числомъ пять [2]. Были и десятскіе, занимавшіе низшее положеніе. Письменною частію выборнаго управленія конечно завѣдывалъ „земскій дьякъ", упоминаемый въ сотной.

Народонаселеніе посада, какъ одного изъ срединныхъ русскихъ городовъ, конечно было кореннымъ русскимъ. Увеличивалось оно безъ сомнѣнія отчасти благодаря „приходцамъ" изъ окрестныхъ мѣстъ. Изъ чужаго народа если и былъ кто, то изъ татаръ, которые раньше сотной, какъ мы видѣли, жили даже отдѣльно слободою подъ самымъ посадомъ; можетъ быть на посадѣ былъ одинъ другой выходецъ изъ Литвы, либо полонянникъ. Но ихъ

---

[1] Т. е. 1553 г.

[2] Въ 1553 г. сотскимъ былъ „Никифорикъ Гавриловъ", жившій за Нарою на Богоявленской улицѣ, старостами — „Гаврилко Васильевъ, Лазарикъ да Микитка Кирпишникъ, Кирилка да Иванка Истомины дѣти Гайтурова". Послѣдніе двое были мельниками.

трудно отыскать въ массѣ чисто русскаго населенія, въ которомъ они потонули, какъ въ морѣ.

Вчитываясь внимательно въ сотную, легко замѣтить, что не всѣ посадскіе названы одинаковымъ образомъ: у однихъ прописано имя, отчество и фамилія, извѣстная въ старину подъ именемъ прозвища, другіе имѣютъ только имя и отчество, не мало наконецъ и такихъ, которые обозначены однимъ именемъ: то были люди самые незначительные, либо приходцы. Послѣднихъ просто звали по мѣсту, откуда кто пришелъ, напр. Калуженинъ, Рязанецъ, Тѣшиловецъ и т. п. Въ приложеніяхъ[1] любознательный читатель найдетъ въ алфавитномъ порядкѣ перечень именъ и прозвищъ почти всѣхъ жителей посада, съ обозначеніемъ, кто гдѣ жилъ, чѣмъ занимался, и что у кого было, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя можно было извлечь изъ сотной. Ограничимся здѣсь лишь слѣдующими замѣчаніями:

Преобладающими именами и прозвищами были Иваны и Ивановы, причемъ не мало встрѣчается и другихъ именъ, болѣе или менѣе употребительныхъ и теперь. Но замѣчательно, что нѣкоторыя весьма распространенныя въ настоящее время имена либо совсѣмъ не встрѣчаются въ сотной, либо попадаются въ крайнѣ ограниченномъ числѣ, таковы: Александръ, Николай, Сергѣй. Особенно странно совершенное отсутствіе имени Николая: имъ не названъ ни одинъ изъ почти 800 посадскихъ! А между тѣмъ Николай чудотворецъ особенно чествовался въ старину какъ вездѣ на Руси, такъ и въ Серпуховѣ, гдѣ въ честь его, какъ мы видѣли, были сооружены два храма, оба ранѣе временъ сотной. Если и допустить вѣроятное предположеніе, что имена Иванъ и другія, встрѣчающіяся особенно часто, прикрывали настоящее имя, данное при крещеніи, для того, чтобы предохранить носившее его лицо отъ порчи и сглазу, все-же остается весьма страннымъ фактомъ, что именемъ Николая не было въ Серпуховѣ охотниковъ прикрывать свое настоящее имя. Очевидно къ прозвищамъ, или къ кличкамъ, относятся имена вымышленныя, взятыя не изъ святцевъ, которыя имѣли многіе изъ посадскихъ помимо имени, даннаго при крещеніи. Такъ въ сотной встрѣчаются имена:

---

[1] Въ первомъ отдѣлѣ.

„Оброкъ з земли за дань“ по сотной Серпуховичи посадскіе люди должны были давать по прежнему медомъ, но только теперь и Конюшенная слобода должна была платить имъ же, вмѣстѣ съ другими оброчниками. Всего по новой росписи оброку было положено въ годъ „сто дватцать одинъ пудъ с полупудомъ“. Принимать его слѣдовало царскому „ключнику“. „А наддалі передъ старымъ оброком, читаемъ въ сотной, пят пуд меду“. „А дворецкому пошлины“ должно было сходить „и ключничей и писчего с пуда по пяті денегъ“. Первый разъ оброкъ съ надбавкою надобно было дать „на Рожество Христово лѣта ,з҃шестьдесятъ перваго“ [1].

Во времена Фуникова Серпуховъ управлялся еще повидимому по старому намѣстниками и тіунами, т. е. не получилъ еще самоуправленія, даннаго Грознымъ многимъ городамъ. По крайней мѣрѣ въ упомянутой уже жалованной грамотѣ 1556 г. игумену съ братіею Владычняго монастыря говорится: „А намѣстницы мои Серпуховскіе и тіуни (значитъ они были) и праведчики и пятенщики и томожники у монастырскихъ людей и у крестьянъ лошади пятнаютъ, а от пятна у нихъ не емлютъ ничего“. Однакожъ, какъ и вездѣ, посадъ имѣлъ своихъ выборныхъ властей, избиравшихся міромъ. Они должны были отвѣчать за исправность посадскихъ относительно отбыванія тягла. Въ главѣ этихъ властей стоялъ „сотцкій“, затѣмъ „старосты“, числомъ пять [2]. Были и десятскіе, занимавшіе низшее положеніе. Письменною частію выборнаго управленія конечно завѣдывалъ „земскій дьякъ“, упоминаемый въ сотной.

Народонаселеніе посада, какъ одного изъ срединныхъ русскихъ городовъ, конечно было кореннымъ русскимъ. Увеличивалось оно безъ сомнѣнія отчасти благодаря „приходцамъ“ изъ окрестныхъ мѣстъ. Изъ чужаго народа если и былъ кто, то изъ татаръ, которые раньше сотной, какъ мы видѣли, жили даже отдѣльною слободою подъ самымъ посадомъ; можетъ быть на посадѣ былъ одинъ другой выходецъ изъ Литвы, либо полонянникъ. Но ихъ

---

[1] Т. е. 1553 г.

[2] Въ 1552 г. сотскимъ былъ „Никифорикъ Гавриловъ“, жившій за Нарою на Богоявленской улицѣ, старостами — „Гаврилко Василевъ, Лазарикъ да Микитка Киршины, Кирилка да Иванка Истомины дѣти Гайтурова“. Послѣдніе двое были мельниками.

итя и др. Попадаются имена и въ полной формѣ, напр. Троинъ, Никонъ, Сугоняй и др. Въ переписныхъ книгахъ XVII в. мы встрѣчаемъ уже почти одну уничижительную форму.

Повидимому болѣе богатыми фамиліями въ эпоху Грознаго были: Арнѣевы, Захаренковы, Гайтуровы — мельники, бывшіе старостами, Офрѣмовы (прозывались по отчеству), изъ коихъ Филатъ имѣлъ 3 лавки и 2 амбара, Карповы (тоже по отчеству), изъ нихъ одинъ былъ „головою" и имѣлъ 3 лавки, и Щербинины.

Вообще въ сотной встрѣчаются слѣдующія настоящія фамиліи, помимо прозвищъ по отчеству:

1. Арнѣевы.
2. Берендѣевъ.
3. Бритиковъ.
4. Врысинъ.
5. Брюховъ.
6. Вунаковъ.
7. Вдойчиковъ.
8. Власовъ.
9. Вороновъ.
10. Воронинъ.
11. Гайтуровы.
12. Глядовъ.
13. Гвоздевъ.
14. Голышовъ.
15. Давыдовы.
16. Деревякинъ.
17. Долгой.
18. Дрыкуновъ.
19. Дудинъ.
20. Дубининъ.
21. Еропкины.
22. Замочниковъ.
23. Запорожнинъ.
24. Захаренковы.
25. Заинины, Зѣ-
26. Змеевъ.
27. Зубаревъ.
28. Зубовъ.
29. Зуболевъ.
30. Зунинъ.
31. Ишуринъ.
32. Капунинъ.
33. Карево.
34. Князевы.
35. Козловъ.
36. Костины.
37. Корнѣевы.
38. Козулинъ.
39. Кондаковъ.
40. Коротневы.
41. Корякинъ.
42. Козадаевъ.
43. Конякинъ.
44. Котюхинъ.
45. Ковелины.
46. Косиковъ.
47. Кочергины.
48. Комдинъ.
49. Костровы.
50. Краминъ.
51. Курлыкинъ.
52. Куршинъ, Киршинъ.
53. Кузяевъ.
54. Кудинъ.
55. Лаптинъ.
56. Ларины.
57. Летавинъ.
58. Лесниковъ.
59. Летягинъ.
60. Лохтевъ.
61. Лугововъ.
62. Мантуровъ.
63. Standard: Мединъ.
64. Менюковъ.
65. Минины.
66. Милновъ.
67. Морозовъ.
68. Можаятиновъ.
69. Мухинъ.
70. Муракинъ.
71. Мысовъ.
72. Накрѣпинъ.
73. Нахожевъ.
74. Обрютинъ.
75. Окуловы.
76. Окнишинъ.

77. Оковокинъ.
78. Оладинъ.
79. Онцыфоровы.
80. Онохины.
81. Орѣховы.
82. Пановъ.
83. Паршины.
84. Палкинъ.
85. Печеневъ.
86. Пѣшковъ.
87. Плохой.
88. Перхуновъ.
89. Полунины.
90. Пономаревъ.
91. Половъ.
92. Поспѣловъ.
93. Прокощевъ.
94. Ребѣевъ.
95. Ревякинъ.
96. Рѣзановъ.
97. Родинъ.
98. Ртищевъ.
99. Русиновы. (Русановъ).
100. Свистуновъ.
101. Селивановъ.
102. Селинъ.
103. Скуловъ.
104. Сонины.
105. Сопѣлниковъ.
106. Сосуновъ.
107. Сухаревъ.
108. Суховъ.
109. Сякшинъ.
110. Таптыковъ.
111. Терениинъ.
112. Тепинъ.
113. Телѣгинъ.
114. Тереховъ.
115. Тюлюгинъ.
116. Улуперховъ.
117. Фатяновъ.
118. Фетиниинъ.
119. Фонятины.
120. Форкинъ.
121. Фофановы.
122. Фроловы.
123. Фурсовы.
124. Харпны.
125. Хваевы.
126. Хобаровъ.
127. Холяпины.
128. Храповъ.
129. Хромцовъ.
130. Чебрихинъ.
131. Челобиткинъ.
132. Чоглоковы.
133. Черногузовъ.
134. Черновы.
135. Чирчагинъ.
136. Чюкинъ.
137. Шаровъ.
138. Шамаринъ.
139. Шапырины.
140. Шешмяковъ.
141. Шляевъ.
142. Шюклинъ.
143. Щербинины.
144. Щепыревъ.
145. Щекинъ.
146. Щерковы.
147. Щоборовъ.
148. Юдины.
149. Юфановы.
150. Якунинъ.

Мы старались изъ сотной Фуникова извлечь все, что только можно, такъ какъ этотъ документъ долженъ считаться главнѣйшимъ для исторіи города за неимѣніемъ болѣе древнихъ актовъ. Отправляясь отъ него, какъ отъ опредѣленной исходной точки, мы пытались по возможности заглянуть въ болѣе раннюю эпоху. Такъ мы опредѣлили размѣры древняго посада и отдѣлили отъ него послѣдующія его распространенія. Во времена Іоанна Грознаго Серпуховъ, разумѣя въ сложности и собственный городъ и посадъ, съ приписанными къ нему слободами и оброчниками, былъ хотя нѣсколько раскиданъ, тѣмъ не менѣе далеко не обширенъ[1]

[1] Гораздо меньше нынѣшняго города.

и не многолюденъ, подобно большинству старинныхъ русскихъ городовъ. Намъ извѣстны изъ актовъ XVII в. дальнѣйшія увеличенія посада и его населенія, извѣстны до мельчайшихъ подробностей посадскія земли, лежавшія вокругъ города въ такъ называемомъ „Окологородномъ стану". Нигдѣ мы не встрѣчаемъ и тѣни подобнаго на то преданіе, которое до сихъ поръ живетъ въ устахъ серпуховичей [1], будто когда-то въ древности ихъ городъ былъ очень великъ, такъ что простирался вверхъ по Нарѣ по московской дорогѣ до деревни Судимли на протяженіе пяти верстъ. Напротивъ несомнѣнные факты свидѣтельствуютъ, что въ этомъ направленіи не было замѣтнаго распространенія посада: въ 1552 г. при Фуниковѣ поселеніе въ Остромъ концѣ группировалось на небольшомъ пространствѣ около двухъ храмовъ, бывшихъ въ этой сторонѣ — Св. Пятницы и Рождества Пречистой; въ XVII ст. посадскій выгонъ начинался сейчасъ за Острымъ концомъ и пересѣкалъ большую московскую дорогу, направляясь къ Бѣлому колодцу. Посадскія земли даже не достигали до пресловутой Судимли: онѣ оканчивались далеко не доходя до нея и деревни Паниковой. Сама Судимля въ писцовыхъ книгахъ XVII в. значится только пустошью [2], стало быть, незначительнымъ поселкомъ; въ болѣе древнія времена, напр. при князѣ Владимірѣ Андреевичѣ и его сыновьяхъ, она вовсе не упоминается. Между тѣмъ если бы чѣмъ нибудь она была замѣчательна (да и была-ли тогда на самомъ дѣлѣ — это неизвѣстно), то никакъ не была-бы пропущена напр. въ такомъ обстоятельномъ актѣ, какъ духовная князя Владиміра Андреевича.

Для дополненія картины состоянія Серпухова во времена Фуникова, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ отношеніяхъ къ посаду городскаго протопопа съ причтомъ, которыя уже существовали въ то время, благодаря льготамъ, полученнымъ послѣдними еще отъ великаго князя Василія III въ 1514 г. Между прочимъ за годъ до переписи Фуникова онѣ были подтверждены царемъ Іоанномъ IV,

---

[1] Оно занесено между прочимъ, повидимому, какъ несомнѣнный фактъ въ Истор. опис. Серпух. Владычня мон., именно тамъ сказано: „До сего времени (лѣтъ 200 тому назадъ) городъ былъ очень обширенъ, простирался по большой старой Московской дорогѣ на 7 верстъ до деревни Судимли, которая и названіе свое получила отъ того, что въ ней были судныя избы" (стр. 25).

[2] Обозрѣніе писцов. кн. по Моск. губ. П. Иванова, стр. 337.

сти Занарья[1]. По направленію въ поле отъ Козьмы и Демьяна видны только одни запустѣлыя мѣста бывшей тутъ прежде Козьмодемьянской слободки. По Козьмодемьянскому переулку отправимся въ Богоявленскій конецъ, лежащій насупротивъ Остраго конца. На пути къ церкви Богоявленія встрѣчаемъ слободку „что было за татарами". Со вcполья къ храму ведетъ *Богоявленская улица*. Въ ней и „внизъ по Наре" въ 11 дворахъ живутъ кожевники среди другихъ посадскихъ людей. У Нары по берегу внизъ до самаго моста все дворы. Отъ церкви Покрова туда же выходитъ *Покровскій переулокъ*. Зато за мостомъ въ Занарьѣ по берегу нѣтъ жилья: тутъ одинъ изъ городскихъ выгоновъ[2].

Мы обошли теперь весь посадъ съ приписанными къ нему слободами. Для дополненія общей картины, не упустимъ изъ виду, что при каждой изъ тогдашнихъ церквей хоронили умершихъ.

Всего по сотной было на посадѣ, какъ мы видѣли, 623 двора со включеніемъ слободскихъ, „людей въ нихъ", т. е. взрослаго мужскаго населенія, 796 человѣкъ. Если прибавить число женщинъ и взять въ разсчетъ дѣтей, то получится никакъ не менѣе 2000 человѣкъ, не считая въ томъ числѣ духовенства и жившихъ на церковныхъ земляхъ. Пустыхъ дворовъ на посадѣ было 21 — число весьма незначительное, за то порядочно было пустыхъ дворовыхъ мѣстъ, именно 122. Земли у города (т. е. у посада) у всѣхъ городскихъ (т. е. посадскихъ) людей было, считая съ слободами, „по обѣ стороны реки Нары" — 1033 четверти, „сѣна 3115 копенъ". Сошной пашни было „девет сох без получетверти сохи".

До 1553 г. городскіе, т. е. посадскіе, люди, какъ сказано въ сотной, „давали великому князю" оброку „по старому з земли за дань" 80 пудовъ меду, „оброчники, да Ивановская слобода, да Ключничя, да бобровники, да Кузмодемянская слобода давалі великому князю за дань и за посошной кормъ" — $34\frac{1}{2}$ пуда меду. Одна Конюшенная слобода давала деньгами „по двадцаті алтынъ". Изъ сопоставленія количества оброка видно, что безъ Конюшен-

[1] Тамъ, гдѣ теперь Козмодемьянская улица. По направленію внизъ къ Нарѣ не могли бы помѣститься многочисленные дворы переулка. Въ древности отъ Козьмы и Демьяна выходила въ поле Козмодемьянская слободка. Не по отношенію ли къ ней названъ переулокъ?

[2] Въ строельныхъ книгахъ 1649 г. онъ названъ „старымъ".

ной слободы остальныя вновь приписанныя въ 1552 г. къ посаду поселенія (оброчники и слободы) платили оброку нѣсколько болѣе $^2/_3$ того количества, которое платилъ самъ посадъ. Послѣдній такимъ образомъ значительно увеличился со времени ихъ приписки.

Церкви посада въ сотной на равнѣ съ дворами названы *тяглыми*[1]. Всѣхъ ихъ съ придѣлами показано 20. Вычтя 14 бывшихъ церквей, получимъ однихъ придѣловъ только 6 — число довольно незначительное: бо́льшая часть храмовъ, какъ оказывается, не имѣла придѣловъ, а была съ однимъ престоломъ. „Поповнихъ дворовъ" у церквей было 26, въ 27-мъ жила „попадя", дьяконскихъ дворовъ было только 3[2], такъ что въ церквахъ почти повсюду были одни священники. Духовныя лица — священники и дьяконы владѣли въ достаточномъ количествѣ и пашнями и лугами. Пашни было у нихъ „175 четвертей в одномъ поле, а в дву потомуж", сѣна ставилось 280 копенъ. На церковныхъ земляхъ было 42 крестьянскихъ двора безъ пашни, столько же было въ нихъ людей, т. е. взрослыхъ мущинъ. Сверхъ сего одинъ дворъ стоялъ пустымъ, пустыми же были два дворовыхъ мѣста „опрочѣ кѣлей". На земляхъ двухъ церквей: Фрола Св. и Рождества Пречистой, какъ мы видѣли, были лавки, составлявшія доходную статью: такъ у первой церкви на ея мѣстѣ было 3 лавки, у второй — 5 лавокъ, принадлежавшихъ попу Власу, который отдавалъ ихъ въ аренду. Ему же принадлежалъ еще амбаръ въ Большомъ ряду. Другой пречистенскій попъ Никита, протопоповъ сынъ, имѣлъ свою лавку на торгу.

Общее названіе жителей посада было *„люди черные"*. Они раздѣлялись на: *„середнихъ"*, *„молодыхъ"* и *просто приписанныхъ въ тягло* (*„дворы тяглыеж"*) и, повидимому, причислявшихся тоже къ молодымъ[3].

Люди *„черные молодые"* жили въ дворахъ: 1) „отъ города вверхъ по Нарѣ" — 7 дворовъ, 2) „подъ Спасомъ по Мешалке" — 10 дворовъ, 3) весь Острый конецъ былъ заселенъ ими, въ коли-

---

[1] „На посадеж церкви тяглые".

[2] Сверхъ сего одинъ дворъ стоялъ пустымъ.

[3] Въ другихъ городахъ былъ еще болѣе почетный, высшій разрядъ — *лучшихъ людей*.

чествѣ 53 дворовъ[1], 4) у Рождества Пречистой, отъ нея во Фроловской улицѣ и вообще въ старомъ посадѣ въ перемежку съ людьми середними, въ 63 дворахъ. Всего они жили приблизительно въ 133 дворахъ, не считая просто приписанныхъ въ тягло.

„*Люди черные середние*" жили: 1) въ старомъ посадѣ въ разныхъ мѣстахъ въ 24 дворахъ, 2) „подъ посадомъ по Мешалке"— въ 1 дворѣ, 3) въ Востромъ концѣ въ 6 дворахъ, 4) „отъ Рождества Пречистой" въ Кроткомъ переулкѣ — въ 2 дворахъ. 5) „Противъ Ніколы чюдотворца межъ дворовъ Ключничей слободки" въ 6 дворахъ, 6) у церкви Аѳанасія св. въ Рождественскомъ приходѣ и у Сельца, всего въ 11 дворахъ, 7) за Нарою въ Богоявленскомъ концѣ, въ переулкахъ Покровскомъ и Кузьмодемьянскомъ и у церкви Николы Будки, среди другихъ тяглецовъ, въ числѣ 27 дворовъ. Оброчники, приписанные въ 1552 г. къ посаду, въ числѣ 32 дворовъ, названы въ сотной „людьми середнимиж". Всего люди середніе жили приблизительно въ 109 дворахъ[2]. Если сопоставить съ общимъ числомъ дворовъ на посадѣ, выйдетъ на 623 двора: дворовъ людей черныхъ середнихъ 109, черныхъ молодыхъ 133; остальные 381 приходятся на долю просто тяглыхъ, по всей вѣроятности изъ разряда молодыхъ. Тогда послѣднихъ выйдетъ 514 дворовъ.

Сотная считаетъ настоящихъ „городцкихъ людей", т. е. посадскихъ[3] — черныхъ, тянувшихъ тягло, людьми „*торговыми* и *мастеровыми*"[4]: указаніе чрезвычайно важное, сразу характеризующее посадскихъ, какъ мирный классъ населенія, занимавшійся торговлею и ремеслами. Къ сожалѣнію, въ сотной не при всякомъ дворѣ обозначено занятіе его владѣльца. Повидимому подчиненные Фуникову писцы были не одинаково точны и исполнительны при переписи, или, быть можетъ, иногда было затруднительно

---

[1] Тамъ жилъ, какъ мы видѣли, болѣе бѣдный людъ, напр. гончары.

[2] Въ началѣ рукописи сотной повреждены временемъ описанія нѣсколькихъ дворовъ.

[3] Какъ мы уже неоднократно замѣчали, въ сотной обыкновенно слова: городъ и городской замѣняютъ слова: посадъ и посадскій.

[4] Видно изъ слѣдующаго мѣста: „А городцкимъ людем торговымъ и мастеровымъ въ тѣхъ (церковныхъ) дворехъ на церковныхъ мѣстех не жити, а которые городцкіе люди торговые и мастеровые учпут въ тѣх дворех житі, и серпуховскому сотцкому і всѣмъ городцкимъ людем тѣх людей ис тѣх дворовъ вывоaити да сажати в свои в старые дворы в тяглые".

опредѣлить родъ занятій? Послѣдній непремѣнно долженъ былъ быть у каждаго посадскаго человѣка — „торговаго", или „мастероваго".

Конечно часть населенія, жившаго на посадѣ, принадлежала къ военному сословію. Особенно къ нему принадлежали поселенцы окраинъ, напр. Пищальниковой слободы и другихъ мѣстъ. Полагаемъ подъ казаками, которыхъ было 81 человѣкъ, слѣдуетъ разумѣть воиновъ, а не вольныхъ рабочихъ[1]. Къ городовымъ людямъ, т. е. обязаннымъ службою въ городѣ-крѣпости, надо отнести также „зеленого мастера"[2] и часть кузнецовъ, изъ числа 63, именно такъ называемые впослѣдствіе „казенные кузнецы"[3].

Остальные затѣмъ жители занимались торговлею и промыслами[4]. Прямо торговыми людьми, безъ означенія самаго предмета торговли, названо въ сотной 45 человѣкъ, у другихъ занятія обозначены, такъ было:

	Человѣкъ.		Человѣкъ.
Мясниковъ	19	Пивоваровъ	1
Хлѣбниковъ	17	Кисельниковъ	1
Калачниковъ	8	Огородниковъ	1
Ситниковъ	4	Кожевниковъ	36
Масляниковъ	3	Гончаровъ	29
Пирожниковъ	2	Сапожныхъ мастеровъ	25
Солодениковъ	2	Сапожниковъ	23
Калачница	1	Извощиковъ	15
Хлѣбница	1	Овчинниковъ	8
Хмельниковъ	1	Плотниковъ	8
Соляниковъ	1	Портныхъ мастеровъ	8
Рыбниковъ	1	„Камен тешотъ"	5

1 Еще въ 1630-годахъ, когда Серпуховъ сталъ утрачивать свое стратегическое значеніе опорнаго пункта, въ немъ встрѣчается 10 бѣломѣстныхъ казаковъ, получавшихъ царское жалованье (Арх. Мин. Юст. дѣла разныхъ городовъ. Серпуховъ книга 8).

2 Безъ сомнѣнія „зеленыхъ мастеровъ" было не одинъ, какъ должны были быть также и „ямчужные" (селитряные) мастера, упоминаемые въ актахъ XVII в.

3 Между прочимъ ими приготовлялись ядра для пушекъ. С. Соловьевъ VII, 22

4 Хотя въ случаѣ опасности вѣроятно обязаны были становиться воинами, подобно тому, какъ таковыми они дѣлались въ XVII в. что несомнѣнно изъ актовъ этого времени (Ар. Мин. Юст. Серпуховъ, книга 8).

а потомъ и другими царями [1]. По „жаловальной уставной грамотѣ“ „протопопу з братіею, что служатъ у святыя живоначальные Троицы въ Серпухове внутри города“, „придана“ была „пошлина къ живоначальной Троице: помѣрное, да вѣсчее, да гостиное [2], да правой десятокъ с намѣстнича и с тиуня суда, да венцы женитвеные“. Дарованныя привиллегіи были очень значительны и приводили богомольцевъ протопопа съ братіею въ постоянныя соприкосновенія съ торговымъ людомъ. Какой ни производился на посадѣ торгъ, имъ доставался извѣстный процентъ. „Хто приѣдетъ, сказано въ грамотѣ, зимою на саняхъ, а лѣтомъ на телѣгахъ въ Серпуховъ, или кто въ судне жито привезетъ, и они (протопопъ съ братіею) емлютъ помѣрное с окова [3] по денге, а буде которого жита болши или меншi, и они емлютъ по томужъ росчету помѣрное“. Торговые люди должны были платить протопопу „вѣсчее і гостиное“ [4], именно сказано: „кто учнетъ въ Серпохове торговати какимъ товаромъ ни буди, съ рубля по двѣ денги, а будетъ товару болши рубля или менши и (протопопъ съ братіею) емлютъ пошлину свою церковную по томужъ рощету [5]. А хто что продастъ,

[1] Первыя жалованныя грамоты не дошли до насъ. Дошла только подтвердительная грамота, данная вторично Михаиломъ Θеодоровичемъ въ 1624 г. Выраженіе въ ней „и протопопъ з братиею берутъ пошлину по старинѣ“ свидѣтельствуетъ о томъ, что перемѣнъ въ дарованныхъ льготахъ не произошло. Что льготы всѣ были даны уже Василіемъ III, видно изъ слѣдующаго мѣста грамоты 1624 г. „Также есма протопопа з братьею пожаловалі...... таможенную имъ пошлину, и вѣсчее, и гостиное, и помѣрное, и правой десятокъ, и венцы женитвеные...... съ посадцкихъ...... и со всякихъ торговыхъ людей збирати ко Святей Троице, по тому, *какъ у нихъ в прежней уставной великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи грамоте указано*“.

[2] Торговымъ людямъ приходилось тогда платить пошлинъ не мало. Въ грамотѣ царя Іоанна IV игумену съ братьею Владычняго монастыря 1556 г. упоминается, что у намѣстниковъ и волостелей были „ихъ пошлинники, и таможники, и помѣрщики, и мытчики, и дворники, и перевозщики, и мостовщики, и всякіе пошлинники“. Тамъ же говорится, что съ торговыхъ людей сходили: „мытъ, тамга, и помѣръ, и перевозъ, и мостовщина, и явка“. Въ другой грамотѣ того же царя тѣмъ же лицамъ встрѣчаемъ еще пошлины: „отвозъ, дворовое и полозовое“ (Истор. опис. Серп. Влад. мон. стр. 122).

[3] Оковъ — осмина.

[4] Въ грамотѣ сказано. „А вѣсчее і гостиное емлютъ з гостей и с торговыхъ людей“. Изъ сотной кн. Фуникова не видно, чтобы въ Серпуховѣ были свои *гости*, или, быть можетъ, не заключались-ли они въ числѣ торговыхъ людей, коихъ было не мало на посадѣ? Впрочемъ выраженіе „з гостей“ могло относиться къ пріѣзжимъ гостямъ изъ Москвы и другихъ городовъ.

[5] Въ грамотѣ 1624 г. прибавлено: „а в тѣхъ пошлинахъ тѣмъ людямъ, на коихъ пошлины доправятъ, велено протопопу з братиею давать отписи впредь для спору“.

другой же названъ земскимъ. Подъячіе тоже были, такъ какъ про одинъ дворъ въ сотной сказано, что онъ подъячего. Изъ холоповъ встрѣчается всего одинъ. Особо названы „старцами" двое.

Приходившіе на поселеніе на посадъ назывались „приходцами". Про двоихъ не сказано, кто они были. Изъ остальныхъ приходцевъ двое было Тулянъ и по одному изъ городовъ: Рязани, Алексина, Переяславля, Тѣшилова, Медыни, Коломны и Калуги.

Изъ торговцевъ, какъ видно изъ сдѣланной нами росписи, болѣе всего было на посадѣ торговавшихъ хлѣбомъ въ разныхъ видахъ, въ томъ числѣ ситнымъ и калачами [1], именно 30 человѣкъ, потомъ идутъ мясники въ число 19. Изъ ремесленниковъ же на первомъ мѣстѣ стоятъ сапожные мастера и сапожники — 48 человѣкъ; къ этой же категоріи слѣдуетъ отчасти отнести кожевниковъ — 36, которые очевидно поставляли для нихъ товаръ. Послѣ кожевниковъ идутъ гончары, числомъ 29. Изъ занимавшихся другими занятіями болѣе всего было извощиковъ, возившихъ конечно товаръ, именно 15 человѣкъ. Замѣчательно, что портныхъ мастеровъ было сравнительно очень мало, всего 8 человѣкъ, — ясное указаніе, что одежды шились преимущественно дома. Напротивъ обувь (мужская) приготовлялась болѣе мастерами, которые сидѣли даже на торгу въ особомъ „сапожномъ ряду", какъ мы уже знаемъ изъ описанія древняго рынка. Хотя по одному или по два, все таки на посадѣ можно было встрѣтить всякихъ торговцевъ и мастеровъ: и жерновника, и веретенника, и вощечника, и гусельниковъ, и пивовара, и бочарниковъ, и рукавичниковъ, и гвоздочника, и лучника, и колесника, и сѣдельниковъ, и чеботнаго мастера, и шаровнаго мастера, и поневниковъ, и полстоваловъ, и серебряныхъ мастеровъ. Были также свои плотники и каменьщики, послѣдніе почти всѣ въ Ивановской слободѣ. Огородникъ обозначенъ одинъ, конечно въ смыслѣ продавца разсады и огородныхъ сѣмянъ, какъ о томъ упоминается въ актахъ XVII в. Повидимому овощи разводили всѣ

---

[1] Очень вѣроятно, что вмѣстѣ съ калачами продавали на торгу и сбитень; по крайней мѣрѣ въ переписныхъ книгахъ по Серпухову 1646 г. встрѣчаются на посадѣ нѣсколько дворовъ, носившихъ фамилія „Збитневыхъ". Очевидно либо они сами, либо ихъ предки были сбитниками. (Заключаемъ по аналогіи съ исторіею другихъ фамилій).

при своихъ дворахъ, либо отчасти покупали у сосѣднихъ крестьянъ въ базарные дни.

Часть посадскихъ занималась сельскими работами, такъ какъ у посада, какъ мы видѣли, были значительные луга и пашни. По деревенскому обычаю, на пастбища вмѣстѣ съ рогатымъ скотомъ гонялись и лошади, для которыхъ имѣлся особый „пастухъ коневской".

Для болѣе вѣрнаго представленія себѣ тогдашняго рынка—торга, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что врядъ ли сотная обозначила вполнѣ точно тѣ предметы, которыми торговали тамъ въ лавкахъ. Такъ по ней выходитъ, что солениковъ и рыбниковъ было всего по одному, чего на самомъ дѣлѣ никакъ не могло быть. По аналогіи съ описаніемъ промысловъ и торговли посада въ актахъ слѣдующаго столѣтія, можемъ съ увѣренностью сказать, что въ сотной остается много недосказаннаго, такъ, напр. мясникъ не могъ торговать только однимъ мясомъ [1], „животиною", какъ тогда говорили. Если бы мы вошли въ его лавку, мы увидѣли бы въ ней кое-какіе и другіе товары, какъ то: рыбу, соль, муку или медъ— главные предметы въ каждомъ хозяйствѣ. Точно также врядъ ли извощики не занимались какою-либо, хотя бы и незначительною торговлею [2].

Сотная не даетъ никакихъ указаній, была ли какая нибудь отпускная торговля въ Серпуховѣ. Она слишкомъ неопредѣленно говоритъ „о торговыхъ людяхъ", мало интересуясь, чѣмъ и какъ они торговали. Слѣдуетъ остановиться на вѣроятномъ предложеніи, что отпускная торговля была, причемъ торговали тѣми-же предметами, что и въ XVII столѣтіи, т. е. медомъ, воскомъ, пенькою и отчасти скотомъ и хлѣбомъ (на судахъ по Окѣ) [3].

Съ 1552 г. когда князь Фуниковъ производилъ перепись, древній посадъ со всѣми къ нему приписанными оброчниками и жителями слободъ долженъ былъ „тягло тянути всякую содно" какъ на-

[1] Вообще торговля какимъ-нибудь исключительно однимъ предметомъ является только въ большихъ городахъ и при значительномъ развитіи гражданственности.

[2] Въ XVII ст. они ею занимались, другіе „держали харчи" т. е. содержали постоялые дворы (Строельн. книги по Серпухову 1649 г.)

[3] Въ первой жалованной грамотѣ 1514 г. Серпуховскому троицкому протопопу говорится о привозѣ въ городъ жита на судахъ.

но таможенныхъ съ товаровъ пошлинъ такъ Михаилъ Θедоровичъ пожаловалъ своихъ богомольцевъ протопопа съ братіею: „А которые люди серпоховичи и иныхъ городовъ и Конюшенные слободы тяглецы и всякие торговые люди и какими товары учнутъ торговати, а протопопу з братиею по прежней уставной и по сей нашей жаловальной грамоте пошлинъ платити не учнутъ, і воеводамъ нашимъ и приказнымъ людямъ, которые будутъ въ Серпохове, велѣти на тѣхъ людяхъ тѣ протопоповы таможные пошлины управливати да отдавати протопопу з братиею". Получая разнаго рода доходы, протопопы съумѣли выхлопотать для себя огражденіе отъ дорого стоившаго угощенія, по тогдашнему обычаю, незваныхъ гостей: „Также есма ихъ пожаловали, читаемъ въ грамотѣ Михаила Θеодоровича, на пиры и на братины к протопопу и к братье и к церковнымъ людямъ и ко крестьяномъ княженецкие и боярские и дворянскіе и детей боярскихъ люди, и крестьяня не званы пити не ѣздятъ. А хто къ нимъ на пиръ и на братину приѣдетъ пити не званъ, а учинится у нихъ при томъ незваномъ какая гибель, і тому незваному та гибель платити вдвое безъ суда"[1].

Протопопъ съ братіею, какъ и слѣдовало ожидать, зорко оберегали полученныя ими права. Съ вступленіемъ на престолъ новаго государя, они клали передъ нимъ „жаловальную грамоту" и просили объ ея подтвержденіи, а при случаѣ и о дарованіи новыхъ преимуществъ. Такъ послѣ 1514 г. они получили жаловальную грамоту въ 1535 г. когда правила Елена Глинская, мать маленькаго Іоанна, въ 1551 г. отъ имени самого Іоанна, когда онъ взялъ правленіе въ свои руки; въ 1585 г. они клали грамоту предъ очи скорбнаго Θеодора Іоанновича, за тѣмъ вторично утруждали его просьбою на счетъ взиманія въ свою пользу таможенныхъ пошлинъ въ 1596 и добились просимаго. Къ Годунову они не обращались, зато успѣли въ 1610 г. получить подтвержденіе льготъ отъ Василія Ивановича Шуйскаго. Въ смутную эпоху „разоренья" государства не до доходовъ было протопопу съ братіею. Въ грамотѣ 1624 г. упоминается о томъ, какъ они взимали ихъ „до

[1] Подобныя отчасти льготы (право собственнаго суда надъ своими крестьянами, судиться игумену у митрополита и т. п.) получилъ отъ Іоанна Грознаго въ 1559 г. игуменъ Владычняго монастыря Діонисій съ братьею (Истор. опис. Серп. Влад. мон. 118 стр. и слѣд).

разоренья и послѣ разоренье", а не въ самое „разоренье". Въ 1615 и 1624 гг. Михаилъ Θеодоровичъ подтвердилъ и расширилъ привиллегіи, данныя прежними государями. Въ 1652 г. Алексѣй Михаиловичъ пожаловалъ протопопа съ братіею, велѣлъ „подписать" прежнюю грамоту „на свое государево царево и великого князя имя" и ее „рудити никому не велѣлъ". Послѣднее подтвержденіе льготъ было въ 1679 г. царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ. Послѣ кончины его врядъ ли рѣшился протопопъ съ братіею хлопотать у новаго правительства о переписаніи грамоты на имя братьевъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, такъ какъ время было слишкомъ смутно, и тамъ въ Москвѣ „на Верху" было не до привиллегій царскихъ богомольцевъ. Юный Петръ, сдѣлавшись единовластнымъ, съ иной точки зрѣнія смотрѣлъ на привиллегіи кого-быто ни было, если онѣ затрогивали государственные интересы. Грамота его предшественниковъ конечно не была переписана на его имя, если только протопопъ съ братіею рѣшились явиться предъ его, правда, свѣтлыя очи, но въ то же время всюду отыскивавшія новыхъ прибытковъ, тѣмъ болѣе нужныхъ для государства, что оно было въ продолжительной войнѣ со Шведами [1].

ГЛАВА II.

Каменный городъ.

Ведя рѣчь о привиллегіяхъ, полученныхъ соборнымъ духовенствомъ, мы далеко зашли впередъ. Попросимъ читателя вернуться въ Серпуховъ въ знакомую уже намъ эпоху Функова. Князь съ товарищами кончилъ свое „письмо". Посадъ сталъ много больше

---

[1] Изъ соборныхъ протопоповъ заслуживаютъ вниманія:

1) Василій, бывшій на Великомъ земскомъ соборѣ 1613 г. гдѣ онъ вмѣстѣ съ архимандритомъ Высоцкаго монастыря „приложилъ руку за Серпуховъ" и росписался за выборныхъ дворянъ „Θедора Арцыбашева съ товарыщы" (Собр. Госуд. гр. и дог. I, № 203, стр. 642).

2) Θеодосій, бывшій потомъ архимандритомъ Московскаго Спасо-Андроніевскаго монастыря, въ схимонашествѣ Θеодоръ. Его иждивеніемъ построенъ въ 1696 г. настоящій соборъ св. Троицы. (Глав. опись Серпух. Троиц. Собора. Л. 4).

противъ прежняго; притянули къ нему новыхъ тяглецовъ, плотитъ онъ царю дань-оброкъ по новому, но прибавкой никто не тяготится. Торговый людъ и мастеровые люди находятъ хорошій сбытъ для товаровъ и издѣлій своихъ рукъ. Городъ все чаще и чаще оживляется отъ ратныхъ людей и получаетъ съ нихъ барыши. Чуть настаетъ весна, въ него уже вступаютъ отряды царскихъ войскъ и идутъ къ Берегу стеречь его отъ крымцевъ. Послѣднимъ все хочется перевозиться черезъ Оку въ лугахъ между Каширою и Серпуховомъ. Вотъ лѣтомъ 1553 г. царскій двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ въѣзжаетъ съ ратью въ городъ, а въ 1556 г. серпуховичи встрѣчаютъ его уже въ свитѣ самого царя Іоанна, который намѣренъ здѣсь готовить полки противъ крымцевъ, замышляющихъ набѣгъ. Безъ сомнѣнія царь, такой любитель церковныхъ службъ, не пропустилъ случая побывать въ городскомъ соборѣ у живоначальныя Троицы. Кстати ему нужно было осмотрѣть стѣны города. Стары ли онѣ были, показались ли царю не на столь крѣпкими, какими бы имъ слѣдовало быть на случай прихода крымцевъ, наконецъ была ли у него просто дума сдѣлать изъ Серпухова съ его величественнымъ курганомъ твердыню для защиты „царствующаго града Москвы"—кто знаетъ? сердце царево въ рукѣ Божіей, только онъ рѣшилъ передѣлать Серпуховъ: на мѣстѣ деревяннаго города долженъ былъ быть болѣе крѣпкій и надежный каменный городъ [1]. Придется посадскимъ потрудиться не мало въ „городовомъ дѣлѣ", да кой-кому и потѣсниться у себя на старомъ посадѣ: его на пространствѣ отъ бывшаго города до Мѣшалки положено обратить тоже въ городъ, только не въ каменный, а въ деревянный—въ острогъ. Горододѣльцы живо составили планъ и смѣту; быть можетъ какой-либо нѣмчинъ-иноземецъ помогъ имъ своимъ искусствомъ. Какъ бы то ни было, только каменный городъ вышелъ на славу. Правда, много поработали всѣ окрестные сошные люди на этой царской службѣ. Пришлось поправить самый курганъ, обчистить его осыпь. А одно „городовое дѣло" чего стоило? сколько перевожено изъ-за Оки [2] одного камня

---

[1] Какъ уже было замѣчено въ первой части, мы основываемся на сообщеніи Щекатова, въ его словарѣ 1789 г. „Въ 1556 г. говоритъ онъ, построена въ Серпуховѣ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ изъ бѣлаго камня крѣпость" и т. д.

[2] По мѣстному преданію его брали изъ горы за Окой у Подмоклова.

„стеннаго и бутоваго“ цѣлыми глыбами для стѣнъ и башенъ будущаго города, не говоря уже о пескѣ и глинѣ [1]? Выведены стѣны и башни, теперь надо ихъ крыть — новая работа. А сколько хлопотъ съ устройствомъ деревяннаго города — острога [2]! Тутъ и „ровское“ дѣло — копаютъ глубокій ровъ вокругъ посада, и рубка стѣнъ и башенъ. Владычнему монастырю нечего при этомъ бояться за свой боръ, что растетъ подъ посадомъ въ Занарьѣ: у него есть льготная грамота, данная такъ давно, что она уже „ветха добре“. Монастырь положилъ ее предъ царемъ, и онъ пожаловалъ игумена съ братіею [3], велѣлъ переписать ее на свое имя, а въ ней сказано, что боръ „стороннимъ людямъ сѣчи“ не велѣно.

Вотъ готовъ каменный городъ, гордость серпуховичей. Грозно во всѣ стороны глядятъ его башни-бастіоны, воротники стерегутъ его ворота, пушкари и затинщики готовы угостить изъ пищалей врага: пусть только онъ покажется. Не узнать теперь и стараго посада. Онъ совершенно отрѣзанъ отъ Остраго конца и дворовъ у Рождества Пречистой. Ровъ идетъ тамъ, гдѣ прежде бойко торговали на торгу между Фроломъ Св. и Рождествомъ Пречистой, и верхушки старыхъ храмовъ Ильи Пророка, Егорія и Фрола Св., а также Троицы и Спаса выглядываютъ теперь изъ-за стѣнъ деревяннаго города. Торгъ теперь идетъ отъ Фрола Св. къ Ильѣ Пророку и къ нынѣшней церкви Успенія Божіей Матери [4]. Тѣсновато въ острогѣ. Но неволи нѣтъ въ немъ жить: мѣста много за его стѣнами ко всполью, и не одинъ уже посадскій поставилъ тамъ себѣ дворъ.

Да не сѣтуетъ читатель, если мы поведемъ его получше посмотрѣть на каменныя стѣны и башни, вѣнчающія знакомый намъ

---

[1] Доставка камня двухъ сортовъ, песку и глины для городоваго дѣла упоминаются въ спискѣ съ грамоты 1653 г. царя Алексѣя Михаиловича серпух. воеводѣ кн. Гр. Ѳед. Меньшему-Чертенскому (хранится въ архивѣ Серпух. город. управы).

[2] Мы относимъ построеніе острога въ Серпуховѣ ко времени сооруженія каменнаго города. Если на это и нѣтъ прямыхъ указаній въ актахъ, касающихся города, предположеніе это нисколько не противорѣчитъ извѣстнымъ фактамъ, напротивъ вполнѣ согласуется съ ними: въ 1552 г. острога не было, въ смутную эпоху на существованіе его, какъ мы видѣли, есть уже указанія.

[3] Грамота монастырю Іоанна Грознаго 1556 г. (Истор. опис. Серпух. Влад. мон. 71 стр.).

[4] Въ одномъ актѣ 1690 г. мы читаемъ: „Ильинской попъ Іеремія, что на Площеди“, тамъ же далѣе говорится, что у церкви Иліи Пророка „церковные лавки 4 замка на церковной земли изстари“. (Рук. въ ризницѣ Серпух. Влад. мон.).

курганъ. Въѣздъ на гору прежній по косогору все выше и выше, но теперь не такъ легко попасть въ него какъ прежде: сильное предвходное укрѣпленіе охраняетъ дорогу справа по самой кручѣ: это *Отводная стѣна съ Отводною полубашнею* въ 4 сажени [1]. Посмотрите на лѣво: вы видите огромную башню, выдѣляющуюся среди городскихъ стѣнъ. Она называется *Караульною:* она тоже, и по преимуществу, сторожитъ въѣздъ. Отводная стѣна идетъ по курганной кручѣ нѣсколько ниже главныхъ стѣнъ, чтобы не мѣшать дѣйствію съ нихъ изъ пушекъ и пищалей [2]. Вотъ мы прошли мимо *Отводной полубашни*, повернули по косогору не много на лѣво — и передъ нами *Большая проѣзжая башня*. Одною стороною она стоитъ въ городской стѣнѣ, другою въ отводной. Массивна 14 саженная башня, и крѣпки ея ворота. Зовутъ ихъ *Спасскими*. Надъ ними икона Деи Іисусъ [3] (Нерукотвореннаго Спасителева образа, Богоматери и Іоанна Предтечи). Пройдя чрезъ ворота, мы идемъ между двумя стѣнами: городскою, которая тянется отъ Большой проѣзжей башни до полубашни почти на концѣ этой стороны на протяженіи 84 саженъ и 2 пядей, и отводною, составляющею какъ бы нижній ярусъ стѣнъ, и наконецъ чрезъ *Отводныя ворота* [4] вступаемъ въ самый городъ. По стѣнамъ можно обойти его кругомъ. Взберем-

---

[1] При описаніи каменнаго города мы пользовались такъ называемыми „Смѣтными списками города Серпухова“, т. е. описями, по которымъ новые воеводы принимали городъ отъ своихъ предшественниковъ. Одинъ изъ подобныхъ списковъ 1681 г. напечатанъ довольно подробно въ Дополн. къ акт. истор. изд. арх. ком. (т. IX, № 85), другой 1683 г. напечатанъ тоже тамъ (X, № 104), только въ небольшомъ извлеченіи. Нѣсколько подобныхъ списковъ за 1680 г. и слѣдующіе послѣ 1684 г. хранятся въ Арх. мин. юст. (въ книгѣ 8. Серпуховъ 1620—93 г.). За немногими исключеніями они почти что копіи съ списковъ 1680 и 81 гг.

Стѣны каменнаго города давно уже въ полномъ разрушеніи, во многихъ мѣстахъ нѣтъ и слѣда башенъ. Однакожъ кое-гдѣ ихъ поправляли въ нынѣшнемъ столѣтіи (на планахъ прошлаго столѣтія значатся еще всѣ башни) изъ того матеріала, который получался отъ развалинъ, но, къ сожалѣнію, безъ всякаго вниманія къ старинѣ, такъ напр. Караульная башня замѣнена обыкновенною стѣною. Вообще изъ башенъ и полубашенъ уцѣлѣла только одна полубашня на сторонѣ, обращенной къ Нарѣ.

[2] Длина ея отъ Отводной полубашни до Отводныхъ воротъ показана въ смѣт. спис. „39 саженъ съ четью“.

[3] Хранится теперь въ Троицкомъ соборѣ, надъ аркою при входѣ изъ трапезы въ настоящую соборную церковь (Глав. опись, л. 18).

[4] „Отводныя ворота съ отводною стѣною, что у Короулной башни 20 саженъ 2 четверти“. (Смѣт. спис.).

гомъ ея стѣнъ считается 438 саженъ[1]. Нѣсколько обширнѣе другихъ зданій, помимо собора Живоначальной Троицы и церкви Дмитрія Св., двѣ казенныя избы: съѣзжая[2], или приказная, и губная[3] и воеводскій дворъ[4], нѣсколько украшенные рѣзьбою въ старинномъ вкусѣ. Остальныя казенныя постройки ужъ слишкомъ просты, таковы: „клѣтка"[5] для помѣщенія пищалей простыхъ и затинныхъ[6], другая „клѣтка", гдѣ лежатъ кожаные мѣшки, кулаки[7], клины, ломы и т. п. для городоваго дѣла, „зеленная казна" для храненія пороха, съ особымъ помѣщеніемъ для ядеръ и пуль, „хлѣбныя житницы", гдѣ хранится хлѣбъ и соль. Видно тутъ же въ городѣ „зелейныя" и „ямчюжные мастера"[8] приготовляютъ „зелье" — порохъ; вонъ стоятъ мѣдные селитряные котлы. Есть и другіе котлы, но они имѣютъ другое назначеніе: въ нихъ кипятятъ смолу въ случаѣ нападенія на крѣпость и обдаютъ ею сверху среди стѣнныхъ зубцовъ. Сохрани Богъ отъ такой поливки! Улицами, только конечно въ миніатюрѣ, стоятъ укромные осадные дворы сосѣднихъ монастырей и кое-кого изъ помѣщиковъ и вотчинниковъ[9]. Монастыри возятъ въ нихъ въ случаѣ опасности

---

[1] „И три чети". По описи 1678 г. длина стѣнъ показана еще меньше: 418 саженъ съ четью (Доп. къ Акт. истор. IX, № 106, стр. 233).

[2] Съѣзжая изба, или приказная — мѣсто для производства слѣдствія, или розыска по разнымъ проступкамъ и преступленіямъ, а также и для суда; здѣсь же содержались подъ стражею подсудимые. Главнымъ лицомъ въ избѣ былъ воевода: онъ тамъ сидѣлъ на первомъ мѣстѣ и принималъ просителей; но дѣлопроизводство было въ рукахъ „дьяка" и его подчиненныхъ чиновниковъ — „подьячихъ"; еще низшую ступень занимали „розсыльщики".

[3] Въ губной избѣ разбирались уголовныя дѣла — особымъ выборнымъ судьею, который назывался „Губнымъ старостою".

[4] Хотя въ актахъ, которыми мы пользовались, не упоминается о воеводскомъ дворѣ, все таки полагаемъ, что онъ былъ, какъ и въ другихъ городахъ, и притомъ въ каменномъ городѣ

[5] Т. е. клѣть, холодный покой.

[5] Простыя пищали были въ родѣ нашихъ ружей, только зажигались фитилемъ. Затинныя были бо́льшихъ размѣровъ, употреблялись преимущественно для обороны крѣпостей. Главныя составныя части пищалей были: деревянный станокъ, называвшійся *ложею*, и желѣзный *ствол*ъ, крѣпко прикрѣпленный къ станку.

[7] Кулакъ — большой молотъ для разбивки камней.

[8] Зелейный мастеръ и Зелейная слобода, какъ мы видѣли, упоминаются въ сотной Фуникова.

[9] На сколько они были малы, видно изъ слѣдующаго извѣстія, заимствованнаго нами изъ рукописныхъ актовъ, хранящихся въ ризницѣ Серпух. Влад. монастыря:

Идемъ далѣе къ *полубашнѣ*, *„что къ торгу“*. Съ ней дѣйствительно видѣнъ весь торгъ со множествомъ небольшихъ лавокъ, полулавокъ и столиковъ. Сама башня, какъ и стѣна, по которой намъ надобно еще пройти къ Караульной башнѣ, стоитъ на высокой кручѣ кургана. Видно, когда отрѣзывали его отъ Ильинской горы, землю наложили на его гребень, отчего онъ и вышелъ такимъ высокимъ. Вотъ чрезъ пятьдесятъ саженъ мы на огромной *Караульной башни*. По своей обширности (15 сажень и 2 чети, считая съ тѣмъ, что она стоитъ въ отводной стѣнѣ), она превосходитъ даже Большую проѣзжую башню, чрезъ которую входятъ въ городъ. Съ башни удобно обстрѣливать въѣздъ по косогору къ Спасскимъ воротамъ. Непріятель попадаетъ тутъ подъ перекрестный огонь изъ пушекъ и пищалей съ трехъ сторонъ: съ нея, съ Проѣзжей башни и съ Отводной полубашни, которая нѣсколько выступила внизъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ по направленію къ Проѣзжимъ воротамъ. Не даромъ Караульная башня названа Караульною: помимо обстрѣливанія съ нея подступовъ ко входу въ крѣпость, съ нея рукой можно подать помощь Большой Проѣзжей башнѣ, отстоящей всего только на 23 сажени [1]. Если сверхъ ожиданія врагъ готовъ пробиться сквозь Спасскія ворота, можно по отводной внутренней стѣнѣ [2] живо подать помощь защитникамъ вторыхъ — Отводныхъ воротъ. Въ каменномъ городѣ, какъ мы могли замѣтить ходя по стѣнамъ, постройки очень невелики, дворы далеко не раскиданы такъ, какъ на посадѣ: здѣсь очевидно дорожатъ каждымъ клочкомъ земли, что вполнѣ естественно, такъ какъ крѣпость сравнительно не велика — всего кру-

---

[illegible]ъ погребомъ. Замѣчательно, что въ спискахъ ничего не говорится о другомъ тайникѣ, который по преданію выводилъ къ Нарѣ на другой сторонѣ кургана, недалеко отъ собора. Въ этомъ мѣстѣ по осыпи видно значительное углубленіе, какъ полагаютъ, отъ провала. Если дѣйствительно существовалъ тутъ потаенный ходъ, то развѣ въ XIV и XV вв. Во всякомъ случаѣ о немъ было бы упомянуто въ смѣт. списк. XVII в., если бы даже и былъ онъ тогда въ неисправности, подобно тайнику къ Серпейкѣ.

[1] „Съ четью“.

[2] Длиною 20 саженъ 2 четверти, считая съ отводными воротами. Въ смѣт. спис. нѣтъ опредѣленныхъ указаній на счетъ того, какъ шла отводная стѣна, въ которой одной частью стояла Караульная башня, показаны только одни разстоянія, такъ что въ нашемъ описаніи мы должны основаться на предположеніи, которое намъ кажется вѣрнымъ.

гомъ ея стѣнъ считается 438 саженъ[1]. Нѣсколько обширнѣе другихъ зданій, помимо собора Живоначальной Троицы и церкви Дмитрія Св., двѣ казенныя избы: съѣзжая[2], или приказная, и губная[3] и воеводскій дворъ[4], нѣсколько украшенные рѣзьбою въ старинномъ вкусѣ. Остальныя казенныя постройки ужъ слишкомъ просты, таковы: „клѣтка"[5] для помѣщенія пищалей простыхъ и затинныхъ[6], другая „клѣтка", гдѣ лежатъ кожаные мѣшки, кулаки[7], клины, ломы и т. п. для городоваго дѣла, „зеленная казна" для храненія пороха, съ особымъ помѣщеніемъ для ядеръ и пуль, „хлѣбныя житницы", гдѣ хранится хлѣбъ и соль. Видно тутъ же въ городѣ „зелейныя" и „ямчюжные мастера"[8] приготовляютъ „зелье" — порохъ; вонъ стоятъ мѣдные селитряные котлы. Есть и другіе котлы, но они имѣютъ другое назначеніе: въ нихъ кипятятъ смолу въ случаѣ нападенія на крѣпость и обдаютъ ею сверху среди стѣнныхъ зубцовъ. Сохрани Богъ отъ такой поливки! Улицами, только конечно въ миніатюрѣ, стоятъ укромные осадные дворы сосѣднихъ монастырей и кое-кого изъ помѣщиковъ и вотчинниковъ[9]. Монастыри возятъ въ нихъ въ случаѣ опасности

---

[1] „И три чети". По описи 1678 г. длина стѣнъ показана еще меньше: 418 саженъ съ четью (Доп. къ Акт. истор. IX, № 106, стр. 233).

[2] Съѣзжая изба, или приказная — мѣсто для производства слѣдствія, или розыска по разнымъ проступкамъ и преступленіямъ, а также и для суда; здѣсь же содержались подъ стражею подсудимые. Главнымъ лицомъ въ избѣ былъ воевода: онъ тамъ сидѣлъ на первомъ мѣстѣ и принималъ просителей; но дѣлопроизводство было въ рукахъ „дьяка" и его подчиненныхъ чиновниковъ — „подьячихъ"; еще низшую ступень занимали „розсыльщики".

[3] Въ губной избѣ разбирались уголовныя дѣла — особымъ выборнымъ судьею, который назывался „Губнымъ старостою".

[4] Хотя въ актахъ, которыми мы пользовались, не упоминается о воеводскомъ дворѣ, все таки полагаемъ, что онъ былъ, какъ и въ другихъ городахъ, и притомъ въ каменномъ городѣ

[5] Т. е. клѣть, холодный покой.

[5] Простыя пищали были въ родѣ нашихъ ружей, только зажигались фитилемъ. Затинныя были бóльшихъ размѣровъ, употреблялись преимущественно для обороны крѣпостей. Главныя составныя части пищалей были: деревянный станокъ, называвшійся *ложею*, и желѣзный *стволъ*, крѣпко прикрѣпленный къ станку.

[7] Кулакъ — большой молотъ для разбивки камней.

[8] Зелейный мастеръ и Зелейная слобода, какъ мы видѣли, упоминаются въ описи Фуникова.

[9] На сколько они были малы, видно изъ слѣдующаго извѣстія, записанными изъ рукописныхъ актовъ, хранящихся въ ризницѣ Серпух.]

„монастырской обиходъ — образы и книги и всякое монастырское строенье“ [1] помѣщики и вотчинники — свое добро и сами укрываются съ своими семействами. Вѣстовой колоколъ, помѣщающійся на одной изъ башенъ, въ случаѣ тревоги хоть кого разбудитъ своимъ звономъ. Тогда оживляется городъ: вездѣ шумъ, движеніе, одна повозка за другою ползетъ по откосу, направляясь къ Проѣзжимъ воротамъ. Хорошо еще, если стоитъ ведро, а то въ распутье нелегко взбираться на „градскую гору“. Когда все обстоитъ благополучно, монотонно скучно въ городѣ. Въ осадныхъ дворахъ тихо: тамъ одни дворники, не всегда семейные люди, часто одиночные, которымъ некуда дѣться [2]. Коротаютъ они свое время, какъ умѣютъ, и, быть можетъ, не знаютъ скуки. А время идетъ и идетъ.... Перемѣнился людъ во дворничествѣ, навсегда простившись съ жизнію. На ряду съ русскими явились новые защитники каменнаго города „кормовые иноземцы“ [3], и чужая рѣчь слышится подъ сводами древнихъ башенъ. Они заправляютъ городовою службою и учатъ воинскому дѣлу и пушкарей, и затинщиковъ, и всякихъ мастеровъ. Не дичатся ихъ русскіе люди, да и сами иноземцы скоро сживаются съ ними и быстро обращаются въ нихъ, если только не уѣзжаютъ въ свои земли. Однако, не смотря на всѣ военныя предосторожности, невидать враговъ у стѣнъ грознаго города, хотя и часто приходитъ „сполочное время“, когда бьютъ въ „сполошный“ (вѣстовой колоколъ), и серпуховичи съ окрестными помѣщиками и вотчинниками сидятъ въ осадѣ. Крым-

---

1618 г. августа 25 дня „Онофрей Федотовъ Роевской Серпуховитинъ.... поступился.... Владычня монастыря игумену Кирилу съ братіею.... въ Серпуховѣ внутри городѣ дороваго своего мѣста подлѣ ихъ Владычнего монастыря подворья въ длину 2 сажени, а поперекъ 4 сажени“, причемъ взялъ за него денегъ одинъ рубль.

[1] Списокъ съ грам. 1634 г. Серпух. Влад. мон. (Истор. опис. мон., стр. 140).

[2] Часто встрѣчаются между ними разные прихожіе люди, какъ видно изъ разныхъ актовъ XVII вѣка.

[3] Въ неоднократно уже упомянутой рукописной книгѣ, хранящейся въ Арх. Мин. Юстиц. (Дѣла разныхъ городовъ 1620 — 93 г. Серпуховъ, книга 8) заключаются между прочимъ: „Изъ Разряду книги раздаточные серпуховскихъ кормовыхъ иноземцевъ“. Изъ нихъ оказывается, что всѣхъ иноземцевъ въ 1621 г. было 10 человѣкъ, почти всѣ новокрещены, бо́льшею частію выходцы изъ „Цысарские земли“. Головникъ надъ ними былъ Фома Даниловъ сынъ Гаѵель. Жалованья всѣмъ сходило на мѣсяцъ 32 рубля съ гривною, въ чемъ имѣются ихъ росписки на нѣмецкомъ

цы хотя и перелазиваютъ чрезъ Оку не подалеку отъ города, старательно обходятъ его. Въ смутную эпоху, перешедшую потомъ въ настоящее раззореніе всего государства, одно время, какъ мы видѣли, усѣлись въ крѣпости поляки съ своимъ наѣздникомъ Млоцкимъ и завели было свои порядки. Но пришлецы не долго удержались, и вотъ, съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича, въ городѣ мы видимъ прежнюю царскую службу. Разъ только въ 1618 г. не даромъ сѣли въ немъ въ осадѣ и запаслись всѣмъ на всякій случай: гетманъ Сагайдачный съ черкасами ударилъ сперва на острогъ, а потомъ и на самый каменный городъ. Читатель вѣрно припомнитъ, гетманъ ходилъ на соединеніе съ королевичемъ Владиславомъ, стоявшимъ подъ Москвою, при чемъ походъ былъ неудаченъ. Теперь онъ возвращался назадъ и мимоходомъ рѣшился овладѣть Серпуховомъ. Деревянный городъ, или острогъ, не устоялъ противъ натиска черкасъ. Но изъ каменнаго города дали таки порядочный отпоръ и мужественно отразили нападеніе. Это было единственное крупное дѣло подъ стѣнами грозной твердыни. Не отъ непріятелей, просто отъ времени онѣ постепенно теряли свою крѣпость и начинали разрушаться. Такъ ихъ чинили въ 1646 и 47 гг. дѣлали, какъ значится въ одномъ актѣ [1], „каменной городъ, со всякими городовыми крѣпостьми, Серпуховымъ, Тарусою, Абоuленскимъ, Алексинскимъ, Ерославца Малаго, Каширою, Боровскомъ, Хатунскою волостью и Давыдовою пустошью, посады и уѣзды, по плотежнымъ книгамъ съ живущихъ четвертей“. Судя по этому извѣстію поправка стѣнъ должна была быть довольно значительна. Чрезъ двадцать лѣтъ, въ 1669 г. [2] страшный пожаръ

[1] Спис. съ грам. царей Іоанна и Петра Алекс. 1685 г. Серпуховскому воеводѣ Зыкову (Истор. опис. Серпух. Влад. мон., стр. 147). Какъ видно изъ нея, „городовое дѣло“ производилось „межъ дѣловой пашенной пары, чтобъ.... сошнымъ людемъ всякихъ чиновъ было не въ тягость“. Работою направлялъ „горододѣлецъ думный дворянинъ Аѳанасій Осиповичъ Прончищевъ“. По его „розвытки“ участники работы возили „камень стенной і бутовой, песокъ і глину“ (Списокъ съ грамоты 1653 г. серпух. воеводѣ кн. Гр. Ѳед. Меньшему Чертенскому).

[2] „В прошломъ во 177 г. (1669) волею Божіею городъ Серпуховъ весь выгорѣлъ безъ остатку“, читаемъ въ одной челобитной 1690 г. хранящейся въ арх. Серпух. город. упр. Въ храмозданной грамотѣ 1767 г. данной церковнослужителямъ и прихожанамъ церкви Вознесенія Господня (прежде бывшей во имя Фрола св.) говорится со словъ ихъ прошенія, что прежняя церковь была „древяннаго зданія і во время до случившагося во 178-м году (1670 г.) іюля въ 4 день болшаго пожара оная цер-

истребилъ весь Серпуховъ, не уцѣлѣлъ отъ него и каменный городъ. Не только погорѣли отъ него всѣ деревянныя постройки, даже попортились многія пищали и орудія для городоваго дѣла. Въ 1681 году, какъ читаемъ въ смѣтномъ спискѣ того времени, „весь городъ каменной и башни, послѣ пожарнаго времени, не крыто ничего“. Конечно пожаръ произвелъ страшное разрушеніе во всей, прежде столь грозной, оградѣ крѣпости. Не даромъ въ вышеупомянутомъ году въ „смотренныхъ и смѣтныхъ и мѣрныхъ книгахъ“, по которымъ новый воевода стольникъ Леонтій Анфиногеновичъ Шишкинъ принималъ въ свое завѣдываніе городъ [1], послѣдній представляется въ самомъ плачевномъ видѣ, такъ у Воскресенской башни, „бокъ выволился и вся (она) худа“, „своды“ въ Большой проѣзжей башни, „каменья волятца, безпрестанно падаютъ, и вся та башня проѣзжея худа, и валитца разно, проѣхоть и пройти немочно“.

Припомнимъ, что въ это время давно уже завершилась та роль, которая выпала въ нашей исторіи на долю Серпухова: съ расширеніемъ предѣловъ государства далеко на югъ, онъ переставъ быть опорнымъ пунктомъ на Берегу, да теперь ужъ и Берега не существовало въ прежнемъ значеніи этого слова.

Шишкину пришлось описывать въ своихъ книгахъ по большей части одинъ негодный хламъ — остатки отъ нѣкогда сильнаго вооруженія стѣнъ и бастіоновъ. „Въ городѣ въ клѣтки, записано у него, 20 пищалей затинныхъ желѣзныхъ сгорѣли, одни цволы. Въ 146 [2] году прислана.... пищаль желѣзная, а къ ней ядро по осми гривенокъ, — безъ станку, вся изоржавѣла.... 12 стволовъ ручныхъ горѣлыхъ, къ стрѣльбѣ не годятца, а тѣ стволы ручныя пищали.... 4 пищали двойниковыхъ.... въ станкахъ и на колесахъ 9, и тѣ станки и колеса худы и къ походу не годятца, и колеса не окованы [3]. А десятоя пищаль тройниковая лежитъ безъ

ковъ волею Божіею отъ грома і молніи згорѣла вся безъ остатку“ (грамота хран. въ ризницѣ Троиц собора). Не объ одномъ ли и томъ сообщается въ томъ и другомъ извѣстіи?

[1] Отъ прежняго воеводы Тимоѳея Кузьмича Хвощинскаго.

[2] Т. е. въ 1638.

[3] Значитъ часть пищалей брали иногда изъ Серпухова къ походы. Гривенка — фунтъ.

станку; а тѣ пищали всѣ ржавыя.... Пищалей оковано желѣзомъ 9, только станки и колеса худы, потому что тѣ пищали стоятъ въ непокрытомъ мѣстѣ, и къ походу не годятца. А пищали всѣ перержавѣли и колеса не окованы.... 2 пищали.... послѣ пожару у одной обгорѣло дуло, а другая безъ затравку; и тѣ пищали лежатъ безъ станковъ, потому что къ стрѣльбѣ не годятца. 61 мушкетовъ порченыхъ съ ложеми и горѣлыхъ цволовъ.... 17 кулаковъ горѣлыхъ". Изъ сколько нибудь сноснаго оружія значатся въ описи: „Въ 168[1] году привезено съ тулского желѣзного заводу, съ городища, 20 пищалей желѣзныхъ, и послѣ пожару во станкахъ, пищаль десятерикъ, ядро къ ней въ 10 гривенокъ, три пищали петириковыхъ, ядро къ нимъ по 5 гривенокъ, пищаль тройникъ, ядро по 3 гривенки, 2 пищали, ядро къ нимъ по 8 гривенокъ, 4 пищали петириковыхъ, къ нимъ по 5 гривенокъ ядро, пищаль тройникъ". „Всего, пушечного и ручного, въ остаткѣ въ казнѣ зелья, было на лицо 9 пудъ 2 гривенки", „свинцу и свинцовыхъ ядеръ и пулекъ, за посылкою и отдачею" — 48 пудъ[2].

Съѣзжая, или Приказная изба, въ которой сидѣло двое подъячихъ, пожалованныхъ изъ Розряду[3], въ 1681 г., какъ видно изъ списка, „была вся ветха и роскрылась, и течь великая идетъ, а передъ нею крыльцо все ветхожъ". „Житницъ хлѣбныхъ и хлѣба и запасной соли" не было ничего.

Въ 1683 г., какъ видно изъ смѣтнаго списка за этотъ годъ[4], Леонтій Анфиногеновичъ продолжалъ еще быть воеводою. Онъ „построилъ приказные избы вновь, потому: прежняя приказная изба", говоритъ онъ самъ въ спискѣ, „была гораздо ветха, и рос-

---

[1] Т. е. 1660.

[2] Нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, именно въ 1678 г. „зелья ручного и пушечного" въ каменномъ городѣ было гораздо больше — „89 пудъ 2 гривенки" (Доп. къ Акт. Истор. IX, № 106, стр. 233, 234). Въ описи за тотъ годъ между орудіями для городоваго дѣла значатся „5 куровъ городовыхъ.... 90 жолонъ городоваго же дѣла".

[3] Прокофей Алимпеевъ сынъ Хрущовъ и Иванъ Стефановъ сынъ Кирьяковъ. Первый сидѣлъ на мѣстѣ своего отца и получалъ по окладу жалованья 15 рублей; второму еще не былъ учиненъ денежный окладъ. Третій подъячій, упомянутый въ спискѣ, былъ губнымъ. Звали его Иваномъ Остафьевымъ Колюпановымъ, сидѣлъ „по государевѣ грамотѣ изъ Розбойного приказу". Повидимому онъ занимался тоже въ Приказной избѣ.

[4] Дополн. къ Акт. Истор. X, № 104.

крылось, и течь великая шла, и во многихъ мѣстехъ сгнила; а нынѣшнія приказныя избы“ — хвалилъ Шишкинъ свою работу — „сдѣланы прочнѣй, на глухихъ подклетехъ, передъ ними сходны, крыльцо съ лѣсницею и съ рундукомъ, и позади переходы сдѣланы наглухо; въ тѣхъ заднихъ переходахъ сдѣлано козенка для писемъ и переходы сдѣланы вмѣстѣ, и покрыто все тесомъ, а подъ тесомъ кладено доръ и скала. Внутри въ тѣхъ приказныхъ избахъ учинено рѣшетки, и окошка, и мѣста, и столы, и полы, по приказному, какъ водитца. Въ передней печь кирпичная бѣлая, въ середней муравленная, съ трубами; в семи красныхъ окошкахъ рѣшетки желѣзные и оконницы болшіе слюдвеные. Дѣланы тѣ приказные избы всѣ въ новомъ угорскомъ лѣсу и крыты угорскимъ тесомъ; денги на нихъ сбираны, чѣмъ дѣланы, съ уѣздныхъ людей. А какъ тѣ приказные избы построены, и во что по цѣнѣ стали, и тому учинены строеные книги. Въ приказныхъ же избахъ въ передней Спасовъ образъ Богоявленія Христова, въ середней деисусъ три образа, Спасовъ, да Богородицынъ, да Іанна Предотеча, въ кіетѣ; писаны образы въ деисусѣ, и кіетъ учиненъ на ростворчетомъж на сусалномъ золотѣ. Въ задней деисусъ же три образа, Спасовъ, да Богородицынъ, да Іанна Предотеча. На приходномъ переднемъ крыльцѣ Спасовъ образъ Нерукотворенной. На воеводцкомъ столѣ въ середней новое красное сукно, да на столѣ Уложенная книга“ [1].

Опись оружія въ спискѣ 1683 г. сдѣлана въ слѣдующей болѣе упрощенной формѣ:

„Въ Серпуховѣ городѣ всякого наряду: у приказные избы въ непокрытой худой клѣтки 20 затинныхъ желѣзныхъ пищалей его-рѣли, одни стволы. Въ 146 [2] году прислана въ Серпуховъ пищаль желѣзная, а къ ней ядро по осми гривенокъ, безъ статку вся поржавѣла. Да въ остаткѣ въ Серпуховѣ въ казнѣ ядеръ желѣзныхъ тысеча пятдесятъ четыре ядра розныхъ вѣсомъ. Двѣнадцать

---

[1] Въ прежней Приказной избѣ по списку 1681 г. были: „Великого Государя 2 образа, одинъ образъ Спасовъ Нерукотворенный, другой образъ Богоявленія Христа Господа Бога и Спаса нашего, не въ окладѣ; третей образъ Богородицынъ, Казанскіе Пресвятые Богородицы, цка меншая, въ окладѣ“. Повидимому, при уничтоженіи въ послѣдствіи избы, часть образовъ была перенесена въ соборъ.

[2] Т. е. въ 1638 г.

Что естественно оставалось въ спискахъ полнымъ повтореніемъ описи 1681 г. это — сѣтованіе на жалкое состояніе городскихъ стѣнъ и башенъ. Но напрасно воеводы повторяли, что валятся изъ нихъ камни, что нельзя проѣхать, за разрушеніемъ, сквозь проѣзжую башню, что у другой вывалился бокъ и т. п. Никто не являлся чинить старый городъ съ его нѣкогда грозными боевыми твердынями[1]. Сильно поизмѣнились времена: та Русь, сыны которой работали надъ его сооруженіемъ, какъ старушка, доживала свой вѣкъ, готовясь передать свое наслѣдіе въ юныя, болѣе могучія руки. Изъ Москвы идутъ небывалыя прежде вѣсти про юнаго царевича Петра Алексѣевича. Заводятся новые порядки, замѣтна необычайная дѣятельность, вызывающая все на новые и новые труды. Замѣтно болѣе ломки стараго, чѣмъ его починки. И серпуховскимъ стѣнамъ, отжившимъ свой вѣкъ, суждено приходить все въ бóльшее и бóльшее разрушеніе. Не имъ ужъ загораживать путь врагамъ въ сердце Россіи: загородятъ его стройные бодрые полки, предводимые либо самимъ царемъ — „вѣчнымъ тружеником на тронѣ“, либо его „птенцами“. И не далеко то время, когда съ воротъ проѣзжей башни снимутъ тотъ образъ Спаса, предъ которымъ осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ людъ, входившій въ древнюю крѣпость, и поставятъ его во вновь выстроенномъ каменномъ соборѣ....

---

[1] Въ Истор. опис. Серпух. Влад. мон. (прим. 15) говорится, будто грамотою царей Іоанна и Петра Алексѣевичей предписано было дѣлать въ Серпуховѣ *каменный городъ*, со всякими городовыми *крѣпостьми*, и сдѣлана ссылка на царскую грамоту 1685 г. тамъ же напечатанную. Но въ грамотѣ вовсе не было предписано дѣлать что-либо подобное, а говорилось только о возможной поправкѣ крѣпости, причемъ серпуховичамъ тогда должны были бы помогать каширяне, какъ въ 1685 г. они сами помогали послѣднимъ дѣлать „на Каширѣ земляной валъ“. Смѣтные списки 1690-хъ годовъ, какъ мы видѣли, свидѣтельствуютъ, что ни въ 1685 г. ни позже не было произведено поправки крѣпости.

Что естественно оставалось въ спискахъ полнымъ повтореніемъ описи 1681 г. это — сѣтованіе на жалкое состояніе городскихъ стѣнъ и башенъ. Но напрасно воеводы повторяли, что валятся изъ нихъ камни, что нельзя проѣхать, за разрушеніемъ, сквозь проѣзжую башню, что у другой вывалился бокъ и т. п. Никто не являлся чинить старый городъ съ его нѣкогда грозными боевыми твердынями[1]. Сильно поизмѣнились времена: та Русь, сыны которой работали надъ его сооруженіемъ, какъ старушка, доживала свой вѣкъ, готовясь передать свое наслѣдіе въ юныя, болѣе могучія руки. Изъ Москвы идутъ небывалыя прежде вѣсти про юнаго царевича Петра Алексѣевича. Заводятся новые порядки, замѣтна необычайная дѣятельность, вызывающая все на новые и новые труды. Замѣтно болѣе ломки стараго, чѣмъ его починки. И серпуховскимъ стѣнамъ, отжившимъ свой вѣкъ, суждено приходить все въ бóльшее и бóльшее разрушеніе. Не имъ ужъ загораживать путь врагамъ въ сердце Россіи: загородятъ его стройные бодрые полки, предводимые либо самимъ царемъ — „вѣчнымъ труженикомъ на тронѣ", либо его „птенцами". И не далеко то время, когда съ воротъ проѣзжей башни снимутъ тотъ образъ Спаса, предъ которымъ осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ людъ, входившій въ древнюю крѣпость, и поставятъ его во вновь выстроенномъ каменномъ соборѣ....

---

[1] Въ Истор. опис. Серпух. Влад. мон. (прим. 15) говорится, будто грамотою царей Іоанна и Петра Алексѣевичей предписано было дѣлать въ Серпуховѣ *каменный городъ*, со всякими городовыми *крѣпостьми*, и сдѣлана ссылка на царскую грамоту 1685 г. тамъ же напечатанную. Но въ грамотѣ вовсе не было предписано дѣлать что-либо подобное, а говорилось только о возможной поправкѣ крѣпости, причемъ серпуховичамъ тогда должны были бы помогать каширяне, какъ въ 1685 г. они сами помогали послѣднимъ дѣлать „на Каширѣ земляной валъ". Смѣтные списки 1690-хъ годовъ, какъ мы видѣли, свидѣтельствуютъ, что ни въ 1685 г. ни позже не было произведено поправки крѣпости.

ГЛАВА III.

Посадъ и острогъ со второй половины XVI в. до временъ Петра Великаго.

Не одинъ князь Фуниковъ съ товарищами пріѣзжалъ въ Серпуховъ для переписи посада, или, какъ тогда говорили, для письма. Подобные ему писцы-стройщики не рѣдко показывались въ городѣ, особенно въ XVII в. послѣ прекращенія смутнаго времени. При господствовавшей тогда на Руси системѣ отбыванія тягла всѣмъ селеніемъ, правительство очень хорошо понимало, что слѣдовало какъ можно чаще производить осмотры городовъ и чинить въ нихъ „строй“, т. е. перепись посада, и „свозъ“, т. е. приводить въ посадъ въ тягло „по торгомъ, по лавкомъ и по промысломъ і по ремеслу“ [1] разныхъ людей, старавшихся избѣгнуть повинностей, преимущественно закладываясь за вліятельными лицами и монастырями; сверхъ сего иные „приходцы“, ушедшіе у себя на мѣстѣ родины изъ тягла, были не записаны въ число посадскихъ и жили среди нихъ не по праву въ качествѣ бѣломѣстныхъ лицъ, отчего и казна и посадъ терпѣли убытокъ.

Мы внимательно прослѣдили извѣстныя намъ строельныя-переписныя книги, касающіяся Серпухова. Почти всѣ онѣ относятся приблизительно къ срединѣ XVII в., къ царствованію Алексѣя Михаиловича, именно къ годамъ 1646, 49—52; только книги переписчиковъ Григорія Сунбулова и подъячаго Андрея Юрьева принадлежатъ къ царствованію Θеодора Алексѣевича, такъ какъ писаны въ 1678 г. [2].

Прежде чѣмъ познакомить читателя съ тѣмъ, что можно было извлечь изъ сказанныхъ книгъ, съ помощію нѣкоторыхъ другихъ

---

[1] Спис. съ Серпух. строельн. книгъ стройщика Алексѣя Игнатьева 1649 г. (Рук. Арх. Серпух. город. упр.).

[2] Книги 1646 г. переписи Ульяна Семеновича Ляпунова хранятся въ Арх. Мин. Юст. (Подлинная перепис. городовъ Серпухова и др. № 440), остальныхъ годовъ въ копіяхъ (спискахъ) — въ Архивѣ Серпух. город. управы. Послѣднихъ книгъ нѣтъ въ Арх. Мин. Юст.

источниковъ, постараемся нѣсколько пополнить пробѣлъ въ извѣстіяхъ о Серпуховѣ со временъ Фуникова до 1646 г.

Двадцать лѣтъ спустя послѣ князя Василія Семеновича, въ 1572 г. былъ посланъ въ Серпуховъ для „описи и досмотру“ Ѳедоръ Ивановъ сынъ Крюковъ съ подъячимъ Богданомъ Ивановымъ [1], но, къ сожалѣнію, составленный имъ актъ не дошелъ до насъ. Можно только догадываться, что Крюковъ со своимъ товарищемъ были присланы для рѣшенія какихъ-либо спорныхъ вопросовъ по земельному владѣнію, а не для всеобщаго письма, такъ какъ въ извѣстныхъ намъ актахъ архива Серпух. город. управы посадскіе при случаѣ дѣлаютъ ссылку на сотную Фуникова и умалчиваютъ объ описи и досмотрѣ Крюкова. Изъ грамоты Іоанна Грознаго, посланной въ Серпуховъ въ 1580 г. на имя *губнаго старосты* Сояна Гордѣева [2], мы узнаемъ, что городъ въ это время пользовался на ряду съ другими городами самоуправленіемъ, именно имѣлъ своихъ выборныхъ губныхъ старостъ — означеннаго Гордѣева и другаго Давыда Бѣлинова. Царская грамота пришла къ Гордѣеву вслѣдствіе челобитья игумена Владычняго монастыря Варсонофія, который просилъ, чтобы ему позволили владѣть помимо одной и другою половиною рѣки Нары на оброкѣ за полтора рубля на годъ. Царь приказалъ Гордѣеву исполнить желаніе челобитчика. Очевидно въ данномъ случаѣ губной староста исполнялъ одну изъ обязанностей воеводы, стало быть заступалъ его. Но на ряду съ дарованіемъ городу самоуправленія, кажется, либо совсѣмъ не отмѣнены были въ немъ воеводы, либо въ скоромъ времени стали назначаться опять по прежнему, вѣроятнѣе случилось первое: нельзя было оставить безъ воеводы важный пограничный пунктъ на Берегу, какимъ сдѣлался въ то время Серпуховъ. Какъ бы то ни было, только въ грамотѣ 1596 г. Серпуховскому Троицкому собору [3] говорится опредѣленно о воеводахъ, которымъ приказывается сбирать протаможье съ тѣхъ людей въ городѣ, кто начнетъ „торговати не явясь“, т. е. не уплативъ положенной протопопу

---

[1] Упоминается въ одномъ актѣ, хранящемся въ ризницѣ Серпух. Владыч. мон.

[2] Хранится, какъ мы уже замѣтили, въ ризницѣ Серп. Влад. мон.

[3] Переписана въ грамотѣ царя, Мих. Ѳеодор. 1624 г. хранящейся въ ризницѣ собора.

пошлины. При Михаилѣ Θеодоровичѣ и въ послѣдующія царствованія мы постоянно встрѣчаемъ въ Серпуховѣ воеводъ.

Смутная эпоха и послѣдовавшее за нею раззореніе государства дали себя порядочно почувствовать Серпухову: онъ былъ раззоренъ въ конецъ[1]. Въ 1610 г. если припомнитъ читатель, его острогъ съ посадомъ были сожжены поляками подъ начальствомъ Млоцкаго, при чемъ погибло множество народу. Конечно то и другое было отстроено вновь, и, съ вступленіемъ на престолъ Михаила Θеодоровича, казалось жизнь стала приходить постепенно въ свою обычную колею. Но посаду съ острогомъ пришлось еще въ 1618 г. испытать бѣдствія военнаго времени: они были взяты съ бою гетманомъ Сагайдачнымъ. Зато это было послѣднее непріятельское нападеніе. Съ тѣхъ поръ до нашествія въ 1812 г. французовъ ни одно внѣшнее событіе не грозило городу, и онъ зажилъ теперь однообразною жизнію внутренняго селенія, храня лишь воспоминанія[2] о прежде бывшихъ бранныхъ временахъ, когда его граждане сиживали въ осадѣ. Другіе города заняли теперь мѣсто Серпухова въ качествѣ оберегателей путей съ юга. Берегъ Оки перересталъ быть тѣмъ Берегомъ, какимъ мы его встрѣчали въ XV и XVI вв. и Украйна XVII в. лежала уже далеко въ Полѣ съ своими вновь устроенными военными поселеніями.

Скоро по вступленіи на престолъ Михаила Θеодоровича, именно въ 1614 г. посѣтили Серпуховъ царскіе „дозорщики“ (переписчики) Степанъ Чириковъ[3] и затѣмъ Θедоръ Вельяминовъ съ подьячимъ Алексѣемъ Михайловымъ[4], но ихъ дозорныя книги не дошли до

---

[1] При Борисѣ Годуновѣ въ 1601 г. Серпуховъ съ Коломною получили было нѣкоторое облегченіе въ повинностяхъ, именно было указано въ этихъ городахъ не строить городамъ „сохами“, т. е. на средства жителей, а строить ихъ на деньги изъ царской казны. С. Соловьевъ VII, 340; но развѣ это могло имѣть значеніе по сравненію съ бѣдствіями послѣдующаго времени?

[2] Къ нашему времени они совершенно забылись. Почему-то въ мѣстныхъ преданіяхъ главнымъ врагомъ города является „Литва“, а не татары. Конечно если преданія имѣютъ въ виду литовскіе отряды, грабившіе государство въ эпоху самозванцевъ, то они не ошибаются по праву.

[3] Упоминается въ жалованной грамотѣ Серпух. Владычному монастырю 1634 г. (Истор. опис. мон. стр. 149).

[4] Выписка съ дозорныхъ книгъ [illegible] [illegible] въ Арх. Мин. юстиц. въ Подлин. дозорной книгѣ. Москва и др. город. Книга 202.

насъ. Знаемъ только, что Чириковъ между другими дѣлами осматривалъ „тарханныя грамоты“, т. е. льготныя, жалованныя прежними царями, между прочимъ Владычнему монастырю [1].

Пріѣздъ дозорщиковъ, отъ письма которыхъ зависѣла раскладка податей, сообразно съ общимъ достаткомъ посада, конечно составлялъ одно изъ тѣхъ событій, которыя нарушали обычное теченіе жизни. Вездѣ въ дворахъ тогда можно было замѣтить нѣкоторую озабоченность. Того и гляди придутъ писцы, будутъ описывать всѣхъ мущинъ; если кто и не „родимецъ Серпуховитинъ“, а занимается какимъ торгомъ, все равно припишутъ въ тягло вмѣстѣ съ посадскими, а такихъ во дворахъ не мало, если судить по послѣдующей эпохѣ.

Но вотъ уѣхали писцы, кончились рѣчи про ихъ дозоръ и письмо, кажется отъ ихъ зоркаго взгляда врядъ ли могъ укрыться кто-либо, кто избѣгалъ бы тягла. А что же на самомъ дѣлѣ? Глядишь — въ одномъ другомъ дворѣ торгуютъ себѣ съ посадскими, а тягла не платятъ, другіе сошли, Богъ знаетъ куда, съ своихъ тяглыхъ дворовъ.

Не мало также разговоровъ и догадокъ, когда придетъ съ Москвы въ городъ грамота, которою предписывается выбрать за руками лучшихъ людей и послать въ царствующій градъ: тамъ собирается великая земская дума, царь хочетъ узнать мнѣніе людей разныхъ чиновъ съ разныхъ концовъ своего обширнаго царства. Выбрали въ городѣ выборныхъ — дворянъ и дѣтей боярскихъ съ уѣзда, и, въ сопровожденіи архимандрита Высоцкаго монастыря и соборнаго протопопа, они ѣдутъ въ столицу. Такъ ѣздили выборные избирать на царство Михаила Θеодоровича въ 1613 г. Въ 1642 г. самъ ужъ царь созывалъ великую земскую думу и спрашивалъ разныхъ чиновъ людей, принять ли „подъ свою высокую руку“ крѣпость

---

[1] Около этого времени серпуховичи торговые люди получили отъ Михаила Θеодоровича тоже тарханную — льготную грамоту. Они принесли свою лепту на возстановленіе московскихъ храмовъ послѣ разоренія, причиненнаго поляками, когда тѣ владѣли Кремлемъ, именно приняли на себя кузнечныя работы, въ томъ числѣ сдѣлали 160 провольныхъ листовъ на Благовѣщенскій соборъ. Царь пожаловалъ ихъ: освободилъ отъ подводной и другихъ земскихъ повинностей. („Историческое описаніе Серпухова“. Какъ кажется, оно было помѣщено нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ журналовъ. Мы пользовались рукописнымъ спискомъ).

немъ былъ дворъ „Живоначальные Тройцы Сергѣева монастыря“. Теперь его не было: вѣрно онъ перешелъ въ другія руки. По Буткиной улицѣ у церкви Николы Будки было скучено нѣсколько дворовъ, принадлежавшихъ знатнымъ лицамъ, такъ здѣсь были: а) боярскіе дворы:

1) Ббярина князя Бориса Михаиловича Лыкова, во двороничествѣ въ немъ былъ посадскій человѣкъ Щенковъ [1].

2) Боярина князя Ивана Андреевича Голицина.

б) дворянскіе:

1) Князя Ивана Михаиловича Долгорукова.

2 Князя Ивана Андреевича Дашкова.

Изъ Занарья Ляпуновъ перешелъ въ Острый конецъ и оттуда въ острогъ къ церкви „Всемилостиваго Спаса“. Въ Остромъ концѣ „в Гончарахъ“ среди бѣднаго посадскаго люду тогда въ двухъ дворахъ жили кормовые иноземцы:

1) Воинъ Софонтьевъ сынъ Сахновъ.

2) Трофимъ Воиновъ сынъ Войтѣховъ.

Въ третьемъ дворѣ жила вдова иноземца жена Сохнова. Въ острогѣ среди другихъ дворовъ Ляпуновъ записалъ дворъ „Гришки Ѳедорова сына Коншина“ [2], затѣмъ „Доморникова“—очевидно ведшихъ свой родъ отъ Конши и доморника, упоминаемыхъ въ сотной Фуникова. Изъ другихъ дворовъ два отличались спеціальнымъ назначеніемъ, именно одинъ былъ занятъ „богодѣльными нищими“, другой служилъ „земскимъ“ дворомъ. „Богодѣльныя нищеи.... Фомка Микитинъ сынъ слѣпой с товарыщи двянатцат человѣкъ“ отнесены были Ляпуновымъ къ бобылямъ. „Земской“ дворъ, очевидно просторнѣе и нряднѣе другихъ, служилъ для схода посадскихъ; въ немъ, записалъ Ульянъ Семеновичъ, „сходятца для совѣту серпуховские посацкие люди“. Здѣсь горожане разсуждали о своихъ нуждахъ, избирали головнаго старосту и земскихъ старостъ для раскладки податей, тягла, кругомъ котораго преимущественно вращались ихъ интересы; тутъ же происходили также выборы цѣловальниковъ къ государеву дѣлу [3], особенно къ продажѣ вина

---

[1] Щенковы и теперь владѣютъ домами въ той же улицѣ на томъ же мѣстѣ.

[2] „У нево сынъ Тимошка“.

[3] С. Соловьевъ, XIII, 99.

ной улицы, гдѣ жили казенные кузнецы [1], обязанные работами въ крѣпости. Во времена князя Василія Семеновича не было еще такой улицы. Впрочемъ какъ не быть перемѣнъ въ теченіи почти ста лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣзжалъ въ Серпуховъ! Такъ, идя вверхъ по Нарѣ отъ Казенной улицы, Ульянъ Семеновичъ „меж посацкихъ дворовъ" обошелъ дворы „кормовыхъ иноземцевъ", состоявшихъ въ городѣ на царской службѣ [2], и записалъ ихъ всѣ въ свои дозорныя книги съ тѣми посадскими, которыхъ онъ въ нихъ нашелъ. Мало было ему дѣла, правильно ли онъ записывалъ имена и прозвища иноземцевъ, или нѣтъ, да и легко ли было тогдашнему русскому человѣку уловить иноземныя слова? Отсюда понятно, почему бо́льшая часть кормовыхъ иноземцевъ появляется въ книгахъ Ляпунова съ русскими именами, развѣ одинъ — другой иноземецъ носитъ свою настоящую фамилію; иное дѣло иноземцы славянскаго происхожденія — поляки, пріѣзжавшіе къ намъ тоже изъ „Цысарскія земли" [3]; ихъ прозвища понятнѣе для русскаго уха, почему и записаны правильно. Вотъ дворы какихъ иноземцевъ занесъ въ свои книги нашъ Ульянъ Семеновичъ:

1) „Ондрѣя Кирилова сына прапорщика".

2) „Дмитрея Остафьева сына Дигилбова", проживавшаго съ своимъ братомъ Василіемъ.

3) „Филимона Лукьянова сына Стасова".

4) „Ивана Романова сына прапорщика". У него оказался „приемышъ Екимко Савельевъ сынъ Торущенина посацкого человѣка".

5) „Ивана Кузмина сына Бутова".

6) „Павла Иванова сына Ефрѣмова" съ братьями.

7) „Болохчеева вдовы" [4]. 8) „Кореневскаго, 9) Посецкаго. Кузьмодемьянскій переулокъ сотной Фуникова теперь назывался уже улицею, — вѣроятно вслѣдствіе своей значительности. Въ 1614 г.[5] въ

---

[1] Въ девяти дворахъ.

[2] Какъ мы видѣли, „кормовые иноземцы" въ Серпуховѣ встрѣчаются съ 1620-хъ годовъ; можетъ быть, и весьма вѣроятно, что они были и раньше того времени.

[3] Т. е. изъ Австріи, или Германіи.

[4] Безъ сомнѣнія отъ этой фамиліи ведутъ свой родъ серпуховскіе купцы Ба-[illegible]

[5] Выписка съ дозорныхъ книгъ этого года (Арх. Мин. Юст. Подлинная дозорная Москва и другіе города, книга 258, л. 130).

немъ былъ дворъ „Живоначальные Тройцы Сергѣева монастыря“. Теперь его не было: вѣрно онъ перешелъ въ другія руки. По Буткиной улицѣ у церкви Николы Будки было скучено нѣсколько дворовъ, принадлежавшихъ знатнымъ лицамъ, такъ здѣсь были: а) боярскіе дворы:

1) Боярина князя Бориса Михаиловича Лыкова, во дворничествѣ въ немъ былъ посадскій человѣкъ Щенковъ[1].

2) Боярина князя Ивана Андреевича Голицина.

б) дворянскіе:

1) Князя Ивана Михаиловича Долгорукова.

2 Князя Ивана Андреевича Дашкова.

Изъ Занарья Ляпуновъ перешелъ въ Острый конецъ и оттуда въ острогъ къ церкви „Всемилостиваго Спаса“. Въ Остромъ концѣ „в Гончарахъ“ среди бѣднаго посадскаго люду тогда въ двухъ дворахъ жили кормовые иноземцы:

1) Воинъ Софонтьевъ сынъ Сахновъ.

2) Трофимъ Воиновъ сынъ Войтѣховъ.

Въ третьемъ дворѣ жила вдова иноземца жена Сохнова. Въ острогѣ среди другихъ дворовъ Ляпуновъ записалъ дворъ „Гришки Өедорова сына Конщина“[2], затѣмъ „Доморникова“—очевидно ведшихъ свой родъ отъ Конши и доморника, упоминаемыхъ въ сотной Фуникова. Изъ другихъ дворовъ два отличались специальнымъ назначеніемъ, именно одинъ былъ занятъ „богодѣльными нищими“, другой служилъ „земскимъ“ дворомъ. „Богодѣльныя нищеи.... Фомка Микитинъ сынъ слѣпой с товарыщи двянатцат человѣкъ“ отнесены были Ляпуновымъ къ бобылямъ. „Земской“ дворъ, очевидно просторнѣе и нараднѣе другихъ, служилъ для схода посадскихъ; въ немъ, записалъ Ульянъ Семеновичъ, „сходятца для совѣту серпуховские посацкие люди“. Здѣсь горожане разсуждали о своихъ нуждахъ, избирали головнаго старосту и земскихъ старостъ для раскладки податей, тягла, кругомъ котораго преимущественно вращались ихъ интересы; тутъ же происходили также выборы цѣловальниковъ къ государеву дѣлу[3], особенно къ продажѣ вина

---

[1] Щенковы и теперь владѣютъ домами въ той же улицѣ на томъ же мѣстѣ.

[2] „У нево сынъ Тимошка“.

[3] С. Соловьевъ, XIII, 99.

отъ казны на кружечномъ дворѣ[1]. Земскій дьякъ съ подъячими вели при этомъ канцелярскій порядокъ. Изъ кормовыхъ иноземцевъ Ульянъ Семеновичъ нашелъ въ острогѣ только одного „Балахчѣева“. Зато теперь въ немъ оказалось много осадныхъ дворовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, которые онъ старательно осмотрѣлъ, допытываясь, не живетъ ли въ нихъ лишняго люду помимо дворниковъ. Послѣдовательно были обойдены:

а) боярскіе дворы:

1) Боярина Ѳедора Ивановича Шереметева.

2) Боярина князя Бориса Михаиловича Лыкова.

б) дворянскіе дворы:

1) „Богдана Ондрѣева сына Незнанова“.

2) Несмѣяна Чаплина, 3) Андрея Лейкина, 4) Василья Нарышкина.

в) разныхъ лицъ (преимущественно тоже помѣщиковъ):

1) Микифора Раинского, 2) Прохора Соймонова, 3) „Воиновъ Арцыбушева“, 4) Ивана Недюрова, 5) князя Ивана Гагарина, 6) Клементья Соймонова, 7) Якова Колтовскаго, 8) „Патріаршій“, 9) Пафнутьева монастыря.

Часть осадныхъ дворовъ была безъ дворниковъ, таковы были дворы начиная отъ Егорьевскихъ воротъ:

1) Серпуховитина Ивана Раевскаго, 2) Семена Левонтьева, 3) Якова Кутузова, 4) Замятни Кунакова, 5) стольника князь Ѳедора Андреевича Хилкова, 6) Ивана Бирева, 7) Данила Елагина,[2] 8) Василія и Семена Ладыженскихъ. Вообще острогъ по характеру своихъ дворовъ во многомъ теперь разнился отъ того древняго посада, какимъ онъ былъ нѣкогда и который былъ переписанъ княземъ Фуниковымъ. Хотя въ немъ остался по прежнему торгъ, все же онъ принялъ болѣе военный характеръ съ своею массою осадныхъ дворовъ, пустыхъ въ мирное время и многолюдныхъ, когда приходилось готовиться сидѣть въ осадѣ. Ляпуновъ встрѣтилъ въ немъ и пушкарей, именно дворы:

1) „Овцы Матюшки Онисимова сына“, 2) Лотарева, 3) Ножевниковыхъ, числомъ три, и 4) Шапочниковыхъ — тоже три.

---

[1] Кружечный дворъ былъ у церкви св. Фрола.

[2] [illegible] Елагинъ былъ воеводою въ Серпуховѣ въ 1634 г. (Арх. [illegible] 3).

Часть посадскихъ, которая волею-неволею должна была покинуть свои дворы на древнемъ посадѣ со времени его обращенія въ острогъ, поселилась за острожными стѣнами, за храмами св. Георгія и Троицы. Образовавшійся поселокъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ *Троицкой слободы*. Онъ тянулся за Серпейку по направленію къ древнему „Сельцу", которое въ дозорныхъ книгахъ Ляпунова названо уже „Мироносицкимъ"—конечно по церкви въ честь св. женъ Мироносицъ[1]. Замѣчательно, что въ переписныхъ книгахъ 1678 г. Троицкою слободою, или улицею названы всѣ дворы за острогомъ отъ церквей Георгія и Троицы до Мироносицкаго сельца[2], на самомъ же дѣлѣ слобода оканчивалась у Серпейки[3].

Въ Троицкой слободѣ жили однако не одни посадскіе: Ляпуновъ нашелъ тамъ не мало пушкарей, главныхъ защитниковъ города, такъ онъ записалъ слѣдующіе пушкарскіе дворы: 1) Лазарева, 2) Клюева, 3) Шапочниковыхъ — два двора, 4) Медвѣдевыхъ — тоже два двора, 5) Обрамова и Котырина, 6) Микифорка Елки; жили тутъже кое-кто и изъ воротниковъ.

Чрезъ Серпейку Ульянъ Семеновичъ поднялся на Воскресенскую гору и пошелъ далѣе къ Сельцу. На горѣ среди посадскихъ онъ обошелъ пушкарскіе дворы:

1) Олфимки Ершова, 2) Воробьева, 3) Дерябина, 4) Замятнина, 5) Княинкиныхъ — два, 6) Осипка Федорова сына Сѣрикова, 7) Иконникова; затѣмъ дворы конюшенныхъ тяглецовъ:

1) Иконника — на посадской землѣ, 2) Коровяковыхъ — на воскресенской церковной землѣ. Въ перемѣшку съ пушкарями, состоявшими на службѣ, жили отставленные пушкари и городовые воротники. Такое же населеніе встрѣтилъ Ляпуновъ почти по всему пути своего слѣдованія за Воскресенскою горою. На Аѳанасьевской горѣ, „на Рожественской церковной землѣ", сверхъ сего были дворы „беломѣсныхъ казаковъ", состоявшихъ на царской службѣ и свободныхъ отъ тягла, именно дворы: 1) Шахворостовыхъ — два, 2) Наливая, 3) Подовинниковыхъ—два, 4) Казаринова,

---

[1] Въ 1685 г. она была уже каменною. Выпись съ Серпух. межевыхъ книгъ этого года (Рук. арх. Серпух. город. управы).

[2] Пер. кн. хранятся въ арх. Серпух. город. управы.

[3] Видно изъ слѣдующихъ словъ дозорныхъ книгъ Ляпунова: „За [illegible] и Троецкой улице и на воскресенской горѣ и около церкви Николы [illegible]

5) Коптевыхъ, 6) Киселя, 7) Остафьева, 8) Суботина. Тутъ же былъ дворъ „заплечнаго мастера" Сеньки Зиновьева Дробнина.

Перейдя въ Никольскую улицу[1] у Николы Бѣлаго, Ульянъ Семеновичъ среди посадскаго населенія переписалъ пушкарскіе дворы: 1) Герасимова, 2) Щеголихина, 3) Лазарева, 4) Шапочникова, 5) Воробьева, 6) Лучникова[2] и дворы конюшенныхъ тяглецовъ: 1) Дробниныхъ — два, 2) Зарубина, 3) Сидорова, 4) Мясоѣдова, 5) Коровяковыхъ, затѣмъ у церкви Рождества Христова попалось ему нѣсколько дворовъ „отставленыхъ пушкарей", вмѣстѣ съ ними находились дворы конюшенныхъ тяглецовъ и „городовыхъ воротниковъ". Изъ послѣднихъ были записаны въ дозорныя книги на Никольской церковной землѣ дворы:

1) Серебреника, 2) Серебреникова, 3) Дакшина вдовы, 4) Истохиныхъ — два двора, 5) Сорокина вдовы.

„Подлѣ Мироносицкого селца отъ Нечистого вершка" въ двухъ дворахъ жили „кормовые иноземцы": ближе у оврага — „Шихновской, дальше у церкви Рождества Христова — „Лазицкой". — Тотъ и другой тоже были записаны Ляпуновымъ.

Среди вообще тяглыхъ дворовъ въ дозорныя книги были занесены слѣдующіе дворы „нетяглые":

1) въ Казенной улицѣ „разсылщика Голубина".

2) „межъ иноземцовъ" — бѣлозерца Моисея Салтанова;

3) въ Богоявленскомъ приходѣ — „гунаго дьячка Ермола Ерастова сына Зяблого";

4) въ острогѣ на спасской землѣ „съѣзжей избы подъячего Фофонова".

5) внутри города (т. е. каменнаго) церкви „Дмитрея Селунскаго" дьячковъ Посниковыхъ, двухъ братьевъ;

6) За острогомъ въ Никольскомъ приходѣ: а) „Гостиные сотни торговаго человѣка Онкидина Офанасьева сына Кобылнина". Въ домѣ у него находился „купленой татаринъ астараханской Власко; отца, сказалъ, не помнитъ; у Власка сынъ Олешка", б) „пло-

---

[1] Въ дозорныхъ книгахъ Ляпунова въ этой мѣстности мы уже не встрѣчаемъ тѣхъ слободъ, которыя были упомянуты въ сотной кн. Фуникова.

[2] Припомнимъ „лучника" сотной кн. Фуникова.

щадного подъячего Щурупова“, в) „Тимофѣя Владычкина“ [1]; въ немъ жили „люди ево“.

Сравнивая уже одно то, съ чѣмъ мы познакомили читателей изъ дозорныхъ книгъ Ляпунова, съ тѣмъ, что было записано въ сотной, нельзя не замѣтить большихъ перемѣнъ во всемъ. Начать съ того, что отъ сотной вѣетъ болѣе отдаленною древностью изъ эпохи удѣловъ, въ дозорныхъ же книгахъ Ульяна Семеновича, какъ и послѣдующихъ писцовъ и дозорщиковъ, мы встрѣчаемъ болѣе простую форму переписи, исключительно принаровленную къ данной минутѣ, причемъ писцы многаго уже не знаютъ изъ той старины, которая еще была свѣжа въ 1552 г. Но это болѣе внѣшняя, формальная разница. За то какъ не назвать существенною разницею — ту перемѣну, которая бросается въ глаза при сравненіи характера народонаселенія во времена Фуникова и при прибытіи въ Серпуховъ Ляпунова?

При Фуниковѣ, вспомнимъ, на посадѣ и въ слободахъ, тогда въ него включенныхъ, все жили „торговые и мастеровые люди“; кое-гдѣ только среди нихъ, особенно по окраинамъ, попадались казаки и семьи пищальниковъ. Теперь не то: Ляпунову при осмотрѣ города съ посадомъ то и дѣло приходилось заходить во дворы разныхъ ратныхъ людей: здѣсь кормовые иноземцы, казенные кузнецы, тамъ пушкари, воротники, бѣломѣстные казаки, а потомъ глядишь опять дворы разныхъ нѣмчиновъ. Въ древнемъ посадѣ, который уже давно обращенъ въ острогъ, сколько осадныхъ помѣщичьихъ дворовъ, гдѣ пріютились подъ видомъ дворничества посадскіе, избѣгающіе тягла! Видно по всему, что Ляпуновъ осматривалъ преимущественно военное поселеніе; да такимъ оно и казалось снаружи: предъ острогомъ торчатъ неуклюжіе надолбы, за ними ровъ, острожныя стѣны съ бойницами и башнями, за острогомъ громадный курганъ — каменный городъ съ величественными башнями — все это признаки сильной крѣпости. Но городъ быстро пережилъ то непродолжительное время, когда онъ былъ рѣшительно первымъ на Берегу, когда не одинъ царь въѣзжалъ въ его ворота, окруженный блестящею свитою царедворцевъ въ богатыхъ ратныхъ доспѣхахъ. Съ восшествіемъ на

---

[1] Одного изъ окрестныхъ помѣщиковъ.

престолъ Михаила Θеодоровича, а тѣмъ болѣе въ царствованіе Алексѣя Михаиловича и въ послѣдующее время, вслѣдствіе уже описанныхъ нами измѣнившихся обстоятельствъ, городу постепенно суждено было все болѣе и болѣе сходить съ того виднаго положенія, которое онъ пріобрѣлъ въ XVI в. Страшная эпоха раззоренія государства какъ бы смела часть его населенія; едва городъ сталъ оправляться отъ нея, какъ взятіе посада и острога въ 1618 г. гетманомъ Сагайдачнымъ опять нанесло сильный ударъ благосостоянію его жителей, часть которыхъ при этомъ преждевременно сошла въ могилу подъ казацкими саблями. И вотъ неудивительно, что къ 1646 г. когда Ляпуновъ переписывалъ городъ и посадъ, немного уцѣлѣло изъ тѣхъ родовъ, которые записалъ нѣкогда кн. Фуниковъ въ своей сотной. Правда можно и должно допустить, что нѣкоторые изъ нихъ приняли другое прозвище[1], но это не могло же случиться со всѣми семьями. Вообще изъ 115 настоящихъ фамилій сотной въ переписныхъ книгахъ Ляпунова встрѣчаются только 19 слѣдующихъ фамилій:

1) Федины,
2) Воронины,
3) Харины,
4) Толстые,
5) Дудины,
6) Щербинины,
7) Еремѣевы,
8) Демины,
9) Пономаревы,
10) Юдины,
11) Вороновы,
12) Букины,
13) Коншины,
14) Зубовы,
15) Селины,
16) Замочниковы,
17) Черновы,
18) Корякины,
19) Зѣнины.

Сверхъ сего доморникъ сотной обратилось въ фамилію Доморниковъ, лучникъ — въ Лучниковъ и т. п.

Полагаемъ, частое упоминаніе Ляпуновымъ въ его книгахъ о пріемышахъ, которые жили въ семьяхъ и у посадскихъ, и у ратныхъ людей, можетъ быть тоже отнесено къ слѣдамъ, оставшимся послѣ смутной эпохи, или взятія посада и острога Сагайдачнымъ[2]; не тому ли самому слѣдуетъ приписать, что въ Занарьѣ въ двухъ избахъ въ раздѣлѣ на одномъ дворѣ жили три вдовы Черновы?

---

[1] И въ настоящее время многіе изъ серпуховскихъ купцовъ и мѣщанъ имѣютъ по двѣ фамиліи.

[2] Про одного пріемыша сказано „найденъ въ ряду, а чей сынъ тово не вѣдомо“.

Далеко не всѣ посадскіе, и даже лица военнаго сословія, оказались у себя во дворахъ въ городѣ, или на посадѣ, когда ходилъ по нимъ Ляпуновъ для своего письма. Такъ про многихъ изъ нихъ сказывали, что они на Москвѣ, другіе по разнымъ занятіямъ и дѣламъ жили въ другихъ городахъ. Одинъ пушкарь былъ „в Пронске на кабакѣ", сынъ другаго пушкаря оказался „на Вологде". Семья воротника „Юрки Онисимова сына Серебреникова" разошлась по разнымъ мѣстамъ: „сказали", записано Ляпуновымъ: „Юрка на Вологде, Вавилко (сынъ его) в Нижнемъ на кабакѣ, Фомка, Ивашко, Илюшка (тоже его сыновья) на Москвѣ сидятъ въ лавкахъ". Про сыновей вдовы конюшеннаго тяглеца Коровяковой сказали: „Офонка на Москвѣ, а Якушко на Вологде". Изъ трехъ братьевъ — дворниковъ, жившихъ во дворѣ Пафнутьева монастыря, оказались: одинъ „в Тѣшилове", другой — „Ивашко въ Нижнемъ, на кабакахъ въ чюмакахъ". Про бѣлозерца Сеньку сказали, что онъ „в селѣ Стасове на кабаке в чюмакахъ", про гунаго дьячка Ермолку — что онъ „в Колуге". Бобыль „Іевка" оказался „на Молодех в чюмакахъ", дѣти другаго бобыля „слѣпого" — „на Черни".

Конечно большая часть проживавшихъ не у себя во дворахъ подъ разными предлогами уклонялась отъ тягла — явленіе столь обыкновенное во всѣхъ русскихъ городахъ, особенно въ XVII в. Изъ приходцевъ упомянуты Ляпуновымъ: два бѣлозерца, одинъ „дуниловецъ", затѣмъ тоже по одному муромцу, тѣшиловцу, куряку, каширянину и казанцу.

На счетъ торговли въ переписныхъ книгахъ Ляпунова нѣтъ подробныхъ указаній. Мы постараемся восполнить этотъ пробѣлъ при обзорѣ слѣдующихъ подобныхъ книгъ другихъ писцовъ и дозорщиковъ, замѣтимъ только, что Ульянъ Семеновичъ встрѣтилъ среди торговцевъ ячниковъ и квасниковъ, которые не упоминаются въ сотной Фуникова.

Изъ прозвищъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: Позной, Мурза, Камаръ, Ракъ, Кирпичъ, Кочетокъ, Чеснокъ, Первушка, Боченекъ, Селяшка, Гущица, Окоракъ, Баженко, Шестерня, Ханжа, Чеченъ, Саванъ, Жихоръ, Котикъ, Кисель, Овца, Елка, Борода, Корекъ, Пузо. Рядомъ съ ними

отъ нихъ фамиліи въ формѣ именъ прилагательныхъ, напр. Муржинъ, Кочетковъ и др.

Если во времена Ляпунова уменьшилось сравнительно съ эпохою Грознаго число посадскихъ людей, зато на посадѣ и въ острогѣ мы встрѣчаемъ очень много бездомнаго люду—*бобылей и бобылокъ*. Они пріютились либо на помѣщичьихъ дворахъ въ качествѣ дворниковъ, либо заложились за монастырями и патріархомъ и занимались кое-какими дѣлами [1]—въ томъ и другомъ случаѣ не тянули тягла; иные ходили просто по міру. Пустыхъ дворовъ Ляпуновымъ было записано два: одинъ „на посаде [2] в Казенной улице"—Семенчина, другой въ Богоявленскомъ приходѣ — Трясова. Владѣльцы того и другого „сошли в Москву". Впрочемъ трясовскій дворъ не былъ въ сущности пустымъ, такъ какъ въ немъ жилъ „серпуховитинъ сынъ боярской Софронъ Григорьевъ сынъ Скрыпицынъ". Хотя такимъ образомъ на посадѣ почти что не было пустыхъ дворовъ, все же не мало сошло съ него народа, убѣгая отъ тягла и, повидимому, возвращаясь назадъ, послѣ отъѣзда писцовъ и дозорщиковъ, какъ видно изъ послѣдующихъ переписей. Одновременно съ этимъ сосѣднее съ посадомъ Мироносицкое село, въ которомъ такъ легко было укрываться посадскимъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ жили среди сельчанъ, стало замѣтно богатѣть отъ развившихся въ немъ промысловъ и торговли въ ущербъ для посада. Конечно обезлюдившемуся посаду трудно было отбывать всѣ лежавшія на немъ повинности, и онъ естественно хлопоталъ о томъ, чтобы вернуть своихъ прежнихъ, сшедшихъ съ него тяглецовъ и получить побольше новыхъ. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, и уже спустя три года послѣ Ляпунова стройщикъ Алексѣй Логвиновичъ Игнатьевъ дѣятельно розыскивалъ для него тяглецовъ, именно онъ прибылъ въ 1649 г. въ городъ для того, чтобы, какъ сказано въ спискѣ съ его книгъ [3], устроить „за государя царя і великого князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи вновь

---

[1] Напр. изъ проживавшихъ на патріаршемъ дворѣ трое ходили по дворамъ — дѣлали „портное".

[2] Въ XVII в. Занарье съ другими мѣстами называлось посадомъ; въ сотной Фуникова, какъ припомнитъ читатель, посадомъ называлось только старинное селеніе отъ церкви не Нарѣ до Мѣшалки.

[3] ...ъ Арх. Серпух. город. упр.

въ посадъ въ тягло по торгомъ, по лавкамъ и по промысломъ і по ремеслу" тѣхъ людей, которые „жили за патріархомъ, і за монастыри, і за бояры, і за околничими в закладчикахъ, а иные жили въ бобыляхъ и за попами межъ старыхъ серпуховскихъ посадцкихъ людей дворовъ своими дворами на тяглыхъ і не на тяглыхъ земляхъ въ розныхъ мѣстехъ, і отставленые пушкари і пушкарскіе дѣти, і в которыхъ приходехъ і в улицахъ, и что слободы были монастырские смежны дворы с посадцкими дворы". Игнатьевъ довольно подробно записалъ: „кто имяны взятъ вновь на посадъ в тягло, и чей сынъ і прозвище, і что у нихъ детей[1], и хто какимъ торгомъ и ремесломъ промышляютъ.... и которые вывезены із деревень в посадъ в тягло".

Ляпуновымъ были послѣдовательно переписаны и взяты въ посадъ въ тягло:

1) Патріаршіе закладчики за Нарою и въ острогѣ „что словетъ на Вшивой горѣ"[2]. Бо́льшая часть ихъ называла себя дворниками, на самомъ же дѣлѣ жили не на патріаршемъ дворѣ, а „по избамъ и порознь". Всего патріаршихъ закладчиковъ было 6[3].

2) Закладчики монастырей: Пафнутьева Боровскаго, Владычняго и Давыдова. Всего болѣе было закладчиковъ перваго монастыря, какъ одного изъ самыхъ извѣстныхъ, именно 14 человѣкъ, затѣмъ Владычняго — 6 человѣкъ, за Давыдовымъ же монастыремъ былъ всего одинъ закладчикъ.

3) „Изза боярони княгини Настасьи Никитичной боярина князя Бориса Максимовича Лыкова изъ дворниковъ" — двое за Нарою въ Будкиной улицѣ, именно Щенковы, торговавшіе „калачи и хлѣбами",[4] и одинъ въ острогѣ.

4) „Изза боярина князя Ивана Андрѣевича Голицына" — тоже изъ дворниковъ — одинъ.

---

[1] Впрочемъ упомянуто только объ однихъ сыновьяхъ.

[2] Вшивая гора — урочище въ острогѣ, холмистая мѣстность, обращенная къ Нарѣ выше Убогаго дома, теперь тутъ дома Н. Н. Коншина.

[3] Одинъ съ дѣтьми, таковымя же были нѣкоторые изъ закладчиковъ монастырей.

[4] Про одного изъ Щенковыхъ разсказываютъ, что [illegible] очень добродушный человѣкъ; такъ, поторгуетъ бывало недѣлю [illegible] печь, говоря, что надо и другимъ дать добыть [illegible] давалъ не дороже какъ по полушкѣ и не [illegible]

5) Разные „гулящіе люди“. „Живутъ они, записалъ въ своихъ книгахъ Алексѣй Логвиновичъ, на посадцкихъ тяглыхъ мѣстехъ своими дворы, а податей никакихъ не плачивали и тягла не тянули, а торгуютъ всякими товары с посадскими людми вмѣсте“. Всего такихъ людей было взято 26 человѣкъ [1]; большая часть изъ нихъ, подобно монастырскимъ закладчикамъ, жила въ острогѣ.

6) Пушкарскіе дѣти, жившіе „от отцовъ в раздѣле на посацкихъ тяглыхъ мѣстехъ“ и торговавшіе „в своихъ лавкахъ“, всего приписано было 9 дворовъ, въ томъ числѣ два двора Сѣриковыхъ на Воскресенской горѣ, родоначальники извѣстной фамиліи фабрикантовъ, до сихъ поръ живущей на томъ же мѣстѣ.

7) Отставленные пушкари, какъ записано въ книгахъ Ляпунова: „были в пушкарехъ торговые люди, а по государеву указу от пушкарства от службы отставлены“, всего восемь дворовъ.

8) „Посацкіе люди, которые сходили отъ налоги с посаду, а жили в деревняхъ в розныхъ уѣздехъ“, взяты были „по сыску“, всего 13 человѣкъ, не считая дѣтей.

9) Торговые люди, жившіе „за рекою за Нарою межъ посацкихъ тяглыхъ дворовъ блиско мельницы“ Владычняго монастыря; всѣ взяты были въ посадъ изъ за монастыря „по торгомъ и по промысломъ“ въ числѣ 10 дворовъ; въ томъ числѣ въ двухъ дворахъ жили Остаповы, одна изъ извѣстныхъ фамилій, особенно въ прошломъ столѣтіи; до сихъ поръ Остаповы владѣютъ домами въ той-же самой мѣстности.

Наступилъ теперь чередъ и подгороднимъ селеніямъ, дворы которыхъ сходились съ посадскими дворами, распроститься съ привольною не тяглою жизнію: и до нихъ добрался Алексѣй Логвиновичъ и прибралъ ихъ въ посадъ. Изъ этихъ селеній всѣхъ больше, богаче и важнѣе было старинное „*Сельцо*“, называвшееся въ XVII в. также *Мироносицкимъ селомъ*. Принадлежало оно, какъ мы знаемъ, Высоцкому монастырю. Въ немъ жили, записано въ строельныхъ книгахъ, „прибылые люди.... торговые, ремесленные и мастеровые“, „дворы ихъ сошлися з здворами с старыми посацкими людми“; бойко они торговали въ своихъ лавкахъ „всякими розными товары“ и, быть можетъ, щеголяли предъ горо-

---

[1] ... дѣтей.

жанами своимъ прежнимъ льготнымъ положеніемъ. Изъ 62 дворовъ Сельца, которые были всѣ приписаны къ посаду, отмѣтимъ дворы и теперь извѣстныхъ фамилій въ городѣ, большею частію живущихъ въ той же мѣстности, именно: Шиловыхъ, Мазуриныхъ, Бѣляевыхъ, Коволева, Ивакиныхъ, Путохина. Не смотря на включеніе въ посадъ, Сельцо продолжало долго именоваться своимъ именемъ въ отличіе отъ города-посада, такъ въ одномъ актѣ подъ 1071 г.[1] мы читаемъ: „пошолъ я тѣмъ селцемъ Мироносицкимъ мимо ево Харламова двора к Высоцкому бору". Какъ мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ, и въ настоящее время сохраняется въ городѣ память о Сельцѣ въ названіи улицы, выводящей отъ Нары къ церкви Женъ Мироносицъ. По сосѣдству съ Сельцомъ до сихъ поръ сохранилось тоже названіе „Юрова колодезя" въ Громовой улицѣ. Колодезь этотъ нѣкогда былъ въ общемъ владѣніи у крестьянъ Сельца, сосѣдней Рыбной слободки и посадскихъ людей, какъ значится въ одномъ актѣ XVII в., помѣщенномъ вмѣстѣ съ земляными книгами 1620 г.[2], и лежалъ на общей землѣ. Выше колодезя былъ прудокъ, называвшійся „Утинною ямою"[3]; принадлежалъ онъ одному Сельцу. Какъ прудокъ, такъ и колодезь лежали подъ боромъ Высоцкаго монастыря, почему назывались вмѣстѣ „Юрьевскимъ подборскимъ истокомъ". Названіе свое колодезь получилъ вѣроятно по имени владѣльца одного изъ дворовъ Рыбной слободки Юрова, о которомъ упоминается въ 1606 г. въ отказной выписи на владѣніе слободкою.[4] Сельцу принадлежало не мало земли[5]. Подлѣ Сельца „меж посадцкихъ

---

[1] Свитокъ съ челобитными 1701 г. хранящійся въ Арх. Серпух. город. упр.

[2] Хран. въ Арх. Серп. гор. упр.

[3] Писцовыя и межевыя книги 1685—86 гг. (Арх. Серп. гор. управы).

[4] Списокъ съ Серпух. мѣрныхъ книгъ XVII. (Хран. въ Арх. Серп. гор. упр.).

[5] Именно:

а) „Въ разныхъ мѣстехъ у Бѣлова колодезя на Захаровке у болшой у Лукинской дороги 26 четвертей в поли, а в дву по томужъ".

б) „Меж Коломенской и Ивановской дороги меж протопоповы земли одна четверть".

в) „Подле Нефедовской дороги меж церковной воскресенской и меж посацкой земли осмина с полутретникомъ".

г) „На Копенкине меж посацких земель 8 четвертей".

д) „Подле рощи у бору (Высоц. мон.) меж посацкой земли одна четверть с третникомъ".

е) „Меж Белого колодезя пода [illegible]

старыхъ дворовъ“ лежала небольшая „слободка, что была за Дорофѣемъ Роевскимъ.... слыла *Рыбная*,“ — это было второе селеніе, взятое Игнатьевымъ въ посадъ. Въ немъ жили въ четырехъ дворахъ торговые люди одного рода — Гульшины.

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя удалось намъ собрать о слободкѣ. Слободка существовала повидимому съ конца XVI в. Въ 1552 г. кажется ея не было: въ противномъ случаѣ она была бы упомянута, когда въ сотной шла рѣчь о посадскихъ дворахъ „сумес с селетцкими“. До 1606 г. она принадлежала „Немчину Чверту Кошкилеву“ [1], — вѣроятно одному изъ тѣхъ кормовыхъ иноземцевъ, которые состояли на службѣ въ каменномъ городѣ. Въ 1606 г. она была отказана помѣщику Федоту Ящерицыну. Въ отказной по этому случаю „Тарусскаго губново старосты Ивана Кунаксова да Серпуховскаго губнова старосты Ивана Цвиленѣва“ [2] находится опись, или, по старинному, „сыскъ“ отказаннаго помѣстья. Въ немъ было: два жилыхъ двора „Корнилка Кудрявцова“ и „Игнашка Гулшина з братьями“, одинъ пустой дворъ и 12 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ. Послѣ Ящерицына слободку получилъ Онофрей Федотовичъ Раевскій, имѣвшій въ ней свой „помѣщиковъ дворъ“ и особое помѣстье во „сто четі сенныхъ покосовъ“. Населенныхъ

ж) „В лугу пашни в розныхъ мѣстех по Оке рекѣ и по Наре..... семь четвертей с третникомъ в поли, а в дву по томуж“.

з) „В Похомове луке въ луху же на Окѣ реке и на усть рѣке Нары три четверти пашни в поли, а в дву по томуж“.

и) „Меж Владычня монастыря и Онофрея Раевскаго і воротничи земли, подле Коширской дороги одна четверть с третникомъ пашни в поли, а в дву по томуж“.

і) „По другой стороне Коширской дороги подлѣ Бутова болота..... одна четверть с третником пашни в поли, а в дву по томуж“.

к) Столько же было „меж церковной воскресенской и николской земли и меж Найденовы лужи“.

л) „Межник пашни паханые десят четі в поли, а в дву по томуж.... на Окѣ на берегу пониже Подмоклова в Рыкове лугу от Владыченской земли по Березенскихъ татаръ“.

м) „Сенныхъ покосовъ.... лугъ Рыковъ на Окѣ реке, противъ Подмоклова, сѣна ставитца сто копенъ.... да товож Рыкова лугу кулига Узловская меж татарскихъ и меж посадцкихъ земель, сѣна ставитца 60 копенъ“ (Рукопись Арх. Серпух. Город. Управы, прибавленіе къ списку съ земляныхъ книгъ 1620 г.).

[1]) [illegible] съ Серпуховскихъ писцовыхъ и межевыхъ книгъ XVII в., свитокъ (на [illegible]) Арх. Серпух. город. упр.

дворовъ было тогда по прежнему только два: въ одномъ продолжало жить многочисленное семейство Гульшиныхъ, въ другомъ жилъ „Дениско Аристовъ сынъ Пленицынъ". Третій дворъ стоялъ пустымъ. Послѣ смерти Онофрея Раевскаго слободка со всею усадьбою была отдана „женѣ ево вдовѣ Оксинье с сыномъ Дорофѣемъ и Дементьемъ" (видно изъ документовъ, хранящихся въ арх. Серпух. город. упр.). Земля помѣстья лежала, подобно землѣ Сельца, отдѣльными участками въ разныхъ мѣстахъ [1].

Третье селеніе, взятое Игнатьевымъ, въ посадъ въ тягло, лежало за Нарою внизъ по ея теченію, именно *„деревенька Подклѣтная"* [2]. Здѣсь тоже жили „торговые и ремесленные и промыш-

---

[1] „Под селом Мироносицким и под слободкою.... пашни паханые добрые земли полосмины".

„От Нечистова врага по обѣ стороны Тулской дороги..... три четі" — тоже пашни.

„От бутурлинской дороги по боръ Высоцкого монастыря.... 17 чети" пашни.

„На рѣчке на Михалковке" по обѣ стороны межъ земель другихъ владѣльцевъ „8 четі" пашни.

„Меж лужецкой дороги и меж рѣчки Михалковки..... пашни, перелогомъ и лѣсомъ поросло добрые земли 70 четі".

„В лугу под боромъ Высоцкого монастыря.... от Тулской дороги, что ѣздятъ къ перевозу.... пашни паханые добрые земли 17 четі".

„За озеромъ Вспудомъ на берегу Оки реки пашни добрые земли 3 четі с осминою", тутъ же „по конецъ озера Вспуда.... четь с осминою".

„Подле Оки реки на берегу.... двѣ четі", среди монастырской и посадской земель.

„У озера Бесѣдокъ.... по дорожку по Беседкинъ лужокъ пашни добрые земли 10 четі с осминою".

„Нижа Гнилова озера.... пашни паханые добрые земли 7 четі", тоже среди монастырскихъ и посадскихъ земель; тутъ же „ниже.... подлѣ лужковской дороги.... по болото но Бутово.... 3 чети" такой же земли.

„Подлѣ Дубровской дороги ѣдучи к городу на праве.... двѣ четі" той-же земли.

„На истоке" межъ заборскаго выгоннаго лугу „пашни клиномъ четь с полуосминою", затѣмъ недалеко оттуда „по дорожку, что ѣздятъ отъ бору к Воробьеве луже, пашни добрые четь с полуосминою".

„На Окѣ реки подлѣ Онофрѣевам озера Бѣседокъ.... пашни пять четі".

„Подлѣ речки Рѣчмы межъ болотъ пашни, перелогомъ и лѣсомъ поросло 48 четі бес полосмины".

Всего же было: „пашни паханые добрые земли восьмьдесятъ двѣ четі с полуосминою, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 118 четі бес полуосмины, обоево.... 200 четі в поле, а в дву по тomуж"; всего сѣна въ лугахъ „ставитца 130 копенъ".

[2] Деревенька эта (называется такъ и теперь) была крайнимъ пунктомъ жилья въ Занарьѣ внизъ по рѣкѣ; отъ нея вверхъ по Нарѣ шла Казенная улица. Перепись 1678 г. была начата „за рекою Нарою з деревенки". Подлѣ [illegible] старинным владѣніемъ Владычняго монастыря, какъ о [illegible]

ленные люди"; „сидѣли" они„ с посадом в рядъ, и дворы з дворами сошлись"; всего взято было 32 двора.

Подводя итогъ своего „своза и строя", Алексѣй Логвиновичъ записалъ въ своихъ книгахъ, что „всего выведено в Серпуховъ вновь в посад в тягло ис зо всякихъ чинов: изза патриарха и із монастырей закладчиковъ и отставленыхъ пушкарей и пушкарскихъ дѣтей, которои живут себѣ дворами, и захребетников, по торгомъ і по промыслом, и что взято из Высоцкого монастыря сельцо Мироносицкое и изза Владычня монастыря, что словет деревенка Подклетная и смежна с посадцкими людми, что у мелницы, и что взято и вывезено из уѣздов из деревень, изза Дорофея всякихъ чиновъ" — 197 дворовъ, „а людей въ нихъ, и детей, и племянниковъ, и бобылей 414 человѣкъ". „И тѣ новоприбылые посадцкие люди ко государеву цареву и великого князя Алексѣя Михаиловича всеа Русі х крѣсному целованию приведены, что им жити в Серпухове на посаде в своихъ дворех в тегле и государевы службы служить, всякие подати платить с посадцкими людми вмѣсте і впредь в закладчикиб ни за кого не закладыватца и ничьими людми и крестьяны не называтца и, живучи в Серпухове на посаде, никаким воровством не воровать".

Взятые въ тягло въ посадъ тяглецы были дѣйствительно все люди или торговые, или промышленные, или ремесленные, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующей росписи занятій большинства изъ нихъ, именно изъ ихъ числа:

1) Масллениковъ было . . 2
2) Солениковъ 1
3) Плотниковъ 6
4) Полстоваловъ 1
5) Рукавичниковъ 1
6) Каменьщиковъ 1
7) Укладныхъ мастеровъ . 8
8) Дѣлали укладъ 31
9) Дѣлали кузнечное дѣло 22
10) Портныхъ мастеровъ . . 6
11) Портное шили 2
12) Дѣлали портное 13
13) Сапожныхъ мастеровъ . 2
14) Дѣлали сапожное . . . 6
15) Дѣлали сапоги и торгов. 15
16) Муку въ отвозъ возили 9
17) Торговали „ссыпнымъ хлѣбомъ и в отвозъ съ мукою ѣздили" 2
18) Торговали рыбою . . . 3
19) Торговали рыбою, солью, медомъ и хлѣбомъ . . . 2

*) Въ грамотѣ монастырю, данной въ 1556 г. Іоанномъ Грознымъ, упоминается „Подклѣтные подъ боромъ".

дворовъ было тогда по прежнему только два: въ одномъ продолжало жить многочисленное семейство Гульшиныхъ, въ другомъ жилъ „Дениско Аристовъ сынъ Пленицынъ“. Третій дворъ стоялъ пустымъ. Послѣ смерти Онофрея Раевскаго слободка со всею усадьбою была отдана „женѣ ево вдовѣ Оксинье с сыномъ Дорофѣемъ и Дементьемъ“ (видно изъ документовъ, хранящихся въ арх. Серпух. город. упр.). Земля помѣстья лежала, подобно землѣ Сельца, отдѣльными участками въ разныхъ мѣстахъ [1].

Третье селеніе, взятое Игнатьевымъ, въ посадъ въ тягло, лежало за Нарою внизъ по ея теченію, именно „*деревенька Подклѣтная*“ [2]. Здѣсь тоже жили „торговые и ремесленные и промыш-

---

[1] „Под селом Мироносицким и под слободкою.... пашни паханые добрые земли полосмины“.

„От Нечистова врага по обѣ стороны Тулской дороги..... три четі“ — тоже пашни.

„От бутурлинской дороги по боръ Высоцкого монастыря.... 17 чети“ пашни.

„На рѣчке на Михалковке“ по обѣ стороны межъ земель другихъ владѣльцевъ „8 четі“ пашни.

„Меж лужецкой дороги и меж рѣчки Михалковки..... пашни, перелогомъ и лѣсомъ поросло добрые земли 70 четі“.

„В лугу под боромъ Высоцкого монастыря.... от Тулской дороги, что ѣздятъ къ перевозу.... пашни паханые добрые земли 17 четі“.

„За озеромъ Вспудомъ на берегу Оки реки пашни добрые земли 3 четі с осминою“, тутъ же „по конецъ озера Вспуда.... четь с осминою“.

„Подле Оки реки на берегу.... двѣ четі“, среди монастырской и посадской земель.

„У озера Бесѣдокъ.... по дорожку по Беседкинъ лужокъ пашни добрые земли 10 четі с осминою“.

„Ниже Гнилова озера.... пашни паханые добрые земли 7 четі“, тоже среди монастырскихъ и посадскихъ земель; тутъ же „ниже.... подлѣ лужковской дороги.... по болото ко Бутово.... 3 чети“ такой же земли.

„Подлѣ Дубровской дороги ѣдучи к городу на праве.... двѣ четі“ той-же земли.

„На истоке“ межъ заборскаго выгоннаго лугу „пашни клиномъ четь с полуосминою“, затѣмъ недалеко оттуда „по дорожку, что ѣздятъ отъ бору к Воробьеве луже, пашни добрые четь с полуосминою“.

„На Окѣ реки подлѣ Оноорѣеваж озера Бѣседокъ.... пашни пять четі“.

„Подлѣ речки Рѣчмы межъ болотъ пашни, перелогомъ и лѣсомъ поросло 48 четі бес полосмины“.

Всего же было: „пашни паханые добрые земли восмьдесятъ двѣ четі с полуосминою, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 118 четі бес полуосмины, обоего.... 200 четі в поле, а в дву по тому ж“; всего сѣна въ лугахъ „ставитца 130 копенъ“.

[2] Деревенька эта (называется такъ и теперь) была крайнимъ пунктомъ жилья въ Занарьѣ внизъ по рѣкѣ; отъ нея вверхъ по Нарѣ шла Казенная улица. Перепись 1678 г. была начата „за рекою Нарою з деревенки“. Подклѣтная деревенька была стариннымъ владѣніемъ Владычняго монастыря, какъ о томъ уже было замѣчено въ

ленные люди“; „сидѣли“ они„ с посадом в рядъ, и дворы з дворами сошлись“; всего взято было 32 двора.

Подводя итогъ своего „своза и строя“, Алексѣй Логвиновичъ записалъ въ своихъ книгахъ, что „всего выведено в Сѐрпуховъ вновь в посад в тягло ис зо всякихъ чинов: изза патриарха и із монастырей закладчиковъ и отставленыхъ пушкарей и пушкарскихъ дѣтей, которои живут себѣ дворами, и захребетников, по торгомъ і по промыслом, и что взято из Высоцкого монастыря селцо Мироносицкое и изза Владычня монастыря, что словет деревенка Подклетная и смежна с посадцкими людми, что у мелницы, и что взято и вывезено из уѣздов из деревень, изза Дорофея всякихъ чиновъ“ — 197 дворовъ, „а людей въ нихъ, и детей, и племянниковъ, и бобылей 414 человѣкъ“. „И тѣ новоприбылые посадцкие люди ко государеву цареву и великого князя Алексѣя Михаиловича всеа Русі х крѣсному целованию приведены, что им жити в Серпухове на посаде в своихъ дворех в тегле и государевы службы служить, всякие подати платить с посадцкими людми вмѣсте і впредь в закладчикиб ни за кого не закладыватца и ничьими людми и крестьяны не называтца и, живучи в Серпухове на посаде, никаким воровством не воровать“.

Взятые въ тягло въ посадъ тяглецы были дѣйствительно все люди или торговые, или промышленные, или ремесленные, какъ можно видѣть изъ нижеслѣдующей росписи занятій большинства изъ нихъ, именно изъ ихъ числа:

1) Маслениковъ было . . 2
2) Солениковъ 1
3) Плотниковъ 6
4) Полстоваловъ 1
5) Рукавичниковъ 1
6) Каменьщиковъ 1
7) Укладныхъ мастеровъ . 8
9) Дѣлали укладъ 31
9) Дѣлали кузнечное дѣло 22
10) Портныхъ мастеровъ . . 6
11) Портное шили 2
12) Дѣлали портное 13
13) Сапожныхъ мастеровъ . 2
14) Дѣлали сапожное . . . 6
15) Дѣлали сапоги и торгов. 15
16) Муку въ отвозъ возили 9
17) Торговали „ссыпнымъ хлѣбомъ и в отвозъ съ мукою ѣздили“ 2
18) Торговали рыбою . . . 3
19) Торговали рыбою, солью, медомъ и хлѣбомъ . . . 2

своемъ мѣстѣ. Въ грамотѣ монастырю, данной въ 1556 г. Іоанномъ Грознымъ, упоминается объ его деревнѣ „Подклѣтные подъ боромъ“.

20) Торговали москательнымъ товаромъ. 8
21) Торговали „хлѣбы, колачи и пироги“ 6
22) Пекли черепейники. . . 2
23) Дѣлали овчины. 4
24) „Винокурили на винокурнѣ“. 1
25) Извозничали 7
(въ томъ числѣ одинъ также „харчи держалъ“).
26) Торговали „крашениной и калачи“ 3
27) Торговали саломъ . . . 1
28) Торговали сѣномъ и овсомъ. 1
29) Торговали „семены“ . . 2
30) „Дѣлали судоплавное“ . 1
31) Торговали лаптями, зобнями и др. тов. 1
32) Торговали „отъѣзжимъ большимъ торгомъ всякими товары“ 3
33) Работали въ наймахъ и кормились работою . . . 4
34) Иконы промѣнивали . . 1
35) Дѣлали горшки 17
36) Растили солодъ и занимались другимъ 7
37) Торговали „кожевеннымъ товаромъ и сапоги“ . . 2
38) Торговали мясомъ и рыбою 10

Въ этой росписи мы старались по возможности отдѣлить лицъ, занимавшихся либо однимъ какимъ-нибудь промысломъ, или ремесломъ, либо какою-нибудь отраслью торговли. Сдѣлать это было не совсѣмъ легко, такъ какъ многіе изъ приписныхъ тяглецовъ либо соединяли торговлю съ другими промыслами, либо торговали слишкомъ смѣшанными товарами. Отпускною торговлею занималось 39 человѣкъ, при чемъ товары преимущественно возились къ Москвѣ (напр. хлѣбъ, рыба). Жданко Федоровъ сынъ Стуковъ съ двумя сыновьями торговалъ „большимъ отъѣзжимъ торгомъ всякими товарами“. „Ефимъ Мокѣевъ сынъ Ивакинъ“ съ пятью сыновьями, между кузнечнаго дѣла, ѣздили „с судномъ в украйные городы по хлѣбъ“. Трое откупали торги. Вообще самыми богатыми были жившіе въ Сельцѣ.

Алексѣй Логвиновичъ произвелъ, какъ мы видѣли, не малый „строй“ и „своз“, напоминавшіе собою перепись, сдѣланную нѣкогда княземъ Фуниковымъ. Какъ тогда, такъ и теперь посадъ получилъ цѣлую массу тяглецовъ. Но Фуникову легко было дѣлать свое дѣло: онъ бралъ въ тягло разныхъ оброчниковъ и слободчанъ, не имѣвшихъ заступниковъ. Не среди такихъ обстоятельствъ приходилось дѣйствовать Игнатьеву. Посадъ только и добивается

Въ 1669 г. какъ мы видѣли, городъ постигло бѣдствіе, отъ котораго такъ много страдали въ старину на Руси селенія: онъ, какъ значится въ одномъ уже упомянутомъ современномъ актѣ, „волею Божіею весь выгорѣлъ безъ остатку", уцѣлѣлъ только новопріимочный острогъ. Потужили посадскіе о горѣ и принялись за стройку новыхъ дворовъ; правительство съ своей стороны срубило вновь острогъ. Дѣло это производилось подъ надзоромъ воеводы князя Григорія Чертенскаго. Новый острогъ сталъ называться *„деревянный городъ послѣ пожару"* [1], каменный же городъ стоялъ непокрытымъ въ теченіи всего XVII ст. не покрыли его и потомъ, какъ мы видѣли, и дали ему разрушаться все болѣе и болѣе.

Познакомимъ теперь читателя съ „деревяннымъ городомъ, что слылъ острогъ послѣ пожару, и съ новопріимочнымъ острогомъ. Полагаемъ прежній острогъ не могъ во многомъ разниться отъ новаго. Длина новаго деревяннаго города, безъ пріимка, по линіи стѣнъ и башенъ составляла 485³/₄ сажени [2]. Онъ обнималъ собою пространство довольно незначительное сравнительно со всѣмъ посадомъ, въ полтора раза только бо́льшее противъ каменнаго города. По его стѣнамъ возвышались 11 башенъ. Подобно башнямъ каменнаго города, онѣ назывались по ближайшимъ храмамъ; исключеніе только составляли: „Вшивая башня", названная по урочищу „Вшивая гора", затѣмъ башни Нарская и Серпечная, получившія названіе отъ Нары и Серпейки. Проѣзжихъ башенъ съ воротами было только три [3]: 1) Нарская, чрезъ которую прямо шла дорога къ мосту въ Занарье, на лѣво — Большая на Тулу и направо, мимо кузнечнаго ряда, къ Острому концу, 2) Егорьевская, чрезъ которую въѣзжали въ острогъ по Большой дорогѣ съ Москвы и 3) Серпеечная у самой Серпейки для проѣзда на Подолъ, въ новопріимочномъ острогѣ и на Афанасьевскую гору. Острожныя

[1] Пожары, выходившіе изъ ряда обыкновенныхъ, и другія бѣдствія дѣлались въ старину эпохами, съ которыхъ считали время, такъ въ одномъ актѣ, касающемся Тарусскаго уѣзда, мы читаемъ: „Мѣсто церковное.... запустѣло отъ Московскаго пожару, какъ Крымской царь Москву выжегъ" (Выпись съ земельныхъ книгъ 1628, 29 г., хранящаяся въ ризницѣ Серпух. Влад. мон.); въ строельныхъ книгахъ Игнатьева неоднократно упоминается о приходѣ въ Серпуховъ на жительство разныхъ лицъ „въ разоренье", т. е. во время 1610 — 1613 г.

[2] Нынѣшней, т. е. трехъаршинной.

[3] Впрочемъ въ свиткахъ архива Серпух. город. упр. упоминается въ 1701 г. объ *„острожскихъ Спасскихъ воротахъ"* — четвертыхъ по счету.

тяглецовъ мы не встрѣчаемъ 37 семействъ, сысканныхъ и свезенныхъ въ посадъ Игнатьевымъ, между ними 2 изъ патріаршихъ закладчиковъ, 7 изъ закладчиковъ Пафнутьева монастыря, столько же изъ сысканныхъ по деревнямъ; затѣмъ остальныя недостающія лица приходятся на долю мироносицкихъ тяглецовъ и пушкарскихъ дѣтей. Повидимому патріархъ, Пафнутьевъ монастырь и вотчинники отстояли часть своихъ закладчиковъ. Лишнихъ въ книгахъ новоприписнымъ тяглецамъ оказывается противъ книгъ Игнатьева не болѣе трехъ семействъ, изъ коихъ два появились вслѣдствіе выдѣленія изъ одной семьи.

Въ скоромъ времени послѣ посѣщенія города Щебневымъ, въ немъ произошла замѣтная перемѣна: срубили „*новопріимочный острогъ*“, или „*новый пріимокъ*“. Въ извѣстныхъ намъ актахъ по 1652 г. нигдѣ нѣтъ указанія, чтобы онъ уже существовалъ тогда; съ другой стороны извѣстно, что новопріимочный острогъ несомнѣнно былъ въ 1669 г. и раньше этого времени, такъ какъ онъ уцѣлѣлъ отъ страшнаго пожара, случившагося въ этотъ годъ [1], который истребилъ главный острогъ и сильно повредилъ каменный городъ. Мы относимъ поэтому сооруженіе его къ 1653 г. или къ одному изъ ближайшихъ годовъ. Тогда изъ Серпухова, какъ и изъ другихъ городовъ, ѣздили выборные въ Москву, гдѣ созывалась великая земская дума. Царь Алексѣй Михаиловичъ совѣтовался съ представителями отъ сословій: принять ли, или нѣтъ въ подданство Малороссію, которая искала защиты и спасенія отъ порабощенія поляками. Какъ извѣстно, дума отвѣтила царю въ утвердительномъ смыслѣ, что какъ нельзя болѣе согласовалось съ его собственнымъ желаніемъ. Вслѣдъ затѣмъ вспыхнула война съ Польшею. Тогда то — надо полагать — въ видахъ предосторожности, впрочемъ лишней, рѣшено было пристроить къ старому острогу прибавленіе, названное „новопріимочнымъ острогомъ“, или „новымъ пріимкомъ“. Стѣны его отъ угольной башни стараго острога были переброшены чрезъ Серпейку на высокій мысъ Воскресенской горы, затѣмъ спущены къ рѣчкѣ ниже по ея теченію и оттуда подняты на курганъ къ каменному городу.

---

[1] По другимъ извѣстіямъ, какъ мы видѣли, большой пожаръ былъ въ 1670 г. Въ смѣт. спискѣ 1681 г. сказано, что новопріимочный острогъ „у пожару остался“. Доп. къ Акт. Иостр. IX, № 85.

Въ 1669 г. какъ мы видѣли, городъ постигло бѣдствіе, отъ котораго такъ много страдали въ старину на Руси селенія: онъ, какъ значится въ одномъ уже упомянутомъ современномъ актѣ, „волею Божіею весь выгорѣлъ безъ остатку", уцѣлѣлъ только новопріимочный острогъ. Потужили посадскіе о горѣ и принялись за стройку новыхъ дворовъ; правительство съ своей стороны срубило вновь острогъ. Дѣло это производилось подъ надзоромъ воеводы князя Григорія Чертенскаго. Новый острогъ сталъ называться „*деревянный городъ послѣ пожару*" [1], каменный же городъ стоялъ некрытымъ въ теченіи всего XVII ст. не покрыли его и потомъ, какъ мы видѣли, и дали ему разрушаться все болѣе и болѣе.

Познакомимъ теперь читателя съ „деревяннымъ городомъ, что слылъ острогъ послѣ пожару, и съ новопріимочнымъ острогомъ. Полагаемъ прежній острогъ не могъ во многомъ разниться отъ новаго. Длина новаго деревяннаго города, безъ пріимка, по линіи стѣнъ и башенъ составляла 485³/₄ сажени [2]. Онъ обнималъ собою пространство довольно незначительное сравнительно со всѣмъ посадомъ, въ полтора раза только бóльшее противъ каменнаго города. По его стѣнамъ возвышались 11 башенъ. Подобно башнямъ каменнаго города, онѣ назывались по ближайшимъ храмамъ; исключеніе только составляли: „Вшивая башня", названная по урочищу „Вшивая гора", затѣмъ башни Нарская и Серпечная, получившія названіе отъ Нары и Серпейки. Проѣзжихъ башенъ съ воротами было только три [3]: 1) Нарская, чрезъ которую прямо шла дорога къ мосту въ Занарье, на лѣво — Большая на Тулу и на право, мимо кузнечнаго ряда, къ Острому концу, 2) Егорьевская, чрезъ которую въѣзжали въ острогъ по Большой дорогѣ съ Москвы и 3) Серпеечная у самой Серпейки для проѣзда на Подолъ, въ новопріимочномъ острогѣ и на Аѳанасьевскую гору. Острожныя

[1] Пожары, выходившіе изъ ряда обыкновенныхъ, и другія бѣдствія дѣлались въ старину эпохами, съ которыхъ считали время, такъ въ одномъ актѣ, касающемся Тарусскаго уѣзда, мы читаемъ: „Мѣсто церковное.... запустѣло отъ Московскаго пожару, какъ Крымской царь Москву выжегъ" (Выпись съ земельныхъ книгъ 1628, 29 г., хранящаяся въ ризницѣ Серпух. Влад. мон.); въ строельныхъ книгахъ Игнатьева неоднократно упоминается о приходѣ въ Серпуховъ на жительство разныхъ лицъ „в разоренье", т. е. во время 1610 — 1613 г.

[2] Нынѣшней, т. е. трехъаршинной.

[3] Впрочемъ въ свиткахъ архива Серпух. город. упр. упоминается въ 1701 г. объ „*острожскихъ Спасскихъ воротахъ*" — четвертыхъ по счету.

№ 2.

ПЛАНЪ КАМЕННАГО ГОРОДА и ОСТРОГА ВЪ СЕРПУХОВѢ

XVII в.

Св. Пятницы
Рожд. Пречистой.
Осорьй конецъ.
Мышалка.
Св. Егорія.
Св. Фрола.
Св. Спаса.
Б
Св. Троицы.
Св. Ильи.
Св. Успенія.
Св. Воскресенія.
В
А
Соборъ.
Св. Димитр.
Св. Аѳанасія.
Большая дорога въ Тулу.
Нара.
Серпейка р.
Выгонъ.
Никол. Б. Благаго.
Рожд. Христова.

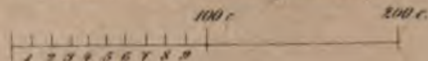
А. Каменный городъ. 8б
1. Большая проѣзжая башня.
2. Высоцкая башня.
3. Никольская башня.
4. Воскресенская башня.
5. Караульная башня.
6. Двѣ полубашни.
7. Отводная полубашня.

Б. Острогъ 13б
8. Нарская проѣзжая башня.
9. Вшивая башня.
10. Спасская башня.
11. Никитская башня.
12. Фроловская башня.
13. Егорьевская проѣзжая башня.
14. Глухая Егорьевская башня.
15. Троицкая башня.
16. Воскресенская башня.
17. Ильинская башня.
18. Проѣзжая Серпеечная башня.

В. Новопріимочный острогъ.
19. Воскресенская башня (на горѣ)
20. Проѣзжая Серпеечная башня.

21. Отводныя ворота въ каменномъ городѣ.

Масштабъ въ англ. дюйм. 100 с.

Въ острогѣ не ранѣе 1620 г. была выстроена новая церковь въ честь Успенія Божіей матери[1]. На торгу, который, съ обращеніемъ посада въ острогъ, для того чтобы остаться въ послѣднемъ, былъ подвинутъ къ Ильѣ пророку, въ 1649 г.[2] встрѣчается вмѣсто трехъ рядовъ, бывшихъ во времена Фуникова, цѣлыхъ 11, именно: 1) Соленой, 2) Рыбный, 3) Мясной, 4) Масленый, 5) Калачный, 6) Москотильный, 7) Солоденой, 8) Сапожный, 9) Горшечный, 10) Гончарный, 11) Овсяный. Конечно эти ряды должны были быть не столь обширны, какъ ряды 1552 г. можетъ быть также одинъ и тотъ же рядъ имѣлъ нѣсколько названій[3]. Не много поразвилась и уличная жизнь, такъ на торгу можно было встрѣтить „торговыя харчевни", по площади стали носить черепейники[4].

Изъ разныхъ актовъ мы можемъ познакомиться съ приблизительнымъ размѣромъ дворовыхъ мѣстъ и расположеніемъ дворовъ на посадѣ въ XVII в. Такъ въ строельныхъ книгахъ Игнатьева записаны три случая дачи посадской земли подъ дворъ: въ первомъ случаѣ было дано на Воскресенской горѣ въ длину 18 саженъ, поперекъ 7 саж., во второмъ въ острогѣ — въ длину 11 саж., поперекъ 9 саж., въ третьемъ тоже въ острогѣ, — „к двору по обѣ стороны ширины по четыре сажени, а в длину по обѣ стороны по пяти саженъ"; сверхъ сего въ тѣхъ же книгахъ упоминается о дачѣ въ острогѣ церковнаго мѣста — въ длину 7½ саж. поперекъ 8 саж., сверхъ сего огородъ. Вообще размѣры дворовъ, какъ и

---

[1] Такъ какъ въ спискѣ съ земляныхъ книгъ 1620 г. среди всѣхъ посадскихъ священниковъ мы не встрѣчаемъ еще успенскаго попа. Въ одномъ актѣ конца XVII (хранится въ ризницѣ Серпух. Влад. мон.) говорится: „Серпуховской пушкарь Богданъ Матвѣевъ сынъ Авцынъ въ допросѣ сказалъ....... въ Серпуховѣ въ колачномъ ряду половъ де у меня есть, а стоитъ де тотъ полокъ на государевой на оброчной земли, а не на церковной Богословской и Успенской, а владѣю де я тѣмъ полкомъ по государевой грамотѣ, а слухомъ де я слышалъ, что была церковь Ивана Богослова". О томъ, что во времена Фуникова, а также въ 1620 г. не было церкви Іоанна Богослова, это несомнѣнно; была ли она послѣ — не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній. Одно только можно допустить, что если и былъ подобный храмъ, то онъ существовалъ очень не долгое время. Въ настоящее время въ церкви Успенія есть придѣлъ во имя Іоанна Богослова.

[2] Стр. кн. Игнатьева.

[3] Такъ названія горшечнаго и гончарнаго могли принадлежать одному ряду, равнымъ образомъ какъ овсяный и солоденой могли быть однимъ рядомъ.

[4] Строел. кн. Игнатьева.

слѣдовало ожидать, были довольно скромны, хотя конечно нѣсколько разнообразились, смотря по достатку и общественному положенію ихъ владѣльцевъ. На иныхъ дворахъ было не по одной жилой избѣ, другіе были напротивъ очень укромны. Если только была возможность, разводился огородъ и садъ. Вотъ два небольшихъ описанія дворовъ, одного средней руки, другаго по тому времени богатаго. Въ 1662 г. за Нарою однимъ посадскимъ былъ проданъ слѣдующій дворъ за 8 рублей: „На дворѣ хоромъ и избъ: клеть да пристенъ рубленой съ огородомъ и съ садомъ, а кругомъ городба заметъ и плетень"[1]. Въ 1627 г. „служивой кормовой немчинъ, новокрещена сынъ, Серпуховской жилецъ" Василій Ельдеревъ продалъ тоже за Нарою свой дворъ Серпуховскаго Владычня монастыря крестьянину Якову Костентинову. Продажа была совершена за „10 рублевъ". Дворъ находился „на бѣломъ мѣстѣ.... противъ Казенные улицы на вымля возлѣ двора нѣмчина (зятя Ельдерева) Ѳомы Гамеля"[2], „противъ черезъ улицу" былъ дворъ „немчина Василья Мартынова". На проданномъ дворѣ было: „хоромъ изба да противъ избы клѣть, межъ избы и клѣти сѣни замѣтаны, а въ сѣнехъ погребъ; возлѣ клѣти пристѣнецъ, да баня з переднею, сѣнцы, позадь бани конюшня рубленая да ворота; да у товож двора на вымля отъ мосту огородъ, а другой огородецъ съ другой стороны по немчиновъ по Ѳоминъ дворъ, по его Ѳомины хоромы; да около двора городьба плетенная"[3].

Въ 1678 г. въ городѣ была произведена послѣдняя въ допетровскую эпоху перепись Григоріемъ Сунбуловымъ и подъячимъ Андреемъ Юрьевымъ. Изъ нея не видно, пріобрѣлъ ли посадъ новыхъ тяглецовъ, вслѣдствіе сыску и строю, какъ бывало прежде. Переписчики ограничились только подробнымъ описаніемъ дворовъ, при чемъ записали всѣхъ дѣтей мужескаго пола, съ обозначеніемъ ихъ возраста, чего не дѣлали прежніе писцы и дозорщики. Благодаря этой особенности переписи Сунбулова и его товарища, мы можемъ составить себѣ понятіе о развитіи въ городѣ и на посадѣ семейной жизни, именно оказывается, что проживавшіе своими

[1] Рук. ризницы Серпух. Влад. мон.

[2] Ѳома Даниловъ сынъ Гамель, „новокрещонъ Цысарскіе земли" нѣмецъ, стоялъ около этого времени, какъ мы видѣли, во главѣ кормовыхъ иноземцевъ Серпухова.

[3] Рукопись хран. въ ризницѣ Серп. Влад. мон.

дворами посадскіе люди (не бобыли) были почти всѣ людьми семейными. Такъ изъ 268 дворовъ только въ 47 не показано сыновей, причемъ конечно нельзя допустить, чтобы въ этихъ 47 дворахъ жили все люди не семейные: у кое-кого изъ нихъ могли быть дѣти одни дочери, у нѣкоторыхъ могло и вовсе не быть дѣтей. Приводимъ небольшую статистику числа сыновей во дворахъ:

По	одному	сыну	показано	въ	64 дворахъ.
„	два	сына	„	„	68 „
„	три	„	„	„	42 „
„	четыре	„	„	„	29 „
„	пяти	сын.	„	„	7 „
„	шести	„	„	„	8 „
„	семи	„	„	„	2 „
„	десяти	„	„	„	1 „

Самыми многочисленными фамиліями по количеству отдѣльныхъ дворовъ, которыми онѣ владѣли, были въ 1678 г. слѣдующія: Зѣнины (безъ сомнѣнія Занины временъ Іоанна Грознаго) и Остаповы, жившіе въ 5 дворахъ, затѣмъ въ 4 дворахъ жили: Крашенинниковы, Кочатковы, Щенковы, Черныхъ (Черновы временъ Грознаго), Филиповы, въ трехъ дворахъ: Квасниковы, Седельниковы, Мясниковы, Ерины, Буравлевы, Шмаровкины, Толстухины, Поповы, Крымовы, Щукины, Ежиковы, Масленикoвы, Колесниковы, Перешивкины, Щербинины, Гульшины, Заикины, Стуковы, Турицыны, Ивакины, Бѣляевы. Остальныя фамиліи жили въ одномъ или въ двухъ дворахъ.

Сравнивая фамиліи переписныхъ книгъ 1678 г. съ фамиліями сотной кн. Фуникова, мы съ удивленіемъ спрашиваемъ себя: одинъ и тотъ-ли городъ описывали писцы, отдѣленные одинъ отъ другаго менѣе чѣмъ полутораста годами? Словно вымерли, или скрылись куда фамиліи временъ Грознаго. Съ трудомъ изъ нихъ можно отыскать всего только восемь уцѣлѣвшихъ родовъ, именно: 1) Ворониныхъ (въ 2 дворяхъ), 2) Зѣниныхъ (въ 5 дв.), 3) Зубовыхъ (въ 1 дв.), 4) Еропкиныхъ (въ 1 дв.), 5) Ревякиныхъ (въ 1 дв.), 6) Черновыхъ (въ 4 дв.), 7) Щербининыхъ (въ 3 дв.) и 8) Коншиныхъ (въ 1 дв.). Изъ этихъ родовъ нѣкоторые были уже въ періодѣ захудалости, какъ то: Зубовы, Еропкины, Ревякины.

Относительно народонаселенія по переписнымъ книгамъ 1678 г. слѣдуетъ замѣтить на посадѣ *поляковъ*, въ числѣ 11 человѣкъ. Безъ сомнѣнія съ теченіемъ времени, подобно кормовымъ иноземцамъ, они не замѣтно обратились въ русскихъ, по крайней мѣрѣ Мачилкины, родоначальникомъ которыхъ былъ одинъ изъ поляковъ, записанныхъ Сунбуловымъ, въ настоящемъ столѣтіи были уже чистыми русскими гражданами города. Прихожаго люду было 14 человѣкъ, конечно въ смыслѣ недавнихъ пришельцевъ, такъ какъ жившіе уже давно въ городѣ не считались таковыми. Большая часть приходцевъ была изъ сосѣднихъ волостей, изъ городовъ были только: двое изъ Ярославля, одинъ изъ Нижняго-Новгорода и одинъ изъ Тарусы. Увѣчныхъ на посадѣ было очень мало, именно: слѣпыхъ двое (изъ нихъ одинъ ребенокъ 7 лѣтъ), горбатыхъ и хромыхъ по 1. Сверхъ богадѣльныхъ нищихъ, записанъ одинъ „нищъ", жившій во дворѣ своего брата.

Всѣ посадскіе, и богатые, и бѣдные, сами управлялись со всякою домашнею работою, не нуждаясь въ посторонней услугѣ, поэтому на весь посадъ записано въ переписныхъ книгахъ Сунбулова только 2 работника, жившіе въ двухъ дворахъ: одинъ у Остапова, другой у Наливаева. Въ захребетникахъ было записано 3. Бобыльскихъ дворовъ было 14: 10 за Нарою и 4 въ острогѣ, „людей въ нихъ" было 34 человѣка. „Въ сасѣдехъ" жилъ всего одинъ.

Въ острогѣ по прежнему было не мало осадныхъ дворовъ разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ [1], именно:

1) Бориса Чирикова, въ немъ жила „вдова Улитка подъячего Дмитрѣевская жена площедного" съ своимъ сыномъ.

2) Савелья Ермолаева сына Незнянова.

3) „Матвѣя да Григорья Филимоновыхъ дѣтей Нарышкиныхъ".

4) „Афонасья Андрѣева сына Соймонова".

5) „Микифора Спиридонова сына Бобрищева-Пушкина".

6) „Митрея Харламова сына Соймонова да вдовы Ивановской жены Харламова сына Соймонова Лукѣрьи, Осиповой дочери, вопчѣ".

7) „Романа Микитина сына Веляминова з братьеми".

[1] Нѣсколько изъ нихъ могло находиться въ каменномъ городѣ, особенно первые дворы: описаніе такъ неясно у Сунбулова, что трудно разобрать.

8) Стольника Михаила Федорова сына Ртищева.

9) Стольника Богдана Иванова сына Иванчина-Писарева.

10) Ивана Игнатова сына Алымова.

11) „Бояръ князя Ивана Андрѣевича да князя Василья Васильевича Голицыныхъ, а в немъ“ жили „Торуского уѣзду села Подмоклова крестьяне ихъ по суточно“.

12) „Боярыни вдовы кнегини Алены Борисовны, боярина князя Федоровскіе жены Юрьевича Хворостинина“.

13) Никона Іевлева сына Чаплина.

14) „Железного завода иноземца немчина Ивана Елисѣева сына Акѣма“ [1].

15) Дьяка Григорья Кузмина.

16) „Василья Паликарпова сына Нарышкина“.

17) „Стряпчего Исая Федорова сына Рохманинова“, жилъ въ немъ въ дворникахъ „Серпуховской воротникъ Кудинка Афонасьевъ“.

18) „Гостя Федора Шустова“.

19) Гостиные сотни Кондратья Крупеникова, а в немъ „жили братья ево родные: Алексѣй, Григорей, Микифоръ Крупениковы“.

Историческое значеніе Серпухова, какъ мы показали во многихъ мѣстахъ нашего сочиненія, завершилось задолго до 1678 г. когда производилась въ немъ послѣдняя допетровская перепись. Въ 1552 г. когда была писана кн. Фуниковымъ сотная города, онъ былъ на канунѣ поры наибольшаго своего процвѣтанія; къ 1678 г. пало окончательно его военное значеніе, съ коимъ было связано его процвѣтаніе въ древней Руси. Любопытно сдѣлать нѣкоторыя сравненія главнѣйшихъ указаній сотной 1552 г. и переписныхъ книгъ 1678 г. на счетъ количества и состава народонаселенія города въ двѣ намѣченныя нами эпохи. По итогу Фуникова всѣхъ жилыхъ дворовъ на посадѣ съ приписанными слободами, помимо находившихся въ городѣ-крѣпости, было 623, людей въ нихъ, т. е. взрослаго мужскаго населенія, было 796 человѣкъ. Сунбуловъ съ своимъ товарищемъ записали въ своихъ

[1] Вѣроятно родственнику этого Акѣма „Галанскія земли торговому человѣку Филимову Филимонову сыну Акамы“ въ 1644 г. позволилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ вмѣстѣ съ Марселіусомъ заводить въ Россіи желѣзные заводы. Соб. госуд. грам. и дог. III, № 118.

книгахъ: „Всего во граде Серпухове на посаде посатскихъ і на церковныхъ земляхъ, которые живутъ во дворникахъ посатскіе люди, 307 дворовъ, людей въ нихъ 1060 человѣкъ“ [1], причемъ, какъ мы видѣли, приняты въ разсчетъ, помимо взрослыхъ мущинъ, и дѣти мужскаго пола, каковыхъ было, какъ видно изъ статистики (ст. 210), 549 человѣкъ. За вычетомъ ихъ изъ общей суммы 1060 человѣкъ, получимъ взрослаго посадскаго мужскаго населенія 511 человѣкъ. Положимъ въ переписныхъ книгахъ занесены не всѣ безусловно жители города и посада, нѣтъ напр. всѣхъ людей военнаго сословія, но всѣхъ военныхъ людей съ дѣтьми по описи города въ томъ же 1678 г. на основаніи данныхъ Разряда, было всего только около 150 человѣкъ [2]. Относительно числа дворовъ выходитъ, что во времена Фуникова ихъ было вдвое болѣе противъ 1678 г. Что касается до народонаселенія, то и въ этомъ отношеніи преимущество остается на сторонѣ эпохи Іоанна Грознаго: городъ тогда былъ несомнѣнно многолюднѣе съ своимъ

---

[1] Въ частности у нихъ записано: 1) „Всего за Нарою рекою въ слобадахъ и по другую сторону реки Нары, что на Остромъ концѣ у Пятницы, посацкихъ 114 дворовъ, людей в нихъ 415 человѣкъ, да дворъ пустой“, 2) „в остроге посацкихъ 34 двора, людей в нихъ 116 человѣкъ“, 3) „за острогомъ в Троецкой улице 116 дворовъ, людей в нихъ 418 человѣкъ“. Остальные жители были бобыли и дворники.

[2] Доп. къ Ак. Истор. IX, № 106, стр. 233, именно тогда было: „Отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ 2 человѣка. Дѣтей же боярскихъ и новокрещеновъ изъ отставныхъ 5 человѣкъ. Пушкарей и затинщиковъ 63 человѣка, дѣтей ихъ неслужилыхъ 6 человѣкъ. Воротниковъ 23 человѣка, дѣтей ихъ недорослей 3 человѣка. Казенныхъ кузнецовъ съ дѣтьми 17 человѣкъ. Кирпичниковъ 14 человѣкъ, дѣтей и братьи 13 человѣкъ“. Къ невоенному сословію по Разрядной описи принадлежали въ это время, т. е. въ томъ же 1678 г. „посацкихъ людей 229 человѣкъ, дѣтей у нихъ и братьи и всякихъ свойственниковъ 258 человѣкъ. Конюшенной слободы тяглецовъ 13 человѣкъ, дѣтей у нихъ 6 человѣкъ“. Какъ согласить эти данныя съ данными переписи Сунбулова, произведенной въ то же время? Мы полагаемъ очень просто: въ Разрядномъ спискѣ, равно какъ въ смѣтныхъ спискахъ, по которымъ воеводы принимали въ свое завѣдываніе городъ, обозначено только то посадское населеніе, которое обязано было въ случаѣ опасности являться для городовой службы, почему было вооружено частію своимъ, частію „государевымъ“ оружіемъ, какъ-то: пищалями, рогатинами, мушкетами и т. п. Число посадскихъ при этомъ въ смѣтныхъ спискахъ воеводъ показано сходно съ данными разрядной описи. Конечно если бы кто сталъ дѣлать выводы о народонаселенія городовъ по описи на основаніи разрядныхъ данныхъ, напр. помѣщенныхъ у С. Соловьева (Приложеніе къ XIII т.), тотъ впалъ бы въ большую ошибку, такъ какъ тамъ преимущественно показано то посадское населеніе, которое имѣло оружіе, а не вся масса посадскаго люду.

почти исключительно торгово-промышленнымъ населеніемъ. Мы полагаемъ, предъ Смутною эпохою онъ еще былъ населеннѣе; послѣ же нея населеніе замѣтно уменьшилось, но затѣмъ въ XVIII столѣтіи оно опять пошло въ гору, въ особенности съ развитіемъ фабричной промышленности[1].

Знакомя читателей съ собственною исторіею города, мы незамѣтно подошли къ эпохѣ коренныхъ преобразованій всѣхъ существовавшихъ у насъ порядковъ при Петрѣ В. Сильно поизмѣнилось къ этому времени, какъ мы видѣли, народонаселеніе Серпухова. Нѣкогда богатыя и вліятельныя фамиліи пропали безслѣдно, либо приняли новыя прозвища, имущественное значеніе другихъ совершенно стало не то. Если одни роды дѣлались захудалыми, то другіе, благодаря предпріимчивости и торговлѣ, быстро увеличивали свой достатокъ. Нѣкоторое понятіе о сравнительной степени зажиточности и матеріальныхъ средствъ фамилій города въ концѣ XVII в. и въ началѣ XVIII в. мы можемъ составить изъ памяти 30 Января 1702 г. „Серпуховскимъ земскихъ дѣлъ бурмистромъ"[2], присланной для сбора десятой деньги съ гостинной сотни „для нынѣшней свейской службы"[3], какъ сказано въ памяти. Бурмистры должны были собрать десятую деньгу для доставленія „въ Золотую палату боярину князю Борису Алексѣевичу Голицыну съ товарищи" по окладнымъ книгамъ прежнихъ лѣтъ, когда дѣлался на нужды государственныя подобный сборъ съ торговыхъ людей. По этимъ книгамъ сходило съ лицъ гостинной сотни „съ ихъ торговъ и промысловъ", съ:

1) Ивана Сѣрикова съ братьями. . . . . . . 25 р.
2) Меркула Сокольникова . . . . 10 „
3) Ивана Никифорова . . . . 9 „

---

[1] Конечно и послѣ переписи 1678 г. населеніе постепенно увеличивалось, между прочимъ вслѣдствіе прихода на жительство разныхъ пришлыхъ людей, преимущественно изъ окрестныхъ волостей, такъ по росписи 1694 г. Серпуховскаго земскаго старосты Козьмы Булгакова (сантки Арх. Серпух. город. упр.) значится пришлыхъ людей мужескаго пола со времени переписи 1678 г. — 22 человѣка. Часть изъ нихъ жила во дворничествѣ, другіе поселились своими дворами, пятеро вошли въ семьи, поженившись на посадскихъ.

[2] Сантки Арх. Серпух. город. управы.

[3] Т. е. для нуждъ начавшейся около того времени Великой сѣверной войны со Шведами.

4) Григорья Шилова. . . . . 7 р. съ полтиною.
5) Никифора Крупеникова. . . . . 7 „
6) Ивана Шилова . . . . 7 „
7) Ивана Медвѣдева съ братомъ . . . . 7 „
8) Калистрата Романова . . . . 5 „
9) Степана Хотунцева . . . . 5 „
10) Гаврилы Воробьева. . . . . 4 „ 30 алтынъ.
10) Михаила Шилова . . . . 4 „
12) Ивана Крупеникова . . . . 3 „
13) Гаврилы Лодышкина . . . . 3 „
14) Юрья Шилова . . . . 2 „
15) Леонтья Шапочникова . . . . 2 „
16) Сидора Лазарева . . . . 2 „
17) Василья Крупеникова съ братомъ Афанасьемъ 2 „
18) Ивана Дикаго съ племянникомъ . . . . . . 2 „
19) Льва Савелья Медвѣдева . . . . 1 „
20) Терентья Шапочникова . . . . 1 „[1]

Если взять платежи по фамиліямъ, все таки на первомъ мѣстѣ стояли Иванъ Сѣриковъ съ братьями (25 р.), затѣмъ шли Шиловы (20 р. съ полтиною) и Крупениковы (12 р.); остальныя фамиліи платили менѣе одного Меркула Сокольникова (10 р.) или Ивана Никифорова (9 р.).

Иванъ Сѣриковъ съ братьями принадлежалъ къ старинному пушкарскому роду[2]. Въ первый разъ намъ встрѣтилась эта фамилія въ 1620 г. Тогда въ числѣ „сторожильцовъ", бывшихъ при сыскѣ посадской земли[3], участвовалъ пушкарь Θедоръ Сѣриковъ. Въ 1646 г. на Воскресенской горѣ жили три брата Сѣриковы, сыновья Θедора[4]: старшій Осипъ („Осипка Федоровъ сынъ") и при

---

[1] Помимо лицъ этого списка намъ встрѣтились въ разныхъ документахъ Арх. Серпух. город. упр. принадлежавшими въ это время къ гостинной сотни:

1) Гаврила Кониковъ.
2) Сагайдачные.
3) Фролъ Семеновъ Воробьевъ.
4) Иванъ Хотунцевъ.
5) Иванъ Никифоровъ сынъ Вавиловъ.
6) Юрій Дементьевъ Шапочниковъ.
7) Герасимъ Калистратовъ Ножевниковъ.
8) Гаврила Романовъ.

[2] Пушкари, какъ мы видѣли, были въ каменномъ городѣ при нарядѣ, т. е. при пушкахъ и пищаляхъ.

[3] Списокъ съ Земляныхъ книгъ 1620 г.

[4] Переписныя книги Ляпунова 1646.

нёмъ два брата Иванъ и Григорій („Ивашка да Гришка" на языкѣ того времени). Осипъ продолжалъ быть пушкаремъ и въ 1649 г. ему принадлежала тогда полулавка въ соленомъ ряду, съ которой слѣдовало платить въ государеву казну [1]. Братья же его Иванъ и Григорій жили уже отдѣльными дворами и занимались торговлею, почему въ 1649 и были было взяты въ посадъ съ обязанностью вмѣстѣ съ посадскими тянуть тягло, т. е. отбывать повинности, отчего однакожъ они успѣли освободиться [2]. Оба брата жили тоже на Воскресенской горѣ [3] „на тяглой на посацкой землѣ". Иванъ Өедоровичъ торговалъ „в своихъ лавкахъ солью и медомъ и хлѣбомъ", Григорій Өедоровичъ — тѣмъ-же, только у него была одна лавка. У Ивана Өедоровича было нѣсколько сыновей, изъ коихъ старшій назывался, какъ и отецъ, Иваномъ, втораго звали Александромъ, остальные были Герасимъ и Иванъ [4]; сверхъ сего въ домѣ у него проживалъ пріемышъ Гришка Степановъ сынъ Мочалниковъ. По смѣтному списку 1680 года Иванъ Өедоровичъ числился съ своими сыновьями „редовыми пукарями", у нихъ было оружія „пищаль да бердышъ" [5]. Въ спискѣ слѣдующаго года (1681) [6] уже мы не встрѣчаемъ Сѣриковыхъ въ числѣ пушкарей: вѣрно они были отставлены отъ пушкарства и приняты въ посадъ въ тягло. Въ скоромъ времени Сѣриковы разбогатѣли, стали вести значительную торговлю, ѣздили на нижегородскую и другія ярмарки и имѣли „купленыхъ людей" для домашней услуги. Въ Мартѣ 1700 г. Герасимъ Иванычъ былъ по дѣламъ въ Боровскѣ, съ „купленнымъ человѣкомъ с Сенкою Семеновымъ". Купленый человѣкъ обокралъ его ночью и бѣжалъ, „а кражею, какъ жаловался Сѣриковъ предъ бурмистрами въ Серпуховской земской избѣ" [7],

---

[1] Тамъ же, л. 46.

[2] Въ спискахъ новоприписнымъ тяглецамъ 1649 — 1652 г. они не значатся въ ихъ числѣ.

[3] Списки съ Серпух. Строильн. книгъ 1649 г, л. 16 и 17.

[4] Памятью 1702 г. изъ Московской ратуши Серпуховскимъ земскихъ дѣлъ бурмистрамъ велѣно было „бить въ службе на денежномъ дворѣ (въ Москвѣ) гостиной сотни серпуховскому жителю Ивану Иванову сыну Серикову меньшему", котораго и слѣдовало выслать въ ратушу, „собравъ по немъ поручную запись" (Свитки Арх. Серпух. город. упр.).

[5] Арх. Мин. Юстиц. Дѣла разныхъ городовъ 1620 — 93 г. Серпуховъ книга 8.

[6] Тамъ же.

[7] Челобитная Сѣрикова въ свиткахъ. Арх. Серпух. город. упр.

„онъ взялъ.... денегъ сто десять рублевъ, да осмьнатцать заемныхъ кабалъ, да нижегородскою зачетною выпись“. Купленный человѣкъ былъ пойманъ Сѣриковымъ въ Ливнахъ. Онъ его сковалъ и держалъ у себя до указу, самъ же уѣхалъ „для торговаго своего промыслу в Нижней Новгородъ“ [1]. Тогда Семеновъ съумѣлъ вторично бѣжать [2].

Сокольниковъ былъ тоже изъ старинной фамиліи, вѣроятно велъ родъ отъ княжескихъ сокольниковъ, жившихъ на посадѣ въ особой слободѣ, отъ которой во времена Грознаго, какъ мы видѣли, остались только одни остатки. По переписнымъ книгамъ Ляпунова 1646 г. Сокольниковы жили за Нарою. Меркулъ Семеновичъ Сокольниковъ во времена Петра В. велъ обширную торговлю пенькою; самъ скупалъ ее въ Серпуховѣ [3] и окрестныхъ городахъ и затѣмъ продавалъ въ Москву и другіе города, какъ русскимъ купцамъ, такъ и иностраннымъ.

Въ январѣ 1700 г. онъ обязался поставить въ Серпуховѣ 4000 пудовъ сырцовой пеньки „серпуховскаго и алексинскаго кряжу“ московскому купцу Матвѣю Григорьеву Евреинову. Тотъ послалъ прикащика для пріему на 27 подводахъ. Прикащикъ забраковалъ пеньку, такъ какъ она, противъ уговору, оказалась самою худою, и не принялъ ее, вслѣдствіе чего въ Серпуховской земской избѣ были поданы челобитныя съ той и другой стороны [4]. Въ январѣ того же года Сокольниковъ подрядился поставить иноземцамъ Елисѣю Клюку и Адольфу Захарьеву 2000 пудовъ пеньки, одну тысячу въ Серпуховѣ, другую въ Алексинѣ. Для пріема былъ присланъ прикащикъ Пахомъ Клементьевъ. Въ челобитной, по данной Сокольниковымъ по сему случаю [5], онъ жаловался, что когда, по осмотру товара, его стали уже класть на подводы, прикащикъ вдругъ сталъ просить „взятку себѣ пяти рублевъ денегъ“. Сокольниковъ не далъ взятки, прикащикъ тогда не принялъ то-

[1] На ярмарку: это было въ августѣ мѣсяцѣ.

[2] По преданію Сѣриковы устроили въ Москвѣ первую суконную фабрику.

[3] Между прочимъ въ 1700 г. ему подрядились поставить двое крестьянъ подмонастырской слободы Владычня монастыря „чистой пеньки, какова нынешного году будеть“, 200 пудовъ. Крестьяне жаловались на непріемъ всей пеньки Сокольниковымъ и на недоплату денегъ. (Челобитная въ свиткахъ Арх. Серпух. город. упр.).

[4] Свитки Архива Серпух. город. упр.

[5] Тамъ же.

вара и челобитчикъ за своимъ извозомъ послалъ (его) к Вологде, для того, чтобы.... зимняго пути не испустить".

Сынъ Меркула Семеновича, Алексѣй Меркуловичъ, занимался тѣмъ же торгомъ, что и отецъ. Такъ въ февралѣ 1702 г. онъ жаловался[1] на крестьянина Владычня монастыря подмонастырской слободки Филимона Исаева сына Шибаева[2], что онъ обязался поставить 1000 пудовъ чистой пеньки, цѣною за берковецъ „по три рубли по шти алтынъ по четыре деньги", взялъ задатокъ и не поставилъ всего даже и послѣ срока.

Степанъ Анисифоровичъ Хотунцевъ[3] былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ торговцевъ вышеприведеннаго списка гостинной сотни. Вотъ какого рода жалобу онъ принесъ бурмистрамъ земской избы въ Серпуховѣ въ 1700 г. „В марте мѣсяцѣ будучи я, холопъ твой (государевъ) за Свиискимъ рубежемъ в Ругодеве[4], продалъ я, холопъ твой, торговому иноземцу Андрѣю Бланту чистой пеньки на ругодевской бракъ і вѣсъ пятдесятъ берковецъ, а ценою взялъ я за берковецъ по одиннатцати ефимковъ, и за ту, государь, пеньку денги взялъ напередъ всѣ сполна і письмо в отдаче своей руки ему, Бланту, далъ, чтобъ отдать пенку к вешнимъ карабдямъ. И ту, государь, пенку работникъ мой Сенка ему Андрѣю отдалъ и тоѣ, государь, пеньку принявъ, онъ, Андрѣй Блантъ, той росписки моей руки не отдалъ, не знаемо для чего. А тотъ мой работникъ Сенка челобитье в Ругодеве безъ моего вѣдома записать не посмѣлъ, і я, холопъ твой ныне і впредь отъ него, Андрѣя Бланта, опасаюсь і опасенъ"[5]. Изъ другой челобитной[6] того же Хотунцева видно, что въ 1702 г. онъ подрядился поставить въ Серпуховѣ для московскаго торговца Юдина 2000 пудовъ чистой пеньки по 2 р. 20 алтынъ за берковецъ. Юдинъ не принялъ пеньки не только въ срокъ, но даже и позже. Степанъ Анисифоровичъ, помимо пеньки, торговалъ также топленымъ саломъ, от-

---

[1] Тамъ же.

[2] Фамилія Шибаевыхъ перешла въ Серпуховъ изъ этой мѣстности.

[3] Фамилія Хотунцевыхъ, чрезъ весьма обыкновенное удлиненіе, образовалась изъ слова хотунецъ, т. е. житель, или уроженецъ, Хотуни.

[4] Ругодивъ — старинное названіе Нарвы.

[5] Свитки Арх. Серп. гор. упр.

[6] Тамъ же.

правляя его партіями. Такъ въ 1700 г. онъ подрядился поставить въ Серпуховѣ одному московскому торговцу „говяжья топленова сала пятсотъ пудъ, ценою за пудъ по двадцати алтынъ по́ четыре деньги“. Деньги за товаръ не были уплочены въ срокъ, о чемъ онъ тогда же подалъ челобитье [1].

Шиловы, какъ мы видѣли, были взяты въ посадъ, по торгамъ и промысламъ въ 1649 г., изъ Мироносицкаго села Сельца; тогда же были взяты въ посадъ нѣкоторые изъ Шапочниковъ, другіе же продолжали еще оставаться въ пушкаряхъ. Леонтій Андреевичъ Шапочниковъ, котораго въ 1702 г. мы встрѣчаемъ въ разрядѣ гостинной сотни, занимался между прочимъ торговлею медомъ. Съ его именемъ связанъ слѣдующій эпизодъ. Одинъ изъ серпуховскихъ посадскихъ, Григорій Кондыринъ, изъ бывшихъ у него 16 кадей меду, весомъ 154 пуда, продалъ въ Москвѣ „в медовой рядъ торговымъ людемъ Григорью Гаврилову да Ивану Васильеву десять кадей, вѣсомъ 94 пуда, ценою в дереве по рублю пудъ“. Купившіе жаловались, что у кадей „явились воровскіе бока в нихъ толстые не противъ прежнихъ кадей“. Кондыринъ въ свое оправданіе сказалъ, что онъ купилъ 10 кадей того меду, который продалъ, въ Серпуховѣ „гостиные сотни у Леонтья Андрѣева сына Шапошникова настоящею ценою“. Оправданіе не было принято въ разсчетъ, и „ему, Гришке, сказано въ выписи по сему дѣлу [2], учинено наказаніе—бить батоги“, Шапочникова же велѣно было бурмистрамъ прислать въ Московскую Большую таможню.

Медвѣдевы, Воробьевы, Лазаревы, Ладышкины и Дикіе были всѣ по происхожденію изъ пушкарей.

Дворъ Крупениковыхъ по переписнымъ книгамъ 1646 г. былъ „у Пятницы, что въ Востромъ концѣ“. Повидимому дѣла Никифора Крупеникова въ 1701 г. шли не особенно хорошо: онъ принужденъ былъ „ѣдучи от Николы Зарайскова с ярмонки“ взять „на перехватку“ денегъ у серпуховскаго посадскаго человѣка Василія Байбакова на Коширѣ (вѣрно ѣхали вмѣстѣ), которыя онъ не отдавалъ ему, какъ видно изъ жалобы послѣдняго [3].

---

[1] Тамъ же.
[2] Тамъ же.
[3] Тамъ же.

ГЛАВА IV.

Посадскія земли и отношенія къ Высоцкому и Владычнему монастырямъ.

Первыя свѣдѣнія о посадской землѣ мы получаемъ изъ сотной князя Фуникова, именно тамъ, послѣ описи дворовъ, сказано: „А земли у города по обе стороны реки Нары у всѣхъ городцкихъ (т. е. посадскихъ) людей и соброчники и слободтцкіми 1033 четверти, сѣна 3115 копенъ, сошной пашни девет сох без получетверти сохи".

Съ 1552 г. по 1620 посадъ владѣлъ по старинѣ своими землями безъ какой-либо повѣрки его правъ. Къ 1620 г. повидимому возникли нѣкоторые спорные поземельные вопросы особенно по отношенію къ вотчинамъ Высоцкаго монастыря, вслѣдствіе чего въ этомъ году былъ произведенъ „сыскъ" посадской земли [1]. Произвелъ его, по царской грамотѣ, воевода князь Иванъ Даниловичъ Мосальскій, со всѣми формальностями, согласно съ обычаями той эпохи. Сторонними приглашенными людьми были при этомъ: архимандритъ Высоцкаго монастыря Іоаннъ, игуменъ Владычня монастыря Кириллъ, протопопъ Троицкаго собора Прокопій, попы и дьяконы изъ города и посада, посадскій староста, серпуховскіе жилецкіе люди и „старожилцы", помимо „обыскныхъ людей", имена которыхъ были обозначены въ царской грамотѣ. Въ числѣ послѣднихъ были дворяне и дѣти боярскіе: Ѳедоръ и Иванъ Шишкины, Анофрей Раевскій, Иванъ Ящерицынъ и Прохоръ и Андрей Соймоновы „с товарыщи".

Сыскъ, т. е. осмотръ, посадской земли былъ начатъ: „от посаду отъ пушкарскихъ мѣстъ дворовыхъ... за Нечистымъ врагомъ" близъ Сельца, потомъ вверхъ по врагу отъ „дворовых мѣстъ, что была Сокольничья слобода"—по землю помѣщика „Онофрея Роевскаго", бывшаго въ числѣ обыскныхъ людей, за тѣмъ по рубежъ Высоцкаго монастыря земли деревни Борисовой [2] по рѣчку по Ми-

---

[1] [illegible] (Серпуховскихъ) книгъ 1620 г. (Арх. Серпух. гор. упр.)

[2] По преданіямъ на мѣстѣ деревни Борисовой стоялъ въ шатрахъ [illegible], ожидая крымцевъ.

халковку“, далѣе „от Михалкова вершка к городу по коломенской дороге“ по правую ея сторону, потомъ „по которовской дороге, что ѣздять в помѣстья вдовы Овдотьи Безсоновской жены Бегичева“. Здѣсь было посадскаго лѣсу пашеннаго 50 десятинъ по лоску [1], называвшемуся „Боровлянкою“, почему надо полагать лѣсъ былъ сосновый. Далѣе сыскъ шелъ въ направленіи Бѣлаго колодца „по рубеж Высотцкого монастыря земли деревни Ивановской“ и подлѣ „соборной церковной Троицкой земли“. Въ этомъ мѣстѣ было „пашни и перелогу 22 десятины с полудесятиною и с полуторымъ осминникомъ“. Послѣ этого перешли за Нару; тамъ начали сыскъ „от дворовыхъ старых посадцкихъ людей мѣстъ от Козмодемиянской улицы от лоску отъ Свиридовки [2]... по боръ Владычня монастыря“ и по богоявленскую церковную землю. Тутъ было посадской „пашенные земли 43 десятины с полудесятиною и с полуосминникомъ“; потомъ отъ богоявленской и кузьмодемьянской церковныхъ земель „по рубежъ Березенскихъ татаръ Юрьки Денисова с товарыщи“ и „отъ рубежа Владычня монастыря пустоши Сухотиной“ по „землю конюшенныхъ крестьянъ“. На этомъ пространствѣ оказалось посадской земли „пашни паханые и перелогу 39 десятинъ с полудесятиною, да лѣсомъ поросло 58 десятинъ с полудесятиною. Потомъ „позади Покровской и Богоявленской улицъ от старыхъ посадцкихъ дворовыхъ мѣстъ“ — по „рубежъ Глазеченскихъ татаръ Василья Меретѣева с товарыщи по лоскъ по Пескавку [3]“ было „пашни пахотные 12 десятинъ“, да „клинъ — двѣ десятины с полудесятиною“.

Всего „мѣрной земли“ во владѣніи собственно серпуховичей посадскихъ людей оказалось „около города на городцкой сторонѣ і за рекою за Нарою от старыхъ дворовыхъ мѣстъ пашни і перелогу 201 десятина съ полудесятиною да лѣсу пашенного 136 десятинъ по пашни“.

---

[1] У Даля въ Толковомъ словарѣ показано употребленіе слова *лоскъ* (значитъ оврагъ) въ Рязан. и Тульск. губ. Можемъ замѣтить, что какъ въ старину, такъ и теперь, оно употреблялось и употребляется и въ Серпуховскомъ уѣздѣ.

[2] Не далеко отъ этого лоска, находящагося по дорогѣ изъ города во Владычній монастырь, до сихъ поръ полицейская будка называется Свиридовскою; самый лоскъ теперь не имѣетъ названія.

[3] Лоскъ Пескавка — оврагъ подлѣ Захарьевской часовни; теперь онъ утратилъ свое названіе, подобно лоску Свиридовкѣ.

Окончивши сыскъ собственно посадской земли, воевода съ обыскными людьми произвелъ осмотръ земли „в лугу, чѣмъ владѣлъ Афонасей Прончищевъ“ и что частію уже тогда, частію потомъ принадлежало также посаду. Земля эта была на историческомъ Берегу „по обе стороны усть реки Нары і вверхъ і внизъ по Окѣ рекѣ за истокомъ, что подъ Владычнимъ монастыремъ, до Каменного веретья“ — пашни луговой „межъ озеръ и болоту 107 десятинъ с полудесятиною“. „Озерка Вишева и Круглое“ были посадскія. Затѣмъ перешли къ лугамъ у Дракина, „переѣхавъ Березинскихъ татаръ землю, по берегу Оки реки і усть рѣчки Хвошни і промежъ земли Владычня монастыря, что былъ лугъ государевъ оброчной... і в Гусиной поляне“. Тутъ записали земли Прончищева „пашни луговой і сенныхъ покосовъ промежъ озеръ і болотъ 133 десятины, да козенныхъ кузнецовъ двѣ десятины с полудесятиною“. „Озерко Перекопъ“ признано было посадскимъ. По лѣвому берегу Нары, „ниже Высотцкого монастыря мелницы і внис по Окѣ рѣкѣ в лугу“ смежно съ землями Соборною и Высоцкаго монастыря оказалось земли „пашни пахотные 4 десятины с полудесятиною“. Вообще въ этой мѣстности владѣнія были очень дробны и перепутаны, почему у Прончищева то тамъ, то сямъ было только по нѣскольку десятинъ, такъ: „не доходя Кривого омута вниз к рѣкѣ к Наре в Хомутине было „пашни луговой 3 десятины с полудесятиною“, по сосѣдству съ дмитріевскою церковною землею [1] и землею Высоцкаго монастыря; далѣе „против Кривого омута [2] у мостища і меж Высотцкаго монастыря земель пашни луговой три десятины к рекѣ къ Наре“. Гораздо больше Прончищевой земли было „на лугу Высотцкого монастыря от бору к истоку“ по сосѣдству съ землями какъ самого монастыря, такъ и помѣщика „Анофрея Роевскаго“: тутъ было пашни луговой „деветнатцать десятинъ с полудесятиною“. Подъ самымъ боромъ была у Прончищева „меж Высотцкого монастыря земель благословенная пашни десятина“. Въ разныхъ мѣстахъ по заливному берегу Оки, преимущественно среди земель Высоцкаго монастыря были тоже луга Прончищева, такъ: „за истоком к Окѣ рекѣ къ перевозу і

---

[1] Дмитрія Селунскаго въ каменномъ городѣ.

[2] Кажется Кривой омутъ называется теперь Кривулею (лугъ).

по берегу вниз по Окѣ рекѣ к озеру Вспуду" было „пашни луговой 28 десятинъ"; само озеро было посадское. „По Спуду же озеру по дороге к Липицкому перевозу, не доходя Бесѣдокъ", было „пашни луговой 9 десятинъ"; далѣе „за озеромъ за Спудомъ" у берега Оки между землею Высоцкаго монастыря и Анофрея Раевскаго было такой же земли „десятина с полудесятиною", „ниже озера Спуда" тоже „у Оки реки по берегу до лоску Бесѣдки" — 3 десятины. „По Окѣ рекѣ по берегу вниз і меж Гнилова озера і помѣщика Онофрея Роевскаго и Владычня монастыря земли" Прончищеву принадлежали: „бывшій Государевъ оброчный лугъ"—6 десятинъ и Гнилое озеро. „Ниже Гнилова озера" между землями вышеозначенныхъ владѣльцевъ и землею Владычня монастыря было у Прончищева „пашни лугу 4 десятины". Подойдя къ болоту Высоцкаго монастыря, лица, производившія сыскъ, осмотрѣли и признали слѣдующія владѣнія Прончищева: „подъ болотомъ въ дуброве Гавриловской волокъ Овчинникова пашни полторы десятины", въ той же дубровѣ смежно съ землею Высоцкого монастыря и Анофрея Раевского „пашни полтретьи десятины", потомъ „по обѣ стороны рѣки Рѣчмы, по сосѣдству съ землею помѣщика Ивана Колтовскаго и „к городу в Бутове поляне", въ смежности съ землею Раевскаго и Высоцкаго монастыря, оказалось Прончищевыхъ „луговъ сенныхъ покосовъ 16 десятинъ с полудесятиною".

Всего было земли у Аѳанасія Прончищева, какъ записали въ земляныхъ книгахъ, „пашни луговой и сенныхъ покосовъ межъ озеръ и болотъ 344 десятины". „А та луговая земля і луги, прибавлено тамъ, у Афонасья Прончищева отписаны на государя царя і великого князя Михаила Федоровича всея Русиі і приказана беречь до его, государева, указу Высотцкого монастыря крестьянамъ Жданку Демидову і Федки Иванову да Владычня монастыря Івашку Антипову".

Послѣ сыску земли, принадлежавшей Прончищеву, воевода со всѣми сопровождавшими его лицами занялся осмотромъ земель разныхъ слободъ, включенныхъ въ посадъ. Раньше были осмотрѣны владѣнія тяглецовъ Конюшенной слободы. Они простирались „от рубежа Березинскихъ татаръ Юрки Денисова — по рубежъ Глазечевскихъ новокрещеновъ і татаръ Василья Меретѣева с товарыщи"

и по церковную землю Рождества Пречистой и заключали въ себѣ „пашни 8 десятинъ да лѣсу 12 десятинъ с полудесятиною". Затѣмъ осмотрѣли тамъ же за Нарою 13 десятинъ съ осминникомъ пашни бѣломѣстныхъ казаковъ Ивановской слободы и ямчужныхъ мастеровъ. Послѣ этого была „сыскана" по сотной „князя Василья Фуникова с товарыщи земля Ключничей слободы в лугу у реки у Нары, у мостища, противъ Кривого омуту, пашни луговой 4 десятины, промежъ земли, чѣмъ владѣлъ Афонасей Прончищевъ", далѣе „подъ болотомъ Высотцкого монастыря, противъ Липицкого перевозу, лугу 3 десятины". Въ земляныхъ книгахъ при этомъ сдѣлана отмѣтка: „а владѣютъ тою луговою землею и пашенною николские попы Федоръ да Огофонъ, а дана де имъ та земля іс посаду в отмѣръ, а у нихъ взято в то мѣсто луговаяж земля к серпуховскому яму".

Послѣ этого была осмотрѣна „заворотничья земля", т. е. земля воротниковъ „против Липицкого перевозу подъ болотомъ Высотцкого монастыря пашни луговой 4 десятины", при чемъ въ книгахъ была сдѣлана прибавка: „а в сотной (кн. Фуникова) та земля не написана". Дана она была „ко всему городу".

Всѣ означенныя земли: и посадскія, и Прончищева, лежали вокругъ города и посада въ такъ называемомъ „*Окологородномъ стану*". Станъ этотъ съ одной стороны упирался въ берегъ Оки, гдѣ доходилъ почти до Дракина вверхъ по ея теченію и внизъ до Лужковъ, съ другой шелъ мимо нынѣшняго погоста Николы Березни къ Глазечнѣ; по лѣвому берегу Нары онъ захватывалъ очень немного земли за Острымъ концомъ посада, шелъ затѣмъ къ Бѣлому колодцу и далѣе къ Лужкамъ.

Въ Окологородномъ стану, у самыхъ посадскихъ дворовъ, находились *Городскіе выгоны*. О нихъ мы узнаемъ нѣкоторыя подробности изъ строельныхъ книгъ Алексѣя Логвиновича Игнатьева. Онъ увеличилъ количество выгонной земли и для огражденія ея поставилъ дубовые „столбы з гранми", въ другихъ мѣстахъ въ ямахъ велѣлъ положить камни. Всѣхъ выгоновъ было три: два лежали на лѣвой—„городской" сторонѣ Нары, третій—за рѣкою. Первый выгонъ обнималъ собою пустопорожнюю землю отъ грани у лѣваго берега Нары, мимо земли, прирѣзанной къ мельницѣ Владычня монастыря, за старымъ мѣстомъ ямскаго съѣзжаго двора.

Не далеко отъ пересѣченія дороги, „едучи от Пятницы, что словет на Остром концеˮ, была возлѣ грани старая яма „погребищеˮ; далѣе выгонъ пересѣкалъ большую московскую дорогу и шелъ на столбъ къ оврагу „что слывет Глухушаˮ, захватывалъ верхнюю его часть и простирался до Бѣлаго колодца; отсюда выгонъ поворачивалъ къ бору Высоцкаго монастыря прямо по тульской дорогѣ, „что ѣздят к Москвеˮ [1], затѣмъ чрезъ нее къ коломенской дорогѣ [2], гдѣ „на уверте“ былъ одинъ изъ столбовъ „з граниˮ. Отъ этого столба выгонъ шелъ къ ямѣ, „что словет Харин прудъˮ, далѣе на другой прудокъ, потомъ чрезъ Нечистый врагъ [3] до граневаго столба; отъ послѣдняго была грань уже „у бору Высоцкого монастыря на розвилиной соснеˮ.

Второй выгонъ былъ у самой Нары „по бѣрегу от городовой каменной башни, что словет Никольская, и мимо курганъˮ, т. е. начинался отъ части посада по Серпейкѣ, которая называлась Подоломъ. Отсюда онъ шелъ сперва по Серпейкѣ, затѣмъ „чрезъ огородъ до „мелкихъ лозинокъˮ и оттуда до бора Высоцкаго монастыря, гдѣ была грань на первой соснѣ, съ сосны онъ продолжался по высоцкую мельницу на Нарѣ. По другой сторонѣ выгона предѣломъ служила Нара на протяженіи отъ мельницы Высоцкаго монастыря до моста у Убогаго дома. Часть земли, бывшей подъ этимъ выгономъ, Высоцкій монастырь считалъ своею собственностью, такъ въ одной рукописи XVII в. повидимому раньше 1649 г. когда были писаны Игнатьевымъ его строельныя книги, говорится: „Да монастырьскіи сѣнные покосы.... под монастыремъ и под селом Сельцом Мироносицкимъ на рѣчке на Наре выше мелницы.... сѣна ставитца 50 копенъˮ [4].

Третій выгонъ былъ отведенъ Игнатьевымъ за Нарою въ прибавку къ бывшему тамъ „старому выгонуˮ. Прибавленный выгонъ начинался „сверху реки Нары за Богоявленіемъ от Нары реки

---

[1] Конечно въ весеннюю пору, когда нельзя было проѣхать низомъ мимо городскаго кургана у Нары по выгону къ старой часовнѣ Высоцкаго монастыря, какъ обыкновенно ѣзжали съ Москвы на Тулу.

[2] По всей вѣроятности она составляла продолженіе нынѣшней Коломенской улицы.

[3] Назывался иногда „Поганымъˮ (Списокъ съ Серпух. мѣрныхъ книгъ XVII в. въ арх. Серп. город. упр.)

[4] Хран. въ арх. Серп. гор. упр.

к горе за Пескавкою“, оттуда пересѣкалъ дороги боровскую и калужскую и шелъ по направленію къ церкви Кузьмы и Демьяна, пересѣкая дороги, „что ѣздятъ от посаду во Владычей монастырь“. Съ этого мѣста начинался „Старой выгон бес пашен ко всем заиарским жилецким людем и что словет Деревенка Подклетная“. Онъ шелъ по берегъ рѣки Нары и берегомъ къ мосту „по Букину улицу“, отстоявшую отъ рѣки на 20 саженъ.

Подробное описаніе городскихъ выгоновъ уясняетъ нѣкоторые топографическіе вопросы, касающіеся какъ самого Серпухова, такъ и нѣкоторыхъ его окрестностей. Такъ мы узнаемъ, что сосновый боръ Высоцкаго монастыря былъ предѣломъ двухъ городскихъ выгоновъ, лежавшихъ по лѣвую сторону Нары: одного удаленнаго отъ нея по окраинѣ посада и другаго въ поемныхъ лугахъ у самой рѣки. Стало быть боръ Высоцкаго монастыря тянулся за церковью женъ Мироносицъ къ Нарѣ, или, выражаясь по старинному, былъ за Сельцомъ, отдѣляя отъ него деревню (нынѣ слободу) Заборье. Величина его опредѣлена въ описи монастырскихъ земель XVII в.[1] „вдоль (т. е. по склону къ Нарѣ) на версту, поперегъ на полверсту“, что совершеннно подходитъ къ намѣченной нами мѣстности. За Нарою, переѣхавши мостъ, не было жилья на лѣво близко къ Нарѣ: тутъ въ поемныхъ лугахъ былъ старый выгонъ. Вообще весь городъ-посадъ былъ окруженъ выгонами; внизъ по Нарѣ отъ моста они шли по обоимъ берегамъ рѣки, далеко врѣзавшись въ посадъ, что не могло не придавать послѣднему оригинальнаго сельскаго характера.

Въ 1654 г. посадскія земли значительно увеличились присоединеніемъ къ нимъ земель Рыбной слободки. По челобитью Серпуховичей, читаемъ въ одномъ актѣ, „была дана ис приказу Костромские четі.... Великого государя грамота в Серпуховъ к воеводе, а велено имъ владѣть.... Рыбною слободкою и з землею“[2]. Въ замѣнъ этой дачи посадъ долженъ былъ платить съ усадьбы деньги „в городовое дѣло і в иные платежи“.

Въ 1685 и 86 гг. въ Серпуховъ пріѣзжали межевщики Петръ Замыцкой и подъячій Михаилъ Аѳанасьевъ. Они, на основаніи

---

[1] Приложена къ списку съ земляныхъ книгъ 1620 г.

[2] Арх. Серпух. гор. упр.

прежде бывшихъ переписей, преимущественно Игнатьева, пригласивши по обычаю стороннихъ людей и обыскныхъ, произвели „письмо, мѣру и межеванье посадцкимъ пашеннымъ, і выгоннымъ, і луговым, і всяким землям в окологородномъ стану за посадцкими і всякихъ градцкихъ людей жители выгонные земли і животинныхъ выпусков"[1].

Прежде всего межевщиками былъ начатъ осмотръ выгоновъ, или, какъ они ихъ звали, „животинныхъ выпусковъ", при чемъ въ своихъ книгахъ они сдѣлали разныя добавленія сравнительно съ прежнимъ межеваньемъ. Начало перваго выгона они обозначили такъ: „От Нары от берегу, что словет заводь.... вверхъ Пятницкимъ верхомъ". У Игнатьева не было обозначено, „что по урочищамъ по мѣре десятинъ, іли четвертные пашни". Замыцкой съ товарищемъ добавили этотъ пробѣлъ, такъ они записали, „что въ первомъ выгонѣ отъ заводи мимо Бѣлаго колодца по боровую землю Высоцкаго монастыря... выгонные земли 135 десятинъ", во второмъ „на берегу реки Нары подъ городомъ от мосту Владычня монастыря[2] подлѣ оссыпи мимо курганъ до мелницы Высоцкого монастыря 10 десятинъ", въ третьемъ выгонѣ „за Нарою меж Серпуховскаго уѣзду за Церковью Богоявленія Господня" и до „боровой земли Владычня монастыря" и межъ слободки Подклѣтной „выгонной земли 40 десятинъ", „да от слободки Подклетной.... до мосту Владычня монастыря 5 десятинъ, а обоево (т. е. стараго и новаго выгону) выгонные земли 45 десетинъ". Всего оказалось „около города і за рекою за Нарою выгонные земли 190 десятинъ, а четвертми іметца 127 четвертей в пол, а в дву по тому ж". Съ 1649 г. мало уцѣлѣло столбовъ съ гранями, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ желательно было для посада, чтобъ ихъ не было. „По всемъ урочищамъ, записали писцы, каменье и столбовъ нѣтъ, а инде признаки і урочищи есть.... Про столбы посацкие люди сказали: выгнили, а каменье заросли". Обратили вниманіе Замыцкой съ Аѳанасьевымъ на межеванье 1681 г. межевщика Якова Довотчикова и подъячаго Петра Безсонова посацкой земли „съ емскою землею тулскихъ емщиковъ и с ыными

---

[1] Выпись съ списковъ книгъ Замыцкаго хранится въ Арх. Серпух. гор. упр.

[2] Мостъ, ведшій за Нару, былъ въ оброчномъ пользованіи у Владычня монастыря.

землями" и провѣрили его межи, затѣмъ начали смотръ послѣдняго въ этомъ мѣстѣ межеванья Романа Комынина и подъячаго Ивана Оловенникова, когда, „по грамотѣ із ямского приказу по челобитью Владычня монастыря ігумена Давыда з братьею", было отмежевано къ монастырской мельницѣ на Нарѣ, „у заводи, изъ ямской земли пять десятинъ с полудесятиною". Собственно это межеваніе подтвердило только права монастыря на эту землю, пожалованную еще въ 1620 г. Посадскимъ не особенно нравилась эта прирѣзка земли къ мельницѣ. „Старая яма Романова межеванья Комынина", когда осматривали ее Замыцкой съ Афанасьевымъ, хотя со времени межеванія прошло только четыре года, была „почищена, а столба з грани" не было. Посадскіе сказали, что „выломило льдомъ". Писцы велѣли поставить новый столбъ и выкопать новую яму.

Перейдя къ осмотру втораго выгона у Нары отъ моста до мельницы Высоцкаго монастыря, мимо городскаго кургана, межевщики тоже замѣтили нѣкоторый непорядокъ въ граняхъ: столбовъ межеванья Игнатьева не было. Посадскіе люди сказали опять, что они „выгнили", а гранная сосна „свалилась". Зато огороды по скату къ Нарѣ замѣтно захватили часть выгона. Замыцкой распорядился „огородные плетни сломать для того, что пригородили выгонную землю в огороды", и провелъ новую межу съ гранями съ обозначеніемъ разстоянія въ саженяхъ. „Подле пруда Высоцкаго монастыря" велѣлъ онъ высѣчь новую грань на „старой развиловатой осокори", отъ которой до монастырской мельницы было 136 саженъ. По пути выгона были „на лево огороды посацкихъ людей, да прудъ і боровая земля Высоцкаго монастыря".

Послѣ этого всѣ отправились за Нару въ Богоявленскій конецъ. Тамъ за церковью Богоявленія Господня осмотрѣли два столба и двѣ ямы. Одна яма и столбъ на правой сторонѣ отъ Нары лежали уже въ уѣздѣ, „на земли деревни Глазечны разныхъ помѣщиковъ Ивана Таушева с товарыщи", а другая яма и столбъ на лѣво отъ Нары были на городскомъ выгонѣ. Межа выгону шла по мѣстамъ, записаннымъ въ писцовыхъ книгахъ Федора Шушерина 1629 г. между прочимъ мимо извѣстной въ настоящее время всѣмъ въ Серпуховѣ Захарьевой часовни, тогда же просто могилы, отмѣченной народнымъ уваженіемъ. „На могиле, записа-

ли межевщики, крестъ каменной, да у той же могилы стоитъ сосна болшая, от могилы въ сажень, а ныне на той сосне вновь учинена грань, на правой стороне сосны в полуторе сажени учинена новая яма і столбъ з гранью". Замѣчательно, что до сихъ поръ сохранился огромный полузасохшій стволъ этой сосны, именно на томъ же самомъ разстояніи отъ часовни, какъ было записано Замыцкимъ съ его товарищемъ. О Захаріи есть отдаленное преданіе, что онъ былъ благочестивый отшельникъ, жившій въ убогомъ шалашѣ. Всѣ въ окрестностяхъ чтили въ немъ святаго мужа; но нашелся одинъ злодѣй, который не устыдился убить его изъ корыстныхъ цѣлей. Убіеннаго похоронили на мѣстѣ его отшельническихъ подвиговъ [1]. Продолжая осмотръ, межевщики дошли „до лоску до Свиридовки, что подле бору Владычня монастыря", и далѣе „до дорошки, что ѣздятъ сквозъ боръ мимо Подклѣтной слободки Высоцкаго монастыря на мелницу" и потомъ „до Утинныхъ ямъ" близъ земли Высоцкаго монастыря, при чемъ были „на праве боръ и земля Владычня монастыря, а на леве выгонная земля грацкихъ людей и слободки Подклѣтной". Послѣ этого былъ осмотрѣнъ такъ называемый старый выгонъ у Нары вверхъ „черезъ огороды до Букиной улицы". И тутъ велѣно было „огороды сломать, а загороди (поставить) по меже, какъ межа учинена ныне".

По окончаніи осмотра выгоновъ, межевщики перешли къ мѣрѣ „десятинные пашни въ разныхъ мѣстехъ посацкихъ людей около городу", причемъ осмотръ дѣлали въ томъ же порядкѣ, какъ означенъ былъ сыскъ въ книгахъ 1620 г. межеванья князя Мосальскаго, т. е. „от пушкарскихъ дворовыхъ мѣстъ за Нечистымъ врагомъ, по тулской дороге, что ѣздятъ чрезъ боръ Высоцкого монастыря". Записали при этомъ въ своихъ книгахъ, что въ означенной мѣстности противъ межеванья 1620 г. „по лѣвой сторонѣ меж врашковъ клинъ три десятины по строельнымъ книгамъ строельщика Алексѣя Игнатьева 157[2] году написаны въ выгонъ". Въ иныхъ мѣстахъ прежнее „письмо" и „мѣра" сошлись съ но-

---

[1] Въ настоящее время часовня поправлена на сумму, пожертвованную рабочими фабрики Н. Н. Коншина, расположенной сейчасъ за Песчаною.

[2] 1649 г.

выми, въ другихъ оказалась большая разница. Такъ „от дворовыхъ мѣстъ, что бывало Сокольничья слобода, вверхъ по Нечистому врагу“ было по письму и мѣрѣ Игнатьева „пашни 8 десятинъ“, „а по новому писму і мѣре 6 десятинъ“, такъ что убыло въ выгонную землю 2 десятины. То же было и съ участкомъ „пашни паханые“ у дороги Ивановской, „что ѣздятъ изъ Высоцкаго монастыря по дворовые мѣста, гдѣ бывала Соколничья слобода“: ея убыло по новому письму и мѣрѣ на 2 десятины, отошедшихъ тоже въ выгонъ. Зато въ слѣдующихъ участкахъ, какъ то: „от Михалкова вершка к городу по Коломенской дороге“, „отъ лоску Боровлянки, подле Копенкина“ и въ др. прибыло предъ прежнимъ пашни паханые 18 десятинъ, которые были примежеваны Замыцкимъ съ товарищемъ къ посаду, „к старой даче до государева указу по той землѣ, что великіе государи укажутъ“. Прибыло также не мало лѣсу по новому письму и мѣрѣ „по которовской дороге, песья тожь“, именно 20 десятинъ. „Примерной лѣсъ“ былъ тоже примежеванъ къ прежнему. Про пушкарскую землю замѣтили межевщики между прочимъ въ своихъ книгахъ, что она „ныне в выгонѣ“. Въ выгонѣ же оказалось „подъ селцомъ Мироносицкимъ полъосмины пашни Рыбной слободки“, отданной „в посадъ по торговымъ промысломъ“, затѣмъ въ выгонъ же отошло „пашни паханые“ той-же слободки „от Нечистого врага по обѣ стороны тулской дороги.... 2 четверти безъ третника въ пол, а в дву по томужъ“. По книгамъ Шушерина считалось „пашни добрые земли 78 четвертей в пол, а в дву по томужъ“ — по обѣ стороны рѣчки Михалковки, „меж монастырской Высоцкого монастыря Бутурлинской и Борисовской и Заборской земель“. По новому же письму и мѣре, „і по полюбовному отводу і по заручной скаске“ представителей со стороны Высоцкаго монастыря и посадскихъ выборныхъ, межевщики записали въ своихъ книгахъ: „пашни паханые перелогомъ и лѣсомъ поросло 80 четвертей в пол, а в дву по томужъ“. „Не доходя Кривого омуту, внизъ к рекѣ Нарѣ в Хомутине“ по новому письму прибыло полъ десятины, также прибыло 3 десятины „противъ Кривого омуту у мостища, на берегу реки Нары“. Лежавшая межъ Высоцкихъ земель подъ боромъ „благословенная десятина“ посадской земли, „по полюбовному челобитью“ со стороны монастыря и посадскихъ,

межевщиками была размѣнена съ монастырскою землею „подле Кривой лужи чет бѣз полуосмины в пол, а в дву потомуж", при чемъ перешло монастырской земли четверть десятины. Подобный же промѣнъ былъ произведенъ, когда межевщики осматривали посадскую землю у „дубровской дороги". Тамъ „двѣ чети" посадской земли въ одномъ полѣ были обмѣнены на „четверть с третникомъ" въ одномъ полѣ монастырской земли „за озеромъ Вспудомъ, у нижнего конца, на бѣрегу Оки реки". По прежнимъ межеваньямъ у посада „лугу на Окѣ рекѣ подлѣ озера Бѣседокъ" было 40 копенъ, „а по новому письму", замѣтили въ своихъ книгахъ межевщики, „того лугу 4 десятины". Повидимому съ 1620 г. когда луга Прончищева значились отписанными на государя, и ихъ берегли до царскаго указа, посадъ успѣлъ залучить ихъ себѣ: по крайней мѣрѣ Замыцкой съ товарищемъ въ книгахъ своего письма ни разу не упомянули имени Прончищева и не сдѣлали никакого различія между бывшими его землями и собственно посадскими. Упоминаемая при промѣнѣ съ монастырскою землею „благословенная десятина" нѣкогда принадлежала Прончищеву, теперь же она была названа просто посадскою землею.

Перешли межевщики снова за Нару. Тамъ, производя осмотръ посадской земли „от дворовыхъ старыхъ посадскихъ мѣстъ от Кузмодемьянскихъ" по „землю деревни Глазечны", они записали, что по межеванью князя Мосальскаго было здѣсь „пашни паханые 97 десятинъ с полудесятиною, да лѣсу по пашни поросло 58 десятинъ с полудесятиною".... Нынѣ же „тот лѣсъ распаханъ в пашню.... А по новому письму и мѣре той пашни і с распашною пашнею, что лѣсъ распаханъ, 129 десятинъ с полудесятиною. И убыло предъ прежнимъ, по строельнымъ книгамъ Алексѣя Игнатьева 157[1] году, ко всему городу в выгонъ всякихъ чиновъ людей пашни 27 десятинъ". Припомнимъ, эта убылая земля и составила большую прирѣзку къ старому занарскому выгону.

Прежде чѣмъ приступить къ повѣркѣ другихъ посадскихъ владѣній, межевщики записали количество уже осмотрѣнныхъ земель, именно „по выписи с князь Ивановыхъ книгъ Мосалского 128[2] г. в 19 мѣстехъ было посадской земли 400 десятинъ с полу-

[1] Т. е. 1649 г.
[2] Т. е. 1620 г.

десятиною, да лугу в дву мѣстехъ 7 десятинъ, да лѣсу 50 десятинъ, да сверхъ прежняго по новому писму прибыло десятинной пашни 21 десятина с полудесятиною, да лѣсу 20 десятинъ, обоево десятинные пашни с примѣрною 422 десятины, а четвертми иметца 281 четверть с третникомъ в пол, а в дву по томуж.... Да по выписиж с писцовыхъ книгъ Федора Шушерина[1] пашни паханые в 11 мѣстехъ 122 чети с полуосминою и с четверикомъ в пол, а в дву по томужъ. Всего за Серпуховичи посадцкими людьми по дву выписямъ десятинные и четвертные пашни межевано 594 десятины с полудесятиною, а четвертми иметца во всѣхъ трехъ поляхъ 1189 чети, по 396 четі съ третникомъ в поле, а с примѣрною землею 616 десятинъ, а четвертми иметца 411 четі бес третника в пол, а в дву по томужъ. А озерко Вспудъ і озеро Гнилое і озеро Вишево, Круглое и Перекопь серпуховичь посадскихъ людей".

Послѣ этого была произведена повѣрка земли, „что за посадцкими людми въ дачехъ Онофрѣевского помѣстья Роевскаго, и въ другихъ мѣстахъ", и земли тяглецовъ Конюшенной слободы за Нарою. Идя къ послѣдней, межевщики подошли къ старому „писцовому дубу". „На томъ дубу, записали они, старые грани не знать — заросло". Конечно, велѣли насѣчь новыя.

Межеванье 1685 и 86 г. было послѣднимъ для Серпуховскаго окологороднаго стана въ эпоху допетровской Руси. Многочисленные сосѣди окружали посадскія земли, начиная со времени первыхъ дошедшихъ до насъ земляныхъ книгъ 1620 г. и конечно еще съ болѣе ранней эпохи. Съ одной стороны за Нарою сосѣдили татарскіе помѣщики и между ними новокрещены, съ другой разные вотчинники, частію русскіе люди, частію тоже татарскаго происхожденія, какъ показываютъ ихъ фамиліи. Но болѣе всего по границамъ своихъ угодій посадъ соприкасался съ вотчинными землями богатаго Высоцкаго монастыря, который пользовался большимъ вліяніемъ въ окрестности и считалъ въ числѣ своихъ старцевъ не мало людій изъ дворянства, напр. Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ и др. Его вотчины: Заборье, Борисово, Бутурлино, Гольцы, Нефедово, деревня Ивановская, Паниково[2], Дра-

[1] 1627, 28, 29 гг.

[2] За Паниковымъ у Судими ближе къ Нарѣ ему тоже принадлежалъ хуторъ Грабонь.

кино, съ ихъ пашнями и лугами, наконецъ собственно монастырскія усадьбы, съ мельницею на Нарѣ, мѣстами почти что совсѣмъ окружали посадскія владѣнія. Необычайная дробность этихъ владѣній часто на крошечные участки менѣе десятины, лежавшіе въ перемежку съ землями другихъ лицъ, только способствовала запутанности земельныхъ отношеній и вызывала къ новымъ и новымъ межеваньямъ, часто чрезъ довольно незначительный промежутокъ времени[1]. Повидимому большихъ недоразумѣній у посада не бывало съ свѣтскими вотчинниками — разными помѣщиками подгороднихъ селъ и деревень. Не таковы были отношенія къ обоимъ сосѣднимъ монастырямъ къ Высоцкому и Владычнему. Послѣдній хотя не владѣлъ множествомъ вотчинъ, подобно Высоцкому монастырю, тѣмъ не менѣе былъ не въ малой „земляной ссорѣ" съ посадомъ: уже одна мельница на Нарѣ выше моста чрезъ нее служила нерѣдко источникомъ раздоровъ.

Спорнымъ пунктомъ съ Высоцкимъ монастыремъ у посада была выгонная земля по обоимъ берегамъ Нары у монастырской мельницы. Часть ея монастырь считалъ своею, не смотря на межеванье Игнатьева, произведенное въ 1649 г. Такъ въ 1686 г. какъ видно изъ челобитья серпуховскаго земскаго старосты „Обрашки Алексѣева и всѣхъ посацкихъ людей"[2], ихъ выгонами завладѣли „Высотцкого монастыря власти". Послѣднія, какъ сказано въ челобитьи, „по обѣ стороны рѣки Нары землею (посадскою) владѣютъ, і хлѣбъ сѣютъ, и писцамъ к городу земель отмежевать не даютъ". Писцы, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, были уже знакомые намъ Замыцкой и его товарищъ Аѳанасьевъ. Земскій староста и посадскіе люди получили, какъ о томъ они били челомъ, списки съ строельныхъ книгъ Игнатьева за дьячьею приписью „для воловыхъ писсовъ и межеванья земель". На основаніи ихъ писцы провѣрили выгоны, и власти Высоцкаго монастыря должны были уступить: посадъ получилъ назадъ свою землю. Но взаимныя неудовольствія повидимому не прекращались, вслѣдствіе чего происходили исторіи въ родѣ слѣдующей. Въ августѣ 1700 г. было подано на имя царя Петра Алексѣевича челобитье серпуховитина

[1] Такъ въ 1620 г. было произведено межеванье княземъ Мосальскимъ, а въ 1627, 28 и 29 г. потребовалось уже межеванье Ѳедора Шушерина.

[2] Списки съ Серпух. строельн. книгъ Алексѣя Игнатьева 1649 г.

посадскаго человѣка Кондрашки Захарьева сына Крымова [1]. Въ немъ онъ жаловался на власти Высоцкаго монастыря. Дадимъ ему самому разсказать, въ чемъ было дѣло: „В нынешнемъ, государь, 1700 году, августа въ 5 день, стерегъ, государь, у меня, сироты твоего, наемной мой сторожъ, серпуховитинъ посацкой человѣкъ Ивашко Захарьевъ сынъ Колчинъ, мясную мою животину рогатою, быков і коров десять скотин, мѣлкой овецъ і барановъ 52 скотины. Цена, государь, той рогатой скотины 21 рубль, а мѣлкой животине цена 20 рублевъ 26 алтынъ 4 денги. А стерегъ, государь, онъ, сторожъ Івашко, на выгонной посацкой і на явленой столника Василья Иванова сына Владычкина земли. І какъ онъ, наемный мой скорожъ Івашко Колчинъ, с тою моею рогатою і мѣлкою скотиною будетъ на болшой московской дорогѣ, промеж тулскихъ емщиковъ земли, і наѣдетъ на него, сторожа Івашко, Серпуховскаго Высоцкаго монастыря казначей старецъ Никонъ (с) слушкою Ларкою Васильевымъ і с ыными многими слушки і служебники того монастыря, і у того наемнаго моего сторожа онъ, козначей, слушки и служебники тое мою, сироты твоего, рогатою і мѣлкою мясную животину отогналъ самоволствомъ своимъ насилно, безъ служилыхъ і бес понятыхъ людей, к себѣ в монастырь напрасно, незнамо за что“.

Столкновенія у посада съ Высоцкимъ монастыремъ были сравнительно незначительны. Гораздо серьезнѣе были нелады съ Владычнимъ монастыремъ: тутъ въ теченіи болѣе чѣмъ столѣтія скоплялся матеріалъ для взаимной недружбы. Начались столкновенія у посада съ монастыремъ кажется первоначально изъ-за мельницы на Нарѣ, находившейся, какъ и теперь, выше моста. До 1572 г. мельница эта была въ половинномъ пользованіи у монастыря и у нѣкоторыхъ посадскихъ людей. Та и другая сторона платили опредѣленный оброкъ въ царскую казну. Въ 1572 г. игуменъ монастыря Варсонофій съ братьею били челомъ, чтобы имъ однимъ владѣть всею мельницею за годовой оброкъ въ 3 р. съ пошлиною по 2 гривны [2]. Желаніе ихъ было исполнено: царь пожаловалъ имъ въ монастырь „мельницу свою государьскую совсѣмъ на

---

[1] Хранится въ архивѣ Серпух. город. упр.

[2] Акты ризницы Владычня монастыря.

ходу изобрану[1] безъ перекупки".Этотъ же самой игуменъ Варсонофій въ 1580 г. добился позволенія владѣть рыбною ловлею на оброкѣ за 3 руб. въ годъ обѣими половинами рѣки Нары, тогда какъ раньше одна половина была на оброкѣ у посадскаго человѣка у Иванка Федорова[2]. Въ 1593 г. царь Θеодоръ Іоанновичъ пожаловалъ монастырь — позволилъ не платить оброку съ мельницы, пусть онъ идетъ, сказано въ грамотѣ „на церковной на годовой обиходъ, ладонъ и темьянъ ежегодъ безпереводно"[3]. Монастырь затѣмъ хлопоталъ о пожалованіи земли къ мельницѣ, чего достигъ въ 1620 г. именно тогда по грамотѣ царя Михаила Θеодоровича было отмежевано на городскомъ берегу Нары къ мельницѣ изъ „ямской земли — въ длину 4 десятины, да горы глины полторы десятины"[4]. Неизвѣстно съ какого времени, только изъ списка съ грамоты 1635 г.[5] видно, что до этихъ поръ монастырь содержалъ на оброкѣ мостъ и перевозъ на р. Нарѣ ниже мельницы. Въ 1635 г. оброкъ съ мосту, подобно оброку съ мельницы, былъ сложенъ и пожалованъ на свѣчи, ладонъ и вино церковное. Монастырь обязанъ былъ содержать и, въ случаѣ нужды, строить мостъ на перевозѣ изъ своей монастырской казны, въ замѣнъ чего сбиралъ „мостовщину и перевозъ со всякихъ товарныхъ телегъ и съ пѣшихъ людей"[6]. Мельница, какъ неоднократно жаловались посадскіе люди, вредила ихъ дворамъ, особенно своею плотиною, которая была „приплочена" къ нимъ „по обѣ стороны въ посацкихъ берегахъ". Такъ въ 1681 г.[7] когда писецъ и межевщикъ Яковъ Петровичъ Довотчиковъ съ подъячимъ Петромъ Безсоновымъ проводили межу „Тулскому придаточному яму", подъ посадомъ отъ нарскаго берега всколникомъ, „что словетъ заводь", то у одного изъ гранныхъ столбовъ билъ челомъ великому государю царю серпуховской земскій староста „Василей Щен-

---

[1] Въ одномъ актѣ XVII в. сказано про мельницу: „мелетъ въ трои колеса" (хр. такъ же).

[2] Акты ризницы Владычня мон.

[3] Списокъ съ грамоты 1634 г. (Истор. опис. Серпух. Влад. мон., стр. 140 и слѣд.)

[4] Въ одномъ актѣ, хранящемся въ ризницѣ монастыря, говорится о томъ, что въ 1620 г. были даны ему „вкладные огороды у мельницы". Повидимому это тѣже 4 десятины.

[5] Истор. опис. Серпух. Влад. мон. стр. 74.

[6] Рукописи ризницы Владычня мон.

[7] Выпись съ книгъ письма Довотчикова въ свиткахъ Арх. Серп. город. упр.

к горе за Пескавкою", оттуда пересѣкалъ дороги боровскую и калужскую и шелъ по направленію къ церкви Кузьмы и Демьяна, пересѣкая дороги, „что ѣздятъ от посаду во Владычей монастырь". Съ этого мѣста начинался „Старой выгон бес пашен ко всем заиарским жилецким людем и что словет Деревенка Подклетная". Онъ шелъ по берегъ рѣки Нары и берегомъ къ мосту „по Букину улицу", отстоявшую отъ рѣки на 20 саженъ.

Подробное описаніе городскихъ выгоновъ уясняетъ нѣкоторые топографическіе вопросы, касающіеся какъ самого Серпухова, такъ и нѣкоторыхъ его окрестностей. Такъ мы узнаемъ, что сосновый боръ Высоцкаго монастыря былъ предѣломъ двухъ городскихъ выгоновъ, лежавшихъ по лѣвую сторону Нары: одного удаленнаго отъ нея по окраинѣ посада и другаго въ поемныхъ лугахъ у самой рѣки. Стало быть боръ Высоцкаго монастыря тянулся за церковью женъ Мироносицъ къ Нарѣ, или, выражаясь по старинному, былъ за Сельцомъ, отдѣляя отъ него деревню (нынѣ слободу) Заборье. Величина его опредѣлена въ описи монастырскихъ земель XVII в.[1] „вдоль (т. е. по склону къ Нарѣ) на версту, поперегъ на полверсту", что совершенно подходитъ къ намѣченной нами мѣстности. За Нарою, переѣхавши мостъ, не было жилья на лѣво близко къ Нарѣ: тутъ въ поемныхъ лугахъ былъ старый выгонъ. Вообще весь городъ-посадъ былъ окруженъ выгонами; внизъ по Нарѣ отъ моста они шли по обоимъ берегамъ рѣки, далеко врѣзавшись въ посадъ, что не могло не придавать послѣднему оригинальнаго сельскаго характера.

Въ 1654 г. посадскія земли значительно увеличились присоединеніемъ къ нимъ земель Рыбной слободки. По челобитью Серпуховичей, читаемъ въ одномъ актѣ, „была дана ис приказу Костромские четі.... Великого государя грамота в Серпуховъ к воеводе, а велено имъ владѣть.... Рыбною слободкою и з землею"[2]. Въ замѣнъ этой дачи посадъ долженъ былъ платить съ усадьбы деньги „в городовое дѣло і в иные платежи".

Въ 1685 и 86 гг. въ Серпуховъ пріѣзжали межевщики Петръ Замыцкой и подъячій Михаилъ Аөанасьевъ. Они, на основаніи

---

[1] Приложена къ списку съ земляныхъ книгъ 1620 г.

[2] Арх. Серпух. гор. упр.

прежде бывшихъ переписей, преимущественно Игнатьева, пригласивши по обычаю стороннихъ людей и обыскныхъ, произвели „письмо, мѣру и межеванье посадцкимъ пашеннымъ, і выгоннымъ, і луговым, і всяким землям в окологородномъ стану за посадцкими і всякихъ градцкихъ людей жители выгонные земли і животинныхъ выпусков“ [1].

Прежде всего межевщиками былъ начатъ осмотръ выгоновъ, или, какъ они ихъ звали, „животинныхъ выпусковъ“, при чемъ въ своихъ книгахъ они сдѣлали разныя добавленія сравнительно съ прежнимъ межеваньемъ. Начало перваго выгона они обозначили такъ: „От Нары от берегу, что словет заводь.... вверхъ Пятницкимъ верхомъ“. У Игнатьева не было обозначено, „что по урочищамъ по мѣре десятинъ, іли четвертные пашни“. Замыцкой съ товарищемъ добавили этотъ пробѣлъ, такъ они записали, „что въ первомъ выгонѣ отъ заводи мимо Бѣлаго колодца по боровую землю Высоцкаго монастыря... выгонные земли 135 десятинъ“, во второмъ „на берегу реки Нары подъ городомъ от мосту Владычня монастыря [2] подлѣ оссыпи мимо курганъ до мелницы Высоцкого монастыря 10 десятинъ“, въ третьемъ выгонѣ „за Нарою меж Серпуховскаго уѣзду за Церковью Богоявленія Господня“ и до „боровой земли Владычня монастыря“ и межъ слободки Подклѣтной „выгонной земли 40 десятинъ“, „да от слободки Подклетной.... до мосту Владычня монастыря 5 десятинъ, а обоево (т. е. стараго и новаго выгону) выгонные земли 45 десетинъ“. Всего оказалось „около города і за рекою за Нарою выгонные земли 190 десятинъ, а четвертми іметца 127 четвертей в пол, а в дву по тому ж“. Съ 1649 г. мало уцѣлѣло столбовъ съ гранями, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ желательно было для посада, чтобъ ихъ не было. „По всемъ урочищамъ, записали писцы, каменье и столбовъ нѣтъ, а инде признаки і урочищи есть.... Про столбы посацкие люди сказали: выгнили, а каменье заросли“. Обратили вниманіе Замыцкой съ Аѳанасьевымъ на межеванье 1681 г. межевщика Якова Довотчикова и подьячаго Петра Безсонова посадской земли „съ емскою землею тулскихъ емщиковъ и с ыными

[1] Списокъ книгъ Замыцкаго хранится въ Арх. Серпух. гор. упр.

[2] Нару, былъ въ оброчномъ пользованіи у Владычня монастыря.

землями“ и провѣрили его межи, затѣмъ начали смотръ послѣдняго въ этомъ мѣстѣ межеванья Романа Комынина и подъячаго Ивана Оловенникова, когда, „по грамотѣ із ямского приказу по челобитью Владычня монастыря ігумена Давыда з братьею“, было отмежевано къ монастырской мельницѣ на Нарѣ, „у заводи, изъ ямской земли пять десятинъ с полудесятиною“. Собственно это межеваніе подтвердило только права монастыря на эту землю, пожалованную еще въ 1620 г. Посадскимъ не особенно нравилась эта прирѣзка земли къ мельницѣ. „Старая яма Романова межеванья Комынина“, когда осматривали ее Замыцкой съ Аѳанасьевымъ, хотя со времени межеванія прошло только четыре года, была „почищена, а столба з гранми“ не было. Посадскіе сказали, что „выломило льдомъ“. Писцы велѣли поставить новый столбъ и выкопать новую яму.

Перейдя къ осмотру вторага выгона у Нары отъ моста до мельницы Высоцкаго монастыря, мимо городскаго кургана, межевщики тоже замѣтили нѣкоторый непорядокъ въ граняхъ: столбовъ межеванья Игнатьева не было. Посадскіе люди сказали опять, что они „выгнили“, а гранная сосна „свалилась“. Зато огороды по скату къ Нарѣ замѣтно захватили часть выгона. Замыцкой распорядился „огородные плетни сломать для того, что пригородили выгонную землю в огороды“, и провелъ новую межу съ гранями съ обозначеніемъ разстоянія въ саженяхъ. „Подле пруда Высоцкаго монастыря“ велѣлъ онъ высѣчь новую грань на „старой развиловатой осокори“, отъ которой до монастырской мельницы было 136 саженъ. По пути выгона были „на лево огороды посацкихъ людей, да прудъ і боровая земля Высоцкаго монастыря“.

Послѣ этого всѣ отправились за Нару въ Богоявленскій конецъ. Тамъ за церковью Богоявленія Господня осмотрѣли два столба и двѣ ямы. Одна яма и столбъ на правой сторонѣ отъ Нары лежали уже въ уѣздѣ, „на земли деревни Глазечны разныхъ помѣщиковъ Ивана Таушева с товарыщи“, а другая яма и столбъ на лѣво отъ Нары были на городскомъ выгонѣ. Межа выгону шла по мѣстамъ, записаннымъ въ писцовыхъ книгахъ Федора Шушерина 1629 г. между прочимъ мимо извѣстной въ настоящее время всѣмъ въ Серпуховѣ Захарьевой часовни, тогда же просто могилы, отмѣченной народнымъ почитаніемъ, „На могилке, записа-

ли межевщики, крестъ каменной, да у той же могилы стоитъ сосна болшая, от могилы въ сажень, а ныне на той сосне вновь учинена грань, на правой стороне сосны в полуторе сажени учинена новая яма і столбъ з гранью". Замѣчательно, что до сихъ поръ сохранился огромный полузасохшій стволъ этой сосны, именно на томъ же самомъ разстояніи отъ часовни, какъ было записано Замыцкимъ съ его товарищемъ. О Захаріи есть отдаленное преданіе, что онъ былъ благочестивый отшельникъ, жившій въ убогомъ шалашѣ. Всѣ въ окрестностяхъ чтили въ немъ святаго мужа; но нашелся одинъ злодѣй, который не устыдился убить его изъ корыстныхъ цѣлей. Убіеннаго похоронили на мѣстѣ его отшельническихъ подвиговъ [1]. Продолжая осмотръ, межевщики дошли „до лоску до Свиридовки, что подле бору Владычня монастыря", и далѣе „до дорошки, что ѣздятъ сквозь боръ мимо Подклѣтной слободки Высоцкаго монастыря на мелницу" и потомъ „до Утинныхъ ямъ" близъ земли Высоцкаго монастыря, при чемъ были „на праве боръ и земля Владычня монастыря, а на леве выгонная земля грацкихъ людей и слободки Подклѣтной". Послѣ этого былъ осмотрѣнъ такъ называемый старый выгонъ у Нары вверхъ „черезъ огороды до Букиной улицы". И тутъ велѣно было „огороды сломать, а загороди (поставить) по меже, какъ межа учинена ныне".

По окончаніи осмотра выгоновъ, межевщики перешли къ мѣрѣ „десятинные пашни въ разныхъ мѣстехъ посацкихъ людей около городу", причемъ осмотръ дѣлали въ томъ же порядкѣ, какъ означенъ былъ сыскъ въ книгахъ 1620 г. межеванья князя Мосальскаго, т. е. „от пушкарскихъ дворовыхъ мѣстъ за Нечистымъ врагомъ, по тулской дороге, что ѣздятъ чрезъ боръ Высоцкого монастыря". Записали при этомъ въ своихъ книгахъ, что въ означенной мѣстности противъ межеванья 1620 г. „по лѣвой сторонѣ меж врашковъ клинъ три десятины по строелнымъ книгамъ строельщика Алексѣя Игнатьева 157[2] году написаны въ выгонъ". Въ иныхъ мѣстахъ прежнее „письмо" и „мѣра" сошлись съ но-

---

[1] Въ настоящее время часовня поправлена на сумму, пожертвованную рабочими [illegible] Кошкина, расположенной сейчасъ за Песчанкою.

выми, въ другихъ оказалась большая разница. Такъ „от дворовыхъ мѣстъ, что бывало Сокольничья слобода, вверхъ по Нечистому врагу“ было по письму и мѣрѣ Игнатьева „пашни 8 десятинъ“, „а по новому писму і мѣре 6 десятинъ“, такъ что убыло въ выгонную землю 2 десятины. То же было и съ участкомъ „пашни паханые“ у дороги Ивановской, „что ѣздятъ изъ Высоцкаго монастыря по дворовые мѣста, гдѣ бывала Соколничья слобода“: ея убыло по новому письму и мѣрѣ на 2 десятины, отошедшихъ тоже въ выгонъ. Зато въ слѣдующихъ участкахъ, какъ то: „от Михалкова вершка к городу по Коломенской дороге“, „отъ лоску Боровлянки, подле Копенкина“ и въ др. прибыло предъ прежнимъ пашни паханые 18 десятинъ, которые были примежеваны Замыцкимъ съ товарищемъ къ посаду, „к старой даче до государева указу по той землѣ, что великіе государи укажутъ“. Прибыло также не мало лѣсу по новому письму и мѣрѣ „по которовской дороге, песья тожь“, именно 20 десятинъ. „Примерной лѣсъ“ былъ тоже примежеванъ къ прежнему. Про пушкарскую землю замѣтили межевщики между прочимъ въ своихъ книгахъ, что она „ныне в выгонѣ“. Въ выгонѣ же оказалось „подъ селцомъ Мироновицкимъ полъосмины пашни Рыбной слободки“, отданной „в посадъ по торговымъ промысломъ“, затѣмъ въ выгонъ же отошло „пашни паханые“ той-же слободки „от Нечистого врага по обѣ стороны тулской дороги.... 2 четверти безъ третника въ пол, а в дву по томужъ“. По книгамъ Шушерина считалось „пашни добрые земли 78 четвертей в пол, а в дву по томужъ“— по обѣ стороны рѣчки Михалковки, „меж монастырской Высоцкого монастыря Бутурлинской и Борисовской и Заборской земель“. По новому же письму и мѣре, „і по полюбовному отводу і по заручной скаске“ представителей со стороны Высоцкаго монастыря и посадскихъ выборныхъ, межевщики записали въ своихъ книгахъ: „пашни паханые перелогомъ и лѣсомъ поросло 80 четвертей в пол, а в дву по томужъ“. „Не доходя Кривого омуту, внизъ к рекѣ Нарѣ в Хомутине“ по новому письму прибыло полъ десятины, также прибыло 3 десятины „противъ Кривого омуту у мостища, на берегу реки Нары“. Лежавшая межъ Высоцкихъ земель подъ боромъ „благословенная десятина“ посадской земли, „по полюбовному челобитью“ со стороны монастыря и посадскихъ,

межевщиками была размѣнена съ монастырскою землею „подле Кривой лужи чет бѣз полуосмины в пол, а в дву потомуж“, причемъ перешло монастырской земли четверть десятины. Подобный же промѣнъ былъ произведенъ, когда межевщики осматривали посадскую землю у „дубровской дороги“. Тамъ „двѣ чети“ посадской земли въ одномъ полѣ были обмѣнены на „четверть с третникомъ“ въ одномъ полѣ монастырской земли „за озеромъ Вспудомъ, у нижнего конца, на бѣрегу Оки реки“. По прежнимъ межеваньямъ у посада „лугу на Окѣ рекѣ подлѣ озера Бѣседокъ“ было 40 копенъ, „а по новому письму“, замѣтили въ своихъ книгахъ межевщики, „того лугу 4 десятины“. Повидимому съ 1620 г. когда луга Прончищева значились отписанными на государя, и ихъ берегли до царскаго указа, посадъ успѣлъ залучить ихъ себѣ: по крайней мѣрѣ Замыцкой съ товарищемъ въ книгахъ своего письма ни разу не упомянули имени Прончищева и не сдѣлали никакого различія между бывшими его землями и собственно посадскими. Упоминаемая при промѣнѣ съ монастырскою землею „благословенная десятина“ нѣкогда принадлежала Прончищеву, теперь же она была названа просто посадскою землею.

Перешли межевщики снова за Нару. Тамъ, производя осмотръ посадской земли „от дворовыхъ старыхъ посадскихъ мѣстъ от Кузмодемьянскихъ“ по „землю деревни Глазечны“, они записали, что по межеванью князя Мосальскаго было здѣсь „пашни паханые 97 десятинъ с полудесятиною, да лѣсу по пашни поросло 58 десятинъ с полудесятиною“.... Нынѣ же „тот лѣсъ распаханъ в пашню.... А по новому письму и мѣре той пашни і с распашною пашнею, что лѣсъ распаханъ, 129 десятинъ с полудесятиною. И убыло предъ прежнимъ, по строельнымъ книгамъ Алексѣя Игнатьева 157[1] году, ко всему городу в выгонъ всякихъ чиновъ людей пашни 27 десятинъ“. Припомнимъ, эта убылая земля и составила большую прирѣзку къ старому занарскому выгону.

Прежде чѣмъ приступить къ повѣркѣ другихъ посадскихъ владѣній, межевщики записали количество уже осмотрѣнныхъ земель, именно „по выписи с князь Ивановыхъ книгъ Мосалского 128[2] г. в 19 мѣстехъ было посадской земли 400 десятинъ с полу-

[1] Т. е. 1649 г.
[2] Т. е. 1620 г.

десятиною, да лугу в дву мѣстехъ 7 десятинъ, да лѣсу 50 десятинъ, да сверхъ прежняго по новому писму прибыло десятинной пашни 21 десятина с полудесятиною, да лѣсу 20 десятинъ, обоево десятинные пашни с примѣрною 422 десятины, а четвертми иметца 281 четверть с третникомъ в пол, а в дву по томуж.... Да по выписиж с писцовыхъ книгъ Федора Шушерина[1] пашни паханые в 11 мѣстехъ 122 чети с полуосминою и с четверикомъ в пол, а в дву по томужъ. Всего за Серпуховичи посадцкими людьми по дву выписямъ десятинные и четвертные пашни межевано 594 десятины с полудесятиною, а четвертми иметца во всѣхъ трехъ поляхъ 1189 чети, по 396 четі съ третникомъ в поле, а с примѣрною землею 616 десятинъ, а четвертми иметца 411 четі бес третника в пол, а в дву по томужъ. А озерко Вспудъ і озеро Гнилое і озеро Вишево, Круглое и Перекопь серпуховичь посадскихъ людей".

Послѣ этого была произведена повѣрка земли, „что за посадцкими людми въ дачехъ Онофрѣевского помѣстья Роевскаго, и въ другихъ мѣстахъ", и земли тяглецовъ Конюшенной слободы за Нарою. Идя къ послѣдней, межевщики подошли къ старому „писцовому дубу". „На томъ дубу, записали они, старые грани не знать — заросло". Конечно, велѣли насѣчь новыя.

Межеванье 1685 и 86 г. было послѣднимъ для Серпуховскаго окологороднаго стана въ эпоху допетровской Руси. Многочисленные сосѣди окружали посадскія земли, начиная со времени первыхъ дошедшихъ до насъ земляныхъ книгъ 1620 г. и конечно еще съ болѣе ранней эпохи. Съ одной стороны за Нарою сосѣдили татарскіе помѣщики и между ними новокрещены, съ другой разные вотчинники, частію русскіе люди, частію тоже татарскаго происхожденія, какъ показываютъ ихъ фамиліи. Но болѣе всего по границамъ своихъ угодій посадъ соприкасался съ вотчинными землями богатаго Высоцкаго монастыря, который пользовался большимъ вліяніемъ въ окрестности и считалъ въ числѣ своихъ старцевъ не мало людій изъ дворянства, напр. Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ и др. Его вотчины: Заборье, Борисово, Бутурлино, Гольцы, Нефедово, деревня Ивановская, Паниково[2], Дра-

[1] 1627, 28, 29 гг.

[2] За Паниковымъ у Судилы ближе къ Нарѣ ему тоже принадлежалъ хуторъ Грабонь.

кино, съ ихъ пашнями и лугами, наконецъ собственно монастырскія усадьбы, съ мельницею на Нарѣ, мѣстами почти что совсѣмъ окружали посадскія владѣнія. Необычайная дробность этихъ владѣній часто на крошечные участки менѣе десятины, лежавшіе въ перемежку съ землями другихъ лицъ, только способствовала запутанности земельныхъ отношеній и вызывала къ новымъ и новымъ межеваньямъ, часто чрезъ довольно незначительный промежутокъ времени[1]. Повидимому большихъ недоразумѣній у посада не бывало съ свѣтскими вотчинниками — разными помѣщиками подгородныхъ селъ и деревень. Не таковы были отношенія къ обоимъ сосѣднимъ монастырямъ къ Высоцкому и Владычнему. Послѣдній хотя не владѣлъ множествомъ вотчинъ, подобно Высоцкому монастырю, тѣмъ не менѣе былъ не въ малой „земляной ссорѣ“ съ посадомъ: уже одна мельница на Нарѣ выше моста чрезъ нее служила нерѣдко источникомъ раздоровъ.

Спорнымъ пунктомъ съ Высоцкимъ монастыремъ у посада была выгонная земля по обоимъ берегамъ Нары у монастырской мельницы. Часть ея монастырь считалъ своею, не смотря на межеванье Игнатьева, произведенное въ 1649 г. Такъ въ 1686 г. какъ видно изъ челобитья серпуховскаго земскаго старосты „Обрашки Алексѣева и всѣхъ посацкихъ людей“[2], ихъ выгонами завладѣли „Высотцкого монастыря власти“. Послѣднія, какъ сказано въ челобитьи, „по обѣ стороны рѣки Нары землею (посадскою) владѣютъ, і хлѣбъ сѣютъ, и писцамъ к городу земель отмежевать не даютъ“. Писцы, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, были уже знакомые намъ Замыцкой и его товарищъ Аѳанасьевъ. Земскій староста и посадскіе люди получили, какъ о томъ они били челомъ, списки съ строельныхъ книгъ Игнатьева за дьячьею приписью „для воловыхъ писсовъ и межеванья земель“. На основаніи ихъ писцы провѣрили выгоны, и власти Высоцкаго монастыря должны были уступить: посадъ получилъ назадъ свою землю. Но взаимныя неудовольствія повидимому не прекращались, вслѣдствіе чего происходили исторіи въ родѣ слѣдующей. Въ августѣ 1700 г. было подано на имя царя Петра Алексѣевича челобитье серпуховитина

[1] Такъ въ 1620 г. было произведено межеванье княземъ Мосальскимъ, а въ 1627, 28 и 29 г. потребовалось уже межеванье Ѳедора Шушерина.

[2] Списки съ Серпух. строельн. книгъ Алексѣя Игнатьева 1649 г.

посадскаго человѣка Кондрашки Захарьева сына Крымова [1]. Въ немъ онъ жаловался на власти Высоцкаго монастыря. Дадимъ ему самому разсказать, въ чемъ было дѣло: „В нынешнемъ, государь, 1700 году, августа въ 5 день, стерегъ, государь, у меня, сироты твоего, наемной мой сторожъ, серпуховитинъ посацкой человѣкъ Ивашко Захарьевъ сынъ Колчинъ, мясную мою животину рогатою, быков і коров десять скотин, мѣлкой овецъ і барановъ 52 скотины. Цена, государь, той рогатой скотины 21 рубль, а мѣлкой животине цена 20 рублевъ 26 алтынъ 4 денги. А стерегъ, государь, онъ, сторожъ Івашко, на выгонной посацкой і на явленой столника Василья Иванова сына Владычкина земли. І какъ онъ, наемный мой скорожъ Івашко Колчинъ, с тою моею рогатою і мѣлкою скотиною будетъ на болшой московской дорогѣ, промеж тулскихъ емщиковъ земли, і наѣдетъ на него, сторожа Івашко, Серпуховскаго Высоцкаго монастыря казначей старецъ Никонъ (с) слушкою Ларкою Васильевымъ і с ыными многими слушки і служебники того монастыря, і у того наемнаго моего сторожа онъ, козначей, слушки и служебники тое мою, сироты твоего, рогатою і мѣлкою мясную животину отогналъ самоволствомъ своимъ насилно, безъ служилыхъ і бес понятыхъ людей, к себѣ в монастырь напрасно, незнамо за что“.

Столкновенія у посада съ Высоцкимъ монастыремъ были сравнительно незначительны. Гораздо серьезнѣе были нелады съ Владычнимъ монастыремъ: тутъ въ теченіи болѣе чѣмъ столѣтія скоплялся матеріалъ для взаимной недружбы. Начались столкновенія у посада съ монастыремъ кажется первоначально изъ-за мельницы на Нарѣ, находившейся, какъ и теперь, выше моста. До 1572 г. мельница эта была въ половинномъ пользованіи у монастыря и у нѣкоторыхъ посадскихъ людей. Та и другая сторона платили опредѣленный оброкъ въ царскую казну. Въ 1572 г. игуменъ монастыря Варсонофій съ братьею били челомъ, чтобы имъ однимъ владѣть всею мельницею за годовой оброкъ въ 3 р. съ пошлиною по 2 гривны [2]. Желаніе ихъ было исполнено: царь пожаловалъ имъ въ монастырь „мельницу свою государьскую совсѣмъ на

---

[1] Хранится въ архивѣ Серпух. город. упр.
[2] Акты ризницы Владычня монастыря.

ходу изобрану[1] безъ перекупки".Этотъ же самой игуменъ Варсонофій въ 1580 г. добился позволенія владѣть рыбною ловлею на оброкѣ за 3 руб. въ годъ обѣими половинами рѣки Нары, тогда какъ раньше одна половина была на оброкѣ у посадскаго человѣка у Иванка Федорова[2]. Въ 1593 г. царь Ѳеодоръ Іоанновичъ пожаловалъ монастырь — позволилъ не платить оброку съ мельницы, пусть онъ идетъ, сказано въ грамотѣ „на церковной на годовой обиходъ, ладонъ и темьянъ ежегодъ безпереводно"[3]. Монастырь затѣмъ хлопоталъ о пожалованіи земли къ мельницѣ, чего достигъ въ 1620 г. именно тогда по грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича было отмежевано на городскомъ берегу Нары къ мельницѣ изъ „ямской земли — въ длину 4 десятины, да горы глины полторы десятины"[4]. Неизвѣстно съ какого времени, только изъ списка съ грамоты 1635 г.[5] видно, что до этихъ поръ монастырь содержалъ на оброкѣ мостъ и перевозъ на р. Нарѣ ниже мельницы. Въ 1635 г. оброкъ съ мосту, подобно оброку съ мельницы, былъ сложенъ и пожалованъ на свѣчи, ладонъ и вино церковное. Монастырь обязанъ былъ содержать и, въ случаѣ нужды, строить мостъ на перевозѣ изъ своей монастырской казны, въ замѣнъ чего сбиралъ „мостовщину и перевозъ со всякихъ товарныхъ телегъ и съ пѣшихъ людей"[6]. Мельница, какъ неоднократно жаловались посадскіе люди, вредила ихъ дворамъ, особенно своею плотиною, которая была „приплочена" къ нимъ „по обѣ стороны въ посацкихъ берегахъ". Такъ въ 1681 г.[7] когда писецъ и межевщикъ Яковъ Петровичъ Довотчиковъ съ подъячимъ Петромъ Безсоновымъ проводили межу „Тулскому придаточному яму", подъ посадомъ отъ нарскаго берега всколникомъ, „что словетъ заводь", то у одного изъ гранныхъ столбовъ билъ челомъ великому государю царю серпуховской земскій староста „Василей Щен-

[1] Въ одномъ актѣ XVII в. сказано про мельницу: „мелетъ въ трои колеса" (хр. такъ же).

[2] Акты ризницы Владычня мон.

[3] Списокъ съ грамоты 1634 г. (Истор. опис. Серпух. Влад. мон., стр. 140 и слѣд.)

[4] Въ одномъ актѣ, хранящемся въ ризницѣ монастыря, говорится о томъ, что въ 1620 г. были даны ему „вкладные огороды у мельницы". Повидимому это тѣже 4 десятины.

[5] Истор. опис. Серпух. Влад. мон. стр. 74.

[6] Рукописи ризницы Владычня мон.

[7] Выпись съ книгъ письма Довотчикова въ свиткахъ Арх. Серп. город. упр.

ковъ с товарыщи и подалъ писцу за рукою челобитную", а въ ней было сказано: „Ихъ де посацкие и іные многие дворы и огороды по обе стороны реки Нары поселены и живутъ многие годы до писцовъ и по се время; и построили де мельницу промежъ ихъ посацкихъ дворовъ Владычня монастыря власти, а ныне де Владычняж монастыря игуменъ Игнатей з братьею вступаетца въ ихъ посацкие оба берега, і в дворы, і в огородные места и отимаетъ, не ведомо почему, и от той де ихъ мельницы дворы ихъ подмываетъ и чинятца имъ убытки. И чтобъ ихъ великіи государь пожаловалъ, велѣлъ бы челобитье ихъ і выписи 1646 и 1649 гг. записать в писцовыеямские межевые книги". Челобитье не помогло, и въ 1684 г. новый писецъ Романъ Комынинъ оставилъ во владѣніи у монастыря землю у мельницы. Съ своей стороны монастырь былъ въ претензіи на посадъ. Такъ въ 1687 г. онъ жаловался, что серпуховичи не даютъ строить вновь мельничную плотину, которую испортило въ полую воду, и мельница „стоитъ 6 мѣсяцевъ пуста"[1]. Тогда же игуменъ Александръ билъ челомъ святѣйшему патріарху на посадскихъ людей „въ мостовыхъ неплотежныхъ деньгахъ съ 1679 г." за 7 лѣтъ въ 105 рубляхъ, т. е. что посадскіе не платили и не плотятъ мостовщину и перевозъ[2]. Посадскіе люди подали челобитье объ отдачѣ имъ въ посадъ мельницы, ссылаясь на убытки отъ нея и на то, что „мельничный дворъ стоитъ отъ посацкихъ дворовъ только въ полуторе сажени"[3]. Однакожъ имъ было отказано въ челобитьѣ съ замѣчаніемъ, что и „бить челомъ имъ не дозвелось", что монастырь владѣетъ мельницею уже давно, посадскіе же дворы, близкіе къ мельницѣ и терпящіе отъ нея неудобства, были монастырскими и взяты отъ монастыря въ посадъ въ 1652 г. Затѣмъ посадъ помирился съ монастыремъ въ мостовщинѣ за 7 лѣтъ, именно обязался дать на монастырскую церковь пудъ ладону, монастырскія же власти обѣщали при устройствѣ плотины „старинныхъ береговъ не копать и дворовъ не подкапывать"[4]. Но въ 1689 г. ссора опять возобновилась: монастырь подалъ на посадъ искъ въ 105

[1] Рукописи ризницы Серпух. Влад. мон.
[2] Тамъ же.
[3] Тамъ же.
[4] Тамъ же.

рубляхъ 30 алтынахъ" по судному дѣлу и въ проестяхъ и волокитѣ". Отъ патріарха воспослѣдовало тогда распоряженіе „оцѣнить у серпуховичь посацкихъ людей дворы и лавки и животъ и отдать съ росписксою игумну Александру съ братьею" [1]. Уже оцѣнили въ силу этого распоряженія у посадскихъ 7 лавокъ. Но приказъ Костромской чети, вѣдавшій Серпуховъ, заступился за посадъ и не велѣлъ отдавать лавки въ искъ. Отличнымъ комментаріемъ къ этимъ отношеніямъ между монастыремъ и посадомъ служитъ слѣдующій эпизодъ, относящійся къ тому-же 1689 г. Въ чемъ состояло дѣло мы узнáемъ сейчасъ изъ царской грамоты, которую получилъ тогдашній серпуховской воевода Аѳанасій Андреевичъ Соймоновъ" [2]. „Велено было, сказано въ грамотѣ, Серпухова с посаду и с уѣзду с посадцкихъ і всякихъ чиновъ торговыхъ людей, с торговъ и со всякихъ промысловъ и з заводовъ, собрать десятой денги на 197 [3] годъ ратнымъ людемъ на жалованье противъ окладу і взятьимъ десятымъ денги прошлыхъ 187 [4] и 195 [5] годовъ за плотежем 55 рублевъ 15 алтынъ, 4 денги". По поводу сбора означенной десятой деньги выборнымъ отъ посада, „билъ челомъ", говорится въ грамотѣ, „намъ, великимъ государемъ, из Серпухова Владычня монастыря игуменъ Александръ з братьею: монастырские де ихъ крестьяне и бобыли живутъ около монастыря в подмонастырских слободкахъ безъ пашенъ для нуждъ и подѣлковъ монастырскихъ. Тѣ де ихъ монастырские крестьяне и бобыли для своих нуж, сплетчи лапти и свезавъ чюлки и руковицы, вынеся в торгъ в городъ Серпуховъ, продаютъ для покупки соли і иного домачнего харчю. И с тѣхъ ихъ крестьянъ и бобылей, с такихъ нужныхъ продажъ, в Серпухове выборной посадцкой человѣкъ Ганка Даронинъ правитъ съ нихъ десятою денгу и в съѣзжею избу приводятъ, и подъ избу ругателски сажаютъ, і въ чепи многоя время морятъ, и налоги.... великия чинятъ, *исполняючи имъ недружбу, потому что де у нихъ с ними, серпуховичи посадцкими людми, многая земляная сора и челобитье де у нихъ на нихъ на Москвѣ в приказехъ многое істцовое,*

---

[1] Тамъ же.

[2] Свитки Арх. Серп. гор. упр.

[3] 1689 г.

[4] 1679 г.

[5] 1687 г.

і вымучиваютъ де у крестьянъ ихъ десятою денгу напрасно, а у тѣхъ де ихъ крестьянъ лавокъ и полковъ никакихъ нѣтъ, опричь тѣхъ нужныхъ продажъ. А ныне де по нашему, великихъ государей, указу велено взять в нашу, великихъ государей, казну с монастырскихъ ихъ крестьянъ и бобылей ратнымъ людемъ на жалованье по рублю з двора, і в тѣхъ рублевыхъ денгахъ крестьяне ихъ и бобыли в Серпухове стоятъ на правеже. И намъ, великимъ государемъ, пожаловать бы ихъ, не велѣть с тѣхъ ихъ монастырскихъ крестьянъ и бобылей, с тѣхъ мѣлкихъ рукодѣлныхъ нужныхъ продажъ, десятой денги имать и напрасно в Серпухове выборнымъ посадцкимъ людемъ подъ ызбою і в чепи і в желѣзахъ морить, а на которыхъ ихъ де крестьянехъ и бобыляхъ выборной посадцкой человѣкъ Ганка Даронинъ і вымучилъ десятою денгу, велѣтиб тѣ денги имъ крестьяномъ отдать, і впредь с тѣхъ ихъ крестьянъ выборнымъ посадцкимъ людемъ с такихъ мелкихъ нужныхъ продажъ десятой денги имать не велѣно, і о томъ дать имъ нашу, великихъ государей, грамоту с прочетомъ". По справкѣ, сказано тамъ же, „в приказѣ денежного збора", оказалось, что съ „Владычня монастыря с крестьянскихъ, і бобылскихъ, і служнихъ, і служебничихъ, і со всякихъ работныхъ, і ремесленыхъ людей Серпуховскаго уѣзду Новоприбылой слободке з деревнями, с 73 дворовъ да торуского уѣзду села Селиверстова з деревнями со 132 дворовъ, всего з 205 дворовъ ратнымъ, і коннымъ, і пѣшимъ людемъ на жалованья на нынешней 197 [1] годъ взято по рублю з двора, і того 205 рублевъ, а в нашемъ, великихъ государей, указе...." сказано: „с которыхъ крестьянъ.... взяты будутъ рублевые і осмигривенные денги, і с тѣхъ десятой денги не имать". Великіе государи на основаніи этого пожаловали игумна Владычня монастыря съ братіею и приказали воеводѣ велѣть отдать ихъ крестьянамъ взятую съ нихъ десятую деньгу, „чтобы съ ихъ во взятье десятые денги і рублеваго платежу вдвое не было". Вслѣдствіе этой грамоты окладчиковъ серпуховскаго земскаго старосту „Васку Щенкова" съ товарищами взяли въ съѣзжую избу для того, чтобы принудить отдать монастырскимъ крестьянамъ десятую деньгу. Но вскорѣ въ томъже 1689 г. пришла къ тому же воеводѣ въ Серпуховъ новая цар-

[1] 1689 г.

ная грамота, вслѣдствіе подачи челобитной выборныхъ посадскихъ людей о томъ, что деньги взяты съ монастырскихъ крестьянъ правильно и возвратить ихъ нельзя, ибо „взять негде, потому что де те все сборные денги отданы в приказе Болшие казны". Цари помиловали посадскихъ людей, велѣли „с правежу" ихъ освободить.

Не смотря на довольно острый характеръ, который приняли пререканія между посадомъ и монастыремъ, еще въ августѣ 1689 г. спорившія стороны полюбовно помирились между собою, какъ свидѣтельствуетъ о томъ сохранившаяся черновая съ „поступной записи" [1]. Эту запись дали „на себя серпуховской земскій староста і все мирские люди" тому-же самому игумну Александру съ братіею, который жаловался на нихъ во взиманіи десятой деньги. Въ ней мірскіе люди говорятъ, что „в разныхъ приказехъ с ними и игумномъ" есть дѣла объ ихъ „старинной посацкой земли о шти десятинахъ", что у Вишева озера въ лугу (за Нарою) межъ озеръ и болотъ, „что писецъ было Петръ Замыцкой і подъячей Михайло Афонасьевъ... отвели безъ понятыхъ во Владычень монастырь, не противъ указу великихъ государей і наказу, каковъ имъ ис помѣсного приказу данъ, і не противъ писцовыхъ книгъ Федора Шушерина. И в писцовыхъ своихъ книгахъ онъ, писецъ и подъячей, от Богоявленской земли і от Вишева озера той (посадской) земли межи не положили, и ямъ не выкопали, і столбовъ не поставили, а в Федоровыхъ книгахъ Шушерина ихъ монастырского заозерного лугу в межахъ подлѣ Богоявленской землѣ і татарского Юрки Денисова с товарыщи и подлѣ посацкой земли в тѣхъ мѣстехъ, что отвелъ было писецъ Петръ Замыцкой і подъячей, не написано". „Ныне мы, продолжаютъ мірскіе люди въ записи, поговоря с ними игуменомъ з братиею межъ себя полюбовно, ту свою землю шесть десятинъ во Владыченъ монастырь и ігумену з братиею поступились, что ему, игумену, з братиею нашихъ родителей, которые в томъ монастырѣ в сенонику написаны, поминать, и хто впредь по немъ въ томъ монастырѣ игумены з братиею будутъ по томужъ впредь поминать, а владѣть им, ігумену з братиею, ілихто в томъ монастырѣ ігуме-

[1] Въ свиткахъ Арх. Серпух. город. упр.

номъ впредь будетъ, тою нашею землею по сей нашей поступной записи, а не по выписи писца Петра Замыцкого, и тое имъ землю помѣщикамъ і вотчинникамъ і никакому чину не поступиться, і не заложить, і ни`в какие крѣпости не укрепить, опричь Владычня монастыря, и тое намъ выше писанную землю шесть десятинъ во Владычень монастырь отвесть и.... взявъ околныхъ людей, мѣрять от богоявленской земли і от дубка, что дубокъ подлѣ ихъ монастырского озера, по живую воду". Въ замѣнъ этой уступки игуменъ Александръ съ братіею „и впредь хто в Владычне монастыре по немъ игумены і братья будутъ" обязались „не бить челомъ великимъ государемъ і святѣйшему патриарху.... что они искали бутто за тое вышеписанную нашу землю і о харчахъ своихъ и о убыткахъ і о проестяхъ і что искалимъ на насъ, посацкихъ людехъ, за перевозъ і мостовщину бутто ста пяти рублевъ".

Полюбовное соглашеніе 1689 г. порѣшивъ спорный земельный вопросъ о заозерномъ лугу, повидимому мало повліяло на распри изъ-за мельницы: около 1694 г. между посадомъ и монастыремъ изъ-за нея произошла новая крупная ссора, которая довела до суда. Подробности объ этомъ происшествіи намъ неизвѣстны, равнымъ образомъ какъ то, чѣмъ кончилось дѣло; знаемъ только изъ списка съ памяти изъ Костромской чети въ Патріаршій Розрядъ отъ 11 марта 1694 г.[1] что въ Розрядѣ сидѣли подъ арестомъ серпуховскіе посадскіе люди, „по приставной памяти ис Серпухова Владычня монастыря игумена Рувима з братиею", обвиняемые „в мелничномъ разореніи въ пяти стахъ рублехъ". Взятые подъ стражу посадскіе были однако освобождены отъ сидѣнія въ Розрядѣ, такъ какъ приказъ Костромской чети уважилъ ходатайство за своихъ согражданъ серпуховскаго земскаго старосты Куземки Булгакова, который представлялъ, что „в Патриаршъ Розрядъ волочить і убытчить не велено". Дѣло было затѣмъ перенесено въ приказъ Костромской чети.

---

[1] Свитки Арх. Серпух. гор. упр.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ I.

КЪ ИСТОРІИ ФАМИЛІЙ СЕРПУХОВСКИХЪ КОРЕННЫХЪ ЖИТЕЛЕЙ.

Списокъ именъ и фамилій въ алфавитномъ порядкѣ жителей Серпухова по сотной кн. Фуникова 1552 г. съ обозначеніемъ мѣста жительства, занятій и лавокъ[1].

А.

1. Агѣевъ Тимоха (дворъ въ Благовѣщ. сл.).
2. Александровъ сынъ Якушъ, кузнецъ (во дворѣ въ Слоб. что была за татар.).
3. Александровъ Саня (лавка).
4. Алексѣевъ Онцыфорко (дворъ на Подолѣ).
5. Алексѣевъ Ларка, казакъ (дворъ въ Рождеств. приходѣ).
6. Алексѣевъ Софонко, казакъ, братъ предъидущаго, въ одномъ съ нимъ дворѣ.
7. Алексѣевъ Свирка (во дворѣ за Нарою у Богоявл. конца).
8. Алексѣевъ Вешняк (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
9. Алексѣевъ Нечайко (торговалъ въ лавкѣ Пречист. „попа Влася").
10. Алексѣевъ Ивашко (лавка).
11. Алексѣйко овчинникъ (дворъ въ Покров. пер.).
12. Алексѣйко (во дворѣ въ двоемъ отъ Рожд. Преч. ко Фрол ул.).
13. Антоновъ Ивашко, сѣдельникъ (дворъ на вымлѣ).
14. Аристовъ Останя (дворъ въ Благов. слоб.).
15. Аристовъ Васко, „камен тешот" (дворъ въ Ивановск. слоб.).

---

[1] Правописаніе сотной удержано, равно какъ въ слѣдующихъ спискахъ удержано правописаніе тѣхъ рукописей, изъ коихъ они заимствованы.

16. Аристовъ Марко (дворъ въ Ключнич. слободѣ).
17. Арнѣевъ Ивашка Кузминъ сынъ (лавка и лавочное мѣсто).
18. Арнѣевъ Мокѣйка Кузминъ сынъ (2 лавки).
19. Асѣевъ Зин... (дворъ въ Благовѣщенск. слоб.).

Б.

20. Бабаевъ холопка (дворъ въ Благов. слоб.).
21. Бабарыкинъ Васюкъ (дворъ тамъ же, лавка).
22. Бабинъ Максимко (дворъ тамъ же).
23. Бакшѣевъ Иванко (дворъ въ Остромъ концѣ, полъ лавки).
24. Бакшѣевъ Сенка, торговый человѣкъ (дворъ тамъ же, двѣ лавки).
25. Барлинская жена вдова Окулина (дворъ на вымлѣ).
26. Берендѣевъ Гаврило (дворовое мѣста съ Егорьев. ул. налѣво).
27. Благушинъ Иванко (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
28. Бобаевъ Михаило (дворъ на Ильинской ул.).
29. Бозыга Фоминъ (дворъ у Сельца).
30. Вок Исакъ (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
31. Вокановъ Тихонко, казакъ (въ двоемъ во дворѣ въ Ивановск. слоб.).
32. Ворисовъ Сенка, казакъ (въ двоемъ во дворѣ въ Остромъ концѣ).
33. Ворисовъ Мартинко, сапожный мастеръ (дворъ въ переулкѣ на Ильинс. ул.).
34. Ворисовъ Копот, казакъ (во дворѣ въ троемъ у Сельца).
35. Ворисовъ Ивашко (дворъ у Нары въ Богоявл. концѣ).
36. Ворисовы дѣти Созонъ и Степанко (дворъ въ Благовѣщ. сл.).
37. Бориско, скоморохъ (дворъ въ Ивановской слоб.).
38. Боранъ Свиридко Остафьевъ (во дворѣ въ троемъ въ Слоб. что была за татарами).
39. Боровитиновъ Истомка (дворъ въ Благов. сл. лавка).
40. Боровъ Ивашко Матфѣевъ сынъ (дворъ тамъ-же, лавка).
41. Бритиковъ Ондросовъ Михаило (лавка).
42. Брыкановъ Паня (дворовое мѣсто въ Иванов. слоб.).
43. Брысинъ Дмитреевъ сынъ Илейка (лавка).
44. Брюховъ Васильевъ сынъ Ивашко (лавка).

45. Буйванин сынъ Никонъ, „серебряной мастеръ“ (дворъ въ Кузьмодемьянскомъ переулкѣ).
46. Бунаковъ Прокофевъ Онашка (лавка).
47. Бутримовъ Якимко, рыбникъ (дворъ въ Рождеств. приходѣ).
48. Буткинъ Михалко (дворъ по Буткиной улицѣ).

В.

49. Васильевъ сынъ Иванко, мясникъ (дворъ въ Остромъ концѣ).
50. Василевы дѣти Климко да Филипко, гончары (дворъ тамъ же).
51. Василевъ Петруша, хлѣбникъ (во дворѣ у Рождества Пречистой).
52. Василевъ Труфонко, гончаръ (дворъ тамъ же).
53. Василевъ сынъ Игнашко, мясникъ (дворъ во Фроловской улицѣ).
54. Василевъ Захарко, извощикъ (въ двоемъ во дворѣ тамъ-же).
55. Василевъ сынъ Ларко, извощикъ (дворъ тамъ-же).
56. Василевъ Ивашка (во дворѣ въ Богоявленс. ул.).
57. Василевъ сынъ Гаврилко староста (?) (лавка и амбаръ, дворъ „позади Егоря святого“).
58. Василевъ сынъ Агѣйко, кузнецъ (дворъ въ Ивановской слоб.).
59. Василевъ Саврасъ (лавка).
60. Василевъ Степанко, „гуселникъ“ (дворъ въ Ильинск. ул.).
61. Василевъ Федка, доморникъ, (дворъ въ Буткин. улицѣ, лавка).
62. Василевъ сынъ, казакъ (дворъ во Фроловск. ул.).
63. Василевъ Шеметъ, сапожникъ (дворъ въ Рождественскомъ прих. лавка).
64. Василевъ Игнашко, кузнецъ (дворъ у Аѳанасія св.).
65. Василевъ Омелянко, „сапожной мастеръ“ (во дворѣ въ двоемъ тамъ же).
66. Василевъ Онтонко, кожевникъ, (дворъ у Нары въ Богоявленскомъ концѣ).
67. Васюковъ сынъ Потапко, кузнецъ, (дворъ за Нарою въ Никольск пер.).
68. Васюковъ сынъ Савраско, сапожникъ (дворъ въ Ивановск. слободѣ).
69. Васюковъ Сидорко (дворъ въ Ильинской улицѣ).

70. Вахнинъ Мартинко, охотникъ (дворъ у Пятницы Св.).
71. Вахромѣевъ Матфѣйко, кузнецъ (дворъ въ Ильинс. ул. и дворовое мѣсто съ Егорьев. ул. на лѣво).
72. Вдойчиковъ Гриша Игнатовъ (дворъ въ Буткин. ул.).
73. Власовъ Оникей Гришинъ сынъ (лавка).
74. Власовъ сынъ Марко, кисельникъ (лавка).
75. Власко, казакъ (дворъ въ Никольск. улицѣ по лѣвую сторону Нары).
76. Володинъ Иванко, казакъ (во дворѣ на Егорьевск. ул.).
77. Володинъ Софонко, сапожный мастеръ (дворъ противъ Ильи Св.).
78. *Воронинъ*[1] Онтифей Ивановъ (лавка).
79. Вороновъ Савинъ сынъ Куземка (лавка и лавочное мѣсто).
80. Вороновъ Сопронъ Исаевъ сынъ (двѣ трети лавки).
81. Вороновъ Исачко Ивашковъ сынъ (лавка).
82. Вотепинъ Максимко (дворъ пустой въ Слободкѣ, что была за татарами).

Г.

83. Гавриловъ Микифорикъ, сотцкой (дворъ въ Богоявленск. ул. лавка, мѣсто лавочное).
84. Гавриловъ сынъ Монакъ, казакъ (дворъ въ Слободѣ, что была за татарами).
85. Гавриловъ Еся (лавка).
86. Гавриловъ Останко (дворъ въ Никольск. ул. по сю сторону Нары).
87. Гавриловъ Петрунка (во дворѣ въ Рождеств. прих.).
88. Гавриловъ сынъ Сенка, овчинникъ (дворъ въ Буткин. ул.).
89. Гаврилко, ситникъ (дворъ въ Благовѣщенск. слоб.).
90. Гавшинъ Илья (дворовое мѣсто съ Егорьевск. ул. налѣво).
91. Гайтурова Истомины дѣти Ивашко да Кирѣйко, медники, старосты (дворъ въ Кузьмодемьян. переулкѣ, двѣ лавки, у Ивана еще полъ лавки).
92. Гайтуровы Іевка и Гаврила (у Іевки полъ лавки).
93. Гвоздевъ Ромашка Ивановъ, „торговой человѣкъ“ (дворъ въ Богоявленс. ул. лавка).

[1] Курсивомъ напечатаны фамиліи, существующія въ Серпуховѣ и въ настоящее время и несомнѣнно ведущія свой родъ отъ временъ сотной.

94. Герасимовъ Марка, кузнецъ (дворъ за Фроломъ Св.).
95. Глатковъ Матфѣй (дворъ пустой въ Остромъ концѣ).
96. Глядовъ Митка Офонасовъ сынъ (полъ лавки).
97. Голышевъ Якимко (дворъ подъ Спасомъ по Мѣшалкѣ).
98. Головинъ Федко (дворъ въ Ключничьей слоб. лавка и лавочное мѣсто).
99. Гридинъ Иванко (во дворѣ подъ Спасомъ по Мѣш.).
100. Гридинъ Силко, гончаръ (дворъ въ Псаревѣ переулкѣ).
101. Гридинъ Офонаско (дворъ у Егорья Св).
102. Гридинъ Тимошка, гончаръ (дворъ въ Псаревѣ пер.).
103. Гридинъ Истомка (во дворѣ въ Ильинск. ул.).
104. Гридинъ Мишко, казакъ (во дворѣ тамъ же).
105. Гридинъ Васюкъ, торговый человѣкъ (дворъ у Афанасья Св.).
106. Гридинъ Парфенко (дворъ тамъ же).
107. Гридинъ Тимошка, казакъ (во дворѣ по Нарѣ отъ Богоявленія).
108. Гридинъ Савва, плотникъ (въ троемъ во дворѣ въ Богоявленс. улицѣ).
109. Гридинъ сынъ Степанко, сапожникъ (во дворѣ въ Кузьмодемьянс. пер.).
110. Гридинъ сынъ Ширяйко, казакъ (въ двоемъ во дворѣ тамъ же).
111. Гридинъ Оникѣй (лавка).
112. Грудинъ Никонъ (дворъ въ Благовѣщ. слободѣ).
113. Гридинъ Якушъ (во дворѣ въ Ключничей слободѣ).
114. Губарь Митя (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
115. Гущинъ Трофимъ (дворовое мѣсто въ Никольск. переул. за Нарою).

Д.

116. Давыдовъ Ивановъ сынъ Обрамко (дворъ въ Рождест. прих., полъ лавки).
117. Давыдовъ Ивашковъ сынъ Герасимко (лавка).
118. Даниловъ Сугоняй (двѣ лавки).
119. Даниловъ Иванко, казакъ (дворъ въ Псаревѣ пер.).
120. Даниловъ Уварко, казакъ (во дворѣ въ Остромъ концѣ).
121. Даниловъ сынъ Якушъ, „камен тешот“ (дворъ въ Ивановск. слободѣ).

122. Данилко, овчинникъ (во дворѣ въ Благовѣщ. слоб.).
123. Деминъ Михалко, кожевникъ (дворъ у Нары въ Богоявленск. концѣ, полъ лавки).
124. Деминъ Сенка, извощикъ (дворъ за врагомъ къ Аѳан. Св.).
125. Деминъ Ивашко, сапожный мастеръ (дворъ за Нарою по бер.).
126. Деминъ сынъ Степанко (въ троемъ во дворѣ тамъ же).
127. Демидовы дѣти Юшко (лавка) да Иванко (дворъ въ Остромъ концѣ).
128. Денисовъ Кондратко, казакъ (дворъ въ Ильинс. ул.).
129. Деревскій Матѳѣй (пустое дворовое мѣсто въ Благовѣщенс. слоб.).
130. Деревенскій Кузминъ сынъ Юнай (лавка).
131. Деревякинъ Осипка Ивановъ (лавка).
132. Долгой Петрушка (дворъ во Фроловск. ул.).
133. Долгой Иванко (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
134. Долгой Митя (лавка).
135. Домнинъ Васко (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
136. Домна вдова (во дворѣ въ Ключнич. слоб.).
137. Дрокинъ Юшко (дворовое мѣсто у Егорьевск. ул.).
138. Дрыкуновъ Федка, сокольникъ (во дворѣ съ родными у Селетцкихъ дворовъ).
139. Дубининъ (дворъ въ Зелейной слободѣ).
140. Дудинъ Оникей (лавка).

Е.

141. Евсуковъ Миронко, гончаръ (во дворѣ въ Остромъ концѣ).
142. Евсѣевъ сынъ Федко, веретенникъ (въ троемъ во дворѣ въ Кузьмодемьян. пер.).
143. Еремѣевъ Васюкъ, сокольникъ (во дворѣ съ родными у Селетцкихъ дворовъ.
144. Еремины Ивановы дѣти Силка да Максимка (полъ лавки).
145. Ермакъ, „пастухъ коневской“ (дворъ на Егорьевской ул.).
146. Ермоловы дѣти Кирилко и Иванко, сапожники (дворъ въ Кузьмодемьянск. пер.).
147. Ермоловъ сынъ Меншикъ, сапож. мастеръ (дворъ въ Ивановск. слоб.).

148. Ермоловъ сынъ Иванко, сапожникъ (дворъ тамъ же, лавка).
149. Ермолинъ Иванко (лавка въ двоемъ).
150. *Еронкинъ* Ивашка (лавка).
151. *Еронкинъ* Сенка Ивановъ сынъ (лавка).
152. Ерыгинъ (дворовое мѣсто въ Востромъ концѣ).
153. Есиповъ сынъ Митка, сапожникъ (во дворѣ въ троемъ въ Кузьмодемьянск. пер.).
154. Есинъ сынъ Гридя, гончаръ (дворъ у Рождества Пречист.).
155. Еѳимовъ Терешко, хлѣбникъ (дворъ въ Остромъ концѣ).
156. Еѳимовъ Никифорикъ, „дьякъ земской" (дворъ въ Егорьевской улицѣ).
157. Еѳимовъ Кирилко, хлѣбникъ (дворъ у Нары въ Богоявленск. концѣ).
158. Еѳремовы Петрушко и Ивашко, торговые люди (дворъ въ Остромъ концѣ).

Ж.

159. Жерновникъ Васюкъ (лавка).
160. Житковъ Иванко, казакъ.
161. Жоховъ, пищальникъ (дворовое мѣсто въ Ивановск. слоб.).
162. Жукъ Алексѣевъ, торговый человѣкъ (дворъ на Егорьевской улицѣ, двѣ лавки).
163. Жукъ Андрѣйко, братья его Карпикъ да Нестерикъ (дворъ у Аѳанасія Св.).

З.

164. *Замочниковъ* Еся (дворовое мѣсто позади Егорія Св.).
165. *Занины*[1] Истома да Ероха (дворъ въ Ключнич. слоб.).
166. *Занины* дѣти Ивашко да Аристка, послѣдній — сапожный мастеръ (дворъ въ Кузьмодемьянск. пер.).
167. *Занинъ* Олферовъ Самоилнкъ (полъ лавки).
168. Запорожнинъ Данилко (во дворѣ въ троемъ во Фроловск. ул.).
169. Захаровъ сынъ, портной мастеръ (дворъ тамъ же).
170. Захаровъ Осипко, казакъ (во дворѣ въ Егорьевск. ул.).

---

[1] Безъ сомнѣнія Зѣнины и Занины одна и таже фамилія.

171. Захаровъ Якушъ, сапожный мастеръ (дворъ у Аѳанас. Св. лавка и полъ лавки).
172. Захаренковъ Ондрюшка Тарасовъ сынъ (двѣ лавки).
173. Захаренковъ Игнатъ Василевъ сынъ (лавка).
174. Захаренковъ Максимка Ивашковъ сынъ (лавка).
175. Зенденииьковъ Козелъ (дворъ въ Ключнич. слоб.).
176. *Зѣнинъ* Минка (анбаръ).
177. Зиновъвъ Максимко (дворъ въ Ильинск. ул.).
178. Зиновъвъ Прокошъ (лавка въ двоемъ).
179. Змеевъ Степанко (дворъ въ Благовѣщ. сл.).
180. Золотилецъ[1] Васюкъ (дворъ пустой отъ Рожд. Пречис. ко Фроловск. ул.).
181. Зубаревъ Ивашко Истоминъ сынъ, хлѣбникъ (во дворѣ за Нарой у рѣки).
182. *Зубовъ* Федко (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
183. Зуболевъ Климко (дворъ тамъ же).
184. Зунинъ Игнатко (дворъ отъ города вверхъ у Нары и дворовое мѣсто за Нарою).

И, I.

185. Ивановъ Лучка (дворъ отъ города вверхъ по Нарѣ).
186. Ивановъ Митроха, кузнецъ (дворъ у Аѳанас. Св.).
187. Ивановъ сынъ Калина, торговый человѣкъ (дворъ къ Аѳанасію Св.).
188. Ивановъ Гаврилко (дворъ во Фролов. ул. тор. въ лавкѣ Пречистен. попа).
189. Ивановъ Иванко (дворъ отъ города вверхъ по Нарѣ).
190. Ивановъ Васко (дворъ подъ Спасомъ по Мѣшалкѣ, лавка).
191. Ивановъ Гридко, гончаръ (дворъ въ Остромъ концѣ).
192. Ивановъ Федко, гончаръ (дворъ тамъ же).
193. Ивановъ Юшко, кузнецъ (дворъ тамъ же).
194. Ивановъ Стеря, извощикъ (во дворѣ въ двоемъ тамъ же).
195. Ивановъ Иванко, овчинникъ (дворъ отъ Рожд. Пречист. ко Фролу Св.).

---

[1] Повидимому занимался волоченіемъ.

196. Ивановъ сынъ, Ермолка, казакъ (дворъ въ Остромъ концѣ).
197. Ивановъ Ларя, гончаръ (дворъ тамъ же).
198. Ивановъ Степанъ, казакъ (въ двоемъ во дворѣ въ Богоявл. концѣ у Нары).
199. Ивановъ Симанко, гончаръ (дворъ въ Остромъ концѣ).
200. Ивановъ Харка, гончаръ (дворъ у Рожд. Преч.).
201. Ивановъ Терешка, казакъ (во дворѣ тамъ же).
202. Ивановъ Олферко, хмельникъ (дворъ во Фролов. ул.).
203. Ивановъ Онофрейко, портной мастеръ (дворъ тамъ же).
204. Ивановъ Васюня, калачникъ (дворъ тамъ же).
205. Ивановъ Куземка (дворъ тамъ же).
206. Ивановъ Ѳомка, казакъ (дворъ въ Богоявлен. ул.).
207. Ивановъ Исайко, мясникъ (дворъ за Фроломъ Св.).
208. Ивановъ Ондрѣйко (во дворѣ въ Ильинск. ул.).
209. Ивановъ Якимко, плотникъ (во дворѣ отъ Богоявлен. конца у Нары).
210. Ивановъ Савка, сапожникъ (дворъ въ Ильин. ул.).
211. Ивановъ Степанко (дворъ въ Никольск. ул. по сю сторону Нары).
212. Ивановъ Васюкъ, кожевникъ (дворъ отъ Богоявленія у Нары, лавка).
213. Ивановъ Васко, казакъ (дворъ въ Рождеств. приходѣ).
214. Ивановъ Гурикъ, казакъ (во дворѣ отъ Богоявленск. конца у Нары).
215. Ивановъ Федка (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
216. Ивановъ сынъ Васюкъ другой (лавка).
217. Ивановъ сынъ Митка, скоморохъ (во дворѣ въ Кузьмодемьян. пер. съ другимъ скомор.).
218. Ивановъ сынъ Олешка, сапожникъ (во дворѣ тамъ же).
219. Ивановъ сынъ Федко, скоморохъ (въ троемъ во дворѣ тамъ же).
220. Ивановъ сынъ Климко, торговый человѣкъ (дворъ тамъ же).
221. Ивановъ сынъ Тимошка, кузнецъ (дворъ въ Никольск. пер. за Нарою).
222. Ивановъ сынъ Федко, сапожникъ (дворъ въ Кузьмодемьянск. пер., лавка).
223. Ивановъ Оксенко (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
224. Ивановъ Юря, лучникъ (дворъ за врагомъ къ Аѳанас. Св.).

...гумновской Якушъ (
...реулкѣ).
...чъ Васюкъ, куз
Митка, коя
...огоявлен
...тъ Ер
...к
...слаь
сынъ Созы...
— ...томинъ Давыдко (д...
...Истоминъ Федко, кузнецъ
...Исуповы дѣти Федко да А...
...торгу и дворовое мѣсто).
...63. Ишуринъ Гаврила (дворовое мѣсто

...изъ Каширы, (дворъ его
...же).
...троемъ во дворѣ въ
въ Мосоловѣ пере-
...ской улицѣ).
...идущаго (дворъ
...дворъ въ Пса-
...ковой
...ои
...говищ.

К.

264. Каливоновъ Михалко, кожевникъ, коломнетинъ (... дворѣ въ Слоб., что была за татар.).
265. Капунинъ Иванко, торговый человѣкъ (дворъ прот. Ильи...
266. Карево Петруся, гончаръ (въ двоемъ во дворѣ въ Остро... концѣ, лавка).
267. Карповъ сынъ Меншикъ (дворъ въ Благов. сл., лавка).
268. Карповъ, голова, (три лавки).
269. Кириловъ Юшко (дворъ подъ Спасомъ по Мѣшалкѣ).
270. Кириловъ Лазарко, пирожникъ (въ двоемъ во дворѣ во Фролов. ул. лавка).
271. Кириловъ сынъ Иванко (въ троемъ во дворѣ въ Покровскомъ пер.).
272. Кириловъ Трушка (полъ лавки).
273. Кириловъ Насѣтка Истомка (дворъ въ Благов. слоб).
274. Киршинъ Лазарикъ (анбаръ).
275. Киршинъ Никита (дворъ у Фрола св).
276. Кисель Степанко Федоровъ сынъ, казакъ (во дворѣ въ четверомъ въ Слоб., что была за татар.).
277. Клеменовъ Матфѣйко, пастухъ (дворъ на Егорьев. ул.).

278. Клеменцко, казакъ (дворъ въ Иванов. сл.).
279. Климовъ сынъ Гришка, торговый человѣкъ (въ двоемъ во дворѣ въ Кузмодем. пер.).
280. Климовъ сынъ Ермолъ, кузнецъ (дворъ въ Покровск. пер. анбаръ).
281. Климовъ Алексѣйко (дворъ въ Покров. пер.).
282. Климовъ Тереха, торговый человѣкъ (дворъ въ Островѣ концѣ).
283. Климовы Тѣшиловскіе Гришка да Омелка (лавка).
284. Климовъ Митка, гончаръ (дворъ во Фролов. ул.).
285. Климовъ Федко (въ двоемъ во дворѣ у Аѳан. Св.).
286. Климовъ Гридя (лавка).
287. Климовъ Козлй (дворъ въ Благовѣщ. сл.).
288. Климовъ сынъ Иванко, поневникъ (дворъ въ Аѳанасію Св.).
289. Князевы дѣти Юшко да Иванко, мясники (дворъ отъ Рожд. Преч. въ Кроткій пер., двѣ лавки).
290. Ковелинъ Пронка Ереминъ сынъ, серебряный мастеръ (дворъ у Покров. пер. у Нары).
291. Ковелинъ Иванко Ѳедоровъ сынъ (дворъ въ Благовѣщ. сл.).
292. Козловъ Гаврилко Васильевъ (дворъ у Аѳан. Св.).
293. Козулинъ Власко, гончаръ (въ двоемъ во дворѣ въ Псарев. переулкѣ).
294. Казадаевъ Иванко (лавка).
295. Кокинъ Тарасъ (дворовое мѣсто въ Никольск. пер., за Нарою).
296. Колпачниковъ Демидъ (двор. мѣсто во Фролов. ул.).
297. Колужинъ Сенка, сапожный мастеръ (дворъ отъ Рожд. ко Фролов. ул.).
298. Колуженинъ Сава Семеновъ сынъ (лавка).
299. Колуженинъ Семенъ (лавка).
300. Комдинъ Миша (пустое дворовое мѣсто въ Благовѣщ. сл.).
301. Кондаковъ Степанъ, кузнецъ (во дворѣ въ двоемъ отъ Рожд. Преч. ко Фролов. ул.).
302. Конановъ Окатко (въ двоемъ во дворѣ въ Богоявлен. концѣ у Нары).
303. Конановы Ероха и Тихонко (дворъ въ Благовѣщ. сл. анбаръ).
304. Конановъ Якушъ (дворъ въ Ключнич. слоб.).

305. Кончеевъ Бутаковъ сынъ, попъ изъ Каширы, (дворъ его въ Рождеств. прих.).
306. *Конша* [1] Онуфреевъ, кузнецъ (дворъ тамъ же).
307. *Конша* Ивановъ (лавка).
308. *Конша* Козловъ сынъ, сапожникъ (въ троемъ во дворѣ въ Кузьмодемьян. пер.).
309. Конякинъ Михалъ, казакъ (во дворѣ въ Мосеевѣ переулкѣ).
310. Коротневъ Митя, мясникъ (дворъ въ Ильинской улицѣ).
311. Коротневъ Гриша Болыборда, братъ предъидущаго (дворъ тамъ же, у обоихъ двѣ лавки).
312. Коротневъ Гридя (лавка).
313. Корнѣевъ Фирякъ, извощикъ (въ двоемъ во дворѣ въ Псаревѣ переулкѣ).
314. Коркинъ Лазарко, извощикъ (дворъ у Аѳанасія св.).
315. Косиковъ Гурейко Ивашковъ (треть лавки).
316. Костинъ Иванко (лавка въ двоемъ, дворъ въ Благовѣщ. слободѣ).
317. Костинъ Останя (дворъ у Никольск. ул. по сю сторону Нарвы, лавка).
318. Костинъ Игнашко, мясникъ (дворъ межъ Пятницы Св. и Рожд. Преч.
319. Костинъ сынъ Якушъ, пастухъ (въ троемъ во дворѣ въ Кузьмодемьян. пер.).
320. Костровъ Петруша (дворъ по Фролов. ул. къ Троицѣ).
321. Костровы, вдова Овдотя, сынъ Тимоха (дворъ въ Благовѣщ. слободѣ).
322. Котюхинъ Федко Ондрѣевъ сынъ, кожевникъ (дворъ въ Слободѣ, что была за татар.).
323. Кочергины Ондрюшка и Михалко (дворъ въ Кузьмодемьян. переулкѣ).
324. Красильниковъ Иванъ (дворовое мѣсто въ Егорьевск. ул.).
325. Крашинъ Ивашка Климовъ сынъ (лавка).
326. Кровопусковъ Петруша, пищальникъ (дворовое мѣсто въ Егорьевск. улицѣ).

---

[1] Теперь Коншины.

327. Кудиновъ Мишка, гвоздочникъ (дворъ за врагомъ къ Аѳан. Святому).
328. Кудиновъ Федко (дворъ въ Богоявлен. ул.).
329. Кудиновъ Митя (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
330. Кудринъ Иванко (дворъ въ Ключнич. сл.).
331. Кузминъ Давыдко, кожевникъ (дворъ по Нарѣ внизъ отъ Богоявленья.
332. Кузминъ Сенка (во дворѣ „на третемъ жеребѣ“, тамъ же).
333. Кузминъ Ондрѣйко, сапожный мастеръ (дворъ въ Ивановск. слободѣ).
334. Кузминъ Юняй (лавка).
335. Кузминъ сынъ Мокѣй, зелейникъ (полъ лавки).
336. Кузминъ Сенка, торговый человѣкъ (въ двоемъ во дворѣ по Богоявлен. ул.).
337. Кузминъ Петрушка (въ двоемъ во дворѣ отъ города вверхъ по Нарѣ).
338. Кузминъ Макуша, сапожный мастеръ (дворъ въ пер. съ Ильинской улицы).
339. Кузяевъ Сенка (двѣ лавки).
340. Курлыкинъ Обакумка, десятцкой (дворъ за врагомъ къ Аѳан. Св.).
341. Куршинъ Никита (лавка).
342. Кухтинъ Петруша (дворъ пустой съ Ильинс. ул. на лѣво).

Л.

343. Лавровъ Степанко (дворъ у Егорья Св.).
344. Лаптинъ Ермолка (дворъ отъ города вверхъ по Нарѣ).
345. Ларивоновъ Никоникъ (въ троемъ во дворѣ въ Остромъ концѣ).
346. Ларивоновъ Васюкъ, казакъ (въ троемъ во дворѣ у Сельца).
347. Ларивоновъ Васюкъ (дворъ въ Рождествен. прих.).
348. Ларинъ Иванко (въ троемъ во дворѣ въ Остромъ концѣ).
349. Ларинъ Сенка, плотникъ (во дворѣ у Пятницы Св.).
350. Ларинъ Демянко, казакъ (дворъ у Сельца).
351. Ларинъ Протаско, гончаръ (въ двоемъ во дворѣ у Рожд. Преч.).
352. Ларинъ Васюкъ Григорьевъ сынъ (лавка).

353. Левины Васюкъ, сапожный мастеръ, и Кирилко, кожевникъ (въ Богоявл. кон. у Нары).
354. Левинъ Иванко (въ троемъ во дворѣ въ Кузьмодемьянскомъ переулкѣ).
355. Левоновъ Гридя (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
356. Левоновъ Васко (дворъ тамъ же).
357. Лесниковъ Ивашка (дворовое мѣсто „сумес с селетцкими дворы").
358. Летавинъ Васко (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
359. Летягинъ Куземка, казакъ (дворъ въ Ильинс. ул.).
360. Лобановъ Ивашко „зеленой мастеръ" (дворъ за Фроломъ Св.)
361. Логиновъ Гриша (полъ лавки).
362. Логиновъ Дениско (дворъ въ Остромъ концѣ).
363. Логиновъ Васко, плотникъ (въ двоемъ во дворѣ у Спаса Св.).
364. Логиновъ Окулко, казакъ (въ двоемъ во дворѣ отъ Богоявлен. конца у Нары).
365. Лопковъ Ширяй, пищальникъ (лавка).
366. Лохтевъ Санка, хлѣбникъ (въ двоемъ во дворѣ у Нары и Покровск. пер. лавочное мѣсто).
367. Лоховъ Гришка (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
368. Лох(овъ?) Иванко (дворъ тамъ же).
369. Лугововъ Митя (дворовое мѣсто въ Кузьмодемьянс. пер.).
370. Лугововъ Федоръ (дворовое мѣсто тамъ же).
371. Лукинъ Самоиликъ, гончаръ.
372. Лукинъ Игнатко, гончаръ (дворъ въ Остромъ концѣ, лавка).
373. Лукяновъ Лева (дворъ вверхъ отъ города по Нарѣ).
374. Лукяновъ Титко, колесникъ (дворъ во Фролов. ул.).
375. Лукяновъ сынъ Истомка, казакъ (во дворѣ въ троемъ въ Кузьмодемьян. пер.).
376. Лукяновъ сынъ Юшко (въ двоемъ во дворѣ въ Кузьмодемьян. переулкѣ.)
377. Лукшинъ Матфѣйко, кузнецъ (дворъ въ Ильин. ул.).
378. Лустинъ (дворовое мѣсто во Фролов. ул.).
379. Лѣтионовъ, гончаръ (лавка).
380. Люланинъ Ондрѣйко Митинъ, казакъ (дворъ у Покровс. пер. и у Нары).

327. Кудиновъ Мишка, гвоздочникъ (дворъ за врагомъ къ Аоан. Святому).
328. Кудиновъ Федко (дворъ въ Богоявлен. ул.).
329. Кудиновъ Митя (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
330. Кудринъ Иванко (дворъ въ Ключнич. сл.).
331. Кузминъ Давыдко, кожевникъ (дворъ по Нарѣ ниже отъ Богоявленья.
332. Кузминъ Сенка (во дворѣ „на третемъ жеребѣ", тамъ же).
333. Кузминъ Ондрѣйко, сапожный мастеръ (дворъ въ Ивановск. слободѣ).
334. Кузминъ Юнай (лавка).
335. Кузминъ сынъ Мокѣй, зелейникъ (полъ лавки).
336. Кузминъ Сенка, торговый человѣкъ (въ двоемъ во дворѣ по Богоявлен. ул.).
337. Кузминъ Петрушка (въ двоемъ во дворѣ отъ города вверхъ по Нарѣ).
338. Кузминъ Макуша, сапожный мастеръ (дворъ въ пер. съ Ильинской улицы).
339. Кузяевъ Сенка (двѣ лавки).
340. Курлыкинъ Обакумка, десятцкой (дворъ за врагомъ къ Аоан. Св.).
341. Куршинъ Никита (лавка).
342. Кухтинъ Петруша (дворъ пустой съ Ильинс. ул. на лѣво).

Л.

343. Лавровъ Степанко (дворъ у Егорья Св.).
344. Лаптинъ Ермолка (дворъ отъ города вверхъ по Нарѣ).
345. Ларивоновъ Никоникъ (въ троемъ во дворѣ въ Остромъ концѣ).
346. Ларивоновъ Васюкъ, казакъ (въ троемъ во дворѣ у Сельца).
347. Ларивоновъ Васюкъ (дворъ въ Рождествен. прих.).
348. Ларинъ Иванко (въ троемъ во дворѣ въ Остромъ концѣ).
349. Ларинъ Сенка, плотникъ (во дворѣ у Пятницы Св.).
350. Ларинъ Демянко, казакъ (дворъ у Сельца).
351. Ларинъ Протаско, гончаръ (въ двоемъ во дворѣ у Рожд. Преч.).
352. Ларинъ Васюкъ Григорьевъ сынъ (лавка).

353. Левины Васюкъ, сапожный мастеръ, и Кирилко, кожевникъ (въ Богоявл. кон. у Нары).
354. Левинъ Иванко (въ троемъ во дворѣ въ Кузьмодемьянскомъ переулкѣ).
355. Левоновъ Гридя (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
356. Левоновъ Васко (дворъ тамъ же).
357. Лесниковъ Ивашка (дворовое мѣсто „сумеє с селетцкими дворы").
358. Летавинъ Васко (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
359. Летягинъ Куземка, казакъ (дворъ въ Ильинс. ул.).
360. Лобановъ Ивашко „зеленой мастеръ" (дворъ за Фроломъ Св.)
361. Логиновъ Гриша (полъ лавки).
362. Логиновъ Дениско (дворъ въ Остромъ концѣ).
363. Логиновъ Васко, плотникъ (въ двоемъ во дворѣ у Спаса Св.).
364. Логиновъ Окулко, казакъ (въ двоемъ во дворѣ отъ Богоявлен. конца у Нары).
365. Лопковъ Ширяй, пищальникъ (лавка).
366. Лохтевъ Санка, хлѣбникъ (въ двоемъ во дворѣ у Нары и Покровск. пер. лавочное мѣсто).
367. Лоховъ Гришка (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
368. Лох(овъ?) Иванко (дворъ тамъ же).
369. Лугововъ Митя (дворовое мѣсто въ Кузьмодемьянс. пер.).
370. Лугововъ Федоръ (дворовое мѣсто тамъ же).
371. Лукинъ Самоиликъ, гончаръ.
372. Лукинъ Игнатко, гончаръ (дворъ въ Остромъ концѣ, лавка).
373. Лукяновъ Лева (дворъ вверхъ отъ города по Нарѣ).
374. Лукяновъ Титко, колесникъ (дворъ во Фролов. ул.).
375. Лукяновъ сынъ Истомка, казакъ (во дворѣ въ троемъ въ Кузьмодемьян. пер.).
376. Лукяновъ сынъ Юшко (въ двоемъ во дворѣ въ Кузьмодемьян. переулкѣ.)
377. Лукшинъ Матфѣйко, кузнецъ (дворъ въ Ильин. ул.).
378. Лустинъ (дворовое мѣсто во Фролов. ул.).
379. Лѣтионовъ, гончаръ (лавка).
380. Люланинъ Ондрѣйко Митинъ, казакъ (дворъ у Покровс. пер. и у Нары).

431. Митрофановъ Ивашко, кузнецъ (дворъ въ Егорьев. ул., подъ лавки).
432. Михаиловы Игнатко и Гриша, кузнецы (дворъ на Егорьев. улицѣ).
433. Михаиловъ Ондрѣйко, кожевникъ (дворъ отъ Богоявленія у Нары).
434. Михаиловъ сынъ Гаврила (лавка).
435. Михаиловъ Осипко, кожевникъ (во дворѣ въ двоемъ въ Богоявл. ул.).
436. Михалевъ Потапко (дворъ у Аѳан. Св.).
437. Михалевъ Ивашко, скоморохъ (въ двоемъ во дворѣ въ Кузьмодемьян. пер.).
438. Михалевъ сынъ Офоня (дворъ въ Никол. пер. за Нарою).
439. Михалевъ Шемяка, казакъ (дворъ въ Ильин. улицѣ).
440. Михалевъ сынъ Степанко, калачникъ (дворъ у Нары и Покров. пер. лавка).
441. Михалевъ Осипко, мясникъ (дворъ за Фрол. Св. лавка).
442. Михалевъ Тараско Федотовъ.
443. Михалевъ Тиша (лавка).
444. Михалевъ Герасимко (дворъ за Фроломъ Св.).
445. Михалевъ Микитка (въ двоемъ во дворѣ въ Ключнич. слоб.).
446. Мишинъ Ондро.... (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
447. Мишинъ Омелянъ (дворъ тамъ же).
448. Мишинъ Степанко (лавка).
449. Мишинъ Осипко (лавка въ двоемъ).
450. Мишинъ Свиридъ (дворъ въ Рождеств. прих.).
451. Мишинъ Федко, мельникъ (дворъ у Нары и Покров пер.).
452. Мишинъ Сава, пирожникъ (во дворѣ въ двоемъ во Фролов. улицѣ).
453. Мишинъ Федко, охотникъ (дворъ въ Остромъ концѣ).
454. Мишинъ Тимоха, плотникъ (во дворѣ въ двоемъ у Пятницы Св.).
455. Можаятиновъ Сенка (лавка).
456. Мокаровъ Митка, москотильникъ (дворъ межъ лавокъ).
457. Мокѣевъ Гриша (во дворѣ въ троемъ въ Богоявленск. ул.).
458. Моланинъ Ондрѣйко Митинъ, казакъ (дворъ отъ Покров. пер. по Нарѣ).

403. Меньшовъ Михей (дворъ въ Иванов. слоб.).
404. Микитинъ Ширяйко, кожевникъ (дворъ отъ Богоявлен. конца внизъ по Нарѣ).
405. Микитинъ Карпъ (полъ лавки).
406. Микитинъ Микитка (торговалъ въ лавкѣ Пречист. попа).
407. Микитинъ сынъ Климко, кузнецъ (дворъ въ Кузьмодемьянс. переулкѣ.)
408. Микитинъ Офоня (лавка).
409. Микифоровъ Тимошка, овчинникъ (дворъ въ Ильинск. улицѣ).
410. Микифоровъ сынъ Васка, жерновникъ, (лавка, дворъ во Фролов. ул.).
411. Микифоровъ Митка, мясникъ (дворъ у Пятницы Св.).
412. Микифоровъ сынъ Васюкъ, казакъ (дворъ въ Иванов. сл.).
413. Микула, кузнецъ (дворъ у Аѳанас. Св.).
414. Микулинъ Гуля, казакъ (дворъ въ Егорьев. ул.).
415. Микулинъ Селя, казакъ (дворъ въ Ильинск. ул.).
416. Микулинъ Огѣйко, охотникъ (дворъ въ Егорьев. ул.).
417. Милновъ Озарко, „чеботной мастеръ" (во дворѣ съ дьякомъ у Рожд. Пречис.).
418. Мининъ Ивашко (дворъ въ Ильин. ул.).
419. Мининъ Якушъ (дворъ тамъ же).
420. Мининъ Илейка (дворъ по Мѣшалкѣ).
421. Мисановъ Семеновъ сынъ, „животинный прасолъ" (дворъ у Аѳан. Св.).
422. Митинъ Наумко, сапожникъ (дворъ въ Ильин. ул.).
423. Митинъ Спирка (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
424. Митинъ Иванко, поневникъ (во дворѣ въ двоемъ въ Рождест. приходѣ).
425. Митины дѣти Гридя да Карпъ, кожевники, (дворъ въ Богоявл. ул.).
426. Митинъ Иванко, торговый человѣкъ (дворъ во Фролов. ул.).
427. Митинъ Васка, сапожникъ (дворъ въ Ильинс. ул.).
428. Митинъ Ивашко, торговый человѣкъ (дворъ въ Кузьмодемьян. переулкѣ.)
429. Митка, сапожный мастеръ (дворъ у Аѳан. Св.).
430. Митрохинъ Васюкъ, кожевникъ (въ двоемъ во дворѣ отъ Богоявлен. кон. по Нарѣ).

485. Наумовъ сынъ Офрѣмко, ситникъ, братъ предъидущаго (дворъ тамъ же).
486. Нахожевъ Гридя (дворовое мѣсто въ Мосоловѣ пер.).
487. Нестеровъ Ванко (дворъ въ Никольской улицѣ по сю сторону Нары).
488. Нестеровъ Третякъ (дворъ въ Ключн. слоб.).
489. Нестеровъ Петрушка (въ двоемъ во дворѣ тамъ же).
490. Нефедовъ сынъ Агѣйко, кузнецъ (у Покровск. пер. у Нары).
491. Нефедовъ Федко (дворъ въ Зелейной слоб., лавка).
492. Никановъ Исай, сапожный мастеръ (дворъ на Егорьев. ул.).
493. Никитины дѣти Осипко да Климинъ, кожевники (лавка, у Климина еще полулавка, дворъ въ Богоявл. ул.).
494. Никитинъ сынъ Данилко, торговый человѣкъ (дворъ въ Покровск. пер., лавка).
495. Никитинъ Матфѣйко (дворъ въ Ильинск. ул.).
496. Никитинъ Иванко (лавка).
497. Никитинъ Гриша (полъ лавки).
498. Никитины Гаврила и Васка (полъ лавки).

О.

499. Обрамовы дѣти Федоръ да Василей (у Федора лавка, дворъ въ Богоявленск. ул.).
500. Обрѣзокъ приходецъ (дворъ въ Благовѣщ. сл.).
501. Оболтины Гурикъ да Савка, Ермовы дѣти, казаки (дворъ у Нары отъ Покров. пер.).
502. Обрютинъ Васюкъ (дворъ въ Благовѣщ. слоб., лавка).
503. Оверкеевъ Петрушка, торговый человѣкъ (дворъ во Фроловск. улицѣ).
504. Оверкеевъ Минка (лавка).
505. Оверкеевы дѣти Ивашко и Петрушка, кузнецы (дворъ въ Буткин. ул.).
506. Огѣевъ Филатко, извощикъ (дворъ въ Егорьев. ул.).
507. Озаровъ Максимко (во дворѣ въ двоемъ отъ Рожд. Пречист. въ Кроткій пер. двѣ лавки).
503. Окнишинъ Васка, казакъ (дворъ въ Егорьев. ул.).

509. Оковокинъ Степанко Кузьминъ сынъ, торговый человѣкъ (во дворѣ въ Слоб., что была за татар.).
510. Оксеновъ Офоня (дворъ въ Мосоловѣ пер.).
511. Оксеновъ сынъ Макарикъ, „шаровной мастеръ" (дворъ въ Буткин. улицѣ).
512. Окуловъ Данилко (въ двоемъ во дворѣ отъ Рожд. Пречист. въ Кротк. пер.).
513. Окуловъ Поздякъ (за нимъ были посадскіе въ Слободѣ, что была за татар.).
514. Окуловъ Митка (во дворѣ въ двоемъ у Нары отъ Богоявленск. конца).
515. Оладинъ сынъ Пронка (въ троемъ во дворѣ у Нары отъ Покровск. пер.).
516. Олешинъ Мосѣйка, сапожный мастеръ (лавка, дворъ въ Ивановск. слоб.).
517. Олехинъ Тимошка, сапожный мастеръ (дворъ во Фроловск. ул.).
518. Олферовъ сынъ Онисимко (дворъ въ Никольск. пер. за Нарою).
519. Олферовъ Соболь, соляникъ (дворъ въ Ильинск. ул., лавка).
520. Омеляновъ Ондрѣйко, торговый челов. (дворъ въ Пищальной улицѣ, двѣ лавки).
521. Омеляновъ Ивашко (во дворѣ въ двоемъ у Нары отъ Богоявленск. конца).
522. Онанинъ Ромашко (дворъ въ Ключнич. слоб.).
523. Онанины Некраско и Тимоха (лавка, дворъ во Фролов. ул.).
524. Ондросовъ сынъ Сенка, казакъ (въ троемъ съ казаками во дворѣ въ Кузьмодемьянск. пер.).
525. Ондрѣевъ Онашка, кузнецъ (во дворѣ въ двоемъ у Сельца).
526. Ондрѣевъ сынъ Гриша, портной мастеръ (во дворѣ въ двоемъ у Нары отъ Покровск. пер.).
527. Ондрѣевъ Митя (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
528. Ондрѣевъ Степанко (дворъ тамъ же).
529. Ондрѣевъ Иванко, сапожникъ (во дворѣ въ двоемъ у Спаса).
530. Ондрѣевы дѣти Степанко да Иванко, сапожники (дворъ у Фрола Св. въ пер.).
531. Ондрюшка да братъ его Октуфей, извощики (дворъ въ Рождественск. прих.).
532. Ондрюшинъ Тараско, кузнецъ (дворъ въ Мосоловѣ пер.).

533. Онофреевъ Федко, рукавичникъ (во дворѣ въ двоемъ въ Ильинской ул.).
534. Оносовъ Офонка, кожевникъ (дворъ въ Слоб. что была за татар.).
535. Онохинъ сынъ Миронко, кузнецъ (дворъ тамъ же).
536. Оноха Переславецъ (дворъ въ Благов. слоб.).
537. Онохинъ Истомка, рукавичникъ (дворъ въ Буткин. ул.).
538. Онфимовъ Симанко, „старецъ" (дворъ въ Ивановск. слоб.).
539. Онцыфоровъ Мосолъ, казакъ (дворъ за врагомъ къ Аѳан. Св.).
540. Онцыфоровъ Полукарпъ, овчинникъ (дворъ у Егорья Св., лавка).
541. Ортемовъ Федко, гончаръ (во дворѣ въ двоемъ въ Остромъ концѣ).
542. Ортемовъ Ермолка, извощикъ (тамъ же въ двоемъ во дворѣ).
543. Ортемовъ Лука (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
544. Ортемовъ Федотъ (дворъ въ Ключнич. слободѣ, три жеребья лавки изъ четырехъ).
545. Орѣховъ Ондрюшка, казакъ (дворъ за врагомъ къ Аѳан. Св.).
546. Орѣховъ сынъ Агѣйко (въ двоемъ во дворѣ въ Кузьмодемьянскомъ пер.).
547. Осанинъ Ивашко, гончаръ (дворъ въ Остромъ концѣ подъ Крутою горою).
548. Осиповъ Дубина (лавка).
549. Останинъ Гриша, кузнецъ (въ двоемъ во дворѣ въ Никольск. пер. за Нарою).
550. Останинъ Иванко, бочарникъ (во дворѣ въ двоемъ во Фроловск. ул.).
551. Останинъ Омелянко, огородникъ (дворъ у Аѳанас. Св.).
552. Останинъ Трофимко, кожевникъ (дворъ у Нары отъ Богоявленск. конца).
553. Останинъ сынъ Иванко, сапожный мастеръ (дворъ въ Ивановской слоб.)
554. Останинъ Данилко, кузнецъ (дворъ въ Рождественск. прих. за Больш. враг.).
555. Останинъ Игнатъ (лавка).
556. Остаѳевъ Митрошка (полъ лавки).
557. Осѣевъ Фомка, кузнецъ (дворъ въ Псаревѣ пер

558. Осѣевъ Савва (дворъ у Аѳанас. Св.).
559. Осѣевъ Миня (дворъ въ Благов. слоб.).
560. Осѣевъ Степанко Борисковъ сынъ (лавка).
561. Осютинъ Ивашко (дворъ въ Благов. слоб.).
562. Оѳонасовъ Федко (дворъ въ Рождеств. прих.).
563. Оѳонасевъ Иля (полъ лавки).
564 Оѳонасовъ сынъ Федко, казакъ (во дворѣ въ двоемъ въ Кузьмодемьян. пер.).
565. Оѳонасовъ, сапожный мастеръ.
566. Оѳонаско, сапож. маст. (во дворѣ въ двоемъ у Аѳан. Св.).
567. Оѳонасовъ Дема (во дворѣ въ двоемъ за врагомъ къ Аѳан. Св.).
568. Оѳонасовъ Гридя, торговый человѣкъ (во дворѣ въ двоемъ у Нары отъ Покров. пер.).
569. Оѳонасевъ Илейка, тиковникъ (дворъ въ Остромъ концѣ).
570. Оѳонинъ Илейка, кожевникъ (во дворѣ „на дву жеребяхъ" у Нары отъ Богоявл. кон.).
571. Оѳонинъ Трофимко (дворъ по Мѣшалкѣ).
572. Оѳрѣмовъ сынъ Филатъ (три лавки, два амбара).
573. Оѳрѣмовъ Иванка (лавка).
574. Оѳрѣмовъ Петруша (амбаръ).

П.

575. Павловъ Миша, мясникъ (дворъ отъ Рожд. Преч. въ Кроткій переулокъ.)
576. Павловъ Варламка (лавка).
577. Палкинъ Миша (лавка).
578. Пановъ Ивашка (дворовое мѣсто отъ Спаса ко Фролу Св.).
579. Пан Ивашко, хлѣбникъ (дворъ за Фроломъ Св. у торгу.)
580. Панинъ Панка, казакъ (дворъ у Нары отъ Богоявл. кон.).
581. Панинъ Дулѣнко (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
582. Паноиловъ Варламко, кожевникъ (дворъ по Нарѣ отъ Богоявлен. конца).
583. Панкратовъ Иняка (дворъ въ Благовѣщ. сл.).
584. Паршинъ Гриша (дворъ въ Остромъ концѣ).
585. Паршинъ сынъ Гриша, торгов. челов. (дворъ во Фроловск. ул. лавка).

586. Паршины Нечай и Якушъ, братья предъидущаго (лавка).
587. Паршинъ Костя дворъ (дворъ въ Благов. слоб.).
588. Пафнутовы Федко, сапож. мастеръ, и братъ его Мишукъ (дворъ въ Ильинс. ул.).
589. Пахомовъ Коняйко, кузнецъ (въ двоемъ во дворѣ отъ Рожд. Пречист. ко Фрол. ул.).
590. Петровъ Федко (во дворѣ въ троемъ въ Остр. концѣ).
591. Петрушинъ Васко, портн. мас. (дворъ въ Ильинс. ул.).
592. Петрушинъ сынъ Ширяйко, калачникъ (дворъ въ Покровск. переулкѣ).
593. Петрушицы Гаврилко да Ондрѣйко, казаки (въ троемъ во дворѣ въ Богоявл. ул.).
594. Петрухинъ Осипъ, кузнецъ (дворъ у Аѳан. Св.).
595. Перхуновъ Ивашка Яковлевъ сынъ (лавка).
596. Печеневъ Онтонъ (дворъ въ Благов. слоб.).
597. Пѣшковъ, кожевникъ (дворъ пустой въ Слоб. что была за татар.).
598. Плохой Труфановъ сынъ, скоморохъ (дворъ въ Кузьмодемьянс. пер. подъ лавки).
599. Плотникъ Кирило (двор. мѣсто за Воскресен. врагомъ).
600. Потаповы дѣти Гаврилко, да Офонка, да Кирилко (дворъ у Сельца, у Гаврилки 2 лавки).
601. Потаповъ Кирилко, гончаръ (во дворѣ въ двоемъ въ Псаревѣ пер.).
602. Потаповъ Кирилко, казакъ (дворъ во Фролов. ул.).
603. Потаповъ Марко (въ двоемъ во дворѣ въ Остромъ концѣ).
604. Поленинъ („дворишко пустъ" въ Благовѣщ. слоб.).
605. Половъ Еря, торгов. челов. (во дворѣ въ двоемъ въ Слоб., что была за татар.).
606. Полунинъ Ондрѣйко (дворъ у Нары отъ Богоявленья, лавка).
607. Полунинъ Кирилко, казакъ (дворъ во Фролов. ул.).
608. Пономаревъ Федко Ондрѣевъ сынъ, полстовалъ (въ четверомъ во дворѣ въ Слоб. что была за татар.).
609. Поспѣловъ, портной мастеръ (дворов. мѣсто въ Егорьев. ул.).
610. Прокофьевъ Володя, торгов. челов. (дворъ на Егорьев. ул.).
611. Прокофьевъ Иванко, кузнецъ (дворъ подъ Спасомъ по Мѣшалкѣ).

612. Прохоровъ холопъ (лавка, дворъ подъ посадомъ по Мѣшалкѣ).
613. Прохоровъ Ларка (лавка, анбаръ).
614. Прокощевъ Онашко (мѣсто лавочное).

Р.

615. Ребѣевъ Ондрѣйко, калачникъ (дворъ въ Покров. пер.).
616. *Ревякинъ* Ондрѣй (двор. мѣсто у Аѳан. Св.).
617. Резанецъ Игнашко (дворъ въ Благовѣщ. сл.).
618. Рѣзиковъ Яковъ (дворовое мѣсто у Аѳан. св.).
619. Родионовъ Мосолъ (дворъ „сумес с селетцкими дворы").
620. Родивоновъ Васко, сапож. маст. (дворъ въ Ивановск. слоб.).
621. Родивоновъ сынъ Парѳенко, кожевникъ (во дворѣ въ двоемъ въ Слоб., что была за тат.).
622. Родивонко, „строй" (дворъ въ Иванов. слоб.).
623. Родинъ Михалка, сковородникъ (лавка).
624. Родинъ Ивашко (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
625. Романовъ Ивашко, мясникъ (во дворѣ въ двоемъ у Нары отъ Богояв. кон.).
626. Ростригинъ Афонко Яковлевъ сынъ (лавка).
627. Ртищевъ Митка (дворовое мѣсто съ Егорьев. ул. на лѣво).
628. Россыльщикъ Ивашко (дворовое мѣсто въ Иванов. слоб.).
629. Рудахъ Гридинъ сынъ (дворъ въ Кузьмодемьян. пер.).
630. Русановъ Иванко (дворъ по Мѣшалкѣ).
631. Русиновъ Микитка Киршинъ (мѣсто лавочное).
632. Русиновъ Никанъ Ларивоновъ (мѣсто лавочное).

С.

633. Савинъ Иванко (дворъ въ Благов. слоб.).
634. Савинъ Тараско (дворъ тамъ же).
635. Савинъ сынъ Гурейко, хлѣбникъ (во дворѣ въ двоемъ у Нары и Покров. пер.).
636. Савинъ Останя (треть лавки).
637. Савинъ Иванко (дворъ въ Остромъ концѣ).
638. Савины дѣти, гончары, Остапко да Иванко (дворъ въ Остр. концѣ).

639. Савинъ Гриша, плотникъ (во дворѣ въ двоемъ за врагомъ къ Аѳан. Св.).
640. Сазоновъ сынъ Ивашко (дворъ въ Буткин. ул.).
641. Сазоновъ сынъ Федоско, сапож. маст. (въ троемъ во дворѣ въ Козьмодемья. пер.).
642. Самоиловъ Степанко, кожевникъ (дворъ въ Богоявл. улицѣ).
643. Свиридовъ сынъ Митка, торгов. челов. (въ двоемъ во дворѣ въ Козьмодемьян. пер. двѣ лавки).
644. Свиридовъ Левъ (лавка).
645. Свистуновъ Куземка (лавка).
646. Селивановъ Васюкъ (дворъ на Подолѣ).
647. Селяникъ Коровинъ (дворъ въ Благовѣщ. слоб.)
648. Семенъ Данилко „дьякъ, книги пишетъ" (во дворѣ въ двоемъ отъ Рожд. Преч. въ Кроткій пер.).
649. Семеновъ Якушъ (во дворѣ въ двоемъ въ Ключнич. слоб.).
650. Семеновъ Ортемко (дворъ отъ города вверхъ по Нарѣ, лавка).
651. Семеновъ Иванко, мясникъ (дворъ въ Никольск. ул. по сю сторону Нары, лавка).
652. Семеновъ Кирилко, кузнецъ (въ дворѣ въ двоемъ у Аѳан. Св.).
653. Семеновъ Лохтионко, торгов. челов. (дворъ въ Остр. концѣ, лавка).
654. Семеновъ Кирилко, сапожникъ (во дворѣ въ двоемъ отъ Рожд. Преч. къ Фрол. улицѣ).
655. Семеновы дѣти Онтипко да Софонко, извощики (дворъ тамъ же).
656. Семеновы Якушъ, да Давыдко, да Кирилко, мясники (дворъ во Фролов. ул., лавка).
657. Семеновъ Степанко (дворъ въ Никольск. ул. по сю сторону Нары).
658. Семеновъ Федко, портной мастеръ (во дворѣ въ двоемъ позади Егорія Св.).
659. Семеновъ Алексѣйка (лавка).
660. Сенкинъ Митка, „камен тешот" (дворъ въ Ивановск. слоб.).
661. Сенкинъ Петрушка, кузнецъ (дворъ тамъ же).
662. Сенкинъ сынъ Поминко, кузнецъ (дворъ тамъ же).
663. Сергѣевъ Гридка (дворъ въ Благов. слоб.).

664. Сергѣевъ Филипко, кожевникъ (во дворѣ въ двоемъ въ Бого-
явлен. ул.).
665. Сергѣевъ Васко, гусельникъ (дворъ въ Егорьев. ул.).
666. Сергѣевъ Софонъ, извощикъ (во дворѣ въ двоемъ въ [illegible]
переулкѣ).
667. Сергѣевъ Митка, гончаръ (во дворѣ въ двоемъ отъ Рожд.
Преч. въ Кротк. пер., лавка въ двоемъ).
668. Сергѣевъ Иванко, хлѣбникъ (дворъ въ Остр. концѣ).
669. Сергѣевъ Сенка, хлѣбникъ (дворъ тамъ же).
670. Сидоровъ Родка, съ сыномъ Истомкой (дворъ тамъ же, лавки).
671. Сидоровъ сынъ Кудинъ, калачникъ (дворъ въ Кузьмодемьян.
переулкѣ).
672. Сидоровъ Митя (дворъ въ Богоявл. ул.).
673. Сидоровъ Иванко (дворъ въ Ключн. слоб.).
674. Сидоровъ Макарикъ, казакъ (дворъ въ Иванов. слоб.).
675. Сидоровъ сынъ Матфѣйко, кузнецъ (дворъ тамъ же).
676. Сидоровъ Максимка (лавка).
677. Сидоровы дѣти Васюкъ да Ондрѣй, кузнецы (дворъ за врагомъ къ Аѳан. Св.).
678. Скуловъ Васка, извощикъ (дворъ въ Покров. пер.).
679. Созыкинъ сынъ Федко (во дворѣ въ двоемъ въ Кузьмодемьян. пер.).
680. Соврасовъ Гаврило Василевъ (дворъ у Фрола Св.).
681. Сонинъ Сенка, казакъ (во дворѣ въ двоемъ у Сельца).
682. Сонинъ Игнашко, казакъ (дворъ въ Богоявл. ул.).
683. Сонинъ Гридя, масленикъ (дворъ въ Ильин. ул.).
684. Сонинъ сынъ Щеметъ (во дворѣ въ двоемъ у Нары отъ Покровск. пер.).
685. Сопѣльниковъ Федко (дворъ въ Благов. слоб.).
686. Сосуновъ Игнатъ (двор. мѣсто у Аѳан. Св.).
687. Степановъ Ситко (во дворѣ въ двоемъ отъ Рожд. Преч. въ Кроткій пер.).
688. Степановъ Истомка (во дворѣ въ двоемъ тамъ же).
689. Степановъ Гридка, кузнецъ (дворъ съ Егорьев. ул. на лѣво).
690. Степановъ Омельянко, гончаръ (дворъ въ Псаревѣ пер.).
691. Степановъ Озарко, казакъ (дворъ тамъ же).
692. Степановъ Ондрѣйко, калачникъ (дворъ во Фролов. ул.).

693. Степановъ Митка, кузнецъ (дворъ съ Егорьев. ул. на лѣво).
694. Степановъ Бориско, казакъ (дворъ въ Ильин. ул.).
695. Степановъ Гаврилко, кузнецъ (дворъ тамъ же).
696. Степановъ Ермолко (во дворѣ въ четверомъ у Аѳан. Св.).
697. Степановъ сынъ Васюкъ, плотникъ (во дворѣ въ двоемъ у Нары отъ Покров. пер.).
698. Степановъ Васка (двѣ лавки).
699. Степановъ Гриша (дворъ въ Благов. слоб.).
700. Степановъ Еря (дворъ тамъ же).
701. Степановъ сынъ Сенка, казакъ (во дворѣ въ двоемъ въ Иванов. слоб.).
702. Степановъ Митка, тимовникъ (дворъ въ Остромъ концѣ).
703. Сухаревъ Макарикъ Мишинъ сынъ, хлѣбникъ (во дворѣ въ двоемъ у Нары отъ Покров. пер.).
704. Сухой Гриша (дворовое мѣсто по Егорьев. ул.).
705. Сысоевъ Михалъ (дворъ во Фролов. ул., лавка).
706. Сысоевъ Русинко Михаловъ сынъ (лавка).
707. Сысоевъ Федко (дворъ за Большимъ врагомъ въ Рожд. прих).
708. Сякшинъ сынъ Ивашко, казакъ (во дворѣ въ двоемъ въ Кузьмодемьян. пер.).

Т.

709. Тарасовы дѣти Ондрѣйко да Макарикъ (дворъ въ Кузьмодемьян. пер.).
710. Тарасовъ Трофимко, мясникъ (во дворѣ въ двоемъ у Нары отъ Богоявлен. кон.).
711. Тарасовъ Савка (лавка).
712. Тарущенинъ Ивашко (лавка).
713. Таптыковъ Петръ Игнатовъ сынъ (дворъ въ Кузьмодемьян. пер.).
714. Терениnъ Савка, кузнецъ (дворъ въ Ильин. ул.).
715. Терентьевъ Никифорко, торговый человѣкъ, староста (дворъ въ Иванов. сл.).
716. Тебяка Тимоха, казакъ (дворъ у Сельца).
717. Тенякинъ (дворовое мѣсто во Фролов. ул.).
718. Тепинъ Иванко, казакъ (во дворѣ въ двоемъ въ Кузьмодемьян. пер.).

719. Телѣгинъ. сынъ Максимко, горшечникъ (дворъ тамъ же).
720. Тереховъ Гаврилка (двор. мѣсто въ Пищальник. ул.).
721. Тереховъ Ёрмола Ивановъ сынъ (три лавки).
722. Тимохинъ Кирилка (одинъ жеребей лавки изъ четырехъ).
723. Тимохинъ Собинка, сапож. маст. (дворъ въ Иванов. сл.).
724. Тимофѣевъ Ивашка, казакъ (дворъ у Сельца).
725. Тимофѣевъ Сенка, казакъ (дворъ у Нары внизъ отъ Богоявл. конца).
726. Титовъ Офонка, кузнецъ (дворъ за врагомъ къ Аѳанас. Св.).
727. Титовъ Борисъ, казакъ (во дворѣ въ двоемъ въ Богоявлен. улицѣ).
728. Толстой Иванко, сапожн. маст. (дворъ въ Слоб., что была за татар.).
729. Торута Игнашка Костянтиновъ сынъ (лавка).
730. Третьяковъ Климъ (дворовое мѣсто подлѣ Селетцкихъ двор.).
731. Трофимовъ Иванко, мясникъ (въ двоемъ во дворѣ у Нары отъ Богоявлен. конца).
732. Туленинъ Ивашко (дворъ въ Рождеств. пр.).
733. Туленинъ Нечайко (дворъ въ Благов. слоб.).
734. Тѣшиловскій Степанко Климовъ сынъ (лавка).
735. Тюлюгинъ Иванъ (дворовое мѣсто въ Мосоловѣ пер.).

У.

736. Уваровы дѣти Ушачко, да Митка, да Ондрѣйко (дворъ отъ города вверхъ по Нарѣ).
737. Уваровъ Микула (дворовое мѣсто въ Егорьев. ул.).
738. Уваровъ Силка (лавка).
739. Улуперхова Ондрѣя вдова Василиса (дворъ за врагомъ къ Аѳан. Св.)
740. Устиновъ сынъ Левонъ, кузнецъ (дворъ въ Кузьмодемьян. пер.).

Ф.

741. Фатяновъ Ивашко (дворъ въ Ключн. слоб.).
742. Фегностовъ Ивашко (двоpов. мѣсто на Ильинс. ул.).
743. Фегнусовъ, кузнецъ (дворовое мѣсто на Егорьев. ул.).
744. Фединъ Митка, гончаръ (во дворѣ въ двоемъ въ Псаревѣ пер.).

745. Федковъ Проня, казакъ (дворъ въ Мосоловѣ пер.).
746. Федоровъ Максимка (лавка).
747. Федоровъ Гордѣйко, кузнецъ (дворъ къ Аѳан. св. за врагомъ).
748. Федоровъ Васко кузнецъ (дворъ у Сельца).
749. Федоровъ Иванко (во дворѣ въ троемъ во Фролов. ул. третъ лавки).
750. Федоровъ Андрѣйко (дворъ въ Ключн. слоб.).
751. Федоровъ Оверкейко (дворъ отъ города вверхъ на Нарѣ).
752. Федоровъ Гридя, казакъ (дворъ въ Мосоловѣ пер.).
753. Федоровъ сынъ Данилко, лавочный сторожъ (дворъ во Фролов. ул.)
754. Федоровъ Иванко, казакъ (во дворѣ въ двоемъ у Аѳан. Св.).
755. Федоровъ сынъ Митка, кузнецъ (во дворѣ въ двоемъ въ Никольск. пер. за Нарою).
756. Федоровъ сынъ Васка, сапож. мастеръ (во дворѣ въ двоемъ въ Кузьмодемьян. пер.).
757. Федоровъ Михалко (дворъ въ Благов. слоб.).
758. Федоровъ сынъ Иванко (во дворѣ въ двоемъ позади Егорія Св., лавка).
759. Федоровъ Бориско (дворъ у Аѳан. Св. лавка).
760. Федоровъ Софронко (лавка).
761. Федоровъ Степанко, полстовалъ (во дворѣ въ троемъ въ Богоявл. ул.).
762. Федосовы Окулъ, Егкудинъ да Митка (дворъ въ Рождеств. прих.).
763. Федосѣевъ Данилко, казакъ (въ троемъ во дворѣ въ Кузьмодемьян. пер.).
764. Федотовъ Гаврилко, портной мастеръ (дворъ въ Ивановск. слоб.).
765. Федотовъ Шабанко (лавка).
766. Федотовъ Потапко, солоденикъ (во дворѣ въ двоемъ у Пятницы Св.).
767. Федотовъ Якуня, мясникъ (во дворѣ въ двоемъ отъ Рожд. Преч. въ Кроткій пер., лавка).
768. Федотовъ Онаня, „тешет камен“ (дворъ въ Ивановск. слоб.).
769. Фетининъ Ушачко (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
770. Филатовъ Митя, кузнецъ (дворъ въ Ключн. слоб.).

771. Филатовъ Гаврилко (во дворѣ въ двоемъ тамъ же).
772. Филиповъ Ивашко, кожевникъ (во дворѣ въ троемъ въ Богоявлен. ул.).
773. Филиповъ Сидко (дворъ отъ города вверхъ по Нарѣ).
774. Филиповъ Ивашко, „дехтерь“ (во дворѣ на третьемъ жеребьѣ, по Мѣшалкѣ).
775. Филиповъ сынъ Мишка, горшечникъ (дворъ въ Кузьмодемьянс. пер.).
776. Филиповъ сынъ Володя, хлѣбникъ (дворъ тамъ же).
777. Филиповъ сынъ (во дворѣ въ двоемъ тамъ же).
778. Филинъ Миша (лавка).
779. Филоновъ Федко, кузнецъ (во дворѣ въ двоемъ въ Николь. пер. за Нарою, анбаръ).
780. Фоминъ Гриша, казакъ (во дворѣ въ двоемъ въ Ивановской слоб.).
781. Фоминъ Гришка (дворъ отъ города вверхъ по Нарѣ).
782. Фоминъ Федко (во дворѣ въ двоемъ въ Псаревѣ пер.).
783. Фоминъ Дениско, извощикъ (дворъ тамъ же).
784. Фоминъ Олеша, кузнецъ (дворъ у Сельца).
785. Фоминъ Иванко, кожевникъ (во дворѣ въ двоемъ въ Богоявлен. ул.).
786. Фоминъ Климко (лавка).
787. Фонятины дѣти Степанъ и Панкратъ (дворовое мѣсто въ Кузьмодемь. пер.).
788. Форкинъ Васко Степановъ сынъ (двѣ лавки).
789. Фофановы, Васко съ сыновьями Луншею и Володею, торговые люди (дворъ въ Фролов. ул.).
790. Фофановъ Титко Лукяновъ сынъ (лавка).
791. Фофановъ Титко Мартяновъ сынъ (анбаръ).
792. Фроловъ сынъ Данилко, извощикъ (дворъ за врагомъ къ Аѳан. Св.).
793. Фроловъ сынъ Куземка, калачникъ (дворъ въ Кузьмодемьян. пер.).
794. Фроловъ Тиша Михаиловъ сынъ (лавка).
795. Фурсовы Степанко да Иванко (дворъ въ Благовѣщ. слоб., лавка).
796. Фурсовъ Петрушка (дворъ тамъ же).

278. Клименко, казакъ (дворъ въ Иванов. сл.).
279. Климовъ сынъ Гришка, торговый человѣкъ (въ двоемъ во дворѣ въ Кузьмодем. пер.).
280. Климовъ сынъ Ермолъ, кузнецъ (дворъ въ Покровск. пер. анбаръ).
281. Климовъ Алексѣйко (дворъ въ Покров. пер.).
282. Климовъ Тереха, торговый человѣкъ (дворъ въ Островск. концѣ).
283. Климовы Тѣшиловскіе Гришка да Олешка (лавка).
284. Климовъ Митка, гончаръ (дворъ во Фролов. ул.).
285. Климовъ Федко (въ двоемъ во дворѣ у Аѳан. Св.).
286. Климовъ Гридя (лавка).
287. Климовъ Конай (дворъ въ Благовѣщ. сл.).
288. Климовъ сынъ Иванко, поневникъ (дворъ къ Аѳанасію Св.).
289. Князевы дѣти Юшко да Ивашко, мясники (дворъ отъ Рожд. Преч. въ Кроткій пер., двѣ лавки).
290. Ковелинъ Пронка Ереминъ сынъ, серебряный мастеръ (дворъ у Покров. пер. у Нары).
291. Ковелинъ Ивашко Ѳедоровъ сынъ (дворъ въ Благовѣщ. сл.).
292. Козловъ Гаврилко Василевъ (дворъ у Аѳан. Св.).
293. Козулинъ Власко, гончаръ (въ двоемъ во дворѣ въ Псарев. переулкѣ).
294. Казадаевъ Иванко (лавка).
295. Кокинъ Тарасъ (дворовое мѣсто въ Никольск. пер., за Нарою).
296. Колпачниковъ Денидъ (двор. мѣсто во Фролов. ул.).
297. Колужинъ Сенка, сапожный мастеръ (дворъ отъ Рожд. ко Фролов. ул.).
298. Колуженинъ Сава Семеновъ сынъ (лавка).
299. Колуженинъ Семенъ (лавка).
300. Комдинъ Миша (пустое дворовое мѣсто въ Благовѣщ. сл.).
301. Кондаковъ Степанъ. кузнецъ (во дворѣ въ двоемъ отъ Рожд. Преч. ко Фролов. ул.).
302. Конановъ Окатко (въ двоемъ во дворѣ въ Богоявлен. концѣ у Нары).
303. Конановы Ероха и Тихонко (дворъ въ [illegible]
304. Конановъ Якушъ (дворъ въ [illegible]

305. Кончеевъ Бутнуковъ сынъ, конюхъ изъ Каширы, (дворъ его въ Рождеств. прих.).

306. *Конша* [1] Онуфреевъ, кузнецъ (дворъ тамъ же).

307. *Конша* Ивановъ (лавка).

308. *Конша* Козловъ сынъ, сапожникъ (въ троемъ во дворѣ въ Кузьмодемьян. пер.).

309. Конякинъ Михалъ, казакъ (во дворѣ въ Мосоловѣ переулкѣ).

310. Коротневъ Митя, мясникъ (дворъ въ Ильинской улицѣ).

311. Коротневъ Гриша Болыборда, братъ предъидущаго (дворъ тамъ же, у обоихъ двѣ лавки).

312. Коротневъ Гридя (лавка).

313. Корнѣевъ Фирякъ, извозщикъ (въ двоемъ во дворѣ въ Посаревѣ переулкѣ).

314. Корякинъ Лазарко, извозщикъ (дворъ у Аѳанасія св.).

315. Косиковъ Гурейко Ивашковъ (треть лавки).

316. Костинъ Иванко (лавка въ двоемъ, дворъ въ Благовѣщ. слободѣ).

317. Костинъ Останя (дворъ у Никольск. ул. по сю сторону Нары, лавка).

318. Костинъ Игнашко, мясникъ (дворъ межъ Пятницы Св. и Рожд. Преч.

319. Костинъ сынъ Якушъ, пастухъ (въ троемъ во дворѣ въ Кузьмодемьян. пер.).

320. Костровъ Петруша (дворъ по Фролов. ул. къ Троицѣ).

321. Костровы, вдова Овдотя, сынъ Тимоха (дворъ въ Благовѣщ. слободѣ).

322. Котюхинъ Федко Ондрѣевъ сынъ, кожевникъ (дворъ въ Слободѣ, что была за татар.).

323. Кочергины Ондрюшка и Михалко (дворъ въ Кузьмодемьян. переулкѣ).

324. Красильниковъ Иванъ (дворовое мѣсто въ Егорьевск. ул.).

325. Крайнинъ Ивашка Климовъ сынъ (лавка).

326. Кровопусковъ Петруша, пищальникъ (дворовое мѣсто въ [illegible] улицѣ).

327. Кудиновъ Мишка, гвоздочникъ (дворъ за врагомъ къ Аѳан. Святому).
328. Кудиновъ Федко (дворъ въ Богоявлен. ул.).
329. Кудиновъ Митя (дворъ въ Благовѣщ. слоб.).
330. Кудринъ Ивашко (дворъ въ Ключнич. сл.).
331. Кузминъ Давыдко, кожевникъ (дворъ по Нарѣ вишь отъ Богоявленья.
332. Кузминъ Сенка (во дворѣ „на третемъ жеребѣ", тамъ же).
333. Кузминъ Ондрѣйко, сапожный мастеръ (дворъ въ Ивановск. слободѣ).
334. Кузминъ Юний (лавка).
335. Кузминъ сынъ Мокѣй, зелейникъ (полъ лавки).
336. Кузминъ Сенка, торговый человѣкъ (въ двоемъ во дворѣ по Богоявлен. ул.).
337. Кузминъ Петрушка (въ двоемъ во дворѣ отъ города вверхъ по Нарѣ).
338. Кузминъ Макуша, сапожный мастеръ (дворъ въ пер. съ Ильинской улицы).
339. Кузяевъ Сенка (двѣ лавки).
340. Курлыкинъ Обакумка, десятцкой (дворъ за врагомъ къ Аѳан. Св.).
341. Куршинъ Никита (лавка).
342. Кухтинъ Петруша (дворъ пустой съ Ильинс. ул. на лѣво).

Л.

343. Лавровъ Степанко (дворъ у Егорья Св.).
344. Лаптинъ Ермолка (дворъ отъ города вверхъ по Нарѣ).
345. Ларивоновъ Никоникъ (въ троемъ во дворѣ въ Остромъ концѣ).
346. Ларивоновъ Васюкъ, казакъ (въ троемъ во дворѣ у Сельца).
347. Ларивоновъ Васюкъ (дворъ въ Рождествен. прих.).
348. Ларинъ Иванко (въ троемъ во дворѣ въ Остромъ концѣ).
349. Ларинъ Сенка, плотникъ (во дворѣ у Пятницы Св.).
350. Ларинъ Демянко, казакъ (дворъ у Сельца).
351. Ларинъ Протаско, гончаръ (въ двоемъ во дворѣ у Рожд. Преч.).
352. Ларинъ Васюкъ Григорьевъ сы

24. *Конишинъ* Олешка Өедоровъ сынъ, у нево братъ Тихонко, да сынъ Улянко.
25. Бойбаковъ.
26. Изосимовъ.
27. Сереберцовъ.
28. Кандырины (въ двухъ дворахъ).
29. Кирпичъ.
30. *Еремњевъ*.
31. Купринъ.
32. Кочетокъ.
33. Туленкинъ.
34. Кочетковы (въ двухъ дворахъ).
35. „Остапова Захарьевская жена, Епифанова дочь, вдова Окулиніца, у нее сынъ Микифорка, прозвище Чеснокъ".
36. Стерепеховъ Бориско Микифоровъ сынъ, „у нево два приемыша дѣті Долгова".
37. Стерепеховъ.
38. Рошковъ.
39. Ерохинъ.
40. Прошляковъ.
41. Зѣндриковъ.
42. „*Черного* Григорьевская жена, Огапова дочь, вдова Анніца, у нее сынъ Корнилка, у Корнилка дѣтей Данилка, да Куземко; вдоваж Ириница, Аникеева дочь, Борисовская жена Черного, у нее детей: Петрушка, Микитка, Куземка, Гарасимко; вдоваж Ириница, Онтипова дочь, Ларионовская жена Черного, у нее сынъ Ермилко; живутъ в дву избах в раздѣле".
43. „*Черного* сынъ Ондрѣевъ Ивашко, колачникъ у нево детей: Куземка, Стенка, Филка, Олешка, Мартинко".
44. Щукины (въ двухъ дворахъ).
45. Солодениеъ, Федка, прозвище Первушка, Яковлевъ сынъ.
46. Боченекъ.
47. Доронины.
48. Подонного дѣти.
49. Зубковъ.
50. *Харинъ*.
51. *Пономаревъ*.
52. Мясниковъ.
53. ГорловъМикифорко,„прозвище Селяшка, Родионовъ сынъ".
54. Савенковъ.
55. *Зубовы* (въ двухъ дворахъ).
56. *Корякинъ*.
57. Филатовъ.
58. *Дудинъ*.
59. Некрасовъ.
60. Бурундуковъ.
61. Шокинъ.
62. Прошляковъ.
63. ГущицаОлешка, Ермоловъ сынъ.

М.

381. Макаровъ Митка (лавка).
382. Макаровъ Савка (во дворѣ въ двоемъ въ Благовѣщ. сл.).
383. Малаховъ Гаврила (дворъ тамъ же).
384. Малаховъ Митеня (дворъ тамъ же).
385. Мантуровъ сынъ Ивашко, кузнецъ (въ двоемъ во дворѣ въ Кузьмодемьян. пер.).
386. Максимовъ сынъ Ивашко, колачникъ.
387. Максимовъ Лукянко (дворъ подъ Спасомъ по Мѣшалкѣ).
388. Максимовъ Митка, казакъ (въ двоемъ во дворѣ у Сельца).
389. Мартыновъ Сенка (во дворѣ въ двоемъ у Нары отъ Богоявленс. кон.).
390. Мартыновъ Терешка, сапожникъ (во дворѣ въ двоемъ въ Кузьмодемьян. пер.).
391. Мартыновъ Ивашко, кожевникъ (во дворѣ въ двоемъ въ Богоявлен. улицѣ, двѣ лавки).
392. Мартиновъ Иванко (въ двоемъ во дворѣ подъ Спасомъ по Мѣшалкѣ).
393. Матфѣевъ сынъ Степанко, сапожникъ (во дворѣ въ двоемъ въ Кузьмодем. пер.).
394. Матфѣевъ Степанко, цѣловальникъ (дворъ въ Егорьев. улицѣ).
395. Матфѣевъ Ефимко кожевникъ (въ двоемъ во дворѣ въ Богоявлен. ул.).
396. Techinъ Истома (дворовое мѣсто въ Благов. слоб.).
397. Мелеховъ Сидорко, хлѣбникъ (дворъ въ Остромъ концѣ).
398. Мелеховы Васко, Оника и Сидорко, овчинники (дворъ въ Остромъ концѣ, лавка).
399. Мелеховъ Малашка, торговый человѣкъ, (во дворѣ въ двоемъ, отъ Богоявл. конца по Нарѣ, лавка).
400. Мелеховъ Миня (во дворѣ въ двоемъ у Нары и Покровскаго переулка).
401. Мелеховъ сынъ Васко, торговый человѣкъ (дворъ тамъ же).
402. Мелеховъ сынъ Ерошка, кузнецъ (дворъ въ Никольск. пер. за Нарою).

г) За острогомъ въ Троицкой слободѣ:

111. Дрождинъ.
112. Котеневы (въ двухъ дворахъ).
113. Крымовъ.
114. Дворяшины (въ двухъ дворахъ).
115. Шмурихины (въ трехъ дворахъ).
116. Крымовъ Ивашко Дѣевъ сынъ, съ двумя пріемышами.
117. Чеченъ.
118. Дворяшина вдова.
119. Саванъ.
120. Жихоръ.
121. Старичениновъ.
122. Кондратовъ.
123. Судоплатовъ.
124. Мясниковы (въ пяти дворахъ).
125. Шуняковъ.

д) „По Никольской улицѣ":

126. Татаринъ Корнюшка Парфеньевъ сынъ.
127. Гульшины (два двора).
128. Дыровы (два двора).
129. Пиминовы (два двора).
130. Котикъ.
131. Збитневы (три двора).
132. Дураковъ.
133. Хороборкинъ.
134. Шапочникова[1] вдова.

е) „Отъ церкви Рожества Христова к Селцу":

135. Наумовъ.
136. Заикинъ.
137. Сорокинъ.

ж) „В Селцѣ меж Высоцкого монастыря крестьянъ":

138. Дубинкинъ.
139. Поползухины (два двора).

з) На церковныхъ земляхъ:

140. *Зинкинъ* — на Кузьмодемьянской.
141. Визукинъ — на Богоявленской.
142. Крупениковъ — на Спаской въ острогѣ.
143. Роговъ — на Воскресенской.

и) Дворники изъ посадскихъ во дворахъ разныхъ лицъ:

144. Квасниковъ.
145. Дорогой.
146. Белоусовъ.

Въ острогѣ.

147. Щенковъ.
148. Седелниковъ.
149. Промахинъ.

За Нарою на Буткиной ул.

---

[1] Изъ пушкарей.

і) Бѣломѣсные казаки, на Аѳанасьевской горѣ:

150. Шахворотовъ.
151. Наливай.
152. Наливаевъ.
153. Подовинникъ.
154. Подовинниковъ.
155. Казариновъ.
156. Коптевы.
157. Кисель.
158. Остафьевъ.
159. Шахворостовъ.
160. Суботинъ.
161. Дробнинъ, „заплечный мастеръ“.

к) Пушкари:

Въ острогѣ:

162. Овца Матюшка Онисимовъ сынъ.
163. Лотаревъ.
164. Ножевниковы (въ трехъ дворахъ).
165. Шапочниковы (въ трехъ дворахъ).

За острогомъ, въ Троицкой улицѣ:

166. Лазоревъ.
167. Клюевъ.
168. Шапочниковъ.
169. Медвѣдевы (въ двухъ дворахъ).
170. Обрамовъ.
171. Котыринъ.

172. Проскурнинъ — на Серпейкѣ.
173. Ершовъ.
174. Воробьевъ.
175. Дерябинъ.
176. Замятнинъ.
177. Княинкины (въ двухъ дворахъ).
178. „Сѣриковъ Осипко Федоровъ сынъ, у нево братья Ивашко да Гришко, у Ивашка сынъ Ивашкож, да пріемышъ Гришка Степановъ сынъ Мочалниковъ“. !
179. Иконниковъ.
180. Герасимовъ.
181. Щеголихинъ.
182. Лазоревъ.

Всѣ на Никольск. ул. по сю сторону Нары:

183. Шапочниковъ.
184. Воробьевъ.
185. Лучниковъ.

л) „Отставленные пушкари“:

186. Воротниковъ.
187. Микифоровъ.
188. Клюевъ.
189. Медвѣдевъ.
190. Орѣшко прозвище.
191. Воробьевъ.
192. Кузяевъ.
193. Замятнинъ.
194. Телятниковы.

м) Городовые воротники:

195. Малцовъ.
196. Сухорукой.
197. Истохины (въ четырехъ дворахъ).
198. Серебрениковъ.
199. Дакшина вдова.
200. Сорокина вдова.

н) Казенные кузнецы, за Нарою, на Казенной улицѣ:

201. Терентьевы (въ трехъ дворахъ).
202. Терентьева вдова.
203. Гавриловъ.
204. Ерохинъ, прозвищ. Борода.
205. Лещовскій.
206. Ждановъ.
207. *Замочниковы* (въ двухъ дворахъ).
208. *Замочниковъ* — на Серцейкѣ.

о) Конюшенные тяглецы:

209. Коровяковы (въ двухъ дворахъ), на Воскресенской горѣ.

На Никольск. улицѣ:

210. Дробнины (въ двухъ дворахъ).
211. Зарубинъ.
212. Сидоровъ.
213. Мясоѣдовъ.
214. Коровяковы.

У церкви Рожд. Хр.:

215. Корекъ.
216. Пузо.
217. Ступины.

п) Изъ бобылей:

218. Шемшура.
219. Подкопай.
220. Шелепа.
221. Полянинъ.
222. Шепелевъ.
223. Улитка.
224. Костюринъ.
225. Махотка.
226. Выжеловъ.
227. Пищулинъ.
228. Бусыревъ.
229. Перешивка съ дѣтьми, „живутъ в дву избахъ в роздѣле“.

Съ № 230 по 236 бобыли Владычня монастыря у мельницы:

230. Саплуковъ.
231. Остаповы, у одного два пріемыша *Кухтины*.
232. Садилко.
233. Бучило.
234. Полачевъ.
235. Хлѣбниковъ.
236. Шеляковъ.

III.

Списокъ новоприписныхъ тяглецовъ, взятыхъ въ тягло въ посадъ въ 1649—1652 гг.

а) Сельца Мироносицкаго „изза Высоцкого монастыря“:

1. Шиловы Ивашко да Самошка, Клементьевы дѣти. „Промыселъ у нихъ:[1] торгуютъ в лавкахъ солью, и рыбою, и медомъ, и животиною, і всякими товары. Самошка дѣлаетъ в кузнице уклад і в Нижней судами и по рыбу ходятъ“.
2. Семеновъ Тимошка, съ дѣтьми и пасынкомъ Фетискомъ Костентиновымъ. „Дѣлаютъ кузнечное дѣло, а Фетиско — горшки“.
3. Стуковъ Лукьянко, Фокинъ сынъ, съ дѣтьми. „В отъездъ ездитъ и на полку торгуетъ семены огуречными и росады и всякими семенами“.
4. Васильевъ Пименко съ подсосѣдникомъ Онтипкою, Юрьевымъ сыномъ, Гречихинымъ. „Пименко дѣлаетъ кузничное дѣло, Гречихинъ работаетъ в наймехъ“.
5. Боюкъ (Баюкъ) Титко, Ивановъ сынъ, съ дѣтьми и съ племянникомъ Ермилкой Семеновымъ. „Торгуетъ Титко мукою, возитъ к Москвѣ, и солью и всякими товары“.
6. Артамоновъ (Автомоновъ) Герасимко съ дѣтьми. „Торгуетъ всякими товары в своей лавке“.
7. Кудрявцевъ Назарко, Лазаревъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуютъ укладомъ и сырьемъ, желѣзомъ и медомъ, і в отъѣздъ“.
8. Бѣляевъ Обрамко, Семеновъ сынъ, съ дѣтьми. „Дѣлаетъ укладъ и желѣзо в своихъ кузницахъ и в отвозъ посылаетъ с своими дѣтми“.
9. Лазукинъ Кирилко Филиповъ сынъ. „Дѣлаетъ кузнечное дѣло и плотничаетъ“.
10. Салеховы Нестеровы дѣти Матюшка, да Васка, да Степанько, да Дорошька. „Дѣлаютъ укладъ и желѣзо“.

---

[1] О промыслахъ и занятіяхъ взято изъ Строельныхъ книгъ Игнатьева 1649 г.

11. Позняковъ Тимошка, Михаиловъ сынъ, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ в кузницахъ укладъ".
12. Салеховъ Титко, Игнатовъ сынъ, съ дѣтьми и съ племянниками Елизаровыми. „Дѣлаетъ в кузнице".
13. Мозура (Мазура) Власко, Алексѣевъ сынъ, съ сыномъ Елистраткою. „Дѣлаютъ кузничное и орѣхи торгуютъ".
14. Свѣчникъ Акинфейко Ильинъ сынъ, съ дѣтьми. „Дѣти работаютъ в кузницахъ и рыбу свежую на продажу ловятъ и торгуютъ".
15. Ильинъ Полуетка (Полунка), съ дѣтьми. „Дѣлаютъ портное",
16. Стуковъ Жданко, Федоровъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуетъ отъѣзжимъ большимъ торгомъ всякими товары; у нево анбаръ кладной".
17. Кнутовъ Илейка Харламовъ сынъ съ сыномъ „Торгуютъ отъѣзжимъ торгомъ всякими товары і в кузнице делаютъ".
18. Кнутовъ Микитка Ильинъ сынъ.
19. Васильевъ Евдокимко, съ дѣтьми. „Дѣлаетъ кузнешное дѣло".
20. Орѣховъ Мартинко Яковлевъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуетъ в наемной лавкѣ москотилнымъ товаромъ".
21. Курбатовъ Гришка Панфиловъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуютъ отъездомъ всякими товары".
22. Чашкинъ Дениско Остафьевъ сынъ, съ братьями. „Торгуютъ отъездомъ и мясничеютъ".
23. Ивакинъ Карпикъ, Ивановъ сынъ, съ сыномъ. „Торгуютъ укладомъ і в кузнице дѣлаютъ".
24. Позняковъ Афонка Михаиловъ сынъ (Шитикъ онъ же по Строельн. кн. Игнатьева), съ дѣтьти. „Дѣлаютъ укладъ".
25. Ивакинъ Гаврилко Мокѣевъ сынъ, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ всѣ укладъ в своихъ кузницахъ і в отвозъ возятъ".
26. Курбатовъ Панфилко Васильевъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгу у нихъ: ростятъ солодъ и всякими товары торгуютъ в своей лавкѣ".
27. Путохинъ Ивашко Дѣевъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуютъ в дву лавкахъ в рыбномъ да в мясномъ ряду всякими товары".
28. Микитинъ Васка Дмитреевъ сынъ съ дѣтьми. „Торгуетъ на столе всякими семены, росадою, и огуречными, и гречишними, и хлѣбы печетъ".

29. Ивакинъ Аверкейко Мокѣевъ сынъ, съ сыномъ. „Дѣлаетъ укладъ".

30. Ананкинъ (Ананинъ) сынъ Еремка, съ дѣтьми. „Делаютъ кузничною (работу) и хлѣбъ на наемныхъ земляхъ пашетъ".

31. Соколовъ (Соколъ) Титко Семеновъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуютъ в своей лавки ссыпнымъ хлѣбомъ и муку в отвозъ возитъ", сверхъ сего „дѣти кузнечное дела дѣлаютъ".

32. Бѣляевъ Андрюшка Филатовъ сынъ, „укладной мастеръ", съ дѣтьми; „дѣлаютъ укладъ".

33. Соколовъ Степанко Титовъ сынъ, съ дѣтьми.

34. Пыжикъ (Пыжинъ) Лукьянко Ананкинъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуютъ железомъ и укладомъ і в отъездъ ездятъ".

35. Ботуринъ Ѳомка, Парфенковъ сынъ, съ сыномъ Пронкою. „Торгуетъ Ѳомка в наемной лавкѣ солью, и рыбою, и жерновами, а сынъ Пронка — мукою і в отъездъ ездитъ".

36. Стуковъ Тимошка Петровъ сынъ, съ сыномъ (названъ у Игнатьева Шило). „Торгуетъ на столе всякими семены і извозничаетъ".

37. Мурзинъ Степанко Семеновъ сынъ, съ братомъ. „Дѣлаетъ укладъ".

38. Ивакинъ Ефимко Мокѣевъ сынъ, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ укладъ в своихъ кузницахъ и с судномъ в украйные городы по хлѣбъ ездять закупать, и дети в своей лавки торгуютъ в москотилномъ ряду".

39. Петровъ Сенька, прозвище Коробъ, съ дѣтьми; „торгуетъ укладомъ и железомъ и хлѣбъ в отвозъ возитъ".

40. Митрофановъ Трофимко, прозвище Костяйко, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ кузнечное всякое дѣло".

41. Безрукой Костянтинко, Панкратовъ сынъ, съ дѣтьми; „торгуетъ укладомъ, и хлѣбомъ, и мукою".

42. Турицынъ Якушко Ивановъ сынъ, съ дѣтьми. „Укладные мастера".

43. Турицынъ Васка Ивановъ сынъ, съ дѣтьми. „Кузнечные укладные мастеры".

44. Стуковъ Гришка Федоровъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуетъ укладомъ, в отвозъ возитъ".

45. Стуковъ Хрисанфикъ Федоровъ сынъ, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ укладъ в своей кузницѣ“.
46. Стуковы Прошка, да Васка, да Гришка, Тихоновы дѣти. „Дѣлаютъ укладъ и торгуютъ мукою“.

б) Подлѣ деревни Подклѣтной за Нарою:

47. Несмеянко Тимошка Оксеновъ сынъ, съ дѣтьми.
48. Костянтиновы дѣти Аѳонка да Ермилко.
49. Костянтиновъ сынъ Карпикъ, сапожникъ.

в) Изъ-за Владычня монастыря за Нарою, близко мельницы:

50. Остаповъ Мишка Григорьевъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуетъ в своей лавки кожевнымъ товаромъ и сапоги“.
51. Остаповъ Первушка Григорьевъ сынъ, съ дѣтьми. Торгуетъ тѣмъ же „в сапожномъ ряду“.
52. Гавриловъ Тимошка. „Плотничаетъ и мелничное дѣло дѣлаетъ“.
53. Назаровъ Тренька, съ дѣтьми. „Торгуютъ мукою и извозничаютъ“.
54. Ивановъ Ивашко. „Плотничаетъ и извозничаетъ“.
55. Фетистовъ Трофимко, съ сыномъ. „Торгуютъ хлѣбы и пироги“.
56. Шеляковъ Кирилко Ивановъ сынъ. „Дѣлаетъ овчины“.
57. Плотникъ Парфенко Микифоровъ сынъ, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ овчины“.
58. Ивановъ Елисѣйко. „Торгуетъ хлѣбами, калачи, извозничаетъ“.

г) Изъ-за того же монастыря слободки, „что словетъ деревня Подклѣтная“:

59. Коширской Ивашко, Кондратьевъ сынъ, съ дѣтьми съ Кондрашкою да съ Олферкою. „Ростятъ солодъ на продажу, а Олферко на низъ ходитъ стругами и торгуетъ в своей лавки в соленомъ ряду солью и рыбою, в другой лавки хлѣбъ ссыпаетъ, да в горшечномъ ряду лавка“.
60. Косьяновъ Дружинко, Васильевъ сынъ, съ сыномъ и съ пасынкомъ. „Торгуетъ хлѣбы и свежею рыбою“.
61. Косьяновъ Кондрашко Васильевъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуютъ свежею рыбою і в отвозъ рыбу возятъ и кузнешное дѣло дѣлаютъ“.

62. Кириловъ Осипко Матвѣевъ сынъ, съ сыномъ. „Дѣлаютъ горшки на продажу“.
63. Ивановъ сынъ Павликъ, плотникъ, съ сыномъ съ Ивашкою. „Оприче плотничья иного промыслу нету“.
64. Нефедко Ивановъ (у Игнатьева — Романовъ), съ сыномъ. „Извозничаютъ“.
65. Чекалка прозвище, Степанко Харитоновъ сынъ. „Дѣлаетъ горшки на продажу“.
66. Лобанъ прозвище, Мишка Левонтьевъ сынъ. „Рыбникъ и горшки дѣлаетъ“.
67. Михаиловъ сынъ Савка, съ сыномъ, каменьщикъ. „Плотничаютъ и каменное дело дѣлаютъ“.
68. Русиновъ Васка, Ивановъ сынъ, съ двоюроднымъ братомъ. „Дѣлаетъ горшки“.
69. Филимоновъ Матюшка, съ братомъ. „Дѣлаютъ горшки і врядy сидятъ з горшками“.
70. Костянтиновъ Якушко Яковлевъ сынъ. „Роститъ солодъ и продаетъ в своей лавке“.
71. Яковлевъ Афонка, съ братомъ. „Дѣлаютъ горшки“.
72. Григорьевъ Ерофѣйко, съ сыномъ. „Дѣлаютъ горшки и продаютъ в своей лавке“.
73. Ермоловъ сынъ Федка, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ горшки и извозничаютъ“.
74. Бѣлкинъ Ивашко Аксеновъ сынъ, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ портное“.
75. Терентьевъ Ермолко. „Дѣлаетъ горшки и продаетъ в своей лавке“.
76. Заворотищевъ Мишка Терентьевъ сынъ. „Дѣлаетъ горшки и свежею рыбою торгуетъ и кожи скупаетъ“.
77. Ермоловъ Терешка, извощикъ „и походя торгуетъ“.
78. Артемовъ Еутропко, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ горшки и извозничаютъ и горшки на торгу продаютъ“.
79. Свинской Ивашко Аноиногеновъ сынъ.
80. Косьяновъ Герасимко Кондратьевъ сынъ. „Торгуетъ свежею всякою рыбою и к Москве с рыбою ѣздитъ“.
81. Мартакъ прозвище, Мартинко Семеновъ. „Дѣлаетъ въ кузнице укладное дѣло“.

82. Бубновъ Мишка Гавриловъ, съ дѣтьми. „Торгуютъ укладомъ и желѣзомъ, и в лавки сидятъ, и платьемъ, и всякими товары торгуютъ, і в отъѣздъ ѣздютъ".

83. Налобовъ Степанко Антиповъ сынъ, съ братьями. „Делаютъ горшки и продаютъ в своей лавке".

84. Кириловъ Тимошка, „рукавишникъ".

85. Филатовъ Бориско, съ братомъ. „Сапожные мастеры".

86. Колесниковъ Петрушка Кузьминъ сынъ. „Делаеть кузнечное".

87. Еремѣевъ Андрюшка, съ семьею. „Делаютъ сапожное".

88. Полоняникъ Гришка Васильевъ сынъ. „Билъ челомъ государю, чтобъ ему быть на посаде в тягле. А дѣлаетъ горшки".

89. Росторгуевъ Пахомко Ивановъ сынъ, съ братомъ. „Дѣлаютъ кузнечное дѣло".

90. Полоняникъ Якушко Пахомовъ сынъ, съ сыномъ. „Били челомъ государю словесно, чтобъ имъ велелъ быти на посаде в тягле. Извощики и мелкимъ торгомъ торгуютъ".

91. Полстовалъ Васка Михаиловъ сынъ, съ дѣтьми съ Прохоркомъ да съ Гаврилкомъ. „Прохорко торгуетъ в своей лавкѣ в москотилномъ ряду".

д) Изъ слободки Рывной:

92. Гулшинъ Тараско, прозвище Дружинко, Игнатовъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуетъ железомъ, и медомъ, и животиною, і в одъездъ ездитъ".

93. Гулшинъ Андрюшка Игнатовъ сынъ, съ дѣтьми. „Ростятъ солодъ и в лавки своей торгуетъ в солоденомъ ряду".

94. Гулшинъ Минка Васильевъ сынъ. „Делаетъ в кузнице".

95. Гулшина дети Васильевы Тихонко да Микифорко. „Микифорка дѣлаетъ въ кузнице, а Тихонка торгуетъ всякими товары".

е) Изъ закладчиковъ Пафнутьева монастыря за Нарою:

96. Щукинъ Федка, Ивановъ сынъ, съ зятемъ Селиверсткомъ Филиповымъ. „Федька торгуетъ хлѣбы и калачи, а зять Селиверстко дѣлаетъ кузнечное дѣло".

97. Шемшура прозвище, Анисимко Ипатьевъ сынъ. „Торгуетъ хлѣбы и калачи".

98. Тѣшиловской Гришка Алексѣевъ сынъ, съ братомъ.

III.

Списокъ новоприписныхъ тяглецовъ, взятыхъ въ тягло въ посадъ въ 1649—1652 гг.

а) Сельца Мироносицкаго „изза Высоцкого монастыря“:

1. Шиловы Ивашко да Самошка, Клементьевы дѣти. „Промыселъ у нихъ:[1] торгуютъ в лавкахъ солью, и рыбою, и медомъ, и животиною, і всякими товары. Самошка дѣлаетъ в кузнице уклад і в Нижней судами и по рыбу ходятъ“.
2. Семеновъ Тимошка, съ дѣтьми и пасынкомъ Фетискомъ Костентиновымъ. „Дѣлаютъ кузнечное дѣло, а Фетиско — горшки“.
3. Стуковъ Лукьянко, Фокинъ сынъ, съ дѣтьми. „В отъездъ ездитъ и на полку торгуетъ семены огуречными и росады и всякими семенами“.
4. Васильевъ Пименко съ подсосѣдникомъ Онтипкою, Юрьевымъ сыномъ, Гречихинымъ. „Пименко дѣлаетъ кузничное дѣло, Гречихинъ работаетъ в наймехъ“.
5. Боюкъ (Баюкъ) Титко, Ивановъ сынъ, съ дѣтьми и съ племянникомъ Ермилкой Семеновымъ. „Торгуетъ Титко мукою, возитъ к Москвѣ, и солью и всякими товары“.
6. Артамоновъ (Автомоновъ) Герасимко съ дѣтьми. „Торгуетъ всякими товары в своей лавке“.
7. Кудрявцевъ Назарко, Лазаревъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуютъ укладомъ и сырьемъ, желѣзомъ и медомъ, і в отъѣздъ“.
8. Бѣляевъ Обрамко, Семеновъ сынъ, съ дѣтьми. „Дѣлаетъ укладъ и желѣзо в своихъ кузницахъ и в отвозъ посылаетъ с своими дѣтми“.
9. Лазукинъ Кирилко Филиповъ сынъ. „Дѣлаетъ кузнечное дѣло и плотничаетъ“.
10. Салеховы Нестеровы дѣти Матюшка, да Васка, да Степанько, да Дорошька. „Дѣлаютъ укладъ и желѣзо“.

---

[1] О промыслахъ и занятіяхъ взято изъ Строельныхъ книгъ Игнатьева 1649 г.

11. Позняковъ Тимошка, Михаиловъ сынъ, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ в кузницахъ укладъ".
12. Салеховъ Титко, Игнатовъ сынъ, съ дѣтьми и съ племянниками Елизаровыми. „Дѣлаетъ в кузнице".
13. Мозура (Мазура) Власко, Алексѣевъ сынъ, съ сыномъ Елистраткою. „Дѣлаютъ кузничное и орѣхи торгуютъ".
14. Свѣчникъ Акинфейко Ильинъ сынъ, съ дѣтьми. „Дѣти работаютъ в кузницахъ и рыбу свежую на продажу ловятъ и торгуютъ".
15. Ильинъ Полуетка (Полунка), съ дѣтьми. „Дѣлаютъ портное",
16. Стуковъ Жданко, Федоровъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуетъ отъѣзжимъ большимъ торгомъ всякими товары; у нево анбаръ кладной".
17. Кнутовъ Илейка Харламовъ сынъ съ сыномъ „Торгуютъ отъѣзжимъ торгомъ всякими товары і в кузнице делаютъ".
18. Кнутовъ Микитка Ильинъ сынъ.
19. Васильевъ Евдокимко, съ дѣтьми. „Дѣлаетъ кузнешное дѣло".
20. Орѣховъ Мартинко Яковлевъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуетъ в наемной лавкѣ москотилнымъ товаромъ".
21. Курбатовъ Гришка Панфиловъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуютъ отъездомъ всякими товары".
22. Чашкинъ Дениско Остафьевъ сынъ, съ братьями. „Торгуютъ отъездомъ и мясничеютъ".
23. Ивакинъ Карпикъ, Ивановъ сынъ, съ сыномъ. „Торгуютъ укладомъ і в кузнице дѣлаютъ".
24. Позняковъ Афонка Михаиловъ сынъ (Шитикъ онъ же по Строельн. кн. Игнатьева), съ дѣтьти. „Дѣлаютъ укладъ".
25. Ивакинъ Гаврилко Мокѣевъ сынъ, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ всѣ укладъ в своихъ кузницахъ і в отвозъ возятъ".
26. Курбатовъ Панфилко Васильевъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгу у нихъ: ростятъ солодъ и всякими товары торгуютъ в своей лавкѣ".
27. Путохинъ Ивашко Дѣевъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуютъ в дву лавкахъ в рыбномъ да в мясномъ ряду всякими товары".
28. Микитинъ Васка Дмитреевъ сынъ съ дѣтьми. „Торгуетъ на столе всякими семены, росадою, и огуречными, и гречишними, и хлѣбы печетъ".

62. Кириловъ Осипко Матвѣевъ сынъ, съ сыномъ. „Дѣлаютъ горшки на продажу“.
63. Ивановъ сынъ Павликъ, плотникъ, съ сыномъ съ Ивашкою. „Оприче плотничья иного промыслу нету“.
64. Нефедко Ивановъ (у Игнатьева — Романовъ), съ сыномъ. „Извозничаютъ“.
65. Чекалка прозвище, Степанко Харитоновъ сынъ. „Дѣлаетъ горшки на продажу“.
66. Лобанъ прозвище, Мишка Левонтьевъ сынъ. „Рыбникъ и горшки дѣлаетъ“.
67. Михаиловъ сынъ Савка, съ сыномъ, каменьщикъ. „Плотничаютъ и каменное дело дѣлаютъ“.
68. Русиновъ Васка, Ивановъ сынъ, съ двоюроднымъ братомъ. „Дѣлаетъ горшки“.
69. Филимоновъ Матюшка, съ братомъ. „Дѣлаютъ горшки і вряду сидятъ з горшками“.
70. Костянтиновъ Якушко Яковлевъ сынъ. „Роститъ солодъ и продаетъ в своей лавке“.
71. Яковлевъ Афонка, съ братомъ. „Дѣлаютъ горшки“.
72. Григорьевъ Ерофѣйко, съ сыномъ. „Дѣлаютъ горшки и продаютъ в своей лавке“.
73. Ермоловъ сынъ Федка, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ горшки и извозничаютъ“.
74. Бѣлкинъ Ивашко Аксеновъ сынъ, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ портное“.
75. Терентьевъ Ермолко. „Дѣлаетъ горшки и продаетъ в своей лавке“.
76. Заворотищевъ Мишка Терентьевъ сынъ. „Дѣлаетъ горшки и свежею рыбою торгуетъ и кожи скупаетъ“.
77. Ермоловъ Терешка, извощикъ „и походя торгуетъ“.
78. Артемовъ Еутропко, съ дѣтьми. „Дѣлаютъ горшки и извозничаютъ и горшки на торгу продаютъ“.
79. Свинской Ивашко Аѳиногеновъ сынъ.
80. Косьяновъ Герасимко Кондратьевъ сынъ. „Торгуетъ свежею всякою рыбою и к Москве с рыбою ѣздитъ“.
81. Мартакъ прозвище, Мартинко Семеновъ. „Дѣлаетъ въ кузнице укладное дѣло“.

82. Бубновъ Мишка Гавриловъ, съ дѣтьми. „Торгуютъ укладомъ и желѣзомъ, и в лавки сидятъ, и платьемъ, и всякими товары торгуютъ, і в отъѣздъ ѣздютъ".

83. Налобовъ Степанко Антиповъ сынъ, съ братьями. „Делаютъ горшки и продаютъ в своей лавке".

84. Кириловъ Тимошка, „рукавишникъ".

85. Филатовъ Бориско, съ братомъ. „Сапожные мастеры".

86. Колесниковъ Петрушка Кузьминъ сынъ. „Делаетъ кузнечное".

87. Еремѣевъ Андрюшка, съ семьею. „Делаютъ сапожное".

88. Полоняникъ Гришка Васильевъ сынъ. „Билъ челомъ государю, чтобъ ему быть на посаде в тягле. А дѣлаетъ горшки".

89. Росторгуевъ Пахомко Ивановъ сынъ, съ братомъ. „Дѣлаютъ кузнечное дѣло".

90. Полоняникъ Якушко Пахомовъ сынъ, съ сыномъ. „Били челомъ государю словесно, чтобъ имъ велелъ быти на посаде в тягле. Извощики и мелкимъ торгомъ торгуютъ".

91. Полстовалъ Васка Михаиловъ сынъ, съ дѣтьми съ Прохоркомъ да съ Гаврилкомъ. „Прохорко торгуетъ в своей лавкѣ в москотилномъ ряду".

д) Изъ слободки Рывной:

92. Гулшинъ Тараско, прозвище Дружинко, Игнатовъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуетъ железомъ, и медомъ, и животиною, і в одъездъ ездитъ".

93. Гулшинъ Андрюшка Игнатовъ сынъ, съ дѣтьми. „Ростятъ солодъ и в лавки своей торгуетъ в солоденомъ ряду".

94. Гулшинъ Минка Васильевъ сынъ. „Делаетъ в кузнице".

95. Гулшина дети Васильевы Тихонко да Микифорко. „Микифорка дѣлаетъ въ кузнице, а Тихонка торгуетъ всякими товары".

е) Изъ закладчиковъ Пафнутьева монастыря за Нарою:

96. Щукинъ Федка, Ивановъ сынъ, съ зятемъ Селиверсткомъ Филиповымъ. „Федька торгуетъ хлѣбы и калачи, а зять Селиверстко дѣлаетъ кузнечное дѣло".

97. Шемшура прозвище, Анисимко Ипатьевъ сынъ. „Торгуетъ хлѣбы и калачи".

98. Тѣшиловской Гришка Алексѣевъ сынъ, съ братомъ.

лавке москотилнымъ товаромъ". (Дворъ въ острогѣ въ старой Ильинской улицѣ).

156. Сѣриковъ Ивашко Федоровъ сынъ. „Торгуетъ в своихъ лавкахъ солью, и медомъ, и хлѣбомъ". (Дворъ на Воскресенской горѣ).

157. Сѣриковъ Гришка Федоровъ сынъ. „Торгуетъ в своей лавке солью, и медомъ, и хлѣбомъ". (Дворъ тамъ же).

н) Изъ отставленныхъ пушкарей торговые люди:

158. Воротниковъ Сенька Ивановъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуетъ животиною, и кожеми, и саломъ, извозничаетъ". (Дворъ въ Гончарной улицѣ).

159. Арѣховъ Аферко. „Торгуетъ походя кожеми, и рѣшеты, и рогожи, и орѣхи, и селдми, и бочками, и стойками". (Дворъ возлѣ Серпейки).

60. Рыловъ Агапко Ивановъ сынъ. „Торгуетъ селдми, и снетомъ, і вандыши[1] въ наемныхъ лавкахъ". (Дворъ тамъ же).

161. Замятнинъ Ивашко Дмитреевъ сынъ, съ сыномъ. „Торгуетъ солью, и селдми, и рыбою, и медомъ, и укладомъ". (Дворъ выше Ключничья колодезя у Николы Бѣлаго).

162. Екотина дѣти Антипко да Якушко Алексѣевы. „Торгуютъ в своихъ лавкахъ и на полкахъ мясомъ, и кожами, и хлѣбомъ". (Дворъ тамъ же).

163. Воробьевы Сенька, да Давыдко, да Юрка, Семеновы дѣти. „Торгуютъ в своихъ лавкахъ мясомъ, и животиною, и селдми, и рыбою, и в отъѣздъ ѣздятъ". (Два двора тамъ же).

164. Воробьевъ Афонка Михаиловъ сынъ, съ сыномъ. „Торгуютъ в своей лавки мясомъ, и животиною, и кожеми, и рыбою, і всякими товары". (Дворъ тамъ же).

165. Губаревъ Панька Филатовъ сынъ. „Торгуетъ в наемной лавке москотилнымъ товаромъ".

о) По сыску изъ деревень посадскіе люди, сходившіе отъ налоговъ:

166. Устиновъ Аѳонька Юрьевъ сынъ. „Дѣлаетъ кожевное".

167. Огулшинъ Дѣйко Остафьевъ сынъ. „Извозничаетъ."

---

1 Вандыши — мелкая рыба въ родѣ снѣтковъ.

ссыпнымъ хлѣбомъ и в отвозъ съ мукою ѣздитъ". (Дворъ тамъ же).

144. Замараевъ Федка Трифоновъ сынъ, съ дѣтьми. „Извозничаетъ и харчи держитъ". (Дворъ тамъ же, у Фрола и Лавра).

145. Подкопай Гаврилко Поминовъ сынъ. „Торгуетъ пшеницею и муку в отвозъ возитъ и всякими мѣлкими торгуетъ". (Дворъ по Серпейкѣ вверхъ).

146. Филиповъ сынъ Родка з братомъ, сапожникъ. „Дѣлаетъ сапоги". (Дворъ въ Острогѣ близко Спаса).

147. Михаиловъ сынъ Гаврилко, кузнецъ. „Дѣлаетъ в кузницахъ кузничное дѣло и торгуетъ разными товары". (Дворъ тамъ же, близъ „торговыхъ харчевенъ").

148. Бородинъ Васка Гавриловъ сынъ. „Дѣлаетъ въ кузницахъ кузнечное дѣло". (Дворъ за Нарою).

м) Изъ пушкарскихъ дѣтей:

149. Трофимовъ Ивашко. „Торгуетъ в своихъ трехъ лавкахъ: в одной торгуетъ москотильемъ, в другой солью и рыбою, третей анбаръ соляной кладной".

150. Софоновъ Митрофанко Малафѣевъ сынъ. „Торгуетъ в трехъ лавкахъ москотильемъ, и ссыпнымъ хлѣбомъ, и кожеми, и солью, и медомъ, и роститъ солодъ, и тарги откупаеть". (Дворъ на Воскресенской горѣ).

151. Шапошниковъ Устинко Ермоловъ сынъ. „Торгуетъ в своей лавке москотильнымъ товаромъ". (Дворъ у Николы Чудотворца „каменные церкви").

152. Щеголихинъ Гаврилко Васильевъ сынъ. „Дѣлаетъ сапоги и торгуетъ сапоги в своей лавке". (Дворъ на Никольской улицѣ).

153. Клюевъ Зотко Карповъ сынъ. „Кормитца мелкимъ торгомъ и соль мелѣтъ въ лавкахъ". (Дворъ за острогомъ въ старой Ильинской улицѣ).

154. Шапошниковъ Юрка Мироновъ сынъ. „Торгуетъ в своей лавке москотилнымъ товаромъ в трети, что досталось на дѣлу у своей братьи отцовское благословеніе на хресце в москотильной и в хлѣбной рядъ". (Дворъ тамъ же).

155. Шапочниковъ Демка Мироновъ сынъ. „Торгуетъ в своей

лавке москотилнымъ товаромъ". (Дворъ въ острогѣ въ старой Ильинской улицѣ).

156. Сѣриковъ Ивашко Федоровъ сынъ. „Торгуетъ в своихъ лавкахъ солью, и медомъ, и хлѣбомъ". (Дворъ на Воскресенской горѣ).

157. Сѣриковъ Гришка Федоровъ сынъ. „Торгуетъ в своей лавке солью, и медомъ, и хлѣбомъ". (Дворъ тамъ же).

н) Изъ отставленныхъ пушкарей торговые люди:

158. Воротниковъ Сенька Ивановъ сынъ, съ дѣтьми. „Торгуетъ животиною, и кожеми, и саломъ, извозничаетъ". (Дворъ въ Гончарной улицѣ).

159. Арѣховъ Аферко. „Торгуетъ походя кожеми, и рѣшеты, и рогожи, и орѣхи, и селдми, и бочками, и стойками". (Дворъ возлѣ Серпейки).

60. Рыловъ Агапко Ивановъ сынъ. „Торгуетъ селдми, и снетомъ, і вандыши[1] въ наемныхъ лавкахъ". (Дворъ тамъ же).

161. Замятнинъ Ивашко Дмитреевъ сынъ, съ сыномъ. „Торгуетъ солью, и селдми, и рыбою, и медомъ, и укладомъ". (Дворъ выше Ключничья колодезя у Николы Бѣлаго).

162. Екотина дѣти Антипко да Якушко Алексѣевы. „Торгуютъ в своихъ лавкахъ и на полкахъ мясомъ, и кожами, и хлѣбомъ". (Дворъ тамъ же).

163. Воробьевы Сенька, да Давыдко, да Юрка, Семеновы дѣти. „Торгуютъ в своихъ лавкахъ мясомъ, и животиною, и селдми, и рыбою, и в отъѣздъ ѣздятъ". (Два двора тамъ же).

164. Воробьевъ Афонка Михаиловъ сынъ, съ сыномъ. „Торгуютъ в своей лавки мясомъ, и животиною, и кожеми, и рыбою, і всякими товары". (Дворъ тамъ же).

165. Губаревъ Панька Филатовъ сынъ. „Торгуетъ в наемной лавке москотилнымъ товаромъ".

о) По сыску изъ деревень посадскіе люди, сходившіе отъ налоговъ:

166. Устиновъ Аѳонька Юрьевъ сынъ. „Дѣлаетъ кожевное".

167. Огулшинъ Дѣйко Остафьевъ сынъ. „Извозничаетъ."

---

[1] Вандыши — мелкая рыба въ родѣ снѣтковъ.

168. Мыльниковъ Архипко Юрьевъ сынъ. „Дѣлаетъ горшки и кирпичи".
169. Ситниковъ Исайко Федоровъ сынъ, извощикъ и „походя торгуетъ".

п) Разные люди:

170. Шахворостовъ Ивашко Савельевъ сынъ. „Извощикъ".
171. Наливаевъ Дейка Ларіоновъ сынъ, съ пріемышемъ. „Ростятъ солодъ и извозничаютъ".
172. Овдокимовъ Петрушка. (Дворы всѣхъ троихъ на Воскресенской горѣ).
173. Минаевъ сынъ Ивашко съ дѣтьми. (Дворъ тамъ же).
174. Татаринъ Власко Анкидиновъ сынъ, торговый человѣкъ. „Торгуетъ медомъ и животиною, извозничаетъ всякими товары". (Дворъ близъ Николы Бѣлаго).

IV.

Списокъ серпуховичей посадскихъ людей по дворамъ по переписи Григорія Сунбулова и подъячаго Андрея Юрьева 1678 г.

а) За Нарою, начиная съ Деревеньки, въ слободахъ и на Остромъ концѣ у Пятницы:

1. Несмеяновъ Гришка Матвѣевъ сынъ, дѣтей: Ивашка 15 л.[1]
2. Нехорошевъ Карпушка Костентиновъ сынъ, у него пріемышъ Мишка Юрьевъ нижегородецъ.
3. Яковлевъ Елфимко, дѣтей: Данилка 10 л., Кондрашка 8 л., Ивашка полугоду.
4. *Росторгуевъ*[2] Гаврилка Ивановъ сынъ, дѣтей: Ивашка, Тараска 15 л. (мѣщ.).
5. *Еринъ* Серешка Тимофѣевъ сынъ (купеч. и мѣщ.).

---

[1] Цифра предъ фамиліею означаетъ нумерацію дворовъ, л. — лѣта.

[2] Курсивомъ напечатаны фамиліи, существующія и въ настоящее время въ Серпуховѣ, при чемъ въ скобкахъ дается указаніе на сословіе. Разумѣется, вновь привившіяся, какъ позднѣйшаго происхожденія, не напечатаны курсивомъ.

6. Яковлевъ сынъ Трофимко, дѣтей: Афонка, Фетка 8 л. Тимошка 2 л.
7. *Еринъ* Абрашка Тимофѣевъ сынъ, дѣтей: Микишка 12 л. Трофимко 9 л. Васка 2 л. (куп. и мѣщ.).
8. *Аноповъ* Гришка Евтропьевъ сынъ, дѣтей: Фетка, Стенка 13 л. Васка 9 л. Гришка 6 л. (мѣщанск.).
9. *Полякъ* Филка Семеновъ сынъ, дѣтей: Аверчка 10 л. Титка 5 л. Филка. (Поляковы въ настоящее время, мѣщан.).
10. Струковъ Сидорка Дмитрѣевъ сынъ, дѣтей: Петрушка 15 л. Бориско 6 л.
11. Нехорошевъ Микулка Костентиновъ сынъ, дѣтей: Мишка, Алешка 14 л. Андрюшка 12 л. Акимко году.
12. Подставкинъ Гришка Матвѣевъ сынъ.
13. Сарокинъ Сенка Алексѣевъ сынъ, дѣтей: Ивашка 10 л. Ларка 6 л. Петрушка 4 л.
14. Сарокинъ Левка Алексѣевъ сынъ.
15. *Воронинъ* Ивашка Васильевъ сынъ, братья: Алешка, Фетка 15 л. (поч. гражд., купцы и мѣщ.).
16. *Воронинъ* Ѳомка Левонтьевъ сынъ, дѣтей: Микишка, Дениска 10 л. Фетка 4 л. (поч. гражд. куп. и мѣщ.).
17. *Толстухинъ* Обакумка Ивановъ сынъ (мѣщ.).
18. *Еринъ* Парфенка Андрѣевъ сынъ, дѣтей: Фетка, Марчка, Ивашка, Пронка 13 л. Алешка 8 л. (куп. и мѣщ.).
19. *Толстухинъ* Ивашка Ивановъ сынъ, у „него братъ Еѳтюшка, живетъ себѣ избою“, у Ивашки дѣтей: Паршикъ, Карпушка, Фетка 6 л. Петрушка 3 л. (мѣщ.).
20. *Перешивкинъ* Ивашка Епифановъ сынъ, дѣтей: Ивашка 6 л. Алешка 4 л. Митка полутора году. (куп. и мѣщ.).
21. Аристовъ Симонка, дѣтей: Фетка.
22. Бердунова вдова Степанитка Матвѣевская жена, дѣтей: Фетиска.
23. Корюковъ Ивашка Ивановъ сынъ, дѣтей: Гаврилка, Ивашка, Левка, Андрюшка 15 л. Лукашка 11 л.
24. Корюковъ Микитка Ивановъ сынъ, дѣтей: Ивашко 8 л.
25. *Галкинъ* Кондрашка Ивановъ сынъ, дѣтей: Аѳонка 3 л. Ивашка 10 недѣль (мѣщ.).
26. Фалинъ Пронка Емельяновъ сынъ, дѣтей: Степка, Семіонка,

27. *Инатовъ* Микулка Θедоровъ сынъ, дѣтей: Фочка 12 л. (поч. гражд.).
28. *Галкинъ* Ивашка Еремѣевъ сынъ, дѣтей: Мишка, Алешка 15 л. (мѣщан.).
29. Кириловъ Андрюшка, „прихожей человѣкъ".
30. Раковъ Фатка Емельяновъ сынъ, дѣтей: Левка, Федка 5 л.
31. *Поповъ* Куска Мартьяновъ сынъ, дѣтей: Елисейка 10 л. Ивашка, Гришка 8 л. „Ивашкаж полутора году" (мѣщ.).
32. Семеновъ Володка, дѣтей: Якушка, Ивашка да Ивашка меньшой 14 л.
33. *Кирпичевъ* Гришка Леонтьевъ сынъ (мѣщ.).
34. *Толстухинъ* Степка Васильевъ сынъ (мѣщ.).
35. Овчинниковъ Ивашко Фроловъ сынъ, дѣтей: Ивашка, Андреянко 15 л. Елисѣйка 5 л.
36. *Байбаковъ* Тимошка Трифановъ сынъ, дѣтей Васка (мѣщ.).
37. *Байбаковъ* Ивашка Васильевъ сынъ, дѣтей: Ларка, Микитка 12 л. Куска 10 л. Петрушка 2 л. (мѣщ.).
38. Рычаговъ Пашка Кузьминъ сынъ, дѣтей: Васка 11 л. Семiонка 8 л. Серешка полугода.
39. Сереберцовъ Трофимка Тимофѣевъ сынъ, дѣтей: Алешка.
40. *Киръпичева* вдова Дарица, Обрамовьская жена, дѣтей: Ивашка 15 л. Васка 8 л. Микишка 5 л. (мѣщ.).
41. *Бердоносовъ* Левка Екимовъ сынъ, дѣтей: Савка 15 л. Якушка 9 л. (купеч.).
42. *Крашенинниковъ* Бориско Савельевъ сынъ (мѣщ.).
43. Ксугаревъ Ивашка Ефимовъ сынъ.
44. *Зѣнинъ* Поликарпко Карниловъ сынъ, дѣтей: Оска, Якушка 14 л. Гришка 6 л. Ивашка 3 л. (мѣщ.).
45. *Кочатковъ* Артемка Ивановъ сынъ, дѣтей: Якушка 14 л. Фетка 10 л. Андрюшка 5 л. Илюшка 2 лѣтъ (мѣщ.).
46. Зотовъ сынъ Степка, сапожникъ, дѣтей: Аничка, Ивашка, Обрашка 14 л. Максимка 10 л. Тараска 8 л
47. *Зѣнинъ* Сенка Карниловъ сынъ, дѣтей: Петрушка, Матюшка, Ефтюшка 12 л. Алешка 8 л. Микитка 4 л. Фетка 2 лѣтъ (мѣщ.).
48. *Кочатковъ* Ивашка Нестеровъ сынъ, дѣтей: Аничка, Илейка 14 л. (мѣщ.)

49. *Кочатковъ* Кирюшка Павловъ сынъ, дѣтей: Фетка 6 л. Андрюшка 2 л. (мѣщ.).
50. *Седелниковъ* Ѳетиска Сафоновъ сынъ, дѣтей: Алешка, Ларка, Степка 12 л. Тимошка 10 л. Власка 7 л. Алешка 5 л. Ивашка году (мѣщ.).
51. *Зѣнинъ* Васка Ивановъ сынъ (мѣщ.).
52. *Седелниковъ* Понкрашка Сафоновъ сынъ, дѣтей: Петрушка 13 л. Прошка 4 л. (мѣщ.).
53. *Зѣнинъ* Максимка Ивановъ сынъ, дѣтей: Данилка 12 л. Сидорко 6 л. (мѣщ.).
54. *Щанковъ* Васка Леонтьевъ сынъ, дѣтей: Васка, Артюшка (куп. и мѣщ.).
55. *Черныхъ*[1] Карнилка Григорьевъ сынъ, дѣтей: Данилка (поч. гражд. и мѣщ.).
56. *Черныхъ* Филка Ивановъ сынъ, дѣтей: Ивашка, Понкрашка, Еѳтюшка 13 л. Петрушка 3 л. (поч. гражд. и мѣщ.).
57. *Соловьевъ* Лазарка Ѳедоровъ сынъ, дѣтей: Ивашка 10 л. Митка 7 л. Бориска 4 л. (мѣщ.).
58. *Соловьевъ* Васка Яковлевъ сынъ, дѣтей: Гаврилка 10 л. (мѣщ.).
59. *Щенковъ* Гришка Терентьевъ сынъ (куп. и мѣщ.).
60. Трегубаевъ Сенка Ивановъ сынъ, дѣтей: Прохорка полугоду.
61. *Кочатковъ* Исайко Павловъ сынъ, дѣтей: Ивашка, Максимка 8 л. Понкрашка 4 л. Демка 2 л. (мѣщ.).
62. *Щенковъ* Ивашка Терентьевъ сынъ, дѣтей: Андронко 13 л. Левка году (куп. и мѣщ.).
63. Сивохинъ Ивашка Іевлевъ сынъ, дѣтей: Савка 2 л.
64. *Крашенинниковъ* Оска Селиверстовъ сынъ, дѣтей: Степка, Петрушка, Фетка, Пашка 12 л. Ивашка 11, Якушка 8 л. (мѣщ.).
65. Семеновъ сынъ Тимошка, сапожникъ, дѣтей: Евдокимка 10 л. Игнатка полутора года.
66. *Щенковъ* Купреянка Парѳеньевъ сынъ, дѣтей: Степка 4 л. (куп. и мѣщ.).
67. Макѣевъ сынъ Феногенка, калачникъ, дѣтей: Филимошка, Петрушка 12 л. Аношка 8 л. Емелка 5 л.

---

[1] Во времена Фунткова Черныхъ именовались, какъ и теперь, Черновыми.

68. *Крашенинниковъ* Ивашка Аникіевъ сынъ, дѣтей: Ивашка, Алешка, Игнашка 13 л. Артемка 10 л. (мѣщ.).
69. *Черныхъ* Куска Борисовъ сынъ, дѣтей: Митка, Максимка 9 л. Елисѣйка 4 л. (поч. граж. и мѣщ.)
70. *Черныхъ* Гараска Борисовъ сынъ (поч. граж. и мѣщ.).
71. *Зубовъ* Антошка Минаевъ сынъ, дѣтей: Левка 4 л. (мѣщ.).
72. *Крашенинниковъ* Петрушка Осиповъ сынъ, дѣтей: Филимошка, Алешка 10 л. Артемка 8 л. Ивашка 5 л. (мѣщ.).
73. Булгаковъ Титка Родіоновъ сынъ, дѣтей: Тимошка.
74. Федоровъ сынъ Масѣйка, калачникъ, дѣтей: Сенка, Петрушка 12 л. Елисейка 8 л. Ивашка 6 л. Максимка 4 л. Петрушка году.
75. *Остановъ* Микитка Павловъ сынъ, дѣтей: Васка 15 л. Васкажъ меншой 3 л. (куп. и мѣщ.).
76. Филиповъ Гаврилка Ивановъ сынъ, дѣтей: Демитка 5 л.
77. Филиповъ Гришка Федоровъ сынъ (мѣщ.).
78. *Полякъ* Аѳонко Яковлевъ сынъ, дѣтей: Микишка 14 л. Ивашка 9 л. Оска 5 л. (Поляковы, мѣщ.).
79. Баченекъ Тимошка Мартыновъ сынъ, дѣтей: Лазутка 4 л.
80. Филиповъ сынъ Евдокимка.
81. *Крымовъ* Ивашка Захаровъ сынъ, дѣтей: Филька 8 л. Кондрашка полутора году (куп. и мѣщ.).
82. Микитинъ Макѣйка Полякъ съ братомъ Еремкой.
83. *Телепневъ* Ивашка Еремѣевъ сынъ, дѣтей: Алешка 5 л. (мѣщ. и куп.).
84. *Седелниковъ* Фомка Софоновъ сынъ (мѣщ.).
85. *Зенинъ* Федка Зиновьевъ сынъ, дѣтей: Митка 3 л. (мѣщ.).
86. Степановъ сынъ Акатейка, „котелникъ", дѣтей: Гришка, Демка 12 л.
87. Усова вдова Степанидка Евстафьевская жена, дѣтей: Ивашка.
88. Анисимовъ сынъ Максимка, „салодовникъ" (Солодовниковы мѣщ.).
89. Семеновъ сынъ Савостька, калачникъ, дѣтей: Ларка 11 л.
90. Щукинъ Володимерка Селивановъ сынъ.
91. *Шемшуринъ* Демидка Денисовъ сынъ, дѣтей: Пашка 11 л. Анфиногенка 9 л. (мѣщ.).
92. *Костентиновъ* Якушко Яковлевъ сынъ, дѣтей: Микишка,

Ивашка 16 л. Аниска 14 л. Максимка 13 л. Степка 11 л. Фирьсанька 10 л. Сенька 8 л. Костька 7 л. Тришка 5 л. Петрушка 3 л. (мѣщ.).

93. *Постоваловъ* Евсевейко Клеменовъ сынъ, дѣтей: Мишка, Якушька, Гаврилка, Алешка 12 л. (мѣщ.).

94. Трофимовъ Федотька, дѣтей: Ивашка 2 л.

95. *Шеляковъ* Васка Кириловъ сынъ, дѣтей: Семіонька 2 л. Ларка полугода (куп. и мѣщ.).

96. *Бучининъ* Алешка Ивановъ сынъ (Бучилины мѣщ.).

97. *Остаповъ* Ивашко Перфильевъ сынъ, дѣтей: Федка 12 л. Мишка 9 л. (куп. и мѣщ.).

98. *Остаповъ* Обрамко Алексѣевъ сынъ, дѣтей: Алешка, Фетка 12 л. Алешкажъ, Ивашка 10 л. Прошка 5 л. Аѳонка 4 л. Гришка 6 недѣль (куп. и мѣщ.).

99. *Остаповъ* Фирско Павловъ сынъ (куп. и мѣщ.).

100. *Остаповъ* Дмитрейко Павловъ сынъ (куп. и мѣщ.).

101. *Постоваловъ* Анъдрюшько Юрьевъ сынъ, дѣтей: Ивашко 4 л. (мѣщан.).

102. Шарь Гришка Гавриловъ сынъ, дѣтей: Антипко, Аѳонка, Степка 10 л.

103. Булгакова вдова Дунька, Ларіоновская жена, дѣтей: Куська, Ивашко, Филка 8 л. Ивашько меншой 6 л.

104. Бизюкинъ Дмитрейко Дементьевъ сынъ, дѣтей: Васка 7 л. Фетька полутора года.

105. Филиповъ Тимошка Ивановъ сынъ.

106. Овчинникова вдова Ненилка, Васильевская жена.

107. Воробьевъ Акиньѳейко Федотовъ сынъ, дѣтей: Ивашко 3 л.

108. *Полякъ* Ивашко Ивановъ сынъ. (Поляковы, мѣщ.).

109. Васильевъ сынъ Савостька, кузнецъ, дѣтей: Никонка 12 л. Якушко 9 л. Ивашко 6 л. Андрюшко 10 недѣль.

110. *Поповъ* Мартинко Тихоновъ сынъ, дѣтей: Гришка, Андрюшко 5 л. Гаврилко полугоду (мѣщ.).

111. *Игнатовъ* Микитько Петровъ сынъ, дѣтей: Ивашко 10 л. Петрушка 8 л. Микитка 4 л. Ивашко полугоду (поч. граж.).

112. *Коноваловъ* Терещка Ильинъ сынъ, дѣтей: Лазутька 6 л. (мѣщ.).

113. Ивановъ сынъ Анисимько, масленикъ, дѣтей: Ивашко 14 л.

114. *Ежиковъ* Якушко Васильевъ сынъ (мѣщ.).

115. Тарасовъ сынъ Савостька, калачникъ, дѣтей: Федотко 11 л. Демитко 6 л.
116. *Ежиковъ* Ивашько Васильевъ сынъ, дѣтей: Якушько 3 л. Гришка году (мѣщ.).
117. Сополкинъ Ефтюшка Андрѣевъ сынъ, кузнецъ, дѣтей: Ивашко 10 л. Автамошка полугоду,

б) въ острогѣ:

118. *Ежиковъ* Степка Митрофановъ сынъ, дѣтей: Митрошка 10 л. Мишка 8 л. Алешка 4 л. (мѣщ.).
119. Анбаръ Ларка Дмитреевъ сынъ, дѣтей: Митка, Ерошка, Гараска 8 л.
120. *Коншинъ* Гришка Ѳедоровъ сынъ, дѣтей: Тимошка, Васка, Гришка 15 л.[1] (почет. гражд.).
121. Стареченинъ Мартынко Гавриловъ сынъ, дѣтей: Артюшка, Васка, Авдюшъка, Кондрашка 9 л.
122. Крупеникова вдова Прасъковьица Ферапонтовская жена „у неѣ племянникъ Ивашка Ивановъ сынъ Збитневъ".
123. *Маслениковъ* Ерошка Степановъ сынъ, дѣтей: Лучка, Петрушка, Васка, Ларка 11 л. Алешка 13 л. Петрушка 8 л. (куп. и мѣщ.).
124. Хотунецъ Якушка Макѣевъ сынъ, дѣтей: Марчка 14 л. Серешка 11 л. Васка 3 л.
125. Бочаръ Сидорко Фроловъ сынъ, дѣтей: Прошка, Логвинка, Евтюшка 13 л. Силка 11 л. Ермошка 9 л. Тихонко 6 л.
126. Шупкинъ Максимка Осиповъ сынъ, дѣтей: Гришка 10 л. Евтюшка 2 л.
127. Немой Тимошка Ивановъ сынъ[2].
128. *Квасниковъ* Анофрейко Ульяновъ сынъ, дѣтей: Микишка 10 л. Сидорко 8 л. (мѣщане).
129. *Квасниковъ* Гурейко Прокофьевъ сынъ, дѣтей: Ивашко 12 л. Карпушка 10 л. (мѣщ.).
130. *Квасникова* вдова Крестиница, Прокофьевская жена, дѣтей: Пе-

---

[1] У Тимошки дѣтей: Тимошка 11 л. Ерошка 7 л.

[2] „Живетъ на церковной землѣ у Фроловского попа".

173. *Глазуновъ* Данилко Архиповъ сынъ, дѣтей: Лаврушка полутора году (мѣщ.).
174. Сапалинковъ Антипко Юрьевъ сынъ, дѣтей: Митка 15 л. Васко 10 л. Емельянко 8 л. Сенко[1] 7 л.
175. *Маслениковъ* Коняшко Ивановъ сынъ (куп. и мѣщ.).
176. Наливаевъ Васка Ларіоновъ сынъ, дѣтей: Пѣтрушко[2].
177. Титова вдова Василисица, Емельяновская жена, дѣтей: Федка 11 л.[3].
178. Устиновъ Левко, дѣтей: Игнашко 8 л. Гришко 6 л.
179. Кузминъ сынъ Артюшко, серебреникъ, дѣтей: Тришка 10 л. Сенка полутретья году.
180. Кондратьевъ сынъ Осташко, портной мастеръ, дѣтей: Андрюшко, Петрушко 13 л. Афонка 8 л. Сенка 6 л.
181. Сергѣевъ сынъ Калинка.
182. *Мясникова* вдова Марфица, Сидоровская жена, дѣтей: Алешка, Васка 13 л. (куп. и мѣщ.).
183. *Мясниковъ* Васка Григорьевъ сынъ (куп. и мѣщ.).
184. *Мясниковъ* Митка Григорьевъ сынъ, дѣтей: Гришка, Васко (куп. и мѣщ.).
185. *Мясниковъ* Мирошка Ивановъ сынъ, дѣтей: Мартинька, Алферька, Андрюшка 13 л. Петрушко 9 л. Лукашко 5 л. (куп. и мѣщ.)
186. Киселевъ Алешка Григорьевъ сынъ, дѣтей: Васко 10 л. Ивашко 6 л. (мѣщ.).
187. Наливаевъ Демко Ларіоновъ сынъ.
188. Акинфеева вдова Котеринка, Федоровская жена, дѣтей: Сенка, Оска 10 л. Гришко 2 л.
189. Ермолаевъ сынъ Гараска, сапожникъ.
190. Романовъ сынъ Ивашко, дѣтей: Федка 5 л. Микишка году.
191. Агафоновъ Гаврилка, дѣтей: Игнашка, Пашка 12 л. Азарко 9 л. Ларка 6 л.
192. *Щербининъ* Якушко Ивановъ сынъ, дѣтей: Куска, Сенка, Ивашко 15 л. Ивашкож 8 л. Петрушко 5 л. Ивашко 3 л. (мѣщан.).

---

[1] „Очми слѣпъ“.

[2] „Увѣченъ горбатъ“.

[3] „У неѣ ж зять полякъ“.

в) за острогомъ въ Троицкой слободѣ:

151. *Колесниковъ* Прошка Нефедовъ сынъ, дѣтей: Демка 11 л. Алешка 8 л. (мѣщ.).
152. *Крымовъ* Васка Агафоновъ сынъ, дѣтей: Федотка 12 л. Куска 9 л. Микишка 3 л. (куп. и мѣщ.).
153. *Ждановъ* Ивашка Власовъ сынъ, дѣтей: Архипка 7 л. Аничка 5 л. (мѣщ.).
154. Замораевъ Мартинка Федоровъ сынъ, дѣтей: Елистратко 14 л. Данилка 5 л.
155. Хотунецъ Харламка Анцыфоровъ сынъ.
156. *Боровлевъ* Андрюшка Петровъ сынъ (мѣщан.).
157. *Лозуновъ* Тимошка Петровъ сынъ, дѣтей: Мирошка, Титка (теперь Лизгуновы мѣщ.).
158. Киселниковъ Куска Володимеровъ сынъ, дѣтей: Гришка 13 л. Ивашка 10 л. Пашка 4 л. Ивашка 2 л.
159. *Плотниковъ* Микишка Микифоровъ сынъ, дѣтей: Андрюшка, Сенка 9 л. Алешка полтора года (поч. граж., куп. и мѣщ.).
160. *Крымовъ* Петрушка Захаровъ сынъ (куп. и мѣщ.).
161. Елизаровъ Якушка Петровъ сынъ, дѣтей: Терешка, Нефетька 12 л.
162. Елизаровъ Мишка Яковлевъ сынъ, дѣтей: Силка 4 л.
163. Неклюдова вдова Федорица Сафоновская жена, дѣтей: Понкрашка, Гараска.
164. *Перешивкинъ* Максимка Осиповъ сынъ, дѣтей: Митка, Оска, Левка 14 л. (куп. и мѣщ.).
165. *Чиркинъ* Федотка Ивановъ сынъ, дѣтей: Ивашка, Степка, Калинка (мѣщ.).
166. *Улитинъ* Ерошка Ивановъ сынъ, дѣтей: Лаврушка 6 л. Савка году (куп. и мѣщ.).
167. Максимовъ сынъ Макарка Крашенинникъ, дѣтей: Терешка.
168. *Чиркинъ* Самошка Олферовъ сынъ, дѣтей: Понкрашка 10 л. Харлашка 7 л. (мѣщ.).
169. Ѳоминъ сынъ Илюшка, коновалъ, дѣтей: Матюшка.
170. Жихоревъ Гараска Ефимовъ сынъ, дѣтей: Лазарка.
171. Немова Савка Ивановъ сынъ.
172. *Маслениковъ* Антипка Нефедовъ сынъ (куп. и мѣщ.).

216. *Заикинъ* Алешко Тимоѳѣевъ сынъ (мѣщ.).
217. Семеновъ сынъ Евдокимко, хромой, дѣтей: Трофимка полутора году.
218. Аксеновъ Ивашко, дѣтей: Прошка.
219. *Татаринъ* Микитка Григорьевъ сынъ (Татариновы мѣщ.).
220. Кишкинъ Сенка Васильевъ сынъ.
221. Кишкинъ Тимошка Васильевъ сынъ.
222. *Перешивкинъ* Макушка Епифановъ сынъ, дѣтей: Волотка 2 л. (куп. и мѣщ.)
223. Дрыкъ Ивашка Евментьевъ сынъ, дѣтей: Ивашко 7 л.
224. Тулянкинъ Мартинко Тимофѣевъ сынъ, дѣтей: Веденька 15 л. Трошка 12 л. Максимко 10 л. Ивашко 6 л. Коняшко 4 л. Матюшко.
225. Стуковъ Гришко Тихоновъ сынъ, дѣтей: Савка 8 л. Аѳонка году.
226. Стуковъ Прошка Тихановъ сынъ, дѣтей: Яшушко 15 л. Лаврушка 8 л. Ивашко 5 л. Демка 2 л.
227. Стуковъ Гаврилко Крисановъ сынъ, дѣтей: Сенка 4 л.
228. *Турицынъ* Ивашко Васильевъ сынъ, дѣтей: Осѣйка 15 л. Ивашько 8 л. Филка 2 л. (мѣщ.).
229. *Турицынъ* Якушко Ивановъ сынъ, дѣтей: Прошка (мѣщ.).
230. *Костянтиновъ* сынъ Акимко солодовникъ, дѣтей: Ивашко, Игнашко 11 л. Васко 10 л. (Константиновы мѣщ.).
231. *Леженинъ* Лунка Фоминъ сынъ, дѣтей: Федка, Карпушко, Якушко 10 л. Ивашко 5 л. (куп. и мѣщ.).
232. *Турицынъ* Іевко Яковлевъ сынъ, дѣтей: Аѳонка Болшой, Аѳонка Меншой, Мартинка 10 л. (мѣщ.).
233. Салеховъ Матюшка Нѣстеровъ сынъ, дѣтей: Фетиска 15 л. Аѳонка 5 л.
234. *Ивакинъ* Мартинка Ефимовъ сынъ, дѣтей: Гаврилко, Васко 13 л. Митка 7 л. (поч. граж. и купеч.).
235. Карабкова вдова Акулинка, Семеновская жена, дѣтей: Оска, Авдюшка, Гришка 13 л.
236. *Колесниковъ* Ефимко Нефедовъ сынъ, дѣтей: Тимошка году (мѣщан.).
237. *Гулшинъ* Микифорко Васильевъ сынъ, дѣтей: Алешка, Агафонка (мѣщ.).

193. *Щербининъ* Федотка Михаиловъ сынъ, дѣтей: Терешка 14 л. (мѣщан.).
194. *Щербининъ* Володимерко Артемовъ сынъ, дѣтей: Федька. (мѣщ.).
195. Каширской Микашка Алферовъ сынъ, дѣтей: Гришко, Никишка 15 л. Максимко, Ивашко 12 л.
196. Доронинъ Гаврилко Васильевъ сынъ, дѣтей: Сенко, Петрушко 12 л. Тимошка 9 л.
197. Дырова вдова Улитка Кондратьевская жена, дѣтей: Матюшка.
198. Даронинъ Стенка Прохоровъ сынъ, дѣтей: Микитка 8 л.
199. *Кондыринъ* Гришка Павловъ сынъ (мѣщ.).
200. Гайнусовъ Егупко Ивановъ сынъ.
201. Девякинъ Остапко Епифановъ сынъ, дѣтей: Трошка 5 л. Якушко 3 л.
202. Акинфеевъ сынъ Трушка.
203. *Гульщина* вдова Федосица Ивановская жена, дѣтей: Никитка 8 л. Алешка 2 л. Ивашко 10 недѣль (Гульшины мѣщ.).
204. *Гульщинъ* Игнашко Григорьевъ сынъ, дѣтей: Федотко, Карпушко 12 л. Петрушко 3 л. (Гульшины мѣщ.).
205. Матвѣевъ Ивашко, дѣтей: Ивашко, Куска, Бориска, Оска 14 л.
206. Дмитрѣевъ сынъ Купряшка, кузнецъ, дѣтей: Левка, Ивашко, Мишька, Васка 6 л. Максимька 10 недѣль.
207. Водовозовъ Федка Ларіоновъ сынъ, дѣтей: Филка, Фомка.
208. Глазунъ Архипко Ивановъ сынъ, дѣтей: Сидорка 14 л.
209. Щукинъ Федка Евсѣвьевъ сынъ, дѣтей: Кирюшка 8 лѣтъ, Ефимко году.
210. Шкунова вдова Аксютка, Афонасьевская жена, дѣтей: Алешка, Петрушка 9 л.
211. *Плотниковъ* Давыдка Ларіоновъ сынъ (поч. граж. куп. и мѣщ.).
212. Коширской Тимошка Алферовъ сынъ, дѣтей: Сенка 11 л. Моисѣйко 5 л.
213. *Хатунцовъ* Фетиска Гарасимовъ сынъ, дѣтей: Ивашко 2 л. (мѣщ.).
214. *Заикинъ* Микулка Тимофѣевъ сынъ, дѣтей: Стенка, Ивашко, Андрюшко 12 л. Ивашко 9 л. Самсонка 7 л. (мѣщ.).
215. *Заикинъ* Карпушка Тимофѣевъ сынъ, дѣтей: Андрюшка, Ерошка, Мишка 9 л. Емелко 8 л. Тимошка 6 л. Васко 5 л. (мѣщ.).

216. *Заикинъ* Алешко Тимофѣевъ сынъ (мѣщ.).
217. Семеновъ сынъ Евдокимко, хромой, дѣтей: Трофимка полутора году.
218. Аксеновъ Ивашко, дѣтей: Прошка.
219. *Татаринъ* Микитка Григорьевъ сынъ (Татариновы мѣщ.).
220. Кишкинъ Сенка Васильевъ сынъ.
221. Кишкинъ Тимошка Васильевъ сынъ.
222. *Перешивкинъ* Макушка Епифановъ сынъ, дѣтей: Волотка 2 л. (куп. и мѣщ.)
223. Дрыкъ Ивашка Евментьевъ сынъ, дѣтей: Ивашко 7 л.
224. Тулянкинъ Мартинко Тимофѣевъ сынъ, дѣтей: Веденька 15 л. Трошка 12 л. Максимко 10 л. Ивашко 6 л. Коняшко 4 л. Матюшко.
225. Стуковъ Гришко Тихоновъ сынъ, дѣтей: Савка 8 л. Аѳонка году.
226. Стуковъ Прошка Тихановъ сынъ, дѣтей: Яшушко 15 л. Лаврушка 8 л. Ивашко 5 л. Демка 2 л.
227. Стуковъ Гаврилко Крисановъ сынъ, дѣтей: Сенка 4 л.
228. *Турицынъ* Ивашко Васильевъ сынъ, дѣтей: Осѣйка 15 л. Ивашько 8 л. Филка 2 л. (мѣщ.).
229. *Турицынъ* Якушко Ивановъ сынъ, дѣтей: Прошка (мѣщ.).
230. *Костянтиновъ* сынъ Акимко солодовникъ, дѣтей: Ивашко, Игнашко 11 л. Васко 10 л. (Константиновы мѣщ.).
231. *Леженинъ* Лунка Фоминъ сынъ, дѣтей: Федка, Карпушко, Якушко 10 л. Ивашко 5 л. (куп. и мѣщ.).
232. *Турицынъ* Іевко Яковлевъ сынъ, дѣтей: Аѳонка Болшой, Аѳонка Меншой, Мартинка 10 л. (мѣщ.).
233. Салеховъ Матюшка Нѣстеровъ сынъ, дѣтей: Фетиска 15 л. Аѳонка 5 л..
234. *Ивакинъ* Мартинка Ефимовъ сынъ, дѣтей: Гаврилко, Васко 13 л. Митка 7 л. (поч. граж. и купеч.).
235. Карабкова вдова Акулинка, Семеновская жена, дѣтей: Оска, Авдюшка, Гришка 13 л.
236. *Колесниковъ* Ефимко Нефедовъ сынъ, дѣтей: Тимошка году (мѣщан.).
237. *Гулшинъ* Микифорко Васильевъ сынъ, дѣтей: Алешка, Агафонка (мѣщ.).

238. *Новикъ* Ивашка Анцыфаровъ сынъ, дѣтей: Родка 15 л. (Новиковы мѣщ.).
239. Васильевъ Лушпейко, дѣтей: Гараска, Сенка 6 л.
240. *Путохинъ* Авдюшко Григорьевъ сынъ, дѣтей: Митка 2 л. Терешка 10 недѣль (поч. граж.).
241. *Бобровъ* Свиритка Ларіоновъ сынъ, дѣтей: Федотка 7 л. Ромашка полугода (поч. гр. и куп.).
242. *Ивакинъ* Аверкейка Макѣевъ сынъ, дѣтей: Лучка 15 л. (поч. граж. и куп.).
243. *Ивакинъ* Васко Гавриловъ сынъ, дѣтей: Серешка 13 л. Ивашко 2 л. (поч. граж. и куп.).
244. Шитиковъ Ивашко Афонасьевъ сынъ.
245. Шитиковъ Микитка Афонасьевъ сынъ, дѣтей: Пашка 12 л. Харлашка 10 л.
246. Марковъ Алешко, дѣтей: Афонка 6 л.
247. *Земляной* Ивашко Полуехтовъ сынъ, дѣтей: Гришка 6 л. (Земляновы, куп. и мѣщ.).
248. Желвуновъ Федка Тимофѣевъ сынъ, дѣтей: Васка 10 л. Петрушко 8 л. Васко Меншой 5 л.
249. Карповъ Гришка, дѣтей: Филатко, Оска 2 л. Васка полугоду.
250. *Бобровъ* Мишка Максимовъ сынъ, дѣтей: Петрушка, Климка (поч. граж. и куп.).
251. Курбатовъ Васка Григорьевъ сынъ, дѣтей: Гаврилка 6 л. Андрюшка 3 л.
252. *Соколовъ* Стенка Титовъ сынъ, дѣтей: Федка, Ивашко 15 л. Илюшка 10 л. Прохорко 3 л. (мѣщ.).
253. *Соколовъ* Афонка Титовъ сынъ, дѣтей: Афонка, Аверчка 10 л. Ромашка 8 л. Ивашка 10 недѣль (мѣщ.).
254. *Шилова* вдова Марьица, Петровская жена, дѣтей: Гришка 12 л. Куска 8 л. Васка 5 л. (куп. и мѣщ.).
255. *Шиловъ* Ивашко Игнатовъ сынъ[1] (куп. и мѣщ.).
256. *Мамоновъ* Гарасимко Антоновъ сынъ, дѣтей: Мирошка, Юрька 12 л. Пронка 6 л. (мѣщ.).
257. Желвуновъ Гришка Тимофѣевъ сынъ, дѣтей: Мишка 8 л.

---

[1] „У него Полякъ Лукка, у Лукки сынъ Кпишка полугоду".

258. Салеховъ Дорошка Нѣстеровъ сынъ, дѣтей: Ивашко 6 л. Петрушка 3 л.
259. *Беляевъ* Якушко Обрамовъ сынъ, дѣтей: Матюшка 10 л. Гришка 2 л. (куп.).
260. *Бѣляевъ* Ивашко Обрамовъ сынъ, дѣтей: Андрюшко 10 л. Филка 5 л. (куп.).
261. *Мазуринъ* Алистратка Власовъ сынъ, дѣтей: Петрушка, Ивашка 15 л. Ивашко Меншой 12 л. Панфилка 10 л. Федка 7 л. Прошка 5 л. (куп. и мѣщ.).
262. Щукинъ Алфимка Максимовъ сынъ, дѣтей: Федка 8 л.
263. Акинфеевъ сынъ Гаврилка, „партной мастеръ", дѣтей: Ларка 5 л. Акимка 2 л.
264. *Беляевъ* Терешка Обрамовъ сынъ, дѣтей: Гришка 14 л. Митка 12 л. Лучка 10 недѣль (куп.).
265. Бауковы Авдюшка да Васка Титовы дѣти, у Авдюшки сынъ Кондрашко году.
266. Щиткинъ Макарко Тимофѣевъ сынъ, дѣтей: Лаврушка, Оска 12 л. Петрушка 6 л. Марчка 4 л.
267. Мурсинъ Стенка Семеновъ сынъ, дѣтей: Мишка 10 л. Ивашка 5 л.

г) Посадскіе люди на дворничествѣ.

268. *Теленневъ* Бориска Еремеевъ сынъ, дѣтей: Свирка 15 л. (куп. и мѣщ.).
269. Фроловъ Демитка Ивановъ сынъ, дѣтей: Ивашка, Пронка 7 л. Полуехтка 4 л.
270. *Квасниковъ*-Ульяновъ Гурка Прокофьевъ сынъ, дѣтей: Ивашко 12 л. Карпушка 10 л. (мѣщ.).
271. Цыдавной Левка Митрофановъ сынъ, дѣтей: Митка 10 л. Митка Меншой 3 л. Демка году.
272. Трегубаевъ Гришка Максимовъ сынъ, дѣтей: Афонка 10 л. Ермилка 3 л. Сафронка полугоду.
273. Бѣликовъ Сидорка Степановъ сынъ, дѣтей: Панфилка 13 л. Данилка 9 л. Митка 2 л.
274. *Плотниковъ* Максимка Осиповъ сынъ (поч. граж. куп. и мѣщ.).

V.

Пушкари, воротники и др. лица по смѣтному списку города Серпухова въ 1680 г.

„Серпуховскіе пушкари затинщики":

„Пятидесятникъ Юрка Дементьевъ сынъ *Шапочниковъ*", съ 3 братьями. „У нихъ бердышъ да пищаль" (куп. и мѣщ.).

„Редовые пушкари и затинщики":

1. *Спириковъ* Ивашка Григорьевъ сынъ, у него детей Ивашка, Алешка, у нихъ пищаль да бердышъ (поч. граж. куп. и мѣщ.).
2. *Вовиловы* (3 пищали и 3 бердыша, мѣщ.). 3. Кузяевъ (бердышъ). 4. Долгой (бердышъ). 5. Дерябинъ (бердышъ). 6. Спиридоновъ (бердышъ). 7. Саадачной Корнюшка Васильевъ сынъ съ 3 сыновьями (пищаль и бердышъ). 8. Клюевъ (бердышъ). 9. *Окороковъ* Сенка Григорьевъ сынъ, у него сынъ Оска (пищаль и бердышъ, мѣщ.). 10. Савка Григорьевъ сынъ *Окороковъ* съ двумя сыновьями (два бердыша, мѣщ.). 11. *Трафимовъ* (пищаль и два бердыша, мѣщ.). 12. Драмовъ (рогатина). 13. *Шапочниковъ* (рогатина, куп. и мѣщ.). 14. Вороновъ (рогатина). 15. *Медвѣдевы* (2 пищали, 4 бердыша, мѣщ.). 16. Клюевъ (рогатина). 17. *Свищовъ* (рогатина, мѣщ.). 18. Рыловы (бердышъ). 19. *Спиридоновъ* (рогатина, мѣщ.). 20. Малафѣевъ (рогатина). 21. Малафѣевъ (бердышъ). 22. Шешенины (2 бердыша [1]). 23. Ножевниковъ (рогатина). 24 *Шапочниковы* (рогатина, пищаль и бердышъ, куп. и мѣщ.). 25. Воробьевы (бердышъ). 26. Степановы (два бердыша).

„Городовые воротники":

1. *Серебрениковы* (2 пищали и 2 бердыша, мѣщ.).
2. *Гордѣевъ* (рогатина, мѣщ.).
3. Кузминскіе (2 бердыша).
4. Юрьевы (пищаль и рогатина).
5. *Зендриковъ* Илюшка (рогатина, мѣщ.).
6. *Кудиновы* (2 пищали, 2 рогатины, мѣщ.).

[1]) …писку 1681 г. у нихъ значатся еще „два мушкета государевы".

7. Истохинъ Мишка Терентьевъ сынъ (бердышъ).
8. Комягинъ (бердышъ).
9. Матовы (бердышъ).
10. Антоновъ (рогатина).
11. Муромцовъ (бердышъ).

„Росеильщики“:

1. *Кипреяновъ* (Купреяновы мѣщ.). 2. Антиповъ (два бердыша у обоихъ вмѣстѣ). 3. Степановы (бердышъ).

„Казенные кузнецы“:

1. *Автомоновъ* (пищаль и рогатина, Артомоновы мѣщ.).
2. *Зендриковъ* Емелька съ тремя сыновьями (пищаль и рогатина, мѣщ.).
3. *Стоепеховъ* съ 3 сыновьями (2 пищали, 2 бердыша, Стрепеховы мѣщ.).
4. Салеховы (2 пищали, 2 рогатины [1]).
5. *Замочниковъ* (пищаль и рогатина, мѣщ. [2]).

---

[1] По смѣт. списку 1681 г. былъ еще у нихъ „рогъ казачей“.

[2] По тому же самому списку были еще въ числѣ казенныхъ кузнецовъ: *Бородины* (куп. и мѣщ.), *Остановы* (куп. и мѣщ.), *Терентьевы* (мѣщ.).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОТДѢЛЪ II.

СОТНАЯ КНЯЗЯ ФУНИКОВА 1552 Г. И ДРУГІЕ АКТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ СЕРПУХОВА.

I.

Сотная Серпуховская князя Фуникова 1552 г.

(Подлинникъ, писанный на бумагѣ столбцомъ, хранится въ архивѣ Серпуховской Городской Управы).

Лѣта ҂з҃ шестьдесятого. Сотная Серпуховская с книг писма князя Василя Семеновича Фуникова с товарищы.

В Серпухове на посаде дворы тяглые, а в них живут люди черные середніе: От города вверхъ по рекѣ по Наре по берегу:

(в)[1] Лева Лукянов, (в) Лучка Иванов, (в) Гаврилка Ив..... (в) Ивашко Мосѣев, (в) Игнатко Зунин, (в) Гришка Фомин, (в) Федка Юняев (в) Ортемко Семенов, (в).....

Под посадом по Мешалке:

(в) Холоп Прохорова.

В Востром концѣ:

(в)..... да Трофимко, торговые люди, (в) Петрушка Ефрѣмов да братъ ево Ивашко то....[2] (в) Офонко Мосѣев, торговой человѣкъ, (в) Митка Степанов, тимовник, (в) Илейка Офонасьев, тимовник, (в)..... имовникъ. От Рожества Пречистой в Кроткой переулокъ: (в) Ситко Степанов да Максимко Озаров, (в).....

..... Фрола Святого[3]:

(в) Никита Яковлев сын, желѣзный скупщик, (в)..... торговой человѣк, (в) Никитка Киршин.

У Фрола Святого в переулке:

(в) Лар..... (в) Гаврило Васильев Соврасов.

---

[1] Значитъ: дворъ.

[2] Повидимому: торговые люди.

[3] Впереди вѣрно должно стоять у.

На Егоревской улице к Ильѣ Святому:

..... (в).... Степанов ..... торговой человѣк, (в) Ивашко Митрофанов кузнец, (в) Давыдко Истомин.... (в).... Степанов кузнец.

Противъ Илли Святаго:

(в) Володя Прокофьев, торговой человѣкъ.

.... переулка.... илинской на вымле:

(в) Ивашко Онтоновъ седелникъ.

По Илинской ж улицѣ в дру.... [1]

.....онко.... Яковлев кузнецъ., (в) Михаило Бобаев.

По тойж улицѣ к Троице:

(в) Карпикъ Григ.... (в) ....ѣйко Семеновъ, да ево дѣти Лука, да Жукъ, да Проня торговые люди.

По Илинской ж.....

(в) .....ксимко Зинововъ.

Против Николы Чюдотворца, меж дворов Ключничей Слободки:

(в) Васюкъ Ив..... (в) ..... Иванов кузнецъ.

У Офонася Святого:

(в) Гаврилко Василев сын Козловъ, (в) Митроха Иванов куз.... (в) Семенов сын Мисанов, животинный прасол, (в) Васюкъ ..... торговой человѣк.

По сторонѣ Воскресенья Христова за врагомъ к Офонасю Святому по правой сторонѣ:

(в) ..... Офонасов, сапожной мастер, (в) ..... уной [2] целовалникъ, (в) Гордѣйко Федоров кузнец, (в) Васюк да Онд.... Сидоровы дѣти, кузнецы, (в) Калина Иванов сынъ, торговой человѣкъ.

В Рожественскомъ приходе:

(в) Ивашко Се..... Туленин.

У манастырского села у Селца дворы тяглыеж сумес с манастырскими дворы, середніеж:

(в) Гаврилко, да Офонка, да Кирилко Потаповы дѣти, (в) Васко Федоров кузнец, (в) Кирилко Потапов, торговой человѣкъ.

По конец Селетцких дворов меж Болшово врага:

(в) Соколники Васюк Еремѣев, да сын ево Иванко, да племянникъ ево Федка Дрыкунов.

---

[1] Повидимому: въ другомъ переулкѣ.

[2] Вѣрно: ґубной.

Отъ Рожества Христова по конецъ Пищалной улицы:

(в) Ондрѣйко Омельянов торговой человѣкъ.

За Нарою вниз по Наре от Богоявленского конца дворы тяглые середних же людей:

(в) Ивашко Яковлевъ кожевникъ, (в) Фролко Юдинъ да Васюк Митрохин, кожевники, (в) Ворламко Панфиловъ кожевник, (в) ...... (в) Осип Иванов кожевникъ, (в) Михалко Демин кожевник.

Отъ Богоявленья по Богоявленской улице со всполя:

(в) Федко да Василей Обрамовы дѣти.

От Богоявленія вниз по Наре на берегу:

(в) Гридя да Карпъ Митины дѣти, кожевники, (в) Ивашко да Устинко Ивановы дѣти, кожевники, (в) Филипко Сергѣев да Ивашко Мартынов, кожевники, (в) Ивашко Филипов, да Осипко, да Климин Никитины дѣти, кожевники, (в) Степанко Самоилов кожевник, (в) Осипко Михаилов кожевник, да Сенка Кузмин, торговой человѣкъ, (в) Федко да Васко Ивановы дѣти, торговые люди, (в) Сотцкой Микифорик Гавриловъ..... (в) Ондрѣйко Полунин.

В Покровском переулке:

(в) Алексѣйко Климов.

От Покровского переулка на берегуж:

(в) Якуш Игнатов сын хлѣбникъ, (в) Федко Мишин мелник, (в) Истома Игнатов да Санка Лохтев, хлѣбники, (в) Степанко Михалев сын колачник.

В Кузмодемянском переулке:

(в) Ивашко да Кирѣйко Истомины дѣти Гайтурова мелники, (в) Тараско Федоров сынъ Мысова, торговой человѣкъ, (в) Данилко Чеглоков кузнец, (в) Ондрѣйко да Макарик Тарасовы дѣти, (в) Рудак Гридин сынъ.

От Кузмо Демяна в Николскомъ переулке:

Гриша Останинъ кузнецъ да Федко Филонов, кузнецъ ж.

Против Николы Чюдотворца по Болшой улице:

(в) Вдова Катерина Климовская жена, да еѣ дѣти Степанко да Олешка.

На посадеж дворы, что были оброчныи, а нынча приписаны к городу в тягло, люди середниеж:

Под Спасомъ на Мешалке:

(в) Озарко Наумов.

По Фроловской улице:

(в) Данилко Запорожнин, да Иванко Федоров, да за Данилом же на Илинской улицѣ к Троице старое ево мѣсто.

По Фроловской улице:

(в) Михал Сысоев, (в) Гаврилко Иванов.

За Фролом Святым у торгу:

(в) Федко да Алексѣйко Исуповы дѣти, за ними от Спаса ко Фролу Святому мѣсто Ивашковское Панова, (в) Ивашко Пан хлѣбник.

Меж лавок:

(в) Митка Мокаров москотилник, (в) Сугоняй Данилов, (в) Гриша Коротнев Болыборда.

По Илинской улице к Троице:

(в) Ивашко Минин, (в) брат ево Якуш.

По Фроловской улицѣ х Троице:

(в) Петрушка Долгой, (в) Петрушка Костров.

По Илинской улицѣ:

(в) Игнатко Остапов, (в) Матфѣйко Никитин, (в) Сидорко Васюков, (в)..... Филипов.

Повыше Ключничей слободы: мѣсто Уляновское Тимохина, а нынча за Миткою за Озаревымъ.

Подключничею слободою по Николской улице:

(в) Истома да Ероха Занины, (в) Ондрѣйко Федоров, (в) Ивашко Кудрин, (в) Федко Головин.

По Николской ж улицѣ:

(в) Митка, (в) Ларя, (в) Ивашко Ондрѣевы дѣти Хваева, (в) вдова Матрена, Исаевская жена, (в) Ванко Нестеров, (в) Останко Гавриловъ, (в) Иванко Семеновъ, (в) Власко казак. Мѣсто Нашкинское за Троецким протопопомъ за Родіоном.

В Кротком переулке:

(в) Останя Костин.

По Фроловской улице на Спиринском мѣсте Степанова сына:

(в) Некраско да Тимоха Онаньины, (в) Офоня Якушев.

От Спаса ко Фролу святому:

На Офонинском мѣсте Савина: (в) Степанко Истомин.

Сумес с селетцкими дворы: Мосол Родіонов.

На посадех дворы тяглые, а в них живут люди черные молодые:

От городах вверхъ по рекѣ по Наре:

Дворъ Семен Насѣдкин, а в нем дворник Полуехт Онцыфоров, (в) Ушачко, да Митка, да Ондрѣйко Уваровы дѣті, (в) Сидко Филипов, (в) Оверкейко Федоров, (в) Иванко Иванов, (в) Петрушка Кузмин, да Иванко Иванов; (в) Ериолка Лаптин.

Под Спасом по Мешалке:

(в) Юшко Кирилов, (в) Иванко Прокофьев кузнецъ, (в) Иванко Русанов, (в) Лукянко Максимов, (в) Иванко Гридин да Истомка Степанов, (в) Васко Иванов, (в) Якимко Голышов, (в) Илейка Минин, (в) Трофимко Офонин, (в) Иванко Мартинов два жеребя, а на треті в том дворѣ Ивашко Филипов.

В Остром концѣ под крутою горою:

(в) Самоилик Лукин гончар, (в) Гридка Иванов гончар, (в) Ивашко Осанин гончар, (в) Машка Пятинская, (в) Дениско Логинов, (в) Федко Иванов гончар, (в) Иванко Савин, (в) Петруся Карево да Миронко Евсуков гончары, (в) Якуш Фомин казак.

Во Псаревѣ переулке:

(в) Софон Сергѣев да Фиряк Корнѣев, извощики, (в) Федко Фомин да Окинша Обрамов сын, (в) Силко Гридин гончар, (в) Денисво Фомин извощик, (в) Фомка Осѣев кузнец, (в) Омелянко Степанов гончар, (в) Митка Федин да Тимошка Гридин гончар, (в) Озарко Степанов казак, (в) Кирилко Потапов да Власко Козулин, гончары, (в) Иванко Данилов казак.

По улицѣ в Вostром концѣ:

(в) Юшко Иванов кузнецъ, (в) Кonаник Наумов казак да Сенка Борисов, (в) Терех Климов торговой человѣкъ, (в) Федко Ортемов гончар да Уварко Данилов казак, (в) Иванко Бакшѣев, (в) Гриша Паршин, (в) Сенка Бакшѣевъ торговой человѣк, (в) Юшко да Иванко Демидовы дѣті, (в) Никоник Ларивонов, да Федко Петров, да Иванко Ларин, (в) Родка Сидоров да сын его Истомка, (в) Ериолка Ортемов да Спиря Иванов извощики, (в) Иванко Сергѣев хлѣбник, (в) Офонка Якунин извощик, (в) Марко Потапов да Оноско Морозов гончар, (в) Игнатко Лукин гончаръ, (в) Иванко Василев сын мясник, (в) Иванко Муракин мясник, (в) Олеща Яковлев хлѣбник, (в) Сенка Сергѣев хлѣбник, (в) Ер-

молка Иванов сын казак, (в) Ларя Иванов гончар, (в) Терешко Ефимов хлѣбник, (в) Сидорко Мелехов хлѣбник, (в) Васко Мелехов да брат ево Оника, овчинники, (в) Остапка да Иванко Савины дѣти, гончары, (в) Климко да Филипко Василевы дѣти, гончары.

По тойж улице Вострова конца на лево к Рожеству Пречистой.

(в) Лохтионко Семенов торговой человѣкъ, (в) Федко Мишин охотник. Дворъ пустъ Матфѣевской Глаткова, (в) Симанко Иванов гончар.

У Пятницы Святой:

(в) Митка Микифоров мясник, (в) Сенка Ларин да Тимоха Мишин плотник, (в) Потапко Федотов да Васко Мишин, солодешники, (в) Мартинко Вахнин охотник.

Меж Пятницы Святыя и Рожества Пречистые:

(в) Игнатко Костин мясник.

От Рожества Пречистой въ Кроткой переулокъ:

(в) Миша Павлов мясник, (в) Якуня Федотов мясник да Петруша Василев хлѣбник, (в) Юшко да Ивашко Князевы дѣті, мясники, (в) Митка Сергѣев до Протаско Ларин, гончары, (в) Онтифѣйко да Сенка Ивановы дѣти, гончары, (в) Грида Есин сын гончар, (в) Данилко Селин дьяк, книги пишет, да Озарко Милнов чеботной мастер, (в) Харка Ивановъ гончар, (в) Труфонко Василев гончар, (в) Данилко Окулов бачарник да Терешко Иванов казак.

Отъ Рожества Пречистой ко Фроловской улице:

(в) Сенка Колужин сапожной мастер, (в) Степан Кондаков да Коняйко Похомов, кузнецы, (в) Кирилко Семенов сапожник да Алексѣйко казак, (в) Онтіпко да Софонко Семеновы дѣти, извощики. Двор пустъ Васюковской Золотилцов, (в) Иванко Иванов овчинник.

Со вспола во Фроловской улице:

(в) Тимошка Олехин сапожной мастер, (в) Олферко Иванов хмелник, (в) Сава Мишин да Лазарко Кирилов пирожники, (в) Данилко Федоров сын лавочной сторож, (в) Васко Фофанов да дѣти его Лунша, да Володя, торговые люді, (в) Митка Василев сынъ казак, (в) Игнашко Василев сын мясник, (в) Гриша Паршин сын торговой человѣк, (в) Захарко Василев извощик да Иванко Останин сын бочарник, (в) Иванко Захаров сын портной мастер, (в) Васко Микифоров сын жерновник, (в) Кирилко Полунин ка-

зак, (в) Ларко Василев сын извощик, (в) Митка Климов гончар, (в) Осташ Игнатев сын мясник, (в) Офонка Савин соляной казак, (в) Иванко Митин торговой человѣк, (в) Петруша Оверкеев торговой человѣк, (в) Ондрѣйко Степанов колачник, (в) Якушко Семенов да брат ево Давыдко, да Кирилко, мясники, (в) Митка Игнатов масленик, (в) Титко Лукянов колесник, (в) Онофрейко Иванов портной мастер, (в) Васюня Иванов колачник, (в) Гриша да Илейка Ивановы дѣти, казаки, (в) Куземка Иванов. Двор пустъ Митинской.

За Фролом Святым:

(в) Ивашко Лобанов зеленой мастер, (в) Осипко Михалев мясник, (в) Марка Герасимов кузнец, (в) Исайко Иванов мясник, (в) Герасимко Михалев.

У Спасаж Святого под горою:

(в) Вдова Матрена, Микитинская жена, колачница.

У Спасаж ко Фролу Святому:

(в) Васко Логинов плотник да Иванко Ондрѣев сапожник.

У Фрола Святого в переулке:

(в) Степанко да Иванко Ондрѣевы дѣти сапожники.

От Егорья Святого в переулке:

(в) Офонаско Гридин, (в) Степанко Лавров. На Степановскомъ мѣстѣ: (в) Полукарпъ Онцыфоров овчинник.

Позади Егоря Святого по Егоревской улицѣ к Илѣ Святому:

(в) Огѣйко Микулин охотник, (в) Васко Сергѣев гуселник, (в) Васко Окнишин казак, (в) Гуля Микулин казак, (в) Филатко Огѣев извощик, (в) Степанко Матфѣев целовалник, (в) Діак земской Никифорик Ефимов.

Съ Егоревской улицы на лево:

(в) Ондрѣйко Яковлев сын пивовар, (в) Офонка Паршин кузнец, (в) Гридка Степанов кузнец, (в) Митка Степанов кузнец.

На Егоревской ж улице:

Двор пустъ Микифоровской, (в) Игнатко Михаилов да брат ево Гриша, кузнецы, (в) Матфѣйко Клеменов пастух, (в) Осипко Захаров да Иванко Володин, казаки, (в) Исай Никанов сапожной мастер, (в) Ермак пастух коневской.

Илинскою улицею ко всполю:

(в) Истомка Гридин да Ондрѣйко Иванов, (в) Шемяка Михалев

казакъ, (в) Гридя Сонин масленик, (в) Федко Онофреев рукавичник, да Мишка Гридин казак, (в) Кондрашко Денисов казак.

Тоюж улицею со всполя по лѣвой сторонѣ к Илѣ Святому:

(в) Савка Теренин кузнец, (в) Бориско Степанов казак, (в) Матфѣйко Вахромѣев кузнец, (в) Степанко Василев гуселник, (в) Федко Пахнутов, сапожной мастер, да брат ево Мишук, (в) Вдова Федосья Денисовская жена, (в) Гаврилко Степанов кузнец.

Против Или Святого:

(в) Федко Истомин кузнец, (в) Софонко Володин сапожной мастеръ, (в) Федко Яковлев вощечник, (в) Иванко Капунин торговой человѣк.

С Ылинской улицы на лево в переулокъ:

(в) Офонка сапожной мастер, (в) Мартинко Борисов сапожной мастеръ. Двор пуст Петрушинской Кухтина, (в) Макуша Кузмин сапожной мастер.

Против Илинскаго переулка на вымле:

(в) Вдова Окулина Барлинская жена.

По тойж улице в другом переулке на лево:

(в) Васко Петрушин портной мастер, (в) Куземка Летягинъ казак, (в) Матфѣйко Лукшин кузнец, (в) Васко Митин сапожник, (в) Иванко Игнатов кузнец.

По тойж улице къ Троице:

(в) Савка Иванов сапожник, (в) Наумко Митин сапожник, (в) Тимошка Микифоров овчинник, (в) Селя Микулин казак, (в) Митя Коротнев мясник, (в) Собол Олферов соляник.

У Офонася Святого:

(в) Омелянко Останин огородник, (в) Савка Осѣев, (в) Вдова Якимовская жена Ненила, (в) Иванко Федоров казак да Кирилко Семенов кузнец, (в) Якуш Ивонин кузнец, (в) Потапко Михалев казак, (в) Митка сапожной мастер, (в) Осип Петрухин кузнец, (в) Ермолка Степанов, да Ондрѣйко Жук, да братя его Карпик да Нестерик, (в) Васюк Гридин торговой человѣк, (в) Лазарко Корякин извощік, (в) Федко Климов да Офонаско сапожной мастер.

По сторонѣ Воскресенья Христова за врагом к Офонасю Святому, по правой сторонѣ:

(в) Вдова Василиса Ондрѣевская жена Улуперхова, (в) Федко Бирич, (в) Юря Иванов лучник, (в) Данилко Фролов сын извощик,

-(в) Иванко Климов сын поневник, (в) Филип Яковлев сынъ плотник, да сын его Никонко куанецъ, (в) Парфенко Гридин, (в) Игнатко Василев кузнецъ, (в) Сенка Демин извощик, (в) Десятцкой Обакунко Курлыкин, (в) Офонка Титов кузнецъ да Дема Офонасов, (в) Минка Кудинов гвоздочникъ, (в) Омелянко Василев, сапожной мастер, да Гриша Савин плотник, (в) Ондрюшка Орѣхов казак, (в) Мосол Онцыфоров казак.

По Николской улице дворы тяглыеж, что были за воротнiки:

(в) Степанко Семенов, (в) Степанко Иванов.

На Подоле, в Рожественском приходе:

(в) Васюкъ Селиванов, (в) Онцыфорко Алексѣев.

В Рожественском приходе:

Во дворѣ Ондрюшко извощикъ да брат ево Онтуфей, (в) Ондрѣйко Насонов казак, (в) Якимко Бутримов рыбникъ, (в) Ларка Алексѣев да брат ево Софонко, казаки, (в) Окул Федосов да братя Егкудин да Митка, (в) Иванко Митин поневник да Васко Иванов казак, (в) Шемет Василев сапожникъ, (в) Обрамко Давыдовъ, (в) Конша Онуфреев кузнец, (в) Свирид Мишин.

На тяглойж землѣ двор ис Коширы воина Кончѣева Кутлукова сына, а в нем дворник Куземка.

У манастырского села у Селца дворы тяглыеж сумес с манастырскiми дворы:

(в) Ефимко Юфанов казак, (в) Демянко Ларин казак, (в) Вдова Оксиня Ларивоновская жена, да сын еѣ Васюк казак, да Копот Борисов казак, (в) Ивашко Тимофѣев казак, (в) Онашка Ондрѣев кузнец, да его племянник Якушко казак, (в) Бозыка Фомин, (в) Олеша Фомин кузнец, (в) Тимоха Тебяка казак, (в) Иванко Мосѣев казак, (в) Фотѣйко Мосѣевъ, (в) Васюк Илин кузнец, (в) Сенка Сонин да Митка Максимов, казаки.

В Мосолове переулке:

(в) Гридя Федоров казак, (в) Проня Федков казак, (в) Тараско Ондрюшин кузнец, (в) Офоня Оксенов, (в) вдова Овдотица, Коняхинская жена, да сын еѣ Михал казак.

За Нарою по Наре, вниз от Богоявленского конца, дворы тяглыеж:

(в) Онтонко Василев кожевник, (в) Кирилко Ефимов хлѣбник, (в) Ивашко Борисов, (в) Ширяйко Микитин кежевник, (в) Гурик

Иванов казак да Свирка Алексѣев, (в) Трофимко Тарасов да Ивашко Романов, мясники, (в) Окатко Конанов да Ивашко Омелянов, (в) Давыдко Кузмин кожевник, да Тимошка Гридин казак, (в) Панка Панин казак, (в) Окулко Логинов казак да Митка Окулов, (в) Трофимко Останин кожевник, (в) Истомка Васюков да Гридя Харин, кожевники, (в) Васюк Левинъ сапожной мастер да брат ево Кирилко кожевник, (в) Ондрѣйко Михайловъ кожевник, (в) Сенка Тимофѣев казак, (в) Илейка Офонин кожевник на дву жеребях, а на третем жеребѣ Сенка Кузмин, (в) Якимко Иванов плотник да Иванко Трофимов мясник.

От Богоявленія Богоявленскою улицею ко всполю:

(в) Кonаник Яковлев портной мастер, (в) Степанко Федоров полстовал, да Савка Гридин плотник, да Гриша Мокѣев, (в) Овдокимко Митин масленик да Ивашка Василёв, (в) Федко Кудінов, (в) Ромашко Иванов Гвоздева торговой человѣкъ, (в) Фомка Иванов казак, (в) Игнатко Сонин казак, (в) Ефимко Матфѣев да Иванко Фомин, кожевники, (в) Гаврилко да Ондрѣйко Петрушины да Борис Титов, казаки, (в) Митя Сидоров.

От Богоявленяж по берегу вниз по Наре:

(в) Васюк Иванов кожевник, (в) Сенка Мартынов кожевник да Митка Илин кожевник, (в) вдова Огафя, Митинская жена кожевникова, (в) Малашко Мелехов торговой человѣк, да Якуш Яковлев Черногузов, (в) Мишка Накрѣпин да Степан Иванов, казаки.

В Покровском переулке:

(в) Вдова Окулина Денисовская жена.

От Покровского переулка по берегуж:

(в) Гридя Офонасов торговой человѣкъ да Миня Мелехов, (в) Ондрѣйко Митин Моланина казак, (в) Гриша Ондрѣев, сын портной мастер, да Щемет Сонин сын казак, (в) Васюк Степанов сын, плотник, да вдова Оксиня Митинская жена, (в) Ивашко Демин сын, сапожной мастер, да Ивашко Истомин сын Зубарева хлѣбник, (в) Пронка Еремин сын Ковелина серебряной мастер, (в) Гурик да Савка Ермовы дѣти Оболтина, казаки, (в) Пронка Оладин сын, да Иванко Кирилов сын, да Степанко Демин сын, (в) Агѣйко Нефедов сын кузнец, (в) Васко Мелехов сын торговой человѣк, (в) Макарик Мишин сын Сухарева, хлѣбник, да вдова Ненила Ники-

тинская жена хлѣбницеж, (в) Трофимко Мосѣев сын да Гурейко Савин сын, хлѣбники.

По Буткиной улице по Болшой к Ніколе чюдотворцу, ѣдучи по правой сторонѣ:

(в) Ивашко да Петрушка Оверкеевы дѣті, кузнецы, (в) Івашко Сазонов сын, (в) Митка Юдин сын, казак, (в) Михалко Буткин да вдова Прасковѣя, Ивановская жена сотнікова.

В Кузмадемянском переулкѣ:

(в) Канка Гридин сын Шаров, (в) Федоско Созонов сын, сапожной мастер, да Ивашко, да Аристко Занины дѣти, Аристко сапожной мастер, (в) Ивашко, за каменем стоит, да Ивашко Сякшин сын, казак, (в) Васко Федоров сын, сапожной мастер, да Ширяйко Гридин, сын казак, (в) Федко веретенник, Евсѣев сын, да Конша Козлов сын, сапожніки, да Иванко Левин сын, (в) Мишка Филипов сын, горшечник, (в) Матфѣйко Созонов сын, кузнецъ, да Федко Созыкин сын, (в) Степанко Матфѣев сын да Терешко Мартынов сын, сапожніки, (в) Гурейко Иванов сын, (в) Гришна Климов сын, торговой человѣкъ, да Иванко Тепин, казак, (в) Кудин Сидоров сын калачник, (в) Кирилко да Ивашко Ермоловы дѣти, сапожніки, (в) Еремка Илин сын казак, (в) Куземка Фролов сын колачник, (в) Володя Филимов сын хлѣбник, (в) Степанко Гридин сын сапожник, (в) Івашко скоморох Михалев да Митка Иванов сын, скоморох же, (в) Климко Микитин сын кузнец, (в) Онсенко Ондрѣев сын Чоглоков, (в) Ивашко Мантуров сын, кузнец, да Олешка Иванов сын, сапожник, (в) Левон Устинов сын кузнец, (в) Федко Иванов сынъ скоморох, да Куземка Мышкин казак, да Якуш Игумновской, (в) Якуш Костин сын пастух, да Митка Есипов сын сапожник, да вдова Настася, Некрасовская жена Фролова, (в) Плохой Труфанов сын скоморох, (в) Сенка Ондросов сын казак, да Данилко Федосѣев, да Истомка Лукянов сын, казаки, (в) Ивашко Максимов сын колачник, (в) вдова Окулина Василевская жена, (в) Алексѣйко Филипов сын да Агѣйко Орѣхов сын, (в) Федко Иванов сын сапожникъ, (в) Офрѣмко Наумов сын сітник, (в) Федко Наумов же сын сітник, (в) Климко Иванов сын торговой человѣкъ, (в) Панкратко да Степанко Холяпины дѣти, кузнецы, (в) Максимко Телѣгин сын, горшечникъ, (в) Митка Свиридов сын, торговой чело-

казакъ, (в) Гридя Сонин масленик, (в) Федко Онофреев рукавичник, да Мишка Гридин казак, (в) Кондрашко Денисов казак.

Тоюж улицею со всполя по лѣвой сторонѣ к Илѣ Святому:

(в) Савка Теренин кузнец, (в) Бориско Степанов казак, (в) Матфѣйко Вахромѣев кузнец, (в) Степанко Васильев гуселник, (в) Федко Пахнутов, сапожной мастер, да брат ево Мишук, (в) Вдова Федосья Денисовская жена, (в) Гаврилко Степанов кузнец.

Против Ильи Святого:

(в) Федко Истомин кузнец, (в) Софонко Володин сапожной мастеръ, (в) Федко Яковлев вощечник, (в) Иванко Капунин торговой человѣк.

С Ылинской улицы на лево в переулокъ:

(в) Офонка сапожной мастер, (в) Мартинко Борисов сапожной мастеръ. Двор пуст Петрушинской Кухтина, (в) Макуша Кузмин сапожной мастер.

Против Илинскаго переулка на вымле:

(в) Вдова Окулина Барлинская жена.

По тойж улице в другом переулке на лево:

(в) Васко Петрушин портной мастер, (в) Куземка Летягинъ казак, (в) Матфѣйко Лукшин кузнец, (в) Васко Митин сапожник, (в) Иванко Игнатов кузнец.

По тойж улице къ Троице:

(в) Савка Иванов сапожник, (в) Наумко Митин сапожник, (в) Тимошка Микифоров овчинник, (в) Селя Микулин казак, (в) Митя Коротнев мясник, (в) Собол Олферов соланик.

У Офонася Святого:

(в) Омелянко Останин огородник, (в) Савка Осѣев, (в) Вдова Якимовская жена Ненила, (в) Иванко Федоров казак да Кирилко Семенов кузнец, (в) Якуш Ивонин кузнец, (в) Потапко Михалев казак, (в) Митка сапожной мастер, (в) Осип Петрухин кузнец, (в) Ермолка Степанов, да Ондрѣйко Жук, да братя его Карпик да Нестерик, (в) Васюк Гридин торговой человѣк, (в) Лазарко Корякин извощік, (в) Федко Климов да Офонаско сапожной мастер.

По сторонѣ Воскресенья Христова за врагом к Офонасю Святому, по правой сторонѣ:

(в) Вдова Василиса Ондрѣевская жена Улуперхова, (в) Федко Бирич, (в) Юря Иванов лучник, (в) Данилко Фролов сын извощик,

(в) Иванко Климов сын поневник, (в) Филип Яковлев сынъ плотник, да сын его Никонко кузнецъ, (в) Пароенко Гридин, (в) Игнатко Василев кузнецъ, (в) Сенка Демин извощик, (в) Десятцкой Обакумко Курлыкин, (в) Офонка Титов кузнецъ да Дема Офонасов, (в) Минка Кудинов гвоздочникъ, (в) Омелянко Василев, сапожной мастер, да Гриша Савин плотник, (в) Ондрюшка Орѣхов казак, (в) Мосол Онцыфоров казак.

По Николской улице дворы тяглыеж, что были за воротнiки:

(в) Степанко Семенов, (в) Степанко Иванов.

На Подоле, в Рожественском приходе:

(в) Васюкъ Селиванов, (в) Онцыфорко Алексѣев.

В Рожественском приходе:

Во дворѣ Ондрюшко извощикъ да брат ево Онтуфей, (в) Ондрѣйко Насонов казак, (в) Якимко Бутримов рыбникъ, (в) Ларка Алексѣев да брат ево Софонко, казаки, (в) Окул Федосов да братя Егкудин да Митка, (в) Иванко Митин поневник да Васко Иванов казак, (в) Шемет Василев сапожникъ, (в) Обрамко Давыдовъ, (в) Конша Онуфреев кузнец, (в) Свирид Мишин.

На тяглойж землѣ двор ис Коширы воина Кончѣева Кутлукова сына, а в нем дворник Куземка.

У манастырского села у Селца дворы тяглыеж сумес с манастырскiми дворы:

(в) Ефимко Юфанов казак, (в) Демянко Ларин казак, (в) Вдова Оксиня Ларивоновская жена, да сын еѣ Васюк казак, да Копот Борисов казак, (в) Ивашко Тимофѣев казак, (в) Онашка Ондрѣев кузнец, да его племянник Якушко казак, (в) Бозыка Фомин, (в) Олеша Фомин кузнец, (в) Тимоха Тебяка казак, (в) Иванко Мосѣев казак, (в) Фотѣйко Мосѣевъ, (в) Васюк Илин кузнец, (в) Сенка Сонин да Митка Максимов, казаки.

В Мосолове переулке:

(в) Грида Федоров казак, (в) Проня Федков казак, (в) Тараско Ондрюшин кузнец, (в) Офоня Оксенов, (в) вдова Овдотица, Коняхинская жена, да сын еѣ Михал казак.

За Нарою по Наре, вниз от Богоявленского конца, дворы тяглыеж:

(в) Онтонко Василев кожевник, (в) Кирилко Ефимов хлѣбник, (в) Ивашко Борисов, (в) Ширяйко Микитин кожевник, (в) Гурик

Иванов казак да Свирка Алексѣев, (в) Трофимко Тарасов да Ивашко Романов, мясники, (в) Окатко Конанов да Ивашко Омелянов, (в) Давыдко Кузмин кожевник, да Тимошка Гридин казак, (в) Панка Панин казак, (в) Окулко Логинов казак да Митка Окулов, (в) Трофимко Останин кожевник, (в) Истомка Васюков да Гридя Харин, кожевники, (в) Васюк Левинъ сапожной мастер да брат его Кирилко кожевник, (в) Ондрѣйко Михайловъ кожевник, (в) Сенка Тимофѣев казак, (в) Илейка Офонин кожевник на дву жеребях, а на третем жеребѣ Сенка Кузмин, (в) Якимко Иванов плотник да Иванко Трофимов мясник.

От Богоявленія Богоявленскою улицею ко всполю:

(в) Кононик Яковлев портной мастер, (в) Степанко Федоров полстовал, да Савка Гридин плотник, да Гриша Мокѣев, (в) Овдокимко Митин масленик да Ивашка Василев, (в) Федко Кудінов, (в) Ромашко Иванов Гвоздева торговой человѣкъ, (в) Фомка Иванов казак, (в) Игнатко Сонин казак, (в) Ефимко Матфѣев да Иванко Фомин, кожевники, (в) Гаврилко да Ондрѣйко Петрушины да Борис Титов, казаки, (в) Митя Сидоров.

От Богоявленяж по берегу вниз по Наре:

(в) Васюк Иванов кожевник, (в) Сенка Мартынов кожевник да Митка Илин кожевник, (в) вдова Огафя, Митинская жена кожевникова, (в) Малашко Мелехов торговой человѣк, да Якуш Яковлев Черногузов, (в) Мишка Накрѣпин да Степан Иванов, казаки.

В Покровском переулке:

(в) Вдова Окулина Денисовская жена.

От Покровского переулка по берегуж:

(в) Гридя Офонасов торговой человѣкъ да Миня Мелехов, (в) Ондрѣйко Митин Моланина казак, (в) Гриша Ондрѣев, сын портной мастер, да Щемет Сонин сын казак, (в) Васюк Степанов сын, плотник, да вдова Оксиния Митинская жена, (в) Ивашко Демин сын, сапожной мастер, да Ивашко Истомин сын Зубарева хлѣбник, (в) Пронка Еремин сын Ковелина серебряной мастер, (в) Гурик да Савка Ермовы дѣти Оболтина, казаки, (в) Пронка Оладин сын, да Иванко Кирилов сын, да Степанко Демин сын, (в) Агѣйко Нефедов сын кузнец, (в) Васко Мелехов сын торговой человѣк, (в) Макарик Мишин сын Сухарева, хлѣбник, да вдова Ненила Ники-

тиеская жена хлѣбницаж, (в) Трофимко Мосѣев сын да Гурейко Савин сын, хлѣбники.

По Буткиной улице по Болшой к Ніколе чюдотворцу, ѣдучи по правой сторонѣ:

(в) Ивашко да Петрушка Оверкеевы дѣті, кузнецы, (в) Івашко Сазонов сын, (в) Митка Юдин сын, казак, (в) Михалко Буткин да вдова Прасковѣя, Ивановская жена сотнікова.

В Кузмадемянском переулкѣ:

(в) Канка Гридин сын Шаров, (в) Федоско Созонов сын, сапожной мастер, да Ивашко, да Аристко Занины дѣти, Аристко сапожной мастер, (в) Ивашко, за каменем стоит, да Ивашко Сякшин сын, казак, (в) Васко Федоров сын, сапожной мастер, да Ширяйко Гридин, сын казак, (в) Федко веретенник, Евсѣев сын, да Конша Козлов сын, сапожніки, да Иванко Левин сын, (в) Мишка Филипов сын, горшечник, (в) Матфѣйко Созонов сын, кузнецъ, да Федко Сошкин сын, (в) Степанко Матфѣев сын да Терешко Мартынов сын, сапожніки, (в) Гурейко Иванов сын, (в) Гришка Климов сын, торговой человѣкъ, да Иванко Тепин, казак, (в) Кудин Сидоров сын калачник, (в) Кирилко да Ивашко Ермоловы дѣти, сапожніки, (в) Еремка Илин сын казак, (в) Куземка Фролов сын колачник, (в) Володя Филимов сын хлѣбник, (в) Степанко Гридин сын сапожник, (в) Івашко скоморох Михалев да Митка Иванов сын, скоморох же, (в) Климко Микитин сын кузнец, (в) Оксенко Ондрѣев сын Чоглоков, (в) Ивашко Мантуров сын, кузнец, да Олешка Иванов сын, сапожник, (в) Левон Устинов сын кузнец, (в) Федко Иванов сынъ скоморох, да Куземка Мышкин казак, да Якуш Игумновской, (в) Якуш Костин сын пастух, да Митка Есипов сын сапожник, да вдова Настася, Некрасовская жена Фролова, (в) Плохой Труфанов сын скоморох, (в) Сенка Ондросов сын казак, да Данилко Федосѣев, да Истомка Лукянов сын, казаки, (в) Ивашко Максимов сын колачник, (в) вдова Окулина Василевская жена, (в) Алексѣйко Филипов сын да Агѣйко Орѣхов сын, (в) Федко Иванов сын сапожникъ, (в) Офрѣмко Наумов сын сітник, (в) Федко Наумов же сын сітник, (в) Климко Иванов сын торговой человѣкъ, (в) Панкратко да Степанко Холяпины дѣти, кузнецы, (в) Максимко Телѣгин сын, горшечникъ, (в) Митка Свиридов сын, торговой чело-

вѣкъ да Федко Ofонасов сын казакъ. На тяглой землѣ двор, что был Петра Игнатева сына Таптыкова.

От Кузмы Демяны в Ніколском переулке:

(в) Потапко Васюков сын кузнец, (в) Митка Федоров сын кузнецъ да Юшко Лукянов сын, (в) Офоня Михалев сын, (в) Тимошка Иванов сын кузнецъ, (в) Онисимко Олферов сын, (в) Ерошка Мелехов сын кузнец.

З Болшие улицы в Покровском переулкѣ:

(в) Васко Скулов извощикъ, (в) Ондрѣйко Ребѣев колачникъ, (в) Алексѣйко Овчинник, (в) Ширяйко Петрушин сын колачникъ, (в) Ермола Климов сынъ кузнецъ.

В Зелейной слободѣ:

(в) Никон Дубинин, (в) Федко Нефедов, (в) Ивашко Илин.

В Благовѣщенской слободѣ:

(в) Ероха Конаков, (в) Ушак Харитонов, (в) Ивашко Родин, (в) Федко Зубов, (в) Ондрос Мишин, (в) Ивашко Федоров сын Ковелин (в) Лука Ортемов, (в) Степанко Змеев, (в) Гриша ситникъ, (в) Митя Ондрѣев. Двор пустъ Сидоровской. Двор пустъ Федоровской, (в) Спирна Митин, (в) Миня Осѣев, (в) Меншой Карпов, (в) вдова Татянка, Науновская жена іщадникова, (в) Максимко Бабин, (в) Селиван Коровин, (в) Митя Мосѣев, (в) Онтон Печенев, (в) Ивашко Боров, (в) Ивашко Осютин, (в) Васюк Бабарыкин, (в) Ушачко Фетинин, (в) Митя Губар, (в) Ковай Климов, (в) Гаврилко сітник, (в) Никон Гридин, (в) Игнатко Резанец, (в) Гридя Левонов, (в) Вешняк Алексѣевъ, (в) Сенка Михалев, (в) Иванко Долгой, (в) Васко Левонов, (в) Обрѣзок приходец, (в) Холопка Бабаев, (в) Насѣтка Истомка Кирилов, (в) Гридка Сергѣев, (в) Федка Иванов, (в) Иванко Благушин, (в) Ширяйко Алексинец, (в) Вдова Марья Мишинская жена, (в) Иванко Костин, (в) Ондрюшка да Михалко Кочергины. Двор пустъ Володинской Момотова. (в) Митеня Малахов, (в) Васюк Обрютин, (в) Исак Вок, (в) Гришка Лохов, (в) Иванко Лох, (в) Иванко Савин, (в) Иняха Панкратов, (в) Сенка Шляев, (в) Тимоха Агѣев да вдова Улянка, Харина жена. Мѣсто дворовое пусто Матфѣевское Деревскова, (в) Костя Паршин, (в) Тараско Савин, (в) Дулѣпко Панин, (в) Останя Аристов, (в) Истомка Боровитинов, (в) Оноха Переславец, (в) Нечайко Туленин. Мѣсто дворовое пусто Истомки

Боровитинова, (в) Оксенко Иванов, (в) Гриша Степанов, (в) Купря Юров, (в) Истомка Иванов, (в) Похомко Якимов, (в) Данилко овчинник, да Савка Макаров, (в) Колмак Хромцов, (в) Омелянъ Мишин. Мѣсто Истоминское Медина. Мѣсто дворовое пусто Миши Комдина, (в) Еря Степанов, (в) Васко Домнин, (в) Степанко Ондрѣев, (в) вдова Марья Гридина жена піщалникова. Двор пустъ Ерославов Илина пищалнікова, (в) Климко Зуболев, (в) Васко Илин, (в) Офоня Яковлев, (в) Созон да Степанко Борисовы дѣти, (в) Гаврило Малахов, (в) Митя Кудінов, (в) Михалко Федоров, (в) Зина Асѣев, (в) Федко Сопѣлников, (в) вдова Овдотя, Костровская жена, да сынъ еѣ Тимоха, (в) Васко Щерков, (в) Иванко Щерков. Дворишко пустъ Поленинское, (в) Степанко да Иванко Фурсовы. Мѣсто дворовое пусто Болотинское, (в) Петрушка Фурсов, (в) вдова Оринка Насоновская жена, (в) Федко Княз, (в) Васко Летавин.

В Востром концѣ во Псареве переулке:

(в) Гаврилко Гаврилов.

По Егоревской улицѣ:

Мѣсто Лобановское Сенкина сына за Степанком за Лавровым сыном.

Позади Егоря Святого:

Мѣста дворовые: Якимовское за Мелешкомъ за Матфѣевым сыном, (в) Иванко Федоров сын да Гаврилко Василев сын, (в) Микифорик Фурсов сын седелник, (в) Ивашко Паршин да Федко Семенов, портной мастеръ.

У Офонася Святого по стороне попова двора:

(в) Микула кузнецъ, (в) Якуш Захаров сапожной мастер, (в) Бориско Федоров.

У Пищалниковы слободы:

(в) Игнатко Якущев.

По конец Піщалниковы улицы:

Мѣсто Ивановское Терехова, а ныне за его сыном за Гаврилком.

Сумес с манастырскими дворы:

(в) Иванко Житково казак, (в) Сенка Юфанов сын казак.

За Нарою в Покровском переулкѣ:

(в) Данилко Никитин сын, торговой человѣкъ.

На посадех дворы, что были оброчные конюшенные, припиписаны к городуж в тягло, за рекою за Нарою, по Буткиной улице:

(в) Гриша Игнатов Вдойчиков, (в) Федко Василев сын доморник да Федко Игнатов сын казак, (в) Истомка Онохин рукавичник, (в) Макарик Оксенов сын, шаровной мастер, (в) Сенка Гаврилов сын, овчинник.

На посадех, что были дворы оброчные слободки Кузмодемянской за рекою за Нарою, а в ней было дватцат дворов, а ныне тѣ мѣста дворовые пусты, и тѣ мѣста приписаны к городу же в тягло.

И всѣх дворов в Серпухове, на посаде черных середних и молодых, и с тѣми дворы, что были оброчные, и слободцкіми с ывановскими, и с Ключничею, и з бобровники, и с конюшенными, и с кузмодемянскими, шестьсот дватцать три дворы, а людей в них семсот девеносто шесть человѣкъ, да дватцат один двор пустых, да стодватцат два мѣста дворовых пустых.

А земли у города, по обе стороны реки Нары, у всѣх городцких людей, и с оброчники, и слободтцкіми, тысяча тритцат три четверти, сѣна три тысячи сто пятнатцат копен.

А оброку давали великому князю городцкіе люді по старому з земли за дан восмьдесят пуд меду, а оброчники, да Ивановская слобода, да Ключнича, да бобровники, да Кузмадемянская слобода давалі великому князю оброку за дан и за посошной кормъ тритцат четыре пуды меду с полупудом, а Конюшенная слобода давалі денгами по двалцати алтын.

И вперед городцким людем, сотцкому Никифоріку Гаврилову, да старосте Гаврилку Василеву, да Лазарику, да Микитке Киршиным, да Кирилку, да Иванку Истоминым дѣтем Гайтурова, і всѣм городцким людем, и с тѣми людми, что былі оброчные с ывановскими, и с ключничими, и з бобровники, и с конюшенными, и с кузмадемянскими, тягло тянуті всякую содно.

А оброку им давати царю великому князю з году на год в Серпухове ключнику з земли за дан стодватцат одинъ пуд с полупудом меду. А наддалі перед старым оброком пят пуд меду.

А дворетцкой пошлины, и ключничей, и записчего с пуда по пяті денег.

А дати им тот оброкъ впервые на Рожество Христово лѣта ҂з шестьдесят перваго.

А сошные пашни девет сох без получетверти сохи.

На посадеж церкви тяглые. И всѣх церквей на посаде и с придѣломі дватцат. А дворов у них дватцат сем, а поповних дватцат шесть, да поподя, да три дьяконы, да двор пустъ.

А крестьянских дворов, которые у тѣх церквей на церковных мѣстех живут без пашни, сорок два, а людей в них сорок два человѣка, да двор пустъ, да два мѣста пустых, опрочѣ кѣлей. Пашни поповы и дяконовы сто семдесят пят четвертей в одном поле, а в дву по томуж, сѣна двѣсте восмьдесят копен. А городцким людем торговым и мастеровым в тѣх дворех на церковных мѣстех не жити, а которые городцкіе люди торговые и мастеровые учнут в тѣх дворех житі, и серпуховскому сотцкому і всѣм городцким людем тѣх людей ис тѣх дворов вывозити да сажати в свои в старые дворы в тяглые.

На посадеж на городцкой землѣ лавки:

У Фрола Святого:

Лавка Сенки Можаятинова. Три лавки головы Карпова. Лавка Иванка Мосѣева. Лавка брата его Софона Мосѣева. Лавка Меншика Карпова сына. Лавка Конши Иванова. Лавка Гриши да Олеши Климовых Тѣшиловских. Лавка Ермолы Иванова сына Терехова. Лавка Романа Иванова сына Гвоздева. Лавка Филата Офрѣмова сына. Лавка тогож Филата Офрѣмова. Лавка Семена Бакшѣева. Лавка Терени Климова сына Щепырева. Лавка Ларки Прохорова. Лавка Илейки Дмитреева сына Брысина. Лавка Степанка Михайлова. Лавка Инки Оверкеева. Лавка Юняя Кузмина сына Деревенского. Лавка Алексѣйка Семенова. Лавка Ондрюшки Омелянова. Лавка Митки Макарова.

На лево в переулке къ Ямскому двору:

Лавка Федка Головина. Лавка Михалка Сысоева. Лавка Ивана Мартынова, да Федка Обрамова, да Филата Офрѣмова. Лавка Ермолы Иванова сына Терехова. Мѣсто лавочное Русиновское Микитки Киршина. Лавка Васюка Игнатова. Лавка Митки Яковлева сына Щербинина. Мѣсто лавочное Русиновское Никана Ларивонова. Лавка Давыдка Семенова. Лавка Ивашка Еропкина. Лавка Сугоняя Данилова.

На посадеж дворы, что были оброчные конюшенные, приписаны к городуж в тягло, за рекою за Нарою, по Буткиной улице:

(в) Гриша Игнатов Вдойчиков, (в) Федко Василев сын доморник да Федко Игнатов сын казак, (в) Истомка Онохин рукавичник, (в) Макарик Оксенов сын, шаровной мастер, (в) Сенка Гаврилов сын, овчинник.

На посадеж, что были дворы оброчные слободки Кузмодемянской за рекою за Нарою, а в ней было дватцат дворов, а ныне тѣ мѣста дворовые пусты, и тѣ мѣста приписаны к городу же в тягло.

И всѣх дворов в Серпухове, на посаде черных середних и молодых, и с тѣми дворы, что были оброчные, и слободцкіми с ывановскими, и с Ключничею, и з бобровники, и с конюшенными, и с кузмодемянскими, шестьсот дватцать три дворы, а людей в них семсот девеносто шесть человѣкъ, да дватцат один двор пустых, да стодватцат два мѣста дворовых пустых.

А земли у города, по обе стороны реки Нары, у всѣх городцких людей, и с оброчники, и слободтцкіми, тысяча тритцат три четверти, сѣна три тысячи сто пятнатцат копен.

А оброку давали великому князю городцкіе люді по старому з земли за дан восмьдесят пуд меду, а оброчники, да Ивановская слобода, да Ключнича, да бобровники, да Кузмадемянская слобода давалі великому князю оброку за дан и за посошной кормъ тритцат четыре пуды меду с полупудом, а Конюшенная слобода давалі денгами по дватцати алтын.

И вперед городцким людем, сотцкому Никифоріку Гаврилову, да старосте Гаврилку Василеву, да Лазарику, да Микитке Киршиным, да Кирилку, да Иванку Истоминым дѣтем Гайтурова, і всѣм городцким людем, и с тѣми людми, что былі оброчные с ывановскими, и с ключничими, и з бобровники, и с конюшенными, и с кузмадемянскими, тягло тянуті всякую содно.

А оброку им давати царю великому князю з году на год в Серпухове ключнику з земли за дан стодватцат одинъ пуд с полупудом меду. А наддалі перед старым оброком пят пуд меду.

А дворетцкой пошлины, и ключничей, и записчего с пуда по пяті денег.

А дати им тот оброкъ впервые на Рожество Христово лѣта ,ζ шестьдесят перваго.

А сошные пашни девет сох без получетверти сохи.

На посадеж церкви тяглые. И всѣх церквей на посаде и с придѣломі двятцат. А дворов у них двятцат сем, а поповних двятцат шесть, да поподя, да три дьяконы, да двор пустъ.

А крестьянских дворов, которые у тѣх церквей на церковных мѣстех живут без пашни, сорок два, а людей в них сорок два человѣка, да двор пустъ, да два мѣста пустых, опрочѣ кѣлей. Пашни поповы и дяконовы сто семдесят пят четвертей в одном поле, а в дву по томуж, сѣна двѣсте восмьдесят копен. А городцким людем торговым и мастеровым в тѣх дворех на церковных мѣстех не жити, а которые городцкіе люди торговые и мастеровые учнут в тѣх дворех житі, и серпуховскому сотцкому і всѣм городцким людем тѣх людей ис тѣх дворов вывозити да сажати в свои в старые дворы в тяглые.

На посадеж на городцкой землѣ лавки:

У Фрола Святого:

Лавка Сенки Можаятинова. Три лавки головы Карпова. Лавка Иванка Мосѣева. Лавка брата его Софона Мосѣева. Лавка Меншика Карпова сына. Лавка Конши Иванова. Лавка Гриши да Олеши Климовых Тѣшиловских. Лавка Ермолы Иванова сына Терехова. Лавка Романа Иванова сына Гвоздева. Лавка Филата Офрѣмова сына. Лавка тогож Филата Офрѣмова. Лавка Семена Вакшѣева. Лавка Терени Климова сына Щепырева. Лавка Ларки Прохорова. Лавка Илейки Дмитреева сына Брысина. Лавка Степанка Михайлова. Лавка Инки Оверкеева. Лавка Юняя Кузмина сына Деревенского. Лавка Алексѣйка Семенова. Лавка Ондрюшки Омелянова. Лавка Митки Макарова.

На лево в переулке къ Ямскому двору:

Лавка Федка Головина. Лавка Михалка Сысоева. Лавка Ивана Мартынова, да Федка Обрамова, да Филата Офрѣмова. Лавка Ермолы Иванова сына Терехова. Мѣсто лавочное Русиновское Микитки Киршина. Лавка Васюка Игнатова. Лавка Митки Яковлева сына Щербинина. Мѣсто лавочное Русиновское Никана Ларивонова. Лавка Давыдка Семенова. Лавка Ивашка Еропкина. Лавка Сугоняя Данилова.

На Нашкинском мѣсте на протопопове от Ямского двора в том же ряду по другой сторонѣ лавки:

Лавка Пречистинского попа Никиты, протопопова сына. Лавка Сорофонка Федорова. Лавка Лѣтионова гончара. Лавка Дубины Осипова. Лавка Микитки Киршина. Лавка Данилка Никитина. Лавка протопопова Родионова. Мѣсто лавочное протопоповаж. Лавка Гриди Коротнева. Лавка Офони Микитина. Лавка Тиши Михалева. Лавка Онашки Прокофева Вунакова. Лавка Гриши Паршина.

На городцкойж землѣ в Болшом ряду на леве:

Лавка Васка Степанова. Лавка Ондрѣйка Омелянова. Лавка Гриши, да Нечая, да Якуша Паршиных детей. Лавка Гаврила Потапова. Лавка Ивана Истомина сына Гайтурова мелникова.

Из Болшово ряду на лево в заулок:

Мѣсто лавочное Онашки Прокощева. Лавка Иевка Истомина сына Гайтурова. Лавка Микитки Щербины Яковлева сыны. Лавка Офони Черново, Яковлева сына.

Да на Нашкинском же мѣсте на протопопове: лавка Микитки Фурсова Седелникова.

На том же мѣсте:

Лавка Васюка Иванова сына Степанова. Мѣсто лавочное пусто, а того городцкие люді не вѣдаютъ, чье было. Мѣсто лавочное Ивашка Кузмина сына Арнѣева. Лавка Мокѣйка Кузмина сына Арнѣеваж. Лавка Остани Костина.

В том же ряду по другой сторонѣ на городцкой ж землѣ:

Лавка Гаврила Потапова. Лавка Куземки Свистунова. Онбар пречистенского попа Влася. Лавка Степанка Исакова Сына Хваева. Лавка Иванка Ондрѣева сына Хваева.

В Болшом ж ряду на лѣвой сторонѣ:

Лавка Мокѣя Кузмина сына Арнѣева. Лавка Сенки Кузяева. Лавка Иванка Истомина сына Гайтурова. Лавка Климка Фомина.

На церковной землѣ пречистинского попа Власа лавки:

В лавке Гаврилко Иванов, В лавке Микитка Микитин. В лавке Нечайко Алексѣев. В лавке Сенка Шляев. В лавке Иванко Федоров.

В том же ряду по другой сторонѣ от Пречистой ко Фролу Святому на городцкойж землѣ:

Лавка Васюка жерновника. Лавка Федка Нефедова. Лавка Гриди Климова. Лавка Ширяя Донкова пищальникова. Лавка Офонки Яковлева. Лавка вдовы Дари Фурсовы. Лавка Соболя Олферова сына. Лавка Некраска Онанина. Лавка Кузмы Черново. Лавка Федки Наумова двѣ треті, а трет Иванка Федорова. Лавка Иванка Никитина. Лавка Онисея Дудина. Лавка Васки Иванова. Лавка Игната Останина. Лавка Осипка Иванова сына Дерявкина. Лавка Васюка Григорева сына Ларина. Лавка Якуша Насонова. Лавка Васюка Игнатова. Лавка Ондрюшки Захаренкова. Лавка Сугоняя Данилова. Лавка Тиши Михайлова сына Фролова. Лавка Ортемка Семенова. Лавка Васюка Обрютина. Лавка Русинка Михайлова сына Сысоева. Лавка Федки Ивашкова сына другова. Лавка Ивашка Мартынова. Лавка Титка Лукянова сына Фофанова. Лавка Лазарка Кирилова сына. Лавка холопа Прохорова. Лавка Савы Семенова сына Калуженинова. Лавка Семена Бакшѣева сына. Лавка Сенки Иванова сына Еропкина. Лавка Степанка Климова сына Тѣшиловскаго. Лавка Сидорка Степанова сына Шюклина. Лавка Жука Алексѣева. Лавка Ѳедора Иванова сына другова. Лавка Потапка Игнатова. Лавка Мартына Харина. Лавка Говрила Михайлова сына. Лавка Максимка Федорова. Лавка Еси Гаврилова. Лавка Бориса Федорова сына. Лавка Роди Сидорова.

От Фролая Святого позаді Болшово ряду по лѣвой сторонѣ: Лавка Семена Калуженинова. Поллавки Гаврила Никітина, да его брата Васки, а другая половина тое лавки Ларки Мосѣева. Лавка Максимка Озарова. Лавка Миті Долгова. Поллавки Митрошки Остафеева, а другая половина тоѣ лавки Илы Офонасева. Лавка Мосѣйка Олешина. Лавка Вардамка Павлова. Лавка Щеметка Василева. Лавка Осипка Михалева. Лавка Васюка Иванова сына другова. Лавка Юри Демидова да Иванка Костіна. Лавка вдовы Марьи, Борисовские жены, да Иванка Ермолина. Лавка Ивашка Борова Малеѣева сына. Лавка Герасимка Ивашкова сына Давыдова. Лавка Ивашка Алексѣева. Лавка Софона Олешина сына Щоборова. Лавка Ѳедора Игнатова.

В том же ряду ко Фролу Святому по другой сторонѣ: Лавка Ермолы Иванова сына Терехова. Поллавки Обрама Иванова сына Давыдова да Тихона Чюмина. Лавка Тиши Михайлова да Истомы Боровитинова. Лавка Мити Щербинина Яковлева сына.

В том же ряду по другой стороны от Нары:

Лавка Максимка Сидорова. Лавка Осташка Костіна. Лавка Мишки Филина. Лавка Шабанка Федотова. Пол лавки Иванка Филипова сына дехтеря. Пол лавки Гурейка Ивашкова Косякова. Лавка Озара Наумова. Лавка Ондрюшки Полунина. Лавка Семена Вакшѣева. Онбар Ерохи да Тихонка Конаковыхъ. Онбар Ермолки Климова. Мѣсто лавочное пусто, а того городцкіе люди не вѣдают, чье было. Лавка Васки Микифорова. Лавка Иванка Истомина сына Гайтурова да Митрошки Данилова. В полулавке скоморох Плохой Труфанов. Онбар Петрока Офрѣмова. Лавка Ондрюшки Тарасова сына Захаренкова. Лавка Марка Власова сына киселника. Онбар Петруши Офрѣмова. Онбар Лазарика Кирпишна. Онбар старостин Гаврилка Василева. Онбар Филата Офрѣмова. Онбар Устина Игнатова. Онбар Якима Шепырина. Онбар Федка Игнатова. Онбар Филата Офрѣмова. Мѣсто лавочное Саниц Лохтева. Онбар Федка Филонова. Онбар Титков Мартянова сына Фофанов. Мѣсто лавочное сотцкого Микифорика ..... Лавка Иванка Офрѣмова. Мѣста лавочное пусто, а того городцкие люди не вѣдают, чье было. Лавка Петруши Демина. Лавка Семена Кузяева. Мѣсто лавочное Куземки Савина сына Воронова. Лавка тогож Куземки Воронова.

I всѣх на посаде лавок и онбаров и с полулавками двѣсте пятдесят лавок с третю, да дватцат одно мѣсто лавочное, опроч тѣх трех мѣстъ лавочных пустых, про которые мѣста городцкіе люди сказалі: того они не вѣдают, чьи былі.

А оброку им царю і великому князю даваті с тѣх лавок и мѣстъ полавочного в дьячю избу, гдѣ сидит Юрьи Сидоров с товарыщи, з году на год по семи рублев и по дватцаті по четыре алтыны, с лавки и с онбара по алтыну, а с полулавки по три денги, а с мѣста по две денги. А дати им тот оброк впервые на Рожество Христово лѣта ҂зѯ перваго.

К сей сотной Княз Василей Семенович Фуников печать свою приложил. Лѣта сем тысяч шестьдесятого.

Матфѣйко Никитин, Семен Стародубовъ.

(У подлинной рукописи сохранилась привѣшенная черная сургучная печать съ надписью: „Печать Княж Васильев Семеновичь“).

Лавка Полукарпа Онцыфорова. Мѣсто лавочное Васки Степанова. Мѣсто лавочное Климка Федорова. Лавка Ондросова Михалева Бритикова. Пол лавки Филипка Васидева. Лавка Иващка Василева сына Брюхова. Мѣсто лавочное Иванка Иванова сына Клинова. Мѣсто лавочное Федка Головина. Лавка Игнатка Костянтинова сына Торуты. Лавка Януша Федотова. Мѣсто лавочное Ермолки да Сидорка Степановых детей. Лавка Микитки Микифорова. Лавка Афонки Яковлева сына Ростригина. Лавка Савки Овчинникова. Мѣсто Созыки Илина сына. Онбар Минки Зѣнина да Ермолки Иванова. Мѣсто лавочное Осташка Игнатова. Мѣсто лавочное Федка Василева сына доморника. Лавка Иванка Сергѣева сына мясника. Лавка Кирилка, да Давыдка, да Якушка Семеновых детей. Лавка Ивашка Мартынова. Лавка Левы Свиридова. Лавка Игната Василева сына Захаренкова. Лавка Ушака Харитонова. Пол лавки Онтюфейка Микулина сына. Лавка Иванка Кирилова да Романа Никитина. Лавка Петрушки Карево. Лавка Онтіпка, да Трофімка, да Васюка, Якимовых детей Шапырина. Трет лавки Сидорка, да Васка, да Оникея Мелеховых детей. Лавка Ивашка Климова сына Кромина да Васюка Хралова. Лавка Истомки Игнатова да Якуша Игнатова, колачниковъ. Лавка Иванка Козадаева. Лавка Филата Офрѣмова. Мѣсто лавочное Семена Сергѣева. Лавка Левы Савина. Лавка Филата Офрѣмоваж. Лавка Исачка Иващкова сына Воронова. Лавка старостіна Гаврила Василева. Лавка Оникея Гришина сына Власова. Онбар Ларкин Прохорова. В полулавке Трушка Кирилов. Пол лавки Мокѣя Кузмина сына зелейника.

В городцком ряду в переулке к Наре:

Лавка Миті Свиридова. В полулавке Ивашко Яковлев. В полулавке Ивашко Банщѣев. Лавка Онуфрейка Иванова. Лавка Ивашка Максимова. Лавка Петруши Оверкеева. Лавка Молаха Мелехова. Лавка Истомки Митина сына Шешмякова да брата его Шемякина. Лавка Оникея Гридина. Лавка Игната Климова. Лавка Васки Степанова сына Форкина. Лавка Лохтиона Семенова. Лавка Маника Герасимова. Лавка Жуна Алексѣева. Лавка Семена Кузяева. Лавка Юняя Кузмина. Лавка Филата Офрѣмова. Лавка Ивашка Тарущенина. Лавка Федка Федорова. Лавка Олеши Климова. Лавка Миті Свиридова.

стиное, да правой десятокъ с намѣстничя и с тиуня суда, да венцы женитвеные. И протопопъ з братиею берутъ тоѣ пошлину по старинѣ. Хто приѣдетъ зимою на саняхъ, а лѣтомъ на телѣгахъ въ Серпуховъ, или хто въ судне жито привезетъ, и они емлютъ помѣрное с окова по денге, а буде которого жита болши, или менши, и они емлютъ по томужъ росчету помѣрное. А вѣсчее і гостиное емлютъ з гостей и с торговыхъ людей. Кто учнетъ въ Серпухове торговати какимъ товаромъ ни буди, с рубля по двѣ денги, а будетъ товару болши рубля, или менши рубля, и они емлютъ пошлину свою церковную по томужъ рощету. А хто что продастъ, протопопу с братією не явивъ, и на ково въ томъ доведутъ передъ намѣстникомъ, а они на томъ возмутъ заповеди два рубля—рубль намѣстнику, а другой рубль протопопу з братією. А правой десятокъ съ намѣстничя и тиуня суда емлютъ по старинѣ. А вѣнцы женитвеные емлютъ по старинѣ с серпуховичь и со всего Серпуховского уѣзда да с волости Козлова броду, с первоженца по алтіну. А хто женится безъ протопопова знамяни, и ково в томъ уличатъ, и они на томъ возмутъ заповеди два рубля. А и с тоѣ пошлины ізо всеѣ у протопопа з братиею попу Дмитріевскому, что Дмитрей Святый въ Серпухове же внутри города, третья выть по старинѣ, какъ на передъ сего и шло. А руги имъ велено давати з году на годъ на Рожество Христово протопопу два рубля, а диякону рубль. Да имъ же пять гривенокъ воску на поставную свѣчю, да пятнатцать гривенокъ на малыя свѣчи. А проскурницѣ Троецкой велено давати на проскуры на годъ оковъ пшеницы, да полтора пуда соли, да на канунъ пудъ меду прѣсново, да ей же восемь четвертей ржи за стряпню. А пономарю троицкому полполтины денегъ да четыре четверти ржи. А емлютъ тоѣ ругу на Москвѣ в приказѣ Большово дворца на Рожество Христово. Да за протопопомъ же Троицкимъ зъ братиею въ Серпуховскомъ уѣздѣ деревня Демьяновская.

Да они жъ положили передъ нами грамоту послушную блаженныя памяти дяди нашего, государя царя и великого князя Федора Івановича всеа Русіи, 104 [1] года, за приписью дияка Гаврила Михѣева. А въ той грамотѣ написано: которые серпуховичи и

[1] 7104 г. т. е. 1596 г.

Конюшенныя слободы торговые люди учнутъ торговати какими товары ни буди, и Троицкому протопопу з братиею велено на нихъ таможенные пошлины імати по уставнымъ грамотамъ. А которые люди какими товары учнутъ торговати неявясь, и на нихъ велено Серпуховскимъ воеводамъ збирати протаможья по два рубля,— рубль на насъ, а другой рубль протопопу с братиею.

Да онижъ положили передъ нами нашу послушную грамоту, за приписью дияка нашего Добрыни Семенова, 123 [1] года. А въ той грамотѣ написано: Били намъ челомъ Троецкій протопопъ Прокофей с братиею, чтобъ намъ его пожаловать в денежные и в хлѣбные руги мѣсто, и на свѣчи, и на ладанъ, и на церковное строеніе таможную пошлину велѣти бъ збираті по прежнему, и будетъ онъ збираті (?) до разоренья, и послѣ разоренья, и по 123 годѣ, и Серпоховскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ на серпоховичехъ на посацкихъ и на всякихъ торговыхъ людехъ, хто чѣмъ учнетъ торговати, таможную пошлину и съ хлѣба по мѣрѣ по уставной грамоте велено, доправливая, отдаватъ Троецкому протопопу з братиею, а в тѣхъ пошлинахъ тѣмъ людямъ, на комъ тѣ пошлины доправятъ, велено протопопу з братиею давать отписи впредь для спору.

И мы, великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи, и отецъ нашъ, великій государь святѣйшій патриярхъ Ѳиларетъ Никитичь Московскій и всеа Русіи, живоначальные Троицы, что в Серпуховѣ внутри города, протопопа Козму з братиею пожаловать велѣли: тѣ прежніе грамоты переписать вновь на наше государское имя по новому уложенію, и что ихъ монастырская деревня Демьяновская, и тою имъ деревнею велѣли владѣти по прежней и по сей нашей государской жаловальной грамоте и по нашему государскому по новому уложенью. С тоѣ церковной деревни Демьяновской ихъ церковнымъ людямъ и крестьяномъ нашихъ никакихъ податей, и денежныхъ всякихъ поборовъ, и казачыхъ хлѣбныхъ запасовъ, и кормовъ съ сошными людми не давать, опричь ямскихъ денегъ, и стрелецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, и городового, и острожного дѣла. А ямскіе имъ денги и стрелецкіе хлѣбные запасы давать и городовое и острожное дѣло дѣлать по

[1] 7123, т. е. 1615 г.

писцовымъ и по дозорнымъ книгамъ з живущего с сошными людми вмѣсте. Также есми ихъ пожаловалі: бояря наши и намѣстницы ихъ и тіуны ихъ церковныхъ людей и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опрочѣ душегубства и разбоя и татбы с поличнымъ, ни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что. А праветчики и довотчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ и не въезжаютъ къ нимъ ни по что. А вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей да и причетъ церковный протопопъ з братиею самъ во всемъ, или кому прикажутъ. А случится судъ смѣстной церковнымъ людямъ з городцкими, или съ волостными люди, и бояря наши и намѣстники и ихъ тиуны церковныхъ и городцкихъ людей судятъ, а протопопъ, или ихъ приказщикъ, съ нимижъ судитъ. А правъ будетъ, или виноватъ церковной человѣкъ у ково въ правдѣ и въ винѣ, протопопу з братиею, а городцкой и волостной человѣкъ и въ правдѣ и въ винѣ воеводамъ нашимъ и приказнымъ людямъ. А кому будетъ чего искати на протопопѣ з братиею, и ихъ судитъ отецъ нашъ, великій государь святѣйшій патриярхъ Өиларетъ Никитичь Московскій и всеа Русіи, или кому онъ, великій государь, повелитъ ихъ судити. А церковныхъ людей и крестьянъ сужу я, царь і великій князь Михаило Федоровичь всеа Русіи, или азъ кому прикажу ихъ судити. А по нашему государскому указу отвечати имъ и искати въ году на три сроки: на Рожество Христово, да на Троицынъ день, да на Семенъ день лѣтопроводца. А опрочѣ тѣхъ нашихъ указныхъ трехъ сроковъ на иные сроки ихъ не судити и на поруки не давати. Также есми протопопа з братьею пожаловалі: по прежнимъ и по сей нашей государской жаловальной грамоте таможную имъ пошлину, и вѣсчее, и гостиное, и помѣрное, и правой десятокъ, и венцы женитвеные велѣли съ Серпуховскихъ съ посадцкихъ и съ уѣздныхъ людей и конюшенные слободы с тяглецовъ и со всякихъ торговыхъ людей збирати ко Святей Троице по тому, какъ у нихъ в прежней уставной великого князя Василья Івановича всеа Русіи грамоте указано. А которые люди серпоховичи, и иныхъ городовъ, и Конюшенные слободы тяглецы, и всякие торговые люди, и какими товары учнутъ торговати, а протопопу з братиею по прежней уставной и по сей нашей жаловальной грамоте пошлинъ платити не учнутъ, і воеводамъ нашимъ и приказнымъ людямъ, которые

будутъ въ Серпохове. велѣти за тѣхъ людяхъ тѣ протопоповы таможные пошлины доправливати и отдавати протопопу з братнею. Также есми ихъ пожаловали: которые люди какими товары учнутъ въ Серпохове торговати хлѣбомъ. или какими весовыми товары, а протопопу з братнею не явятъ. и за тѣхъ людяхъ имати протаможья по два рубли: рубль на насъ. государя царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи. а другой рубль протопопу з братнею. Также есми протопопа з братнею пожаловали: хто женится безъ протопопова знамяни. и на томъ взяти протопопу з братнею заповеди два рубли. А не тѣхъ изо всѣхъ пошлинъ, и не продаможныхъ. и изъ заповедныхъ. і изъ помѣрныхъ денегъ, имати Дмитревскому попу. что Дмитрей Святый въ Серпохове же внутри города. у протопопа з братьею по старинѣ. какъ они напередъ сего имали. Также есми ихъ пожаловали: на пиры и на братины к протопопу. и к братье. и к церковнымъ людямъ, и ко крестьяномъ княженецкие. и боярские. и дворянские. и детей боярскихъ люди. и крестьяня не званы пити не ѣздятъ. А хто къ нимъ на пиръ и на братину приѣдетъ пити не званъ. а учинится у нихъ при томъ незваномъ какая гибель. і тому незваному та гибель платити вдвое безъ суда. А хто черезъ сію нашу государскую жаловальную грамоту протопопа и братью. и церковныхъ людей, и крестьянъ чѣмъ изобидитъ. и тому отъ насъ, великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи. быти в опале.

Дана сея наша государская жаловальная грамота на Москвѣ, лѣта 7132 [1] марта въ 7 день. Прокофей Пахиревъ.

(Къ подлинной грамотѣ привѣшена печать изъ краснаго воску на красномъ шелковомъ снуркѣ. На ней съ одной стороны изображеніе св. Георгія Побѣдоносца. поражающаго змія, и кругомъ надпись: „Божіею милостію великій государь царь и великій князь Михаило Федоровичь всеа русіи", на другой сторонѣ изображенъ двуглавый орелъ съ надписью кругомъ: „всеа русіи самодержецъ і многихъ господарьствъ господинъ и обладатель").

---

[1] Т. е. 1624.

2.

Лѣта 7160 [1], октября въ 9 день, Божіею милостію мы, великій государь царь і великій князь Алексѣй Михаиловичь всеа Русіи самодержецъ, сеѣ грамоты слушали і, выслушавъ изъ Серпухова соборные церкви живоначальные Троицы протопопа Козму з братиею и хто по немъ у тое соборные церкви впредь протопопы и братья будутъ, пожаловали — велѣли имъ сеѣ грамоту подписать на свое, государево царево и великого князя Алексѣя Михаиловича всеа русіи, имя и сеѣ у нихъ грамоты рудити никому не велѣли. А что въ сей грамоте написано: велено ихъ судити въ году на три сроки і иные которые спорные статьи вновь переменились, и тому быть по нынешнему нашему новому уложенію.

Діякъ Смирной Богдановъ.

3.

Лѣта 7187 [2], декабря въ 20 день, Божиею милостію мы, великій государь царь і великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичь всеа великія і малыя і бѣлыя росіи самодержецъ, сей жалованной грамоты слушавъ, пожаловали изъ Серпухова соборныя церкви живоначальныя Троицы протопопа Василья з братьею, велѣли имъ і кто по нихъ впредь иныя будутъ, въ Серпуховскомъ уѣзде деревнею Демьяновою со всеми угодьи владѣти по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ по прежнему, будетъ тѣмъ спору нѣтъ, а о нашихъ, великого государя, доходехъ, и о всякихъ поборехъ, и о судныхъ, и о пошлинныхъ статьяхъ быть по тому, какъ въ указе отца нашего государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексѣя Михаиловича всеа великія і малыя і бѣлыя Росіи самодержца і в соборномъ уложенье напечатано і послѣ соборнаго уложенья въ уставныхъ грамотахъ і в новыхъ статіяхъ написано.

Діякъ Семенъ Комсинъ.

---

[1] Т. е. 1652.
[2] Т. е. 1679.

III.

Списокъ съ грамоты 1687 г. о принятіи въ Серпуховъ въ посадъ Серпуховскаго уѣзда села Покровскаго причетника Аверчка Андреева.

(Списокъ хранится въ архивѣ Серпуховской Городской Управы).

От великихъ государей (полный титулъ) в Серпуховъ столнику нашему і воеводе Афонасью Андреевичю Соймонову.

Билъ челомъ намъ, великимъ государемъ, Серпуховскаго уѣзду села Покровскаго церкви Богородицы Покрова причетникъ Аверчка Андрѣевъ.

В прошлыхъ годехъ дѣдъ ево і отецъ были у тояж церкви в понаморехъ, а онъ де, Аверчка, после отца своево остался в малыхъ лѣтехъ і скитался межъ дворъ по рознымъ мѣстамъ, кормяся роботою своею. А ныне хочетъ онъ жить в Серпухове на посаде і всякие службы служить і подати платить с серпуховичи посацкими людми в ровенство, а серпуховиче де посацкие люди безъ нашего, великихъ государей, указу в посадъ не принимаютъ. И намъ, великимъ государемъ, пожаловатиб ево, Аверчку, велѣть ему в Серпухове жить в посаде і наши, великихъ государей, всякие подати платить і службы служить с серпуховичи посацкими людми в рядъ, і о томъ ему дать к тебѣ нашу, великихъ государей, грамоту с прочетомъ. І какъ к тебѣ ся наша, великихъ государей, грамота придетъ, і тыб Аверчке Андрѣеву велѣлъ жить быть в Серпухове в посаде в тяглѣ, і всякие службы служить, і тягло тянуть, і всякие подати платить с серпуховичи посацкими людми врядъ, і в томъ собрать по немъ поручную запись. А прочетъ сю нашу, великихъ государей, грамоту, велѣлъ с нея списать списокъ, да тотъ списокъ оставить у себя в съѣзжей ізбѣ, а сю нашу, великихъ государей, подлинную грамоту отдать ему Аверчке, впредь для іныхъ воеводъ і приказныхъ людей.

Пісана на Москвѣ лѣта 7195 [1] году августа въ 12 день. У подлинной грамоты назади припись дьяка Ивана Нѣгоморского, справа подьячаго Алексѣя Богданова.

[1] 1687 г.

IV.

Списокъ съ грамоты 1693 г. о дачѣ во владѣніе въ Серпуховѣ въ острогѣ двухъ мѣстъ подъячему Иноземнаго приказа Ивану Авдѣеву сыну Байбакову.

(Списокъ хранится въ архивѣ Серпуховской Городской Управы).

...... царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россиі самодержцевъ, в Серпуховѣ воеводе нашему Дмитрею Хорламовичю Соймонову.

Билъ челомъ намъ, великимъ государемъ, іноземного приказу подъячей Авдѣевъ сынъ Байбакова.

В челобитной ево написано: В прошломъ де 7158 году [1] дано было по грамоте ис Пушкарского приказу дяде ево родному, дьяку Ивану Прокофьеву сыну Байбакову, для осаднаго времени в Серпухове в остроге, у острожныхъ Нарскихъ воротъ, идучи из острогу на праве противъ каменного города, подле болшие дороги, гдѣ преж сего бывали кузницы, мѣсто вдол от острогу до Убогова кладбища двѣнатцать поперекъ, в одномъ конце четыре, а в другомъ три сажени; да емуж дано позади тѣхъ кузнечныхъ мѣстъ пустое мѣсто подъ угоромъ, вдол двенатцать, а поперекъ в одномъ конце девять, в другомъ пятнатцать саженъ, в трехаршинною саженъ. И были тѣ мѣста за дядею ево в дачахъ по 7173 [2] годъ, а после смерти дяди ево во 7173 году тѣ места справлены за сыномъ ево, из дворянъ, за Васильемъ Байбаковымъ, а за ево, Ивановымъ, братомъ двоюроднымъ, і были за нимъ в дачахъ по 7182 годъ [3], а после ево, Васильевой, смерти жена и дѣти померли, и родственники по се число о томъ дворовомъ мѣсте намъ, великимъ государемъ, никто не бивали челомъ; и ныне де то мѣсто лежитъ пусто. И намъ, великимъ государемъ, пожаловатиб ево: велѣть то дворовое мѣсто вымерять и по родстве отдать ему, Ивану, противъ прежнихъ дачъ и о томъ послать к тебѣ нашу, великихъ

[1] 1650 г.
[2] 1665 г.
[3] 1674 г.

государей, грамоту. Да подалъ з даной на то вышеписанное дворовое мѣсто списокъ, а в списке написано: В прошломъ во 7158 г.[1] ноября въ 18 день, по указу отца нашего, великихъ государей, блаженные памяти великого государя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росиі самодержца, и по грамоте ис Пушкарского приказа, за приписью дьяка Андрѣя Галкина, Серпуховской губной староста Никифоръ Резанцовъ далъ даною дьяку Івану Прокофьеву сыну Бойбакову в Серпухове на осадной дворъ, в остроге противъ города, у острожныхъ Нарскихъ воротъ, гдѣ прежъ сего бывали кузницы, да позад тѣхъ кузничныхъ мѣстъ подъ угоромъ пустое мѣсто, а по мѣре и по скаске съѣзжие серпуховъские избы подъячего Юрья Фофонова, да пушкарей Микифорка Дерябина, да Федотка Молофѣева, тѣхъ мѣстъ вдол подле болшие дороги двенатцать, поперекъ въ одномъ конце девять, в другомъ пятнатцать саженъ.

И какъ к тебѣ ся наша, великихъ государей, грамота придетъ, и тыб в Серпухове в остроге, противъ города, у острожныхъ Нарскихъ воротъ, гдѣ преж сего бывали кузницы, да позади тѣхъ кузничныхъ мѣстъ пустое мѣсто подъ угоромъ, которые места напередъ сего даны были дьяку Івану Байбакову, противъ даной, велѣлъ описать и ізмѣрять, вдоль и поперекъ сколко саженъ, и тѣми дворовыми мѣстами велѣлъ владѣть Иноземского приказу подъячему Івану Байбакову, буде тѣ мѣста бѣлые, а не теплые, і спору ни с кѣмъ не будетъ, и написать за нимъ, Іваномъ, в дворовые книги і с тѣхъ книгъ дать ему, Івану, выпись, почему ему тѣми мѣстами впредь владѣть. Да о томъ къ намъ, великимъ государемъ, отписку и дворовые книги и з даной списокъ прислалъ к Москве і велѣлъ подать в пушкарскомъ приказе боярину нашему Князю Федору Семеновичю Урусову с товарыщи.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7201[2] генваря въ 11 день.

У подлинной грамоты припись дьяка Микифора Кудрявцова, справа подъячаго Сергѣя Севергина.

[1] 1650 г.
[2] 1693 г.

V.

Двѣ челобитныя гостиной сотни Гераски Иванова сына Сѣрикова, 1700 г. о бѣгствѣ отъ него купленнаго человѣка Сеньки Семенова.

(Хранятся въ Архивѣ Серпуховской Городской Управы).

1.

Великому государю царю і великому князю Петру Алексѣевичю, всеа великия, и малыя, и бѣлыя Росиі самодержцу, бьетъ челомъ и являетъ холопъ твой, гостиной сотни Гераска Івановъ сынъ Сѣриковъ.

В нынешнемъ, государь, ҂а҃ѱ-мъ году, марта во первое надесять число, былъ я, холопъ твой, в Боровску съ купленымъ своимъ человѣкомъ с Сенкою Семеновымъ, и тотъ мой купленой человѣкъ Сенка в Боровску в той нощи, пократчи меня, холопа твоего, збежалъ, а кражею онъ, человѣкъ мой Сенка, взялъ у меня, холопа, денегъ сто десять рублевъ, да осмьнатцать заемныхъ кобалъ, да нижегороцкаю зачетною выпись. И с теми моими покрадеными денгами и з заемными коболами и съ выписью тот человѣкъ мой Сенка в бегахъ былъ в Оболенскомъ уѣзде в деревни Тишковой у помѣщиковъ у Григорья Остафьева сына да у Івана Семенова сына, а от нихъ, помѣщиковъ, гдѣ тотъ мой человѣкъ девался, и мнѣ, холопу твоему, про то не вѣдомо. А гдѣ тотъ мой человѣкъ Сенка, бѣгаючи от меня, холопа твоего, явитца на воровствахъ, или на разбоехъ, или на тадбахъ, чтобъ мнѣ, холопу твоему, от тебя, великого государя, в пени і в опале не быть. Милосердый великиі государь царь и великиі князь Петръ Алексѣевичъ всеа великия, и малыя, и бѣлыя Росиі самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, челобитье мое и явку записать в Серпухове передъ бурмистры земскихъ дѣлъ. Великиі Государь, смилуйся!

На оборотѣ:

҂а҃ѱ г. марта въ д҃і челобитье записать в книгу.

К сей челобитной гостиной сотни Гераска Сѣриковъ руку приложилъ.

2.

Великому государю царю і великому князю Петру Алексѣевичю, всеа великия, и малыя, и бѣлыя Росиі самодержцу, бьетъ челом холопъ твой, гостиной сотни Гараска Івановъ сынъ Сѣриковъ.

В нынешнем, государь, 1700 году, в марте мѣсяце, былъ я, холопъ твой, для торговаго своего промыслу в городе Боровску, а со мною, холопом твоим, былъ купленой мой человѣкъ Сенка Семеновъ, и із Боровска тот мой купленой человѣкъ Сенка, поднѣтя у меня, холопа твоего, денегъ сто десять рублевъ, да осмьнатцать кобалъ, да нижегороцкою выпись, пократчи, воровски бежал. І в том ево Сенкине побѣге, і в сносныхъ денгахъ, і в кобалных крепостях, и в нижегороцкой выписи у меня, холопа твоего, въ Боровску, в Серпухове явочьное челобитье записано. Да в нынешнем же, государь, 1700-м году, апрѣля въ 27-е, в городе Ливнах поймал я, холопъ твой, в бегах того своего человѣка Сенку Семенова и привел ево к роспросу в приказною избу, и ливенской воевода Федоръ Брежневъ ево, Сенку, в приказной избѣ перед собою в том ево побѣге, і в сносныхъ денгах, і в кобалныхъ крепостях, і въ выписи против моего челобитя, холопа твоего, роспрашивалъ, а в роспросе своем онъ, Сенка, во всем не запирался. И ливенской воевода того моего бѣглова человѣка Сенку отдалъ мнѣ, холопу твоему, и я, холопъ твой, того своего человѣка Сенку привел в Серпухов в земскою избу перед бурмистры. И в земской избѣ онъ, Сенка, распрашиванъ же, а в роспросе своем во всем против того моего, холопа твоего, челобитья не запирался, и в Серпухове из земской избы отданъ былъ он, Сенка, мнѣ холопу твоему, и былъ у меня, холопа твоего скованъ, до твоего великого государя указу. А я, холоп твой, ѣздил для торговаго своего промыслу в Нижней Новгород. І в нынешнем же, государь, 1700 году, августа под седмое число, в нощи онъ, человѣкъ мой Сенка, без меня, холопа твоего, бежал из домишку моево скован. А гдѣ онъ, человѣкъ мой Сенка, въ бегах обявитца на воровствах, или на разбоех, или на тадбах, чтоб мнѣ, холопу твоему, от тебя, великаго государя, в пени і вопале не быть. Милосердый великій государь, царь і великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа великия, и

малыя, и бѣлыя Росиі самодержецъ, пожалуй меня, холопа св
вели, государь, челобите мое и явку записать в Серпухове в
ской избѣ. Великиі государь, смилуйся!

На оборотѣ:

1700 г. августа в 19 день челобитье записать в книгу и
лину по указу принять.

К сей челобитной гостиной сотни Гераска Івановъ руку
ложилъ.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Стр.				Напечатано:	Должно исправить:
IX	строка	16	снизу	тягледцамъ	тяглецамъ
3	„	10	„	или другими словами создать	или, другими словами создать
4	„	11	сверху	сосѣдей	сосѣдей,
6	„	15	„	и др	и др.
11	„	6	„	(1399)	(1339)
—	„	8	снизу	(въ примѣч.) Исторія	Историч.
12	„	12	сверху	на западъ	на западъ,
14	„	5	снизу	Мѣловьское“	Мѣловьское“,
16	„	10	сверху	Смолянинъ.	Смольнянъ.
17	„	14	снизу	„черной смерти“	„черной смерти“,
18	„	5	„	Дмитрій	Дмитрій,
19	„	2	сверху	Владиміра Андреевича	Владиміра Андреевича,
—	„	3	„	Іоанновича	Іоанновича,
—	„	17	„	храбрымъ.	Храбрымъ.
23	„	4	„	1732	1372
35	„	6	снизу	принадлежавшіе	принадлежавшія
37	„	13	„	незначительны	незначительны.
—	„	11	„	Серпуховомъ [1]	Серпуховомъ [2]
38	„	—	сверху	отношеніяхъ.	отношеніяхъ:
—	„	12	„	князю	князю)
50	„	9	снизу	(въ примѣч.) таркта	тракта
51	„	11	сверху	„Трехъ горокъ“	„Трехъ горахъ“
61	„	9	снизу	(въ примѣч.) вподающею	впадающею
66	„	16	сверху	поля.	поля“.
—	„	—	„	рублей“.	рублей.
—	„	19	„	своето	своего
—	„	9	снизу	доконзанью,	докончанью,
69	„	8	„	въ (1414 г.)	(въ 1414 г.)
78	„	10	„	половину	половину княженія
86	„	—	„	напріятельской	непріятельской
90	„	15	сверху	крымцы	Крымцы
91	„	5	снизу	(въ примѣч.) Кар. VIII, II.	Кар. VIII, 11.
93	„	4	„	знименитой	знаменитой
94	„	11	сверху	въ это	это
116	„	13	„	деньги	день
117	„	14	„	Клушиномъ	Клушинымъ
118	„	6	„	серпуховичу	серпуховичи
132	„	12	„	и Эдигей	, и Эдигей
134	„	7	снизу	(въ примѣч.) Названіе	Названія
135	„	2	„	(въ примѣч.) придѣлъ.	придѣлъ
136	„	3	сверху	называемыя	называемая
138	„	8	снизу	(въ примѣч.) обязаные	обязанные
139	„	7	сверху	коломны	Коломны
144	„	17	„	пополулавкѣ	по полулавкѣ
150	„	6	„	было	была

Стр.			*Напечатано:*	*Должно исправить:*
153	строка	11 сверху	называемые впослѣдствіе „казенные кузнецы"	называемыхъ впослѣдствіи „казенныхъ кузнецовъ"
168	„	14 „	кого-бытто	кого-бы то
198	„	8 „	1071 г.	1701 г.
	„	11 снизу	(въ примѣч.) XVII.	XVII в.
221	„	10 сверху	оомининиковъ.	осмининиковъ.
235	„	2 снизу	(въ примѣч.) разанцы	ризницы
246	„	6 „	мелники	мельники
283	„	11 „	дѣтьти.	дѣтьми.
297	„	14 сверху	хѣщ.	мѣщ.
307	„	4 „	„Серпуховскіе пушкари затинщики"	„Серпуховскіе пушкари и затинщики"
313	„	2 „	Омельянов	Омелянов
314	„	— „	[illegible]	[illegible]
316	„	3 снизу	сынъ	сын
317	„	3 сверху	человѣк	человѣкъ
	„	4 „	человѣк	человѣкъ
	„	14 снизу	[illegible]	[illegible]
	„	8 „	кузнец	кузнецъ
318	„	3 сверху	[illegible]	[illegible]
	„	3 снизу	кузнец	кузнецъ
320	„	3 „	человѣк	человѣкъ
321	„	[illegible]	[illegible]	[illegible]
	„	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	„	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	„	[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible]	„		[illegible]	[illegible]

[illegible]

DATE DUE

